

МАСТЕРА НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

Р
О
Б
Е
Р
Т
С

А
Д
А
М

С
Т
Е
К
Л
Я
Н
Н
Ы
Й

Д
Ж
Е
К

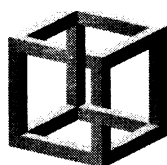

А
Д
А
М

Р
О
Б
Е
Р
Т
С

С
Т
Е
К
Л
Я
Н
Н
Ы
Й
Д
Ж
Е
К

МАСТЕРА НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

А Д А М
Р О Б Е Р Т С
СТЕКЛЯННЫЙ ДЖЕК

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)
Р58

Серия «Мастера научной фантастики»

Adam Roberts
Jack Glass
A Golden Age Story

First published by Gollancz, London.
Печатается с разрешения издательства The Orion
Publishing Group

В оформлении обложки использована
иллюстрация *Дарьи Кузнецовой*

Перевод с английского: *Наталья Осояну*
Стихи в переводе *Николая Караева*

Дизайн обложки: *Марина Акинина*

Copyright © Adam Roberts 2012
All rights reserved.
© Наталья Осояну, перевод, 2014
© Дарья Кузнецова, иллюстрация, 2015
© Николай Караев, перевод стихов, 2014
© ООО «Издательство АСТ», 2018

Посвящается Меррил Уинн Робертс

Повествование, которое я намереваюсь сей же час продокторватсонить для твоего же блага, о читатель, посвящено величайшей загадке нашего времени. Конечно, я имею в виду так называемое «открытие» Мак-Оли, который якобы обнаружил способ перемещаться быстрее скорости света, а также волну убийств, предательств и насилия, последовавшую за этим открытием. Ведь это же, как ни крути, БСС! Всем известно, что его не существует, каждый из нас осведомлен о том, что оно противоречит законам физики. Но всё-таки! И, опять же, сие повествование посвящено величайшему из людей, с кем мне довелось встречаться,— знаменитому, пусть даже в печальном контексте, Стеклянному Джеку. Единственному и неповторимому Стеклянному Джеку: детективу, наставнику, защитнику и убийце; личности, наделённой необычайными способностями к интерпретации фактов, касающихся убийств, именно в силу тесного знакомства с убийствами как таковыми. Увы, читатель, но на страницах этой книги прольётся кровь, умрёт порядочное количество людей, и ещё не обошлось без политики. Будут опасности, способные испугать. Мне пришлось избрать для повествования сообразную детективную форму; или, если соблюдать

точность (а это обязательное условие), рассказать три взаимосвязанные детективные истории.

Но мы будем с тобой, читатель, играть честно с самого начала, иначе какой из меня Ватсон? И потому позволю всё объяснить сейчас, ещё до того, как мы приступим.

Одна из детективных историй происходит в тюрьме. Другая — обычный поиск убийцы. И ещё одна представляет собой загадку запертой комнаты. Не могу обещать, что изложу их именно в таком порядке, но ты легко разберёшься, что к чему, и развесишь соответствующие ярлыки. Если только тебе не покажется, что каждая из них одновременно является всеми тремя, и в этом случае я вряд ли смогу тебе помочь.

Преступник везде один и тот же — ну разумеется, Стекланный Джек собственной персоной. Разве могло быть иначе? Разве когда-либо существовал более известный убийца?

Так, надеюсь, будет справедливо?

Твоя задача — прочитать эти записки, разгадать загадки и найти преступника. Хотя тебе уже известно, в чём суть, разгадка станет сюрпризом. Если в каждом из трёх случаев итог окажется менее чем впечатляющим, значит, у меня ничего не вышло.

А я не люблю проигрывать.

Часть I

В ЯЩИКЕ

— Эй, Лиз! Что в ящике?

— Голосок моих сомнений.

*Лиз Фэр. Дым*¹

Тюремный корабль назывался «Маринатор». С кулинарией его ровным счётом ничего не связывало.

Это была его шестая остановка, и, как уже происходило пять раз, всё началось с разгрузки снаряжения. Последняя семерка заключенных ждала своей очереди в трюме. Стоило кому-нибудь кашлянуть или стукнуть пяткой по пластметаллической стене, тут же раздавалось эхо. И всё-таки с трудом верилось, что перед вылетом с 8 Флоры² в отсек запихнули больше сорока человек. Для такого количества он явно был маловат.

Что-то загрохотало. Корабль содрогнулся.

— Этот стук,— сказал Гордий,— означает, что выгрузили синтез-ячейку. Я слышал, её можно закор-

¹ *Фэр, Лиз* (наст. имя Элизабет Кларк Фэр), — американская рок-певица. — *Здесь и далее примеч. пер.*

² *8 Флора* (8 Flora) — астероид главного астероидного пояса. Открыт 18 октября 1847 г. английским астрономом Джоном Хиндом в Лондоне, Великобритания. Назван в честь древнеримской богини цветов и весны Флоры.

тить и взорвать весь астероид в самом буквальнойшем из буквальных смыслов, то бишь превратить его в пыль, которая быстро рассеется в...

— Заткнись,— сказал Луон.

Но Гордий не мог заткнуться. Он видел, как других заключённых бесцеремонным образом выгружали, помещая каждую партию в отдельную тюрьму. Понимая, что теперь подошла и его очередь, он всё больше терял контроль над собой.

— Вы хоть знаете, что такое космос? Это крепостной ров, через который никак не переберешься. На миллионы миль вокруг простирается пустота. Мы никогда не вернёмся домой. Одиннадцать лет? Нам столько не продержаться. А если на нашу долю и выпадет столь счастливый жребий, мы к тому моменту уже сойдём с ума и не захотим отсюда улетать.

Луон повторил просьбу несколько выразительнее и яростнее, чем в первый раз.

— Вот! — сказал Гордий.

Корабль сбрасывал груз в пещеру: цилиндрический воздушный скруббер¹, световест, маленький пакет со спорами и — самое важное! — три бура, привязанных друг к другу. Инерция движущегося груза и третий закон Ньютона вынуждали пластметаллический корпус «Маринатора» вибрировать и стонать. Бум, бум, бабах. Когда очередной предмет влетал в пещеру, ударялся об стену или застревал где-нибудь в узком месте, снаружи, конечно, не раздавалось ни звука. Но семёрка узников находилась внутри корабля и прислушивалась к происходящему. Они всё это слышали в шестой раз

¹ *Скруббер* — устройство для очистки газовых смесей.

и знали, что должно было случиться потом; справиться с тревогой у них не получалось. Голоса стивидоров звучали где-то рядом, но стены корабля скрадывали смысл слов, сохраняя лишь рычащую ритмичную мелодику.

— Непростой это будет труд,— сказал Гордий.— Рыть, да не просто рыть, а создавать структуру... строить эту штуку изнутри... строить её почти что заново... Но сложнее всего будет жить вместе и не поубивать друг друга.

— Я тебя прямо сейчас прикончу,— сказал Давиде,— если ты не заткнёшься.

Стена, к которой все они были привязаны, отозвалась: гrrrrmmmm! И ещё слышались едва уловимые звуки совсем иного рода.

Приговор гласил, что семерых следовало поместить в пещеру на астероиде под названием Лами 306 — всего-то двести метров в поперечнике был этот мирок, это маленькое королевство. Пещера представляла собой углубление в форме полумесяца в скальной поверхности, след от давнего (ну разумеется) столкновения, которое деформировало и искалечило тело Лами, заставило её поверхность надломиться и пойти складками, в результате чего образовалась вытянутая узкая полость, напоминающая карман,— в ней было полтора десятка метров длины и от силы десять в глубину. Ширина её не превышала одного метра. В эту дыру неопределенной формы «Маринатор» скинул всё необходимое снаряжение, и теперь у него оставалось только два задания. Выдвинулся рукав, подающий пену, и слой клейкого вещества лёг на край расщелины, похожей на большой рот. По мере того как корабль тудил-

ся, края сближались. Герметик в вакууме затвердевал почти мгновенно.

Все семеро знали, что их судьба решена. Заговорил Луон:

— Слушайте меня,— рявкнул он.— У нас будет больше шансов выжить, если мы станем действовать сообща. Не драться, не паниковать — первым делом наладим свет, потом скруббер...

Он не успел договорить. Грузовой отсек содрогнулся, и семь человеческих существ внутри него замерли в ожидании. Семь сердец учащенно забились. Кто-то приготовился, кто-то для такого был слишком возбуждён, но всё случилось независимо от того, были они готовы или нет.

Открылся люк, и перекладина, к которой они были пристёгнуты, отошла от стены. Они улетали друг за другом: Гордий, троекратно превосходивший по весу всех прочих, человек почти сферической формы; Мо, плотно сжавший губы и зажмурившийся; рычащий Давиде; Луон, внешне спокойный; растерянный Марит; Э-дю-Ка, размахивающий кулачищами, будто сражаясь с воздухом; и последний в очереди, слабейший из всех, безногий Жак, с застывшим на лице выражением идиотской безмятежности. Он как будто не понимал, что с ним произошло!

Их потянуло вниз и наружу, протащило задами и лицами по холодным податливым стенкам выгрузного шлюза, а потом выкинуло в вихрящуюся мглу невесомости.

Там было абсолютно темно и очень, очень холодно. Жак предусмотрительно закрыл голову руками, когда его волокло через шлюз, но выбросил их вперёд, как

только почувствовал, что он уже в пещере. Болезненное, неприятное столкновение. Он отскочил от каменной стены, словно мяч, пытаясь погасить собственную скорость. Обнаженная кожа коснулась обнаженного астероида — мистический момент сродни тому, что запечатлен на куполе Сикстинской капеллы¹, ибо к здешнему куполу притронулись впервые с тех пор, как он воплотился из пыли и льда. Ухватиться было не за что, конечно, и, хотя пальцы Жака отчаянно цеплялись за камни, он не смог удержаться на месте. Ему, безногому, приходилось труднее, чем остальным. Воздух в пещере клубился и бурлил, Жака швыряло из стороны в сторону. Его накрыло чувство дезориентации, чудовищной дезориентации; в густой тьме этого места, лишённого света, его уши наполнились белым шумом и болью. Он полетел спиной вперёд, с громким хлопком врезался в какую-то неподатливую жесткую поверхность и понёсся в обратную сторону.

Вот что происходило: «Маринатор» закачал в пещеру достаточно воздуха, чтобы поднять давление до нормального уровня, и теперь запечатывал последнее отверстие в герметичном куполе. Жак был в грузовом отсеке во время шести предыдущих повторений этого сценария и знал, что сейчас испытывает корабль — прикованный к клейкой мембране тем самым рукавом, через который подавался герметик, содрогающийся от потока газов, что изливались сквозь уменьшающуюся дыру прямо в заполненную воздухом полость. Их

¹ Потолок Сикстинской капеллы — известнейший цикл фресок Микеланджело, частью которого является «Сотворение Адама». На этой фреске изображен момент, когда Бог протягивает руку Адаму, передавая ему жизнь.

семёрка, связанная, сидела в том самом грузовом отсеке, заполненном узниками, а «Маринатор» дёргался и подпрыгивал, пока наконец не успокаивался, отцеплялся, не ложился на новый курс и улетал прочь. Они сидели рядом с тридцатью пятью другими, когда это происходило; потом с двадцатью восемью, и с двадцатью одним, и с четырнадцатью, и теперь пришел их черёд. Грузовой трюм «Маринатора» опустел, и, когда утихнут вибрация и дрожь, когда всё будет надёжно запечатано, судно развернётся, чтобы направиться обратно к 8 Флоре.

Ни один космический корабль не пройдёт мимо этого места на протяжении одиннадцати лет.

Когда кто-нибудь наконец-то сюда вернётся, он увидит одно из двух. Либо они будут живы, а работа сделана; либо они будут мертвы, а работа не сделана. Не исключено, что семерым заключенным (или той их части, что выживет) удастся превратить внутреннее пространство астероида в вереницу помещений, пригодных для жизни,— или, быть может, они сделают из него одно большое помещение, а синтез-ячейку пристроят в центре, чтобы она светилась, как солнце; не исключено, что они соорудят подобие пчелиного улья или запутанный лабиринт туннелей.

Если они — кто-то из них — ещё будут живы, гонгси их заберёт. В подобных случаях выжившие униженно рассыпались в благодарностях и спешили забраться на борт тюремного корабля. Очень редко выжившие, привыкнув к астероиду, как к собственному дому, пытались сопротивляться — прятаться от спасательной команды и даже драться. Но в подобной маловероятной ситуации им не разрешали остаться, поскольку астероиды

представляли большую ценность для гонгси в незанятом виде. Высадить уборщиков, вставить окна, передвинуть каменюку на более привлекательную орбиту и продать. Выгодное вложение средств. А заключённые? Освободить, отправить обратно в какую-нибудь дыру, коих много в Системе Улановых.

На волю.

Но сначала надо было выжить. Превратить заполненный воздухом закуток размером с комнату, расположенный под поверхностью заледеневшего астероида, в пространство, где семь человек смогли бы продержаться десять с небольшим лет. Это им предстояло сделать самостоятельно, без внешней помощи или руководства, используя то скудное снаряжение, которое гонгси, озабоченная лишь собственной выгодой, соизволила предоставить. Это была простая и, без сомнения, элегантная (как же любят это словечко в корпорациях) бизнес-модель. Их гонгси была одной из четырёх, занимавшихся подобной деятельностью; её название — именовалась она, так уж вышло, «Даюрен» — не представляло особой важности. Она выиграла конкурс на распоряжение осужденными преступниками, предложив наименьшие затраты из расчета на одного правонарушителя. Такой подход позволял извлекать наибольшую прибыль из ситуации.

Так устроен мир. Так было всегда.

Конечно, семёрка заключённых ни о чём подобном не думала. Для каждого из них границы мира теперь жестко определялись кровотоком в яремных венах. Отчаянное стремление выжить поглотило всё. Оглушительный грохот, резкая пороховая вонь, горсть песка, брошенная в лицо. Жак закашлялся и не смог оста-

новиться. Но царивший вокруг бедлам не помешал ему спросить себя: велико ли это пространство? Невелико. Долго ли здесь протянут семь человек, которым нужен пригодный для дыхания воздух? Недолго.

Чей-то запыхавшийся голос во тьме:

— Свет... быстро... свет или мы все покойники!

Жак снова отскочил от стены, ударился головой и ринулся вперёд. Раскинув руки, он вцепился в выступ скалы и прижался к нему со всей силой, на какую был способен. Замерев, он поначалу мог только моргать — моргать и кашлять. Темнота была непроницаема; камень, к которому прильнуло его тело, казался убийственно холодным.

— Зажгите свет! — заорал кто-то неузнаваемым голосом. — Иначе...

И стал свет. Желто-белая полоса озарила всю узкую камеру дымчатым, тускловатым свечением. У Жака защипало глаза; впрочем, причиной тому могла быть и по-прежнему клубящаяся пыль.

Жак все моргал и моргал. Теперь он мог разглядеть своих товарищей по несчастью — кто-то уже держался на одном месте, кто-то всё ещё продолжал крутиться. Светошест нашел и включил Давиде — он, как сразу заметил Жак, проявил изобретательность, втиснув эту штуковину в угол между двумя стенами и крепко за неё ухватившись, чтобы закрепиться. Пространство, в котором они находились, и в самом деле было небольшим. По клину рябой чёрно-серой скальной породы сверху и снизу, постепенно сужающемуся и оканчивающемуся тупиком. В той части пещеры, что раньше была открыта, виднелся новый красно-коричневый

потолок из пермогерметика, чуть заметно подрагивающий из-за движения воздуха. В голову Жаку пришла в точности та же мысль, что и всем остальным: «Нам предстоит выживать здесь на протяжении одиннадцати лет. У нас есть светостест и кучка снаряжения, которую в любом „Марте“ можно купить за пару сотен кредитов, и со всем этим мы, семеро мужчин, должны как-то протянуть четыре тысячи дней». Это казалось попросту невозможным. Конечно, Жак знал — они все знали, — что у многих заключённых всё получалось, ведь бизнес-модель гонгси всецело зависела от этого, на самом-то деле. Но бизнес-модель гонгси учитывала и процент смертности среди узников, поскольку почти в каждом случае оставленное им снаряжение можно было забрать, и даже в случае гибели заключённых плата за каждого из них, полученная от улановских полицейских чиновников, с лихвой покрывала затраты на перевозку и всякие мелочи. Конечно, если они выживали и делали из астероида годную для продажи собственность, гонгси получала куда большую выгоду. Но у неё не было стимула помогать. Жака интересовал только один вопрос: если они и впрямь выживут, то сохраняют ли рассудок? С другой стороны, этот вопрос казался не очень важным по сравнению с неизбежной смертью.

Впервые в жизни потеряв доступ к своему бИту, Жак не мог получить точные цифры — сколько заключённых погибло, не дожив до конца тюремного срока? А сколько было случаев, когда умирали все семеро? И сколько подобных смертей случилось в первые же часы после того, как их сбрасывали с корабля?

Они все думали об этом. Одиннадцать лет в среде, по враждебности превосходящей все мыслимые пределы,

в полной зависимости от собственных ресурсов, без малейшей надежды на помощь. Тюрьма из камня, отгороженная от остального человечества миллионами миль вакуума по всем направлениям. Одиннадцать лет! Их единственным спасением было выдержать весь одиннадцатилетний срок, молясь, чтобы гоним к его исходу не забыла о своих узниках, была всё ещё в деле и имела достаточный стимул, чтобы прибыть за выдолбленным каменным шаром.

Жак в большей степени боялся не срока, а его завершения. Об этом, конечно, он никому не говорил.

— Ну-ка! Живо! — Давиде кричал, но его рот забился пылью, и слова звучали невнятно. — Найдите скруббер!

Теперь, когда светостеш горел, тем, кого воздушные потоки всё ещё носили туда-сюда, удалось сориентироваться и погасить скорость, цепляясь за стены или направившись в узкий конец пещеры. Через несколько минут продолжали двигаться лишь части снаряжения, сброшенного «Маринатором». Хотя они кружились в облаках пыли и сталкивались со стенами, было нетрудно понять, что есть что: самый большой и увесистый предмет, прыгавший от стены к стене, был синтез-ячейкой; тюк с бурами оказался чуть поменьше размером — в нём было три агрегата, упакованных вместе, — и из-за своей неправильной формы, а также величины застрял в узкости. Но оставшиеся предметы — стволovidный скруббер, пакет со спорами и запечатанная коробка галет (марки «Лембас»¹), такая маленькая, что и девочка

¹ *Лембас* — эльфийские питательные хлебцы, описываемые в произведениях Дж. Р. Р. Толкиена «Властелин колец» и «Сильмариллион».

спрятала бы её под платицем,— продолжали носиться туда-сюда в клаустрофобически тесном пространстве.

Жак вытер лицо рукой, но из-за пыли на ладони чище оно не стало. Слева от него шарообразный Гордий застрял между стенами и принялся размахивать руками, от чего его жирная плоть колыхалась. Было адски холодно.

Справа от себя Жак видел оставшихся пятерых. Марит вскинул руку, когда скруббер пролетал мимо, поймал его и тут же упустил. Но не успел он попытаться ещё раз, как Луон оттолкнулся обеими ногами, перелетел через всю пещеру, раскинув руки, и поймал прибор.

— Эй! — прохрипел Марит.— Я же его почти сцапал!

В самом деле, прыжок Луона повлёк за собой неприятные последствия. Он почти сразу врезался в другую стену и не разбил себе череп лишь благодаря тому, что сумел изогнуть шею под немыслимым углом. Он неуклюже закувыркался. Скруббер понесло в другую сторону, и Луон отчаянно забился, пытаясь уцепиться за что-нибудь. Наконец ему удалось сунуть ногу в какую-то выемку в скале и остановиться. Но он добился своего — получил скруббер.

— Слушайте меня! — крикнул он.— Слушайте меня внимательно! Следующие несколько часов самые опасные. Один неверный шаг, и мы все умрём. Мы не можем себе позволить ссориться.

— Включи этот чёртов скруббер,— сказал оскорблённый Марит.— Хватит проповедей!

— Это не проповедь,— прогудел Э-дю-Ка.— Он хочет быть главным!

Кто-то издал неодобрительный возглас — то ли фыркнул, то ли кашлянул. Луон прокричал сквозь пыльную взвесь:

— Я не говорил, что хочу быть главным.— На самом-то деле он именно это и имел в виду.— Я никому не приказываю. Однако, если мы начнём ссориться, проще сразу сломать скруббер, вот прямо сейчас — задохнёмся за несколько часов, зато избавим себя от нескольких лет агонии.

— Я тебе башку оторву,— прорычал Давиде, но без особой враждебности. У него ведь был светочест.

— Включи скруббер! — сказал Мо.— Включи его, и всё тут.

— Погодите,— сказал Луон, предостерегающе выставив руку.— Мы даже не знаем, что это за модель.

— Какая разница? — сказал Марит, хлопая себя по ногам, чтобы согреться.— Скруббер, он и есть скруббер...

— У нас нет права на ошибку,— сказал Луон, разглядывая громоздкое устройство.— Малейшая оплошность нас прикончит.

Но инструкций на корпусе машины не оказалось, и дольше затягивать этот театр было нельзя.

Поэтому он включил скруббер. Тот не издал ни звука, но пыль возле одного из круглых отверстий начала вращаться, медленно втягиваясь внутрь.

— Почему бы всем не взять по одному предмету? — спросил Гордий.— Тогда каждый будет в доле... правда ведь?

Все взгляды обратились к дальнему концу пещеры. Свет был ярким, от него на скошенные стены ложились странно вытянутые тени, чёрные и резкие.

— Ты чего там бормочешь, жирдяй? — спросил Марит.

— Я всего лишь имел в виду,— сказал Гордий с явственной трусливой дрожью в голосе,— что... ну вот поглядите, нас же семеро. Синтез-ячейка, скруббер, светощест, эти, как их... споры... и эти, ну эти... галеты... получается пять предметов. Если их разделить на равные доли между...

— А, так ты галет захотел, да? — взревел Э-дю-Ка и тут же яростно закашлялся.— Их нам должно хватить, пока не прорастут споры и не появится жратва. Если ты сейчас всё сожрёшь, что мы станем делать?

— Можем съесть его,— сказал Мо, оскалив все тридцать два зуба.— Хватит надолго. А половине человека,— Мо взмахом руки указал на Жака,— еды нужно меньше, чем целому человеку, верно?

— Эй, поймите меня правильно. Мне галеты не нужны,— заупрямился Гордий. Хотя было до безобразия холодно, он вспотел.— Я этого не говорил! Я... ну да, как бы, мне бы хотелось одну галету, ага. Еду надо разделить на равные части, типа того. Так и есть. Но, послушайте, я вообще-то не возражаю, и, наверное, мистер Безногий тоже возражать не будет, если вы разделите все пять предметов между собой. А потом вы могли бы... могли бы...

Луон прервал его суровым, но как будто бы доброжелательным голосом:

— Лучше бы тебе, Мягкотелый, держать своё мнение при себе. У нас слишком много работы, чтобы взять и помереть прямо здесь и сейчас.— Он по очереди окинул взглядом четверых: Давиде, Мо, Марита и Э-дю-Ка.— Я тебя знаю, Эннеми-дю-Конкорд, и ты

знаешь меня. Я знаю, ты не слабак, и у тебя есть сила воли. Наверное, ты то же самое думаешь про меня. Я не собираюсь тобой командовать — ни тобой, ни кем-то из вас.— Скруббер, который он держал в руках, творил дорическую колонну из пыли, что парила у него за плечом.— Я вам вот что скажу,— проговорил он.

— Что? — прогудел Марит, не скрывая сарказма.

— Я скажу, что, когда мы тут со всем разберёмся, когда у нас будет воздух, вода и еда, когда всё это будет, нам надо бы выкопать семь отдельных комнат, и каждому взять по одной. Тогда мы не будем сидеть друг у друга на голове. И сможем просто ждать, пока хватит сил. Но до тех пор...

Давиде, по всей видимости, отличался практичностью.

— Если разломать световое на семь частей,— сказал он,— то, по-моему, света не хватит даже для того, чтобы вырастить споры.

— Они будут расти,— сказал Марит.— Но медленно... медленно... и их будет мало. Ты прав, лучше сохранить шесть целым. Или, может, сломать пополам.

— У нас ещё будет время, чтобы всё обсудить,— сказал Луон.— Но не сейчас! Сейчас у нас имеются куда более важные заботы!

Жак окинул взглядом помещение. Много времени на это не ушло.

— Мы могли бы сделать окно,— сказал он.

Остальные впервые услышали, как он разговаривает, потому что на протяжении всего полёта он хранил умиротворённое молчание. Все повернулись на звук его голоса.

— Ты... ты что сейчас предложил, Бегунок?

— Мы могли бы сделать окно,— повторил Жак.— Чтобы видеть солнечный свет. Я знаю, от нас до солнца очень далеко, но всё-таки в какой-то степени...

Мо рассмеялся — это был отрывистый, лающий, агрессивный звук, который почти тотчас же превратился в кашель. Луон сказал пренебрежительно:

— Ну да, Половинка. Вот ты этим и займёшься. Наколдуешь нам окно иставишь его в скалу.

Жак почему-то упорствовал:

— В этой породе должны быть силикаты. Не так уж сложно перебросить провод от синтез-ячейки, растопить...

— Вот кстати! — прогудел Э-дю-Ка.— Я замёрз, как в могиле.

Он неуклюже, с трудом пополз по стене к тому месту, где застряла синтез-ячейка. Луон пристально следил за ним, но не пытался остановить. У него, в конце концов, по-прежнему был скруббер.

Большие руки Э-дю-Ка схватили синтез-ячейку, перевернули массивный предмет с лёгкостью, возможной только в невесомости, и набрали комбинацию для обогрева. Как только он это сделал, остальные начали потихоньку подбираться ближе. Воздух был жутко, жутко холодным, и, хотя от синтез-ячейки исходило только слабое тепло, это было лучше, чем ничего.

Луон не последовал за всеми.

— Не расслабляйтесь там! — крикнул он.— Надо найти воду, а потом будем нежиться, как коты на пластинах теплосброса. Надо найти лёд, если мы не хотим помереть через день-другой.

Четыре альфа-самца проигнорировали его. Гордый, всхлипывая, пытался высвободить своё массивное

тело из ловушки между стенами. Жак, перебирая руками, приблизился к толстяку.

— Ну ты и застрял,— заметил он, уцепившись обрубками бёдер за каменный выступ и протягивая руку.

— Я носился туда-сюда в темноте,— сказал Гордий, ворочаясь,— а потом — бабах. Меня сюда забросило, как... как... уфф!

Он высвободился и поплыл прочь.

Они собрали своё скудное имущество и засунули в щель в скале, чтобы ничего не плавало в воздухе. Давиде пристроил светостест под углом, от стены к стене, примерно посередине помещения. Потом они принялись распаковывать три бура, предоставленных им в распоряжение. Скруббер очищал воздух, но без воды им долго не протянуть. Это означало, что придётся сверлить камень до тех пор, пока кто-нибудь не обнаружит ледяную жилу.

— А если мы ничего не найдём? — спросил Гордий. Он знал ответ на вопрос, как и все они, но не удержался и спросил вслух.

— Мы умрём,— сказал Жак.

— Что, если мы найдём немного, и этого не хватит на одиннадцать лет? — не унимался Гордий.— Что, если в этом астероиде и нет того количества льда, которое нужно семерым мужчинам, чтобы прожить одиннадцать лет? Что тогда?

Отвечать ему не было никакого смысла.

Э-дю-Ка высвободил первый бур и погрузился в изучение его устройства.

— Кто-нибудь из вас работал в шахте? — спросил он.

Скруббер очистил воздух от большей части пыли, и в пещере появилось воздушное течение, оно шло по направлению к скрубберу вдоль одной стены и в сторону от него — вдоль другой. Жак обнаружил, что больше не кашляет, и во рту у него достаточно слюны, чтобы сплюнуть остатки песка.

— Я как-то встречался с одной шахтёркой с Луны, — сказал Мо. — Крутая была, что боевой бот.

— Она делилась с тобой премудростями своего ремесла? — поинтересовался Э-дю-Ка.

— Нет.

— Тогда захлопни пасть, идиот, — рывкнул Э-дю-Ка.

Мо уставился на него. Заговорил Луон, пытаясь погасить враждебность:

— Когда мы отбудем срок, — объявил он, — каждый из нас превратится в эксперта-горняка. — Он взял второй бур и принялся его осматривать. — Есть несколько проблем, которые надо решить, — сообщил он. Несмотря на тепло, источаемое синтез-ячейкой, вокруг было невероятно холодно. Дыхание Луона срывалось с губ облачком пара каждый раз, когда он говорил. — И с этим ничего не поделаешь. Если мы будем с каждой из них разбираться по очереди и работать вместе, то всё получится. Надо лишь решить несколько проблем — и, в конечном счёте, всё упирается в желание выжить.

«В желание, — думает Жак, — а также в завещание».

— Вообще-то я не спец, — сказал Э-дю-Ка, — но это выглядит старьём. Не меньше десяти лет. И ими пользовались. Это точно.

— Да что ты говоришь, — сказал Давиде голосом, в котором не было и намёка на удивление.

— Одиннадцать лет,— невпопад проговорил Гордий.

— Тут должен быть шланг,— сказал Марит.— Шлангес. Айн шланге. Я...— Он принялся рыться в снаряжении.— Это? — «Этим» был свитый в кольцо чёрный кабель толщиной примерно с мужское запястье. Шлангов было три, по одному на каждую машину.

Они размотали один и нашли рабочий конец — клинообразную штуковину, по форме напоминавшую ручку-перо.

— Запустим все три штуки,— сказал Луон.— Э-дю-Ка и Давиде пойдут первыми. Будем бурить, пока не обнаружим лёд.

Давиде, державший третий бур, отвлёкся от панели управления и повернулся к Луону.

— Мне слышалось,— сказал он,— что ты начал отдавать приказы.

Тон, которым он это произнёс, как и слова сами по себе, погрузили пещеру в ледяное молчание. Все смотрели на Луона.

— Если ты этого не хочешь, Давиде,— сказал Луон спокойным, ровным голосом,— то ничего страшного. Но если мы не найдём воду, то умрём.

— Я всё сделаю! — воскликнул Гордий и протянул руку за буром Давиде.

Давиде ничего не сказал, размотал шланг и прикрутил открытый конец к отверстию в задней части устройства.

Э-дю-Ка уже соединил шланг со своим буром.

— Отработанная порода, значит,— сказал он.— Куда её — через скалу? Или через эту дрянь, которой они запечатали вход?

Марит, паривший под потолком, потянулся и кулаком постучал по герметику. Потом снова обнял руками колени и сжался. Жак, находившийся по другую сторону разлома, видел, как сильно он дрожал. В невесомости слабые сокращения мышц заставляли Марита всё время дёргаться, как будто он был взбудораженной частицей броуновского движения.

— Что касается печати,— сказал Э-дю-Ка,— то мы хоть знаем, что она не слишком толстая.

Он оттолкнулся обеими ногами, прихватив с собой бур. Долетев до потолка, прижал острый конец шланга к герметику и включил устройство. Жак ожидал... он и сам не знал, чего: жужжания, свечения, чего-то. Но конец просто углубился в субстанцию. Утянул за собой где-то метр шланга. Потом остановился.

— Я попробую через скалу,— сказал Луон и, вскарабкавшись по другой стене пещеры, прижал шланг к камню. На этот раз шума было больше — как будто включилась кофемолка. Рабочий конец медленно погрузился в скалу, а вслед за ним исчез метр шланга, потом два, потом три. И тоже остановился.

Давиде выбрал третье место на скале, и его машина утащила за собой меньше двух метров шланга. Трое мужчин переместили свои машины к разным частям стены пещеры и приложили буры к камню.

— Мы не можем как-то... забыл слово...— сказал Марит, явно расстроенный тем, что ему не достался один из буров.— Разведать?

— Разведать? — повторил Луон.

— Вы собираетесь просто бурить? Это же всё бесполезно. А если в том направлении, в котором вы будете рыть, льда не окажется?

— Тогда,— сказал Луон,— мы выберем другое направление. Мы будем бурить, пока не найдём то, что ищем.

И он включил свою машину.

Звук был не очень громким, но раздражающим, и от него негде было спрятаться. Луон, Э-дю-Ка и Давиде крушили скалу широкими взмахами и круговыми движениями. Первые двое держались на месте, зацепившись ногами за противоположную стену, а Давиде упёрся пятками в край потолка. Но дело продвигалось медленно, и оставшиеся четверо узников могли только наблюдать.

Синтез-ячейка отдавала тепло по крупицам, и, хотя сам воздух от этого не нагревался, Мо, Марит и Жак пристроились рядом, а Гордий постарался подобраться настолько близко, насколько позволяли его внушительные размеры.

— Почему синтез-ячейка работает еле-еле? — заинтересовался Мо.— У неё хватит энергии, чтобы взорвать весь астероид в пыль. Ну если высвободить всё разом. Почему же у неё такой низкий температурный максимум?

— Сам-то ты как думаешь? — проворчал Марит.— Они садисты. Мелкие бюрократишки-садисты.

— Я думаю,— встрял Жак, сделав ударение на первом слове и продолжив монотонным голосом: — Что существует более рациональное объяснение. Сейчас холодно, и ещё какое-то время будет так же. Но придёт время, когда нашей самой большой проблемой станет сброс лишнего тепла.

— Хлебало захлопни, Бегунок,— сказал Марит. Жак отвернулся, пряча улыбку.

«Ррр, ррр, ррр»,— пели буры.

— Я пить хочу,— вдруг сказал Гордий.— Неужели гонгси лопнула бы, оставив нам пару сотен литров чистой воды? Ну вот неужели? Разве это так уж сильно увеличило бы их драгоценную смету?

Он всё продолжал болтать. Он был из тех людей, подумал Жак, которым сложно наедине с самим собой.

Тёмно-серые стены сходились перевернутой буквой «V». Воздух был переполнен частицами пыли и кусочками камня. Запах кордита тревожил ноздри Жака. До чего же ужасная вонь!

— Это бы лишь отдалило неизбежное,— сказал Жак.— Вряд ли они сумели бы обеспечить нас водой на все одиннадцать лет. Нам всё равно пришлось бы добывать её самим. Лучше уж начать сейчас.

— Но...— начал Гордий, прижимая кулаки к своему внушительному животу, и замолчал.

— Ты как будто их защищаешь,— заметил Мо.— Не очень-то умно с твоей стороны.

— Я повторю ещё раз, Бегунок,— проговорил Марит.— И больше никаких предупреждений. Захлопни хлебало.

Жак взглянул на него, хитро прищурившись. Но больше ничего не сказал.

— Одиннадцать лет,— сказал Гордий.— Мы и года не протянем. Мы умрём от жажды через неделю. В этих камнях нет льда. Должен быть какой-то закон. Пускай Lex Ulanova обязывает гонгси следить за своими тюремными астероидами, чтобы...— Он затих.

Воцарилось унылое молчание. Жак следил за тремя бурильщиками. Давиде был самым агрессивным, он всё время напрягал мышцы, отчаянно вдавливая бур в породу. Жак спросил себя, имело ли это хоть какой-то смысл: машина, скорее всего, могла переработать определенное количество материи, вне зависимости от того, давили ею на скалу или просто прикладывали к скале. Но Давиде был нетерпелив. Всё в нём свидетельствовало именно об этом. Ему придётся совладать со своим нетерпением, подумал Жак, или долго он тут не протянет. Луон работал методичнее, передвигая бур по неширокой дуге, медленно вырезая круг диаметром в метр. Э-дю-Ка театрально размахивал своей машиной туда-сюда, выпиливая полку. Нужна была немалая мышечная сила, чтобы перемещать бур — невесомый, но всё-таки массивный — наподобие челнока. Интересно, подумал Жак, когда же он вымотается? Время от времени Э-дю-Ка и Луон останавливались, осматривая плоды своего труда и проверяя машины. Давиде не останавливался.

Время шло. Они не могли его измерить — ни у кого из них больше не работали БИты. Жак позволил себе неторопливо погрузиться в воспоминания о школьных днях. Как же предки справлялись с этой задачей, как они измеряли течение времени? (Он чуть было не задумался о том, как это делали пещерные жители. Но подобная мысль, с учётом обстоятельств, была бы злой шуткой.) Водяные часы. Маятник. И то и другое зависело от гравитации. Какие часы работали бы в среде, лишенной тяготения? Солнечные. Но солнечного света здесь тоже не было.

Это не имело значения. Время не имело значения. Только стремление выжить.

Давиде потел, несмотря на яростный холод.

Жак следил за тем, как частички пыли медленно-медленно скользят по красивым, соразмерным траекториям, плавно опускаясь к заборному отверстию скруббера. Гордий заметил, куда он смотрит, и сказал:

— Я знаю, о чём ты думаешь.

— Правда?

— Ты думаешь — что, если в скруббере испортится элемент питания? — Жак вообще-то об этом не думал, но возражать не стал. — Ну вот, — продолжил Гордий. — Я тоже размышлял на эту тему. Без скруббера мы все очень быстро задохнёмся. Но, видишь ли, если такое случится, мы можем подключить его к синтез-ячейке. — Он изрёк это с умным видом, как будто от сказанного был толк. Жак вернулся к созерцанию узоров из парящей пыли.

Время шло. В какой-то момент Давиде прекратил бурить.

— Пусть кто-то другой поработает, — прохрипел он. — Мне надо отдохнуть.

— Ты переусердствовал с машиной, — заметил Луон под аккомпанемент своего бура. — Надо бы как-то полегче.

— Два с половиной часа в день, — огрызнулся Давиде. — Минимум — минимум. Не сдюжишь — мышц у тебя не останется. Будешь как наш Бегунок. — Он кивком указал на Жака. Потом оттолкнулся и медленно перелетел туда, где были спрятаны галеты.

Луон достаточно быстро заметил, что он собирается делать, и выключил бур.

— Погоди!

— Или я возьму галету,— объявил Давиде,— или кусок твоего мяса с кровью, Луон.

— Мы будем есть одновременно и одинаковое количество,— решительно сказал Луон.— Только так мы избежим разлада. Если начнём драться между собой, то перережем друг другу глотки. И вообще, галет надолго не хватит. Надо приберечь их до тех пор, пока мы по-настоящему не проголодаемся.

— Я по-настоящему проголодался,— зарычал Давиде.— Ты разве не видел, сколько я тут поработал?

Жак следил за выражением лица Луона, который оценивал ситуацию — мог ли его противник-громила отступить или нет. Луон явно решил, что последнее ближе к истине.

— Тогда мы возьмём по одному лембасу. Каждый из нас — по одному.

Давиде заворчал, но не стал возражать. Э-дю-Ка тоже выключил свой бур, и все семеро собрались вокруг еды. Давиде взял на себя раздачу галет, по одной каждому.

— Нашему Бегунку целая не нужна,— сказал он. Марит рассмеялся.

— Мне хватит и половины,— спокойно сказал Жак. Но Луон встрял:

— Дай ему целую, как и остальным, Давиде.

Галетами никто не насытился. Без воды эта пища была слишком сухой, не для их пересохших ртов. Жак съел несколько кусочков и положил остаток обратно. Давиде направился к дальней стороне пещеры, повернулся лицом к стене, втиснулся в углубление и уснул. Или не уснул — он сильно дрожал, и было сложно поверить, что ему удалось расслабиться. Но он изобразил

сон и желание побыть в одиночестве, поэтому его никто не трогал.

— Ну давайте,— сказал Луон.— Нам нужна вода.

Гордий опять вызвался помочь, но Марит взял верх и забрал себе освободившуюся машину. Дррн, дррн, дррн.

Они трудились долго. Из-за относительно высокого давления воздух в пещере был сухим, и этот факт в сочетании с пылью заставлял всех испытывать ужасную жажду.

— Неужели они не могли оставить нам хотя бы бо-
ченок воды? — простонал Давиде.

— По-моему, скруббер выделяет немного воды,—
сказал Жак.— В результате реакции из CO_2 выделяется
углерод, и...

— Замолкни,— прорычал Марит,— пока я тебе язык
не выдрал.

Жак улыбнулся и больше ничего не сказал.

Холод стоял невыразимый, холод был страшнее, чем кому-то из них доводилось испытывать. Давиде сердитым тоном, словно не веря в собственные слова, всё время повторял, что человек и подобный холод попросту несовместимы. На всех была та же самая одежда, что и во время ареста — рубахи, штаны, сандалии. Ни одна из этих вещей не спасала от холода. Их дыхание превращалось в большие облака эктоплазмы, их веки слипались, примерзая друг к другу. Труд немного помогал, и кое-кто начал подражать Давиде с его гимнастикой, яростно терзая стены. Потом они с сердитым видом жались друг к другу, чтобы получить хоть немного тепла.

Холод был невыносим, но жажда оказалась ещё хуже. От сухого воздуха и усиленного сверления стен у них пересохло во рту; языки ороговели, слизистая воспалилась и покрылась коркой пыли. Мышцы гудели от работы и постоянной дрожи. Все семеро, не переставая, бранились, и иной раз случались вспышки ярости, но ни у кого не хватало сил, чтобы перейти к действиям. Камень исправно крошился под бурами. Они то и дело останавливались, чтобы проверить, нет ли льда. Но там был только камень и ничего, кроме камня.

— Несколько дней,— сказал Луон.— Без воды нам больше не протянуть. Может, нас и на это не хватит, учитывая, как тут холодно.

Но Жак был прав: одним из побочных эффектов очистки воздуха от CO_2 оказалось небольшое количество воды, которое собиралась в выступе на боку цилиндрического скруббера. Его вряд ли хватило бы на то, чтобы увлажнить один язык, не говоря уже о семерых ртах, иссушенных постоянной работой. И поэтому оно только разогрело склоки между семерыми до опасного уровня.

Луон объявил, что пить они будут по очереди, и, хотя Марит громко усомнился в его праве принимать такие решения, все согласилось. Другого выхода не было. Давиде был первым, за ним — Луон. Но требовалось несколько часов для того, чтобы в углублении снова собралась вода, и каждый раз, когда у кого-то появлялась возможность промочить горло, настроение остальных делалось всё более мрачным.

Перелом случился раньше, чем Жак рассчитывал. Эннеми-дю-Конкорд отбросил бур и полетел к скрубберу. Когда он наклонился к углублению, Марит сказал:

— Я следующий. Жди своей очереди — после меня. Не удостоив его даже взглядом, Э-дю-Ка прорычал:

— Попытайся меня остановить, и я тебе челюсть вырву.

Э-дю-Ка взял большой невесомый скруббер обеими руками и поднял, чтобы приложиться ртом к углублению. В этот момент Марит ударил. Он бросился от противоположной стены ногами вперед и врезался прямо в Э-дю-Ка. Двое мужчин, кувыркаясь, полетели в одну сторону, скруббер — в другую. Но было слишком тесно, чтобы драться по-настоящему.

Э-дю-Ка громко стукнулся спиной о стену. Марит начал лупить его по рёбрам и животу, как боксёр в ближнем бою. Жак видел, что в правой руке у него зажат камень.

Но Луон отреагировал впечатляюще быстро. Он почти сразу оказался у Марита на спине, призывая Давиде на помощь, и через несколько секунд они оттащили драчуна в сторону. В процессе Давиде получил по голове кулаком и камнем, от чего его настроение ничуть не улучшилось. Потом Э-дю-Ка подлетел ближе, и трое мужчин начали колотить Марита.

Поучительное избиение длилось недолго. Вскоре Марит оказался в гордом одиночестве посреди пещеры — он свернулся в комок, кашляя и дрожа. Он был словно веретено, за которым тянулась нить из красных капель. Та начиналась у его рта. Э-дю-Ка слизнул оставшуюся воду с углубления на поверхности скруббера, и, наблюдая за ним, Жак почувствовал невыносимую сухость в собственном рту.

Они продолжили бурить. Марит некоторое время хандрил, забившись в угол, но, когда Луон легонько

его стукнул и предложил поработать, он не стал возражать.

Они бурили, изнывая от жажды и холода, на протяжении многих часов.

— Я ещё никогда не чувствовал себя таким уставшим,— сообщил Мо всем остальным, завершив очередную смену, и, обхватив себя руками, прижался к стенке синтез-ячейки.— Я не смогу уснуть. Вот попросту не смогу.

Но он тотчас же впал в бессознательное состояние, и Луон отодвинул его в сторону.

Гордий сказал:

— Мы умрём.

— Если у меня не перестанет болеть голова, я вскрою себе череп буром,— проворчал Э-дю-Ка.

Они могли только продолжать. Всё вокруг сделалось похожим на бред. Тёмно-серые стены. Светошест, наполнявший пространство бесконечной чередой прямых и резких теней, рассекавших парившую в воздухе пыль и каменную крошку. В какой-то момент Жаку показалось, что стены покрылись каплями конденсата, и он прижался лицом к камню, но почувствовал лишь ледяную сухость и горькую пыль. Его глотка начала забиваться пеплом. Ткань пространства-времени беспокойно заволновалась. Ящик закрыли недостаточно плотно. Из него раздавался голос. Жак слушал этот голос или не слушал, ему было всё равно. Ничто уже не имело значения. От смерти его отделяли часы. Как и всех остальных.

Сверление продолжалось. Жак чувствовал его отзвуки в собственных зубах. Там были заточёны микроскопические человечки, и они хотели выбраться на

свободу, орудуя миниатюрными бурами. Его нервы пели.

Его очередь. Он прижал бур к скале, и тот пошел вперёд с болезненной медлительностью.

Их губы сделались того же цвета, что и стены.

— Погодите,— крикнул Луон.— Погодите.

Он указывал на что-то перед своим буром, и кожа у него на шее подрагивала от микроспазмов. Жак подумал: если наклониться и включить машину, бур сожрёт его кисть и всю руку, и он умрёт. Он, конечно, справился с этим побуждением. У него кружилась голова, его тошнило, с ним происходило что-то странное. Его тянуло на колкости и глупости. Он заболел. Он весь высох, высох, высох.

Луон что-то держал перед собой. Оно походило на кусок угля.

— Лёд,— сказал он.

Луон напоролся на жилу: тело какой-то кометы, захваченное этим куском камня миллиарды лет назад, притянутое гравитацией или случайно угодившее прямо в цель. Древняя вода, старше того земного океана, над водами которого носился Дух в Книге Бытия. Заледеневший апофеоз начала начал.

Они наскребли льда из стены, чтобы хватило на всех. Обсасывать его было больно, вкус забивала пороховидная пыль, с которой он был смешан, но — если перенести холод и справиться с дрожью — это была вода, и она потекла в их желудки. С водой пришло осознание неимоверного голода, и все семеро набросились на галеты. Жак решил, что лучше будет раскро-

шить свою долю, смешать со льдом, добытым из камня, и всё разом проглотить.

Они ели и пили. Они беспрерывно тряслись. Никто не бурил уже несколько часов. Вместо этого они прижимались к синтез-ячейке, или дремали, или просто парили на одном месте. Они слишком устали, чтобы радоваться.

Вскоре Луон растормошил их.

— Галеты вот-вот закончатся,— сказал он, тщательно проговаривая слова дрожащими губами.— Раз у нас теперь есть лёд, надо заняться спорами, потому что в одночасье они не прорастут.

Они медленно собрали лёд и попытались расположить его возле светошеста. В невесомости это оказалось непросто, и через некоторое время Давиде предложил выдолбить в скале канаву и забить её льдом.

На это ушло несколько часов, и оказалось, что льда у них недостаточно, поэтому Луону пришлось вновь взяться за бур, чтобы расширить жилу. Наконец им удалось заполнить канаву кусками льда. Пальцы у всех сделались багровыми от холода. Э-дю-Ка открыл первый из трёх пакетов со спорами, что им выдали, и размазал клейкое содержимое по льду.

— Теперь ждём,— сказал он, пряча руки под мышки в надежде снова их согреть.

— Нет,— сказал Луон.— Теперь работаем.

Дней и ночей не было. Светошест горел неустанно. Э-дю-Ка начал делать засечки на потолке — царапать стены смысла нет, заметил он, потому что они годами будут разрушать всё то, что их сейчас окружает. Он

отмечал течение времени собственными периодами сна, рассудив, что от пробуждения до пробуждения проходил примерно один земной день. Жак подозревал, что Э-дю-Ка был из тех, кто спал понемногу, хоть десять раз за двое суток, легко пробуждаясь от малейшей тревоги. Но он ничего не сказал. Это едва ли имело значение. Долго спать никто из них не мог, потому что было слишком холодно. Измученные, они погружались в дрему и вскоре просыпались, охваченные спазматической дрожью.

Э-дю-Ка очень быстро перестал вести отсчёт.

Галеты закончились, но ганк ещё не зацвёл, не превратился из чёрного в зелёный. Давиде пытался есть чёрную жижу, но его вырвало.

— Не похоже на икру, да? — саркастически поинтересовался Луон. — Терпение, парни! Нам нужна зелёная хрень, зелёная — это ганк, в котором есть все нужные питательные вещества. Осталось немного!

Они продолжали голодать. Теперь, по крайней мере, была вода; лёд из жилы, которую они раскопали, дополнял капли, собиравшиеся в углублении на скруббере.

Давиде забросил свои упражнения. У него попросту не хватало сил.

Они всё время дрожали от холода. Они держали синтез-ячейку на максимуме, но этот максимум был намеренно ограничен гонгси, и, хотя устройство испускало слабое тепло, окружавший их камень был настолько холодным, что не позволял воздуху прогреться.

— Наш воздушный карман останется холодным до тех пор, пока мы не согреем всю эту гребаную скалу, — проворчал Мо.

Гордий принялся объяснять, что, поскольку у камня низкая теплопроводность, им не надо прогревать весь астероид — только ту его часть, что непосредственно окружает их,— она тем самым превратится в своеобразную защиту от холода. Но на него начали орать, а Марит с силой и точностью бейсбольного питчера запустил осколком камня ему прямо в голову. Снаряд оставил на лбу Гордия отметину в форме <>. Брызнула кровь. Это разозлило Жака.

— Что вы творите! — закричал он. — Эй!

Остальные никогда раньше не видели, чтобы безногий сердился, и это показалось им невероятно забавным. Гордий побелел и смолк. Жак занялся раной толстяка и промокал её подолом своей рубахи до тех пор, пока кровотечение не остановилось.

— Кажется, ты расстроился больше, чем он сам, Бегунок,— насмешливо заметил Марит.— Влюбился в пухлячка, что ли?

— Он объяснял, что происходит с теплом в этом пространстве,— ответил Жак.— Не стоило из-за этого ранить его.

Они ещё какое-то время смеялись, а потом перестали.

Они так и не поняли, в чём проблема, думал Жак. Синтез-ячейка медленно, но верно согревала ту часть заледеневшей скалы, что соприкасалась с воздухом. Но каждый день они срезали со стен именно этот согретый камень и измельчённым выбрасывали в космос. Они, мыслилось ему, невольно содействовали тому, что вокруг по-прежнему было весьма прохладно. Но с этим ничего нельзя было поделать — только перетерпеть.

Они голодали уже несколько дней. Раздражительность нарастала. Но потом одна из ганковых грядок наконец-то позеленела.

Первая трапеза была особенной. За едой они даже ощутили некое подобие товарищеского духа. Первый урожай ганка оказался достаточным, чтобы насытить каждого, а вкус у него был... разумеется, он был вкусным, потому что они снова отодвинули голодную смерть на порядочное расстояние. Желудки, слипшиеся от голода, наполнились; потом они просто парили в воздухе или держались у стен, обхватив себя руками в тщетной попытке согреться. Время от времени кто-нибудь подплывал к скрубберу, чтобы собрать несколько капель прозрачной воды.

— Мы можем как-то изменить споры? — спросил Давиде через некоторое время. — Отладить их? Сделать так, чтобы они производили спирт?

Никто не ответил, и Гордий, робко глядя то на одного, то на другого, словно в ожидании немедленного нагоняя, сказал:

— Теоретически это возможно. Но держу пари, что штамм, который они нам дали, на генетическом уровне заблокирован от подобных усовершенствований.

— Это на них похоже, — спокойно согласился Э-дю-Ка. — Дело даже не в затратах. Какая им разница, что мы тут делаем? Проведи мы эти одиннадцать лет вечно пьяными или вечно — против собственной воли — трезвыми, им-то всё равно. Они решили, что будет второе, потому что пожелали обойтись с нами жестоко. Вот и все дела.

— «Жестоко» — неправильное слово, по-моему, — заметил Жак. — Они бизнесмены — не садисты.

Марит в ответ рассмеялся, будто спрашивая — а ты видишь разницу? Э-дю-Ка проворчал:

— Ну приехали, опять ты их защищаешь.

Но Жак продолжил:

— В происходящем нет ничего случайного, каждая деталь имеет смысл. Они делали это с тысячами заключенных. Наверное, с десятками тысяч. Они занимаются этим уже много десятилетий. Они мастера своего дела. Только так они могут добиться максимальной производительности от... нас. Только так они могут быть уверены, что астероид подвергнется самой тщательной обработке и будет надлежащим образом подготовлен.

— Мы вкладываем свой труд. Потом являются они и всё забирают, прикарманивают наши денежки. Волей-неволей хочется раздолбать всю эту каменюку,— сказал Мо.— Просто чтобы их позлить.

— Жак прав,— сказал Гордий, воодушевленный тем, что начатая им беседа имела успех (тот измерялся, конечно, отсутствием физического насилия).— Если мы испортим астероид, то только сделаем себе хуже, потому что нам тут жить. Мы ничего не можем предпринять. Они красиво загнали нас в угол.

— И всё-таки,— сказал Мо, потягиваясь, с нарастающим интересом,— должен же быть какой-то способ, чтобы... ну вот, к примеру, можно перед самым окончанием срока просверлить тут несколько туннелей, которые сделают астероид хрупким. Нам они вреда не причинят, а вот гонгси уже не сможет его продать.— Когда никто не ответил, он прибавил: — Наделать множество шахт под самой поверхностью или...— Тут он рассмеялся и сказал: — Не выйдет! Мы ничего-

шеньки не можем. Мы у них на коротком поводке, и сорваться с него не получится! Хоть и ублюдки, но какие же умные, а!

— Мне не нравится, что мы ничего не можем сделать,— мрачно проговорил Давиде.

— Да ладно тебе...— сказал Мо. Он был достаточно близко к Давиде, чтобы протянуть руку и ткнуть его в бок.— Не упрямясь! Только сам себя раздербанишь. Одиннадцать лет — это не так уж долго. У нас есть еда и буры, чтобы не скучать. Сам не заметишь, как все мы будем на свободе.

Но Давиде покачал головой.

— Хочешь превратиться в дрона — валяй. Я отказываюсь признавать себя побеждённым. Из этой клетки должен быть выход.

— Например? — спросил Луон.

Все посмотрели на Давиде. Он вспыхнул, его тёмная кожа приобрела красновато-гранитный цвет.

— Тупицы недоделанные,— сказал он, отворачиваясь к стене.— Все до единого.

— Просверлить дырку, чтобы вела наружу,— сказал Э-дю-Ка, оскалившись,— сделать глубокий вдох и прыгнуть? Ты это имел в виду? — Шутка была не очень-то смешная, но Марит и Мо рассмеялись, и Гордий последовал их примеру через несколько мгновений.— Очень глубокий вдох? — настаивал Э-дю-Ка.— И пропрыгать так всю дорогу до Земли?

— Мы бы хоть согрелись,— встрял Марит,— в плотных слоях атмосферы.

Они все дрожали от холода.

Давиде не смог и дальше молча переносить насмешки.

— Без корабля отсюда не сбежать, конечно,— проговорил он.— Но кто сказал, что первый же транспорт, который здесь покажется, обязательно будет из тех, что принадлежат гонгси?

— Собираешься подать сигнал? — спросил Луон ровным голосом, без тени юмора.— И в какое же укромное место ты засунул передатчик?

Давиде уставился на него с яростью.

— Даже если за нами и впрямь вернётся корабль гонгси,— отрывисто проговорил он.— Даже если нам в самом деле придётся ждать одиннадцать лет — почему мы должны подняться на борт, точно овцы, и позволить отвезти себя обратно на 8 Флору? А? Почему бы нам не захватить корабль?

— Захватить... как?

Интерес Луона выглядел неподдельным.

— В этой скале есть металл,— сказал Давиде, снова обращая взгляд к стене.— Должен быть. Почему бы не извлечь его, чтобы сделать оружие? Тогда, стоит команде гонгси заявиться сюда — опа! Мы возьмем их в плен и захватим корабль.

Воцарилась недолгая тишина, которую нарушил Луон.

— Это план,— признал он.— Но в нём есть, по меньшей мере, три слабых места. Как мы превратим руду в металл? Расплавим?

— Расплавим,— повторил Давиде, не то соглашаясь с Луоном, не то задавая вопрос самому себе.

— Мы тут удивлялись, почему у синтез-ячейки такой низкий предел теплоотдачи, да? Было бы приятно посильней тут все прогреть, верно? Что ж, возможно, в этом и заключается причина, по которой в

гонгси настроили его именно так, а не иначе. Будь у нас слишком много тепла, мы бы точно что-нибудь в таком духе и учудили — расплавили руду, соорудили старые добрые мечи и устроили ловушку для возвратной бригады.— Он покачал головой. Над его бородой взметнулось облачко пыли и, разделившись пополам, медленно поднялось по обеим сторонам от лица.— Они и тут нас перехитрили.

— Мы должны что-то сделать,— настаивал Давиде. Заговорил Жак:

— Металл нам не одолеть. Но как насчет стекла?

— Ха! — сказал Э-дю-Ка.— Опять за своё? Тебе снова нужны окна, Бегунок?

— Просто я заметил, пока бурил,— сказал Жак,— когда в породе попадают силикаты, то получают стеклянные горошины. Видимо, это из-за трения. Так, может быть, есть способ, позволяющий...

— Ты понимаешь разницу между «находчивостью» и «умом», Бегунок? — перебил Давиде.— Может, первое у тебя есть, но со вторым точно не повезло. Подумай хорошенько. Какой толк от стеклянных горошин? Если у нас не хватит тепла, чтобы расплавить металл, как же мы будем обрабатывать стекло? И, даже если мы сделаем окно, как мы засунем его в бок астероида? Как, по-твоему, мы вырежем оконную раму, не потеряв при этом весь воздух? И даже если мы сможем это сделать? Допустим, у нас получится квадрат метр на метр — в песчаном стекле будет столько дефектов, что оно треснет от малейшего удара. Это самоубийство.

Жак ничего не сказал. Все молчали.

— Знаете что? — вдруг проговорил Мо. Его собственная курчавая борода росла беспорядочно, вдоль

щек, а подбородок оставался чистым. Он запустил испачканные пылью пальцы в заросли на лице и подёргал.— Мы ни разу не говорили о том, что нас сюда привело.

— В экзистенциальном смысле? — поинтересовался Э-дю-Ка.

— Нет,— сказал Мо.— Я имел в виду то, чем каждый из нас заслужил одиннадцатилетний срок. Я думаю, об убийствах речь не идёт, иначе мы бы не отделались столь...— он окинул взглядом холодное пространство, в котором они были заточены,— легко. Ну так что?

— Догадаться нетрудно,— сказал Давиде.

Все посмотрели на него.

— Валяй,— подзадорил Луон.— Угадывай.

— Что ж...— сказал Давиде, потягиваясь.— Итак, ты и Э-дю-Ка знаете друг друга. Ты сам это сказал ещё в первый день. Думаю, вы оба входите в одну и ту же криминальную компашку. Это означает организацию, которая, в свою очередь, означает незаконные перевозки в обход Системы. Или, может быть, противоправные вторжения. Контрабанда того, контрабанда сего, ограбление кораблей, угон. Что-то в этом духе?

Э-дю-Ка кивнул.

— Вроде того,— сказал он, и в его голосе появились особые нотки, которые сложно было истолковать.— Я и в самом деле знаком с мистером Луоном,— прибавил он.— Но знакомство наше чисто деловое.

— А тут у нас Бегунок,— сказал Давиде, поворачиваясь к Жаку.— О человеке можно очень многое понять, если заметить, что его цепляет. В твоём случае это идея сделать тут окно. Ага? Ага. Ты хочешь видеть, что происходит снаружи. Такой у тебя пунктик. О чем это

мне говорит? Ну, с учётом того, что ты не создан для насилия,— Давиде взмахом руки указал на то место ниже тазовых костей Жака, где должны были находиться его ноги,— я могу сделать вывод, что ты политический. Мечтатель, идеалист — в общем, тот, кто не смирился с тем, что Улановы теперь всем заправляют. Я прав?

— Не создан для насилия,— задумчиво повторил Жак.— Разве не стоит уточнить, что ты подразумеваешь под «насилием»?

— Конечно-конечно,— небрежно сказал Давиде.— Государственное принуждение насильственно по самой своей природе, мы все с этим согласны. Собственность — насилие, торговля — насилие. Я уверен, что ты способен на самые разные революционные действия — вроде внедрения опасного софта, который проделывает всякие до ужаса насильственные штуки с бухгалтерскими программами и бИт-доступом, например. Угу. Но при всём этом я гляжу на Марита и понимаю, что он может перерезать человеку глотку, а потом гляжу на тебя и понимаю, что ты на такое не способен.— Он одарил Жака мрачной волчьей улыбкой, как бы демонстрируя, что ему-то по плечу и не такие формы физического насилия.— Нет ничего постыдного в том, что ты политический заключенный. Просто помни о своём месте в очереди к кормушке.

Потом он обратил внимание на Марита и Мо.

— Вы двое,— сказал он,— уж простите, но вы не похожи на главарей преступных группировок. Наемники, исполнители — что-то в этом духе.

— В космосе поплавать не хочешь? — огрызнулся Мо.

— И остался только наш толстый друг. Ты здесь человек лишний, не так ли, Гордий? Лишний и странный.

Что же ты такое натворил, приятель, раз уж оказался в компании столь неприятных личностей?

Пухлая шея и многочисленные подбородки Гордия залились помидорным румянцем. Ромбовидный рубец у него на лбу зажил и приобрёл розоватый цвет; теперь, когда Гордий покраснел, он сделался синевато-багровым.

— Лучше вам не знать,— пробормотал он.

— Ошибаешься,— ухмыльнулся Давиде.— Нам очень интересно.

— Меня осудили несправедливо,— сказал он.— Я лишь делал то, чего требует моя вера.

— Ого! — прогудел Мо.— Так ты религиозный маньяк? Что натворил, здоровяк?

Но Гордий захлопнулся, словно раковина. Хотя четыре альфы (только Луон остался в стороне) ещё долго дразнили и провоцировали его, он не слушал, и ничто не могло заставить его говорить. Он обхватил руками своё большое тело и прильнул лицом к стене. Жак наблюдал за ним. Он знал, что происходит: так выглядит бегство в глубокое отчаяние, в темницу меланхолии, на дверях которой написано «память». Вскоре альфам наскучила игра, и, поскольку их желудки были полны, они устроились со всем возможным удобством, вблизи друг от друга, чтобы не потерять ни крупички живого тепла, и уснули.

Жак не спал довольно долго. Он думал о стекле.

У них ушло ещё много дней — или того, что казалось днями в этом месте, лишенном часов,— чтобы надлежащим образом отладить ритм цветения ганка. Проблема заключалась в том, что урожаи не были синхронизированы. Иногда зелёной бурды оказывалось слишком

много, а иногда её не оставалось совсем, и им приходилось голодать. Но методом проб и ошибок они добились того, что еда появлялась каждый день, даже если её оказывалось недостаточно, чтобы полностью удовлетворить голод каждого. От близкого знакомства с процессом они не полюбили результат. По виду и по вкусу он представлял собой одинаково неаппетитную жижу.

Они решили увеличить площадь посадок. Жак и Гордий потратили пару часов, чтобы выкопать желоб и передвинуть световое пятно так, чтобы как можно больше света попадало куда надо. На дно желоба постелили мокрую тряпку, прижав её осколками камня, и высадили туда споры, выскребая их ногтями из-под съедобного зелёного слоя, — чуть более благоустроенная грядка привела к тому, что ганк стал расти быстрее и сделался, как всем показалось, в меньшей степени тошнотворным. Но он всё равно не очень-то походил на еду. Он никогда не мог их полностью насытить. Он слизью стекал в желудок и появлялся с другого конца пищеварительного тракта полупереваренным. В столь маленьком пространстве это закономерно превратилось в ещё одну проблему. У них зашел спор, как быть с отходами жизнедеятельности. Мочой они смачивали тряпки, и ганк рос ещё лучше, но вот фекалиям применения так и не нашлось. Хотя все думали, что они пригодятся для выращивания еды, ганку оказалось всё равно, на чём расти — на голой скале или на замороженном дерьме. Э-дю-Ка и Жак за два дня выкопали шахту, оканчивавшуюся тупиком, куда и стали сбрасывать отходы.

Так или иначе, главным занятием на протяжении любого отдельно взятого дня было сверление скал. По мере того как пещера росла, они использовали синтез-

ячейку, чтобы выделять кислород изо льда,— на самом деле именно это, а вовсе не обогрев было основной причиной, по которой гонгси так расщедрилась. Скруббер очищал имеющийся воздух, но новое пространство требовало новой атмосферы. Синтез-ячейка работала исправно, а ледяная жила казалась достаточно большой, чтобы удовлетворить потребность и в питьевой воде, и в свежем воздухе. Их голоса сделались выше на полтона или на тон. Кто-то и вовсе пищал — из-за водорода, конечно. Луон тревожился из-за огня: не случилось бы искры из-за соприкосновения бура со случайной крупницей метеоритного железа или чем-то подобным. Его страх заразил всех, но дни шли за днями, и уровень водорода в воздухе постепенно стабилизировался. Хотя скруббер и был древним, он неплохо справлялся и с задачей по извлечению водорода из воздуха и преобразованию его в углерод. Время от времени их охватывало желание разобраться в сути процесса. Возможно, секретом был метан — конечно, не менее огнеопасный. Никто не мог понять, пахнет ли воздух хуже, чем раньше.

— Тут с самого начала воняло,— заявил Давиде.— Куда уж хуже.

Возможно, газ преобразовывался в какое-то более сложное углеводородное соединение. Решетки скруббера время от времени приходилось чистить. Они по очереди выскребали оттуда порошкообразное чёрное вещество, стараясь делать это возле бура, чтобы всё можно было выбросить наружу через шланг.

— От этой машины зависят наши жизни,— сказал Гордий, и голос его прозвучал на удивление грозно. Шрам у него на лбу походил на неотшлифованный рубин, вдавленный в плоть.

Жизнь внутри Лами 306 вошла в привычное русло. Она была скучной: неудобной физически (особенно из-за холода) и монотонной. Но терпимой. У них имелись еда и вода, и большую часть времени они были заняты. Они продолжали жить. Внутри их небольшого сообщества очень быстро определились страты. На самом верху находились альфы: Луон, Давиде и Э-дю-Ка — хоть последний не собирался удостаивать Луона почётным званием «лидера», открыто подвергать этот статус сомнению он, как и остальные, не хотел. Потом шли Мо и Марит. На самом дне существовали Гордий и безногий Жак. Иерархия ярче всего проявлялась в сексуальных отношениях внутри группы. К величайшему несчастью Гордия, все, кроме Жака, пользовались его телом разнообразными унижительными способами. Поначалу он рыдал от такой жестокости, жаловался, умолял оставить его в покое. Но через какое-то время свыкся со своей печальной участью. Другие мужчины часто обсуждали его в качестве сексуального объекта, сочетая многочисленные издёвки над его полнотой с признанием того факта, что лишний вес придавал ему некую женственность, хотя бы с определённых ракурсов. Их замечания по поводу Жака носили более пренебрежительный характер: его физический недостаток они считали отвратительным. Это означало, что на его зад никто не посягал, хотя все пятеро принуждали его удовлетворять их потребности иными способами. Жак воспринимал унижения с молчаливой стойкостью, хотя было сложно определить, что он думал на самом деле. Своими мыслями он не делился.

Мо и Мариту приходилось в каком-то смысле хуже. Иногда с ними обращались как с фактическими аль-

фами, все пятеро мужчин смеялись и шутили вместе. Но временами тройка лидеров без предупреждения превращала Марита и Мо в бет, почти что опуская их до уровня Гордия и Жака. Это было связано, большей частью, с сексом и приводило не только к физическому дискомфорту, но и к тяжелым психологическим травмам. Последнее заставляло Мо страдать сильнее, чем Марита. Когда стало ясно, что Мо считает подобное обращение особенно несправедливым, Давиде принялся с нескрываемым удовольствием выделять именно его для удовлетворения своих сексуальных потребностей. Каждый подобный случай приводил к тому, что Мо делался мрачным и срывал зло на Жаке, но чаще на Гордии, причём самым непредсказуемым образом.

Но сексуальные связи внутри группы не были ни частыми, ни продолжительными. Помещение было слишком открытым, сил у них оставалось совсем немного, и к тому же холод наилучшим образом воздействовал на сексуальный аппетит. Секс, если таковой случался, был быстрой и в большей или меньшей степени жестокой разрядкой.

Для Жака это неудобство относилось к той же категории, что и постоянный холод, неудовлетворительная пища и общая монотонность. Он выкинул всё из головы. Но вот Гордия происходящее грызло, угрожая его душевному равновесию.

— Тебе стоит подумать о чём-нибудь другом, — посоветовал Жак толстяку. — Не терзай себя такими мыслями.

Гордий устремил на него сердитый взгляд, и Жак подумал, что тот сейчас отвернётся и надуется. Но вместо этого толстяк разрыдался.

— Невыносимо! О чём же мне ещё думать? Мне всё время холодно, и я всё время хочу есть! Они меня не щадят! О чём же ещё думать?

Марит, Мо и Давиде бурили; жужжание машин, к которому все семеро привыкли в той же степени, что и к отзвукам собственного сердцебиения в ушах, слышалось где-то рядом.

Жак не знал что и сказать.

— Сделай так, чтобы твой разум оказался снаружи астероида,— посоветовал он.

— Как? Я пытаюсь заглянуть в будущее и вижу до невозможности длинный отрезок времени! А если я смотрю в прошлое... ох! Прошлое!

— Ты знаешь, где пересекаются прошлое и будущее? — спросил его Жак.

— Где?

— Только в твоём разуме. Других точек пересечения нет. Прошлое от нас дальше самой отдалённой галактики. Мы это интуитивно знаем, потому что понимаем невозможность изменить прошлые действия, и иногда это нас печалит.— Он смотрел в лицо Гордию, пытаясь понять его выражение, но толстяк всё время отводил взгляд.— Но печалиться не надо. У неизбежной пропасти между прошлым и будущим есть ещё одно название — свобода. Только собственный разум удерживает нас от неё.

— Свобода,— сказал Гордий.— Ох, не надо иронии! Только глянь, где мы! Нет тут никакой свободы.

— Всегда есть выход,— сказал Жак. И тут его сердце заколотилось. Оно как будто хотело вырваться вон из грудной клетки. Аритмия; он вспотел, его бросило в дрожь. Слишком много сказал? Но Гордий, конечно,

был слишком поглощён собственным отчаянием, чтобы внимательно слушать.

— Я убил своего отца,— проговорил он.

Жаку понадобилось несколько секунд, чтобы успокоить туктуканье в своей груди.

Потом он сказал:

— Ты поэтому здесь?

Печаль Гордия была беспредельной. Он кивнул, и все его подбородки заколыхались.

— Одиннадцать лет за убийство? — сказал Жак.— А это не слишком... мягко?

— Были смягчающие обстоятельства,— пробормотал Гордий.

— Смягчающие убийство?

Гордий икнул или кашлянул, вздрогнул всем телом. Потом из него полились слова:

— Я родом из поселения, обращенного к Солнцу,— сказал он.— Пузырь на орбите Венеры, нас было около тысячи человек, все единоверцы. И, что бы ты ни подумал — а ты, конечно, не поверишь в это, учитывая всю глубину моего нынешнего падения,— я, я... очень важный человек в моём сообществе. Я был божественным ребёнком, сферическим существом.— Он начал всхлипывать, и неизбежные при плаче слабые мышечные спазмы привели к тому, что его тело начало вращаться вокруг своей оси. Он невнятно провыл что-то вроде «я солнце» или «я сын отца» — Жак не расслышал. А потом ему пришло в голову, что в этом, видимо, вся суть.— Сколько себя помню, меня кормили и ублажали. Вездесущий Космический Господь воплотил волю Свою сферообразно — в солнцах, и планетах, и даже малых планетоидах вроде этого затерянного во

тьме мирка, где нас заточили. И мы поклоняемся Ему, когда...

Тут слёзы одержали над ним победу, и он разразился медленными, ритмичными, тихими рыданиями. Через некоторое время Жак спросил:

— Ты убил своего отца во время... ритуала?

— Жертвоприношение,— выдохнул Гордий, пряча лицо в ладонях.

— Это была добровольная жертва?

— Ну конечно! Это величайшая честь... превыше этой чести попросту ничего нет. Когда придёт моё время, я приму свою судьбу с...— Рыдания вновь поглотили то, что он хотел сказать.— Ох, но теперь оно уже никогда не придёт!

— Улановские блюстители закона расценили это по-своему, я думаю,— сказал Жак.— Несчастный ты человек. Нет! Несчастный... бог, выходит. Как же твои люди справляются, пока их божество в тюрьме?

— У конгрегации есть моя сестра,— сказал Гордий.— Она в меньшей степени наделена сферическим совершенством, чем я, но всё-таки происходит из того же божественного рода.

— Нет ли такой вероятности,— сказал Жак, и в его голосе проскользнули расчётливые нотки,— что твой народ станет тебя искать? Может, они подкупят гонгси, чтобы узнать, куда нас засунули? Пошлют корабль тебе на помощь?

Он подумал: на что пойдут люди, чтобы спасти своего бога? Он подумал: может, подружиться с этим человеком было бы не только гуманно, а ещё и стратегически верно — ведь друг мог бы взять его с собой, когда объявятся спасатели. Но Гордий ответил:

— Я больше не бог. Я им был, но это в прошлом. Теперь для адептов Сферичности я ничто. Как будто бы я уже умер. Им бы всё равно не удалось меня обнаружить, поэтому они не станут даже пытаться. Как — рассердить Улановых? Это чревато уничтожением всего посёлка. Один форвард-крейсер может наделать в их пузыре уйму дыр, не приблизившись и на сто тысяч километров.— Он покачал своей большой головой.— Видишь, в чём моя проблема? Ты говорил о моём прошлом — что же ещё я могу вспомнить, кроме собственной ссылки? А что меня ждёт в будущем?.. Даже если предположить, что я выдержу одиннадцать лет в этом аду. Я никогда не попаду домой. У меня нет дома. Я был богом, но разбожествление оставило от меня... пустое место.

Он снова начал плакать.

Итак, с этой стороны ждать спасения не стоило, и Жак удивился тому, насколько сильным оказалось его разочарование. Возможно, он не всю волю собрал в кулак, как бывало когда-то. Он почесал кулю. Потом до него кое-что дошло, и он широко улыбнулся.

— Ты улыбаешься,— отметил Гордий тусклым, безжизненным голосом. Но, по крайней мере, он перестал плакать.

— Извини, не могу удержаться. Остальные попали сюда из-за разных преступлений и считают, что ты безобиден, как котёнок. Но ты убийца! Именно в твоём прошлом таится настоящее насилие! Они и половины о тебе не знают.

— Не говори им,— взмолился Гордий, запаниковав.

— Конечно, я буду молчать,— сказал Жак.— Ты и я — мы ведь тут вдвоём, верно? Я просто думаю,

что это смешно. Меня часто веселит то, чего люди не знают, особенно если они попросту слишком тупы, чтобы увидеть нечто, спрятанное прямо у них под носом.

Печально было видеть, как сильно Гордий воспрянул духом от моральной поддержки и признания того, что они делят беду на двоих. Он вытер слёзы кулаками, оскалил зубы в ухмылке, кивнул.

— А что же сделал ты? — спросил он заговорщическим тоном. — Ну из-за чего ты здесь?

— То, что я сделал... — сказал Жак и опять улыбнулся. — Ты хочешь узнать, за что меня приговорили? Что ж, этого я... э-э-э... не делал.

— Я знал! — ахнул Гордий. — Ты как я — невинный, несправедливо обвинённый!

— Нет, — ровным голосом ответил Жак. — Я другое имел в виду. Я попал сюда заслуженно. В этом нет сомнений. Просто именно той вещи, за которую меня осудили, я не совершал. И, — продолжил он, рассудив, что с учётом всех обстоятельств будет нелишним посвятить пухляка в детали, — в этом-то и состоит моя дилемма. Одиннадцать лет. Задолго до истечения этого срока Улановы поймут, что я сотворил на самом деле. И наказание за это... скажем так, намного строже одиннадцати лет внутри астероида. — Гордий смотрел на него круглыми глазами. — Как видишь, я нахожусь в крайне нелегкой ситуации, — сказал Жак. — Не буду утверждать, что доволен условиями проживания. Но какими бы ужасными они ни были, всё это не идёт в сравнение с тем, что случится со мной, когда сюда наконец-то заявится корабль гонгси, чтобы забрать нас. Я даже думать об этом боюсь.

— Что же ты станешь делать? — шепотом спросил Гордий.

— Я,— сказал Жак, оглядываясь по сторонам и гадая, сказал ли он Гордию слишком много или в самый раз, чтобы между ними возникло подобие дружбы, связывающее жертв,— я стану делать стекло.

Гордий моргнул — раз, другой,— потом ухмыльнулся. Внезапно он схватил Жака и прижал к своей широкой и мягкой груди.

— Ты и твоё окно! — радостно воскликнул он.— Не прекращай мечтать об окне, Жак! Пусть твоя мечта живёт!

Выбравшись из объятий, Жак сказал:

— Ну да, ну да. Окно — полезная штука. Даже маленькое. Через него можно... глядеть наружу.

Они много раз затевали разговор о положении вещей, ходили вокруг да около, но на самом-то деле обсуждать было особо нечего. Все хотели одного: уединения. Поэтому единственным возможным выходом было обустройство семи отдельных комнат, соединенных туннелями. Это была их самая важная цель.

— Сначала семь комнат,— сказал Луон.— По одной каждому. И тогда мы сумеем прогреть воздух везде, а тот, в свою очередь, согреет скалу, и больше мы не будем выбрасывать в космос нагретый камень — он станет чем-то вроде изоляции, и у нас будет, я надеюсь, хоть какой-то комфорт.

— Музыка для моих ушей,— сказал Давиде.

Жак подумал, что тройка лидеров первым делом выкопает комнаты себе, а потом позволит Мо и Мариту

занияться тем же самым. Но одиннадцать лет — долгий срок. Он решил, что рано или поздно сумеет устроить собственную нору.

А пока что он собирал стекло. Когда бур проходил сквозь слои камня, богатые силикатами, на нём налипали зёрнышки и мельчайшие осколки. Жак отключал шланг для сброса и подолгу перебирал отработанную породу. Улов никогда не был большим — на ногте помешалось с десятков частиц, — но это было настоящее, без дураков, стекло.

Потом он устроил эксперимент: вырезал неглубокое углубление в скале, вложил внутрь столько стеклянной крошки, сколько смог, после чего приложил к парящему облачку бур. С первой попытки ничего не вышло, но в конце концов он получил кусок стекла побольше, неправильной формы, сплавленного из маленьких частиц. Его приятно было держать в руке.

Давиде принялся насмехаться:

— Ничего себе, окно! Этого и на монокль не хватит!

— Каждый стекольщик с чего-то начинал, — спокойно сказал Жак.

— К чёрту стеклотворчество, — разозлился Давиде, которому не понравился ответ. — Копай, не останавливайся. Мне нужна комната. Понял?

— Сам и копай, — сказал Жак, пряча осколок стекла под рубахой.

— Чего? — зарычал Давиде.

— Сам и копаю, — уточнил Жак. — Твою комнату. Именно это я и делаю.

Он вставил на место шланг и снова принялся сверлить скалу.

Смена Жака закончилась, он съел немного ганка и выпил воды из скруббера, а потом вытащил кусок стекла и принялся его рассматривать. Стекло было матовым, с множеством выступов и зубцов; по форме кусок напоминал амёбу. Жак отыскал абразивный камень и принялся шлифовать наружную часть стекла. Занятие оказалось ритмичным и помогло ему немного согреться. Но остальных это лишь развеселило.

— Эй... ты что делаешь?

— Чего ты там трёшь, Бегунок?

Жак улыбнулся и покачал головой.

— Что это? — требовательно спросил Э-дю-Ка.

— Его осколок стекла,— тотчас же сообщил Гордий.— Эй, ты что, полируешь его?

— Это и есть твоё окно, калека? — сказал Марит, недружелюбно усмехаясь.— Окошко для таракашки, да?

— Думаю, он собирается сделать микроскоп,— сказал Мо.— А потом? Ты что с микроскопом делать-то будешь? Ноги свои искать?

Шутка всех развеселила.

Жак продолжал шлифовать. Через некоторое время Давиде спросил:

— А ведь и в самом деле, как же ты потерял ноги, дружище Жак?

— Долгая история,— ответил Жак.

— Ох,— сказал Марит.— Ты что же, думаешь, у нас не хватит времени, чтобы её выслушать? — Он сухо рассмеялся.— Рассказывай, калека.

Жак перестал шлифовать. Все взгляды были устремлены на него.

— Видишь ли, Марит,— сказал он.— Было так: я ублажал твою матушку, она перевозбудилась и —

чик! — своими мускулистыми бёдрами оттяпала мне обе ноги.

На мгновение показалось, что Марит сейчас на него бросится и задушит, но потом все рассмеялись, и ярость спряталась где-то в глубине глаз Марита.

Позже, когда Мо, Марит и Луон бурили, подплыл Гордий и спросил:

— И всё-таки, как же ты потерял ноги, друг?

— На самом деле это короткая и увлекательная история, — сказал Жак. — Но я предпочёл бы не рассказывать её здесь.

— А-а, — разочарованно сказал Гордий. — Я вот подумал — ты так храбро отбрил Марита. Он жестокий человек. Мой отец говорил, что настоящий бог умеет смотреть мужчинам и женщинам прямо в душу. Ощущать ту силу тяготения, что удерживает их дух в целостности, и понимать, злая она или добрая. У Марита злая душа, как мне кажется.

— Кажется? — сухо переспросил Жак.

— О, да! — простодушно ответил Гордий. — Вот Давиде, — он огляделся по сторонам, понизил голос: — Давиде злой, но это обыкновенная злость. Марит другой. Он жестокий. Когда ему нечем заняться, он развлекается, бросая в меня камни. Ему нравится кидать их мне в лицо, когда я меньше всего этого ожидаю. По-моему, он хочет выбить мне глаз. Думаю, если бы у него это получилось, он бы смеялся! — Гордий вздрогнул. Он уже не был таким толстым, как поначалу, — на диете из ганка и благодаря тяжелому труду его тело начало уменьшаться, но зато кожа пошла складками, словно драпировка.

— Нам стоит за ним следить, — сказал Жак.

— Вместе, друг! — дрогнувшим голосом отозвался Гордий.

Дни шли за днями. Жак следил за всеми, кто его окружал. Марит, без сомнения, был склонен к жестокости, но Жак пришел к выводу, что пока наибольшая опасность исходила от Давиде, у которого злость и фрустрация состояли в алхимическом марьяже. Пока что изматывающий труд и неполноценный отдых смягчали его злость, но сложно было предсказать, в какой момент всё изменится. Луон и Э-дю-Ка слишком сосредоточились на соревновании за главенство в группе, чтобы тратить силы на издевательства над Гордием или Жаком. Нет: в этом смысле хуже всех были Мо и Марит. Жак уже видел, что даже непрерывный поток вещей, которые нужно было делать ради выживания, не мог полностью отвлечь их от чувства неудовлетворённости. Им было скучно, их переполняла злость, и, хотя большую часть времени они с мрачным видом наблюдали за тремя альфами, Жак знал, что совсем скоро они захотят отыгаться на тех, кто ниже рангом. Рано или поздно они должны были выместить свой гнев на Гордии или на нём. Будет как минимум больно, и всё может закончиться смертью.

Одиннадцать лет; так долго он не протянет. Как и Гордий. Надо выбираться отсюда. Ему-то уж точно надо.

Но пока что три альфы и парочка альфа-бет львиную долю времени тратили на игру в доминирование.

— Я был занозой номер один в заднице Улановых, — объявил Давиде. — Знаете, кто меня арестовал? Бар-ледюк! Собственной персоной!

Жак наострил уши.

— Ты прям такой уж важный? — мрачно поинтересовался Марит. — Лучший фараон Улановых сам пришел за тобой?

— Бар-ле-дюк! — повторил Давиде.

— Не верю ни единому слову, — сказал Э-дю-Ка. — Думаю, тебя сцапала какая-нибудь мелкая полицейская сошка, как и всех нас.

— Не хочешь верить — не верь! — сказал Давиде. — Бар-ле-дюк, знаменитый Бар-ле-дюк лично взял меня под стражу. Я стоил Улановым миллиардов кредитов. Я был врагом Солнечной системы номер один.

— Давным-давно, — сказал Марит, — психов помещали в лечебницы, а не тюрьмы вроде этой! Не слушайте вы его хвастливый бред, слушайте меня — я правду расскажу. Про меня сняли кино. Я натуральный Джесси Джеймс¹. Я знаменитость в сотне поселений.

— В сотне трущобных пузырей, видимо, — заметил Давиде.

Луон воздерживался от такой бравады, но остальные развлекались от души. Жак наблюдал за тем, как Гордий тянется к ним, словно ребёнок. Как-то раз, не в силах больше хранить свой секрет и понадеявшись на сближение с Луоном, Гордий позволил себе чуть-чуть похвастаться: он поведал о том, как был богом для своего народа. Это оказалось ошибкой. Луон всё передал остальным, и Гордий превратился в парящий посреди пещеры раскрасневшийся ком, который Э-дю-Ка, Марит и Мо обстреливали язвительными остротами. «Так ты тот самый Бог, о котором мне рассказывал пропо-

¹ *Джесси Джеймс* — знаменитый американский преступник XIX века, неоднократно становившийся героем голливудских фильмов.

ведник!» — «Эй, Бог, сотвори чудо и вытащи нас отсюда! Давай — джантируй¹ нас куда-нибудь на свободу, чтобы воздух был чистый... и чтоб там было тепло».

— Он обретёт чудотворную силу, — саркастическим тоном проронил Мо, будто разъясняя какой-то важный теологический парадокс, — только после того, как будет распят. Если запытать его до смерти, он воскреснет, и тогда-то начнётся волшебство.

— Вы не понимаете, в чём смысл космической религии, — взорвался Гордий, которого насмешки вынудили забыть об осмотрительности. — Я бог не в духовном смысле. Божественная сущность пребывает повсюду, а я лишь её материальное, сферическое воплощение. Или... — Он сник. — Я был им. Был. Теперь я ничто. — Он начал плакать, слёзы лились у него из глаз и, превращаясь в маленькие серебряные сферы, уплывали прочь. — Теперь я даже меньше, чем ничто! — взвыл он. — Я всё потерял! Лучше убейте меня прямо сейчас, чтобы я вам больше не мешал!

— Хватит шуметь, — с раздражением рявкнул Э-дю-Ка. Он был достаточно близко для удара и врезал Гордию по животу, на котором складками висела кожа.

Толстяк замычал, словно больная корова; согнувшись пополам, пролетел через пещеру и врезался в дальнюю стену. Жак внимательно следил за происходящим. Все веселились. На губах Э-дю-Ка, которого отдача заставила отлететь назад, играла жестокая ухмылка; Луон и Мо смеялись, а Марит по-настоящему хохотал. Жак подумал: может, он и впрямь сломается первым.

¹ *Джантирование* — способ телепортации, основанный на мысленном усилии. Описан в романе Альфреда Бестера «Тигр! Тигр!» («Звёзды — моё назначение»).

Или он, или Давиде — никаких сомнений.

— Бар-ле-дюк, Бар-ле-дюк, — немелодично напевал Э-дю-Ка. — Поимел нас всех, поимел нас всех... кроме божонка... которого предал Иуууда.

Но от работы им деваться было некуда. Когда приходила чья-нибудь еще очередь бурить, Жак полировал свой кусок стекла. Дело продвигалось медленно и через несколько дней закончилось ничем: попытавшись затереть маленькое вздутие, он надавил слишком сильно, и осколок развалился на три части. Жак глубоко вдохнул и выдохнул. Затем он собрал кусочки, добавил ещё миниатюрных частиц и потратил часть следующей смены на то, чтобы спрессовать из них новый кусок. Давиде увидел, чем он занимается, и ненадолго вся компания — включая Гордия — собралась вокруг Жака, чтобы поиздеваться над ним и его сизифовым трудом. Но Жак сохранял спокойствие и не показывал враждебности; вскоре им наскучило это дело, и они оставили его в покое. Чтобы получить достаточно большой и плоский кусок стекла, понадобилась уйма сил.

И, выработав норму с буром, он снова принялся полировать и шлифовать.

— Ты просто убиваешь время, — пренебрежительно сказал Давиде.

— Просто убиваю время, — согласился Жак. — Впрочем, оно всё равно умрёт само, чем бы я ни занимался.

Работа продолжалась. Буры трудились без устали, каждый сверлил отдельную комнату. Луону повезло: он нашел вторую ледяную жилу, богаче первой. Он отключил экстрактор и буром выпилил несколько больших кусков. Все забросили свои дела и начали по цепочке передавать лёд в большую пещеру.

— Мы теперь сможем вырастить еще больше этого вкуснейшего ганка,— воскликнул Давиде.— Есть ли в целом свете человек счастливее меня?

— Как же мне надоел твой голос,— сказал Марит. Оглядевшись, он прибавил, явно желая показать, что не нарываяется на драку с Давиде: — Мне все ваши голоса надоели.

— Ну что ж,— сказал Луон.— У нас впереди одиннадцать лет. Тебе стоило бы привыкнуть.

— Разве всё ещё одиннадцать? — проворчал Марит.— Мы тут сидим не меньше года!

Вопрос на самом деле был непростой. Как же им следить за временем все предстоящие годы? Стоит ли вообще пытаться? Луон вырезал из жилы столько льда, сколько смог. Оставшийся скалистый уступ легко сломался и раскрошился под буром. Всем казалось, что сегодня они чего-то достигли, как-то изменили внутреннее пространство, и поэтому они забросили работу, съели немного ганка, выпили воды и устроились возле стен и потолка.

— Лёд проще бурить, чем камень,— сказал Давиде, как будто это была глубокая и незаурядная истина.— Еще несколько таких жил, и скоро у каждого из нас будет своя комната.

Э-дю-Ка пустил ветры, и все с шутливым недовольством заорали, неуважительно отзываясь о его анусе.

— Знаете что? — сказал Мо.— Кажется, стало не-много теплее.

— Вряд ли,— сказал Марит, дрожа.

Но Мо был прав: ледяной холод больше не ощущался.

— Мы ещё будем скучать по холоду,— сказал Луон.— Очень скоро тут сделается жарко, и у нас появится

новая проблема — куда девать лишнее тепло. Эти дни мы будем вспоминать с грустью.

— Лучше пусть будет слишком жарко, чем слишком холодно,— упрямо сказал Мо.

Мысль о том, что когда-нибудь они будут вспоминать об этих днях — о том, что будущее всё-таки наступит,— заставила их расслабиться. Они погрузились в спокойные размышления.

— Должен быть какой-то способ сброса тепла,— сказал Э-дю-Ка.— Тысячи заключённых доживают до конца срока. Думаю, большинство. Они находят выход, и мы его найдём. Нет такой проблемы внутри этой каменюки, которую мы не сможем решить.

Жак промолчал.

Мо начал рассказывать о своей жизни на Земле — там он был носильщиком у какого-то богатого зануды.

— Полная гравитация,— сказал он,— и в самом деле утомительная штука. От неё устаёшь даже во сне, потому что она-то никуда не девается, и выспаться как следует почти невозможно. Но, черт побери, мышцы от неё в отличной форме! Я просто носил сумки, не очень-то большие, но мускулы у меня на руках сделались как камни.— Он продемонстрировал предплечья и с грустью прибавил: — Не то что сейчас...

Гордий пукнул.

— Эй! — недовольно воскликнул Давиде; потом, когда зловоние возобладало над всеми прочими дурными запахами, посреди которых они проводили свои дни, все принялись сыпать ругательствами и угрозами.

Гордий захихикал.

— Извините, парни,— сказал он, но хихикать не перестал. Из-за смеха складки его кожи начали

колыхаться, словно флаги на сильном ветру. Хихиканье приобрело истерический, раздражающий оттенок. — Извините! Извините!

Марит поднялся и подплыл к Гордию. Отвесил ему оплеуху. Как будто мокрой тряпкой шлёпнули по камню. Голова Гордия мотнулась, смех не прекратился. Марит снова занёс руку, сжал ладонь в кулак. С силой заехал Гордию в челюсть.

Хихиканье оборвалось. Словно бита саданула по мячу. Дубинка мясника врезалась в окорок. Рука Марита вновь взлетела и опустилась: удар, ещё удар, и опять по лицу. Гордий заверещал тонким голосом и попытался не то улизнуть, не то оттолкнуть Марита. Новый удар, прямо в глаз. Марит запустил левую руку в длинные волосы Гордия и крепко ухватился. Ещё один удар, в нос, и в воздух змеей взвилась струйка тёмной жидкости. Гордий сопротивлялся, и от этого они вращались, их ноги то и дело оказывались там, где секунду назад были головы, но всё внимание Марита было поглощено тем, куда наносить удары: вот кулак угодил в щёку, вот во второй раз обрушился на глазницу, и вопли Гордия сделались громче. Наконец кулак врезался в лобную кость, и раздался треск; Марит ослабил хватку. Он отпрянул, прижимая правую руку к груди.

— Ты мне сделал больно! — зарычал он. — Я об тебя руку разбил, ты... раздутый мешок жира...

Гордий свернулся в позу зародыша, обхватил себя руками, всхлипывая; его большое тело начало медленно вращаться. Струйки кровавой слизи в невесомости свивались в причудливые узоры.

— Ну как ты там, боженок? — сказал Луон, но ответа не дождался.

Марит подобрался к куску льда, парившему посреди пещеры, и попытался остудить покрасневшие косяшки.

— Вы это хоть унюхали? — спросил он, ни к кому конкретно не обращаясь. — Нам что теперь, дышать этим? Вот ещё. Я пас.

Жак подплыл к толстяку и попытался его успокоить. Понадобилось много времени, чтобы уговорить его убрать ладони от лица, и Жак увидел, во что оно превратилось. Кровь, вытекшая из носа, свернулась и сделалась похожа на пучок водорослей, а левый глаз заплыл и не открывался. Было много ссадин, и уже появлялись первые синяки — будто кто-то пытался замостить его белые щёки крошечными тёмно-синими плитами. Жак раздобыл немного свежего льда, заставил Гордия рассасывать кусочки, чтобы хоть немного уменьшить отёки, и соскреб запёкшуюся кровь.

— Не так уж плохо, — сказал он. — Хотя глаз откроется через несколько дней.

— Почему Луон его не остановил? — пробубнил Гордий. Он всхлипывал, рот у него был полон льда. — Марит всё продолжал и продолжал. Почему Луон не вмешался и не остановил его?

— Зачем ему связываться с Маритом? Ради тебя? Ты такого не стоишь. Даже наоборот, — сказал Жак, — ему выгодно, что Марит выпустил пар, отлупив тебя, а не... ну ты понимаешь. Не его самого.

Избитое лицо Гордия помрачнело.

— Разве не он тут главный? Главный должен вести себя по-другому.

— Я не уверен, что ты правильно понимаешь, какво это — быть главным здесь, среди этих людей, — сказал Жак. — По-моему, нос у тебя не сломан.

Почему-то от этого известия Гордий захныкал.

— Тише,— неуверенно проговорил Жак,— вот тебе ещё лёд.

— Нам тут не выжить, ни тебе, ни мне! — сказал Гордий, превозмогая рыдания.— Сегодня они отыгрываются на мне, а завтра будет твоя очередь. Стоит им чуть разозлиться, расплачиваемся за всё мы двое. Нас избьют до смерти. В самом прямом смысле. И хуже всего то, что мы ничего не можем сделать!

— Надо выбираться из этой каменюки,— сказал Жак, бросив взгляд через плечо.

Позади него включились три бура, каждый в своей комнате. Давиде, Э-дю-Ка и Мо взялись за работу; Луон наблюдал за ними, Марит возился со своей рукой.

— Отсюда нет выхода,— простонал Гордий. Потом уставился на Жака здоровым глазом.— Или есть?

— Сам скажи, боженок,— парировал Жак.

— Ты что-то задумал. Что? Что ты хочешь сделать?

— Дня начала,— сказал Жак, вытирая испачканные в крови руки о рубаху Гордия,— я закончу обрабатывать своё стекло.

— Это и есть ключ ко всему? — Гордий осторожно, кончиками пальцев ощупал своё избитое лицо, то и дело вздрагивая.— Правда-правда? Но твоё окно будет величиной с ладонь или меньше... какой от него прок?

— Никакого,— согласился Жак.— Абсолютно никакого.

Он хотел оттолкнуться и улететь, но тут Гордий схватил его за локоть:

— Возьми меня с собой.

Жак оглянулся и снова бросил взгляд на Марита. Потом опять посмотрел на толстяка.

— Я никому не скажу! — заявил Гордий. — Обещаю! Я буду молчать. И вообще, я не смогу тебя выдать, потому что не знаю, что ты замышляешь. Я просто понимаю, что ты и впрямь замышляешь. И когда ты это сделаешь, о чем бы ни шла речь... Когда ты... — Он закашлялся — кровь из носа попала в дыхательное горло. Сглотнул. — Когда ты это сделаешь, возьми меня с собой. Иначе я тут умру. Остальные пусть отбывают свой срок до конца. Они не будут скучать без нас.

— Они перегрызут друг другу глотки, — сказал Жак. Гордий фыркнул и опять закашлялся.

— Послушай, — сказал он, переведя дух. — Я и в самом деле больше не бог, но мои люди богаты — они платят двадцатидвухпроцентный налог! Улановы дали им статус особого сообщества налогоплательщиков! Ты поможешь мне ради собственной выгоды. И... и... и вообще, если ты меня тут бросишь, то совершишь убийство. — Гордий покачал головой, опухшей от побоев. — Так что же ты собираешься сделать? Каков твой план? Зачем тебе окно?

Жак посмотрел на него.

— Я хочу, — сказал он тихо, но отчётливо, — видеть, что происходит снаружи.

— Ты хочешь вызвать корабль, — сказал Гордий восторженным тоном маленького мальчика. Он вскинул руку. — Всё хорошо! Я им не скажу! Ох, Сфера, я ведь даже не знаю, как ты собираешься это устроить! Здесь нет кораблей, а окно размером с пуговицу не поможет тебе... ладно, забудь. Я и не должен знать, как. Я просто должен знать, что ты возьмешь меня с собой.

Жак устремил на него пристальный взгляд.

— Жак,— шепотом взмолился Гордий.— Только посмотри, что Марит сделал со мной! Без причины! Они жестокие люди. Они способны на убийство. Мы не... я здесь из-за своей набожности, а ты политический. Мы другие. Но эти люди, они как тигры. Нам нельзя здесь оставаться надолго, если мы хотим жить.

— Тигры,— задумчиво сказал Жак. Казалось, будто слово напомнило ему о чём-то. Потом, вернувшись из глубин своей памяти, он сказал: — Возьми ещё льда.

— Он грязный,— мрачно ответил Гордий. Потом прошипел: — Скажи, что возьмешь меня с собой. Пожалуйста! Пожалуйста! Мои люди сделают тебя богатым. Просто скажи, что возьмешь меня с собой! Пообещай мне!

Жак приложил большой палец к губам Гордия.

— Обещаю,— сказал он.— Я возьму тебя с собой.

В его голосе проскользнуло что-то, похожее на нежность. Наверное, это она и была.

Жак старался работать над стеклом, когда никто не обращал на него внимания, но в тесноте это было не просто. Он полировал с большей аккуратностью, усердно, стараясь не сломать кусок. На это уходили часы.

Когда первую комнату закончили, все согласились, что освободившийся бур надо использовать, чтобы прорыть коридор к сердцу астероида. Новые комнаты должны были примыкать к этой центральной линии. И бесконечный труд продолжился.

Жак отработал свою смену с буром, выкапывая новый туннель. Истекая потом, он подлетел к скрубберу, чтобы выпить воды.

— Твоя очередь,— прохрипел он, обращаясь к Мариту.

— У меня ещё болит рука после той истории с маленьким Буддой,— сказал Марит.— Поработай за меня.

Жак вымотался и очень хотел спать. Скруббер был так близко. Он ничего не сказал, только устало покачал головой. Но в тот момент, когда он приложился губами к скрубберу, что-то резко ударило его по затылку. Его зубы стукнулись о край, и передний резец наклонился внутрь, словно тумблер. Зашумело в ушах, и он втянул голову в плечи. Перед глазами всё покраснело от чистой ярости. Он огляделся. Боль в зубах и боль в затылке пели дуэтом в его голове. Все смеялись над ним, хотя он не слышал смеха — звуки заглушала какофония, сопровождавшая движение его собственной крови по венам и артериям. Марит бросил большой кусок камня, целясь в голову; от удара Жак врезался лицом в неподатливый корпус скруббера. Он коснулся того места, где основание черепа нависает над шеей. Волосы слиплись от влаги. Он перевёл взгляд с одного лица на другое. Светостеш излучал адское сияние: лица походили на рожи демонов — красные, точно закат. Жак сделал глубокий вдох. Сейчас?

Выдох. Нет, нет, нет.

Цвета и звуки пришли в норму. Он вдохнул. Выдохнул.

— Ну и ну! — Марит расхохотался, явно довольный содеянным.— Видел бы ты свою рожу!

Жак посмотрел налево, языком ощупывая зуб — тот повернулся больше чем на сорок пять градусов, и в десне поселилась яростная боль. Он посмотрел направо и увидел отскочивший снаряд, который всё ещё вращал-

ся вокруг своей оси, медленно удаляясь прочь. Камень был почти такого же размера, как голова самого Жака.

— Ладно, безногий человечек,— сказал Марит.— Знаешь что? Я совсем продрог. Я всё-таки поработаю, чтобы тебе не пришлось напрягаться. Нет-нет, я согреюсь.

Он направился к новому туннелю, который они едва начали, и, всё ещё посмеиваясь, запустил бур.

Жак окинул взглядом остальных. Луон, Э-дю-Ка и Мо заскучали, их внимание уже привлекло что-то другое. Давиде, однако, смеялся, как и расположившийся справа, чуть поодаль, Гордий,— тот улыбался, насколько позволяло его покрытое синяками, опухшее лицо; странная вышла полуулыбка. Она увяла, как только Гордий заметил, что Жак смотрит на него.

Но теперь Жак ещё сильнее, чем раньше, хотел пить. Ему нужно было избавиться от привкуса крови во рту. Оставив скруббер в покое, он взял кусочек льда и положил в рот, стараясь не касаться саднящего, покосившегося зуба. Затылок болел нещадно. Он ощупал рану кончиками пальцев. Она была неглубока, но маленькая пещера теперь казалась слегка нереальной, словно его вышвырнуло из третьесортной дешевой виртуальности. Он приблизился к стене и забрался в какую-то щель. А потом снова удивил самого себя: уснул, сразу и глубоко.

С каждым пробуждением Жак внимательно осматривал всё вокруг, как будто бы в поисках перемен. Конечно, их не было: тот же камень, чёрный, словно чернила каракатицы; тот же привкус пепла во рту;

то же изматывающее сияние светощеста; те же неаппетитные лохмотья ганка.

Ещё две комнаты были завершены, и ещё два бура приобщились к рытью центрального туннеля. Его хотели сделать как можно более широким и углубить на десять или двадцать метров, прежде чем заняться вырубкой новых комнат. Конечно, Луон, Давиде и Э-дю-Ка заняли те, что были уже готовы; и, хотя Жак был рад тому, что в главной каверне им больше не приходилось сталкиваться друг с другом — странным образом отсутствие троицы превращало её в настоящую пещеру, — остальных это устраивало в значительно меньшей степени.

— Двадцать метров туннеля? — рычал Мо. — Я хочу комнату сейчас! Если взять все три бура, можно выдолбить мне комнату в два счёта.

— Я впереди тебя в очереди, — сказал Марит и свёл кулаки.

— Разберётесь позже, дамы, — сказал Давиде. — Надо углубить туннель, а потом мы займёмся вашими комнатами.

— Но не на двадцать же метров!

— Нет, — сказал Луон. — На столько, сколько понадобится.

Итак, новым заданием было бурение туннеля. Сиянки на лице Гордия выцветали, делались коричнево-желтыми, а заплывший глаз медленно начал открываться. Но Марит по-прежнему его преследовал, то и дело одаривая ударами, тычками и пинками. Как-то раз он заявил, что им следует расширить плантации ганка, и рубаха Гордия как раз подойдёт для новой питательной среды. Сначала толстяк принял это за оче-

редную подначку, но вскоре стало ясно, что Марит не шутит.

— Разумеется,— согласился Давиде.— Почему бы и нет?

— Я же замёрзну! — взмолился Гордий.

— Ох, да ведь сейчас уже намного теплее по сравнению с тем, что было сразу же после нашего прибытия,— сказал Марит. Он не врал, хотя лёгкое потепление не отменяло того факта, что в главной пещере всё ещё царил лютый мороз. В отдельных комнатах было уютнее: альфы по очереди брали синтез-ячейку к себе на время сна, и маленькое пространство неплохо прогревалось, так что стены больше не испускали холод. Теперь синтез-ячейка снова была в главной пещере, но лишь потому, что Мо и Марит очень громко жаловались.

— Давай,— настаивал Марит с садистским ликованием,— снимай рубаху! Я оказываю тебе услугу — ты же совсем исхудал, дружище. Я выращу больше ганка, ты наешься от души и станешь пожирнее, чем сейчас.

Остальные улыбались, и Гордий смотрел на них с растущей паникой. Потом он совершил ошибку.

— Луон,— сказал он,— не позволяй им делать это...

— Почему ты просишь его? — зарычал Марит.— Меня надо просить, слизняк!

Миг спустя он уже наседа на толстяка, отвечивая ему шлепки — на этот раз ладонью, а не кулаком — по лицу и грузному телу, дёргая за рубаху и крича в лицо: «Снимай же её! Снимай быстрее!» Жертва покори́лась, хныча; вскоре Гордий обхватил руками свой голый торс, заметно дрожа.

— Я замёрзну насмерть! — ныл он.— Честное слово... я умру от холода!

— Это ты-то, жирный тюлень? — сказал Марит, пришила рубашу к стене возле светошеста осколками камней. — Да тебе голому должно быть теплее, чем всем нам в одежде.

— Ты же бог, верно? — сказал Мо. — Наколдуй себе немного тепла.

Мо и Давиде помогли Мариту втереть в ткань мерцающие водяные капли, а потом нанесли немного чёрных спор. Когда дело было сделано, Марит выглядел полностью удовлетворённым.

Они вгрызались всё глубже в скалу. Э-дю-Ка обнаружил спрятанный в камне сюрприз: кусок металла. Тот был чёрным, словно космос, и на ощупь казался плотнее, чем окружавшая его порода.

— Метеоритное железо, — с гордостью сказал Э-дю-Ка. — Настоящий металл! Сколько мы болтали о том, как нам выплавлять металл, — а не нужно! Вот вам натуральный кусок ранней Солнечной системы, вмурованный в астероид!

— Всё-таки непонятно, как его обработать, — сказал Луон. — Он ведь прочнее камня.

На время они забросили рытье туннеля, собрались вокруг находки и принялись выдумывать разные способы обработки железа. Давиде попытался отполировать его рабочим концом бура в надежде, что трение согреет металл и сделает ковким, но кусок просто развалился пополам. Все закричали, словно глыба металла была сложной машиной, которую непоправимо испортили. Потом, по предложению Мо, они приложили её к теплему боку синтез-ячейки. Она немного согрелась, но не помягчала. После этого у них случился затяжной спор о том, можно ли ковать металл при по-

мощи грубой силы. Идея Давиде состояла в том, чтобы прижать глыбу к стене и воспользоваться скруббером как кузнечным молотом; но все остальные решили, что это ужасное предложение.

— Повредим скруббер — и умрём через несколько часов, — сказал Луон.

По схожим причинам не стали использовать и синтез-ячейку. Они по очереди попытались счастья с самыми твёрдыми камнями, какие только смогли найти, — лупили ими по металлу, но ничего не добились.

Но железо всё-таки было трофеем. Э-дю-Ка взял себе кусок побольше, а Луон — оставшийся.

Как-то раз, когда Мо, Марит и Луон орудовали бурами, а Э-дю-Ка и Давиде спали, Гордий подобрался к Жаку.

— Я тут думал, в чём может состоять твой план, — возбуждённо прошептал он. Не успел Жак ответить, как он продолжил: — Я знаю! Я знаю! Но им не скажу. Я знаю, что это как-то связано с окном, которое ты мастеришь. — Он указал на то место под рубахой Жака, где были спрятаны осколки стекла. — Кажется, я всё понял. Ты хочешь сделать стекло прозрачным и вставить в бок астероида. Я всё думал: ну не может такого быть, ведь оно окажется слишком маленьким, чтобы глядеть наружу. Но потом я сообразил: ну хорошо, получается, что ты и не собираешься смотреть наружу. Вот я думал-думал и придумал. — Гордий потёр ладони друг о друга и принялся растирать широкую грудь со складками кожи, чтобы хоть немного согреться. — Ну так вот, я понял: это не для того, чтобы ты смотрел наружу, это чтобы кто-то другой смог заглянуть внутрь. Я прав? Не в том смысле, конечно, что кто-то станет

подглядывать за нами в замочную скважину. Я другое имел в виду... Ну вот если бы я был пилотом космического корабля и искал своего компадре Жака Безногого среди астероидов. Я бы знал, что он внутри одного из них, но попробуй выбери нужный из десятка миллионов! Как же мне понять, в котором из них Жак? Что ж... может, в том, из которого вырывается лучик света?

От его улыбки у Жака болезненно сжалось сердце.

— Звучит не очень-то правдоподобно, Гордий,— ответил он со всей деликатностью, на какую был способен.— Надо подойти очень близко к правильному астероиду, чтобы просто заметить слабый свет, исходящий нашим светомешством, через кусок стекла размером не больше ладони. И ведь обитаемые астероиды — некоторые из них почти такие же, как наш,— часто светятся. Кстати говоря, как я могу вделать окно в поверхность астероида, не выпустив весь воздух в космос?

— О, я многие детали ещё не обдумал как следует,— охотно согласился Гордий.— Но мыслю-то верно, да?

— А ты не подумал,— осторожно начал Жак,— что я занимаюсь стеклом, просто чтобы не сидеть без дела, чтобы как-то потратить очередной день из тех четырёх тысяч, что нам предстоит тут провести?

— Нет, это всё не развлечения ради,— сказал Гордий с уверенностью, порождённой, как было очевидно Жаку, отчаянием.— Это часть твоего плана. Ты пират? У тебя есть команда?

— Нет,— сказал Жак с лёгкой грустью.— И нет. Я сам по себе.

Это заставило воображаемые паруса Гордия, раздуваемые ветром, слегка обвиснуть. Но он всё-таки сказал:

— Помни о своём обещании. Ты заберёшь меня с собой.

— Будь спокоен, Гордий,— сказал Жак.— Тебя-то я уж точно не оставлю.

Он сидел в ящике, ящике из камня, который вращался на околосолнечной орбите радиусом в несколько сотен миллионов миль. Орбита представляла собой искривлённую окружность. Жак сидел в ящике, и никто ему не мог помочь, спасти от людей, которые его убьют — не ради какой-то цели, а попросту со скуки.

И по мере того, как рытьё туннеля превращалось в рутину, скука делалась всё более серьёзной проблемой.

— В каком-то смысле,— однажды сказал Э-дю-Ка,— первое время здесь было интереснее. В каком-то смысле.

— Спятил? — поинтересовался Давиде, перебирая свою бороду, разглаживая волоски один за другим. Закончив, он собирал их в пряди и заплетал косички.— Забыл, как тут было холодно? Надеюсь, до конца жизни я уже не испытаю подобного холода.

— Ты прав, Мистер-которого-арестовал-сам-Барле-дюк. Но у нас хоть было чем заняться,— сказал Э-дю-Ка.— Мы не скучали. Мёрзли, да. Но я этого почти не замечал, потому что думал только о том, как бы выжить.

— Лучше я буду скучать в тепле,— сказал Давиде,— чем работать в такой... холодрыге.

Внутри Лами 306 стало заметно теплее. Это была ещё не температура тела, конечно, и в общем помещении оставалось заметно прохладнее, чем в трёх ком-

натах, где обитали альфы. Но даже в главной пещере уже не ощущался былой леденящий холод. Полуголый Гордий, конечно, постоянно твердил, что мёрзнет. Он и в самом деле трясся, словно от болезни Паркинсона. Время от времени Марит вопил: «Тебе холодно? Сейчас я тебя согрею, боженок!» — и бросался на Гордия, отвешивая шлепки и пинки. Когда такое случалось — а случалось оно нередко, — жертва издавала жалобные крики и, как могла, сжималась в мяч. Обычно Мариту всё быстро надоедало, и он уплывал прочь.

Для Жака скука не была проблемой. Он смотрел во все глаза. Он был внутри ящика. Он и сам был ящиком. Что же пряталось в нём? Он знал, конечно, и вы тоже знаете. Но даже голосок сомнений иной раз звучит с болезненной ясностью.

Он не мог выбраться из ящика, тут вопросов не было. Как же ему выбраться? Поставив вопрос таким образом, он подбирался к решению задачи с практической стороны, но лишь видел, как один за другим открываются новые варианты будущего. Если он выберется из ящика — условная модальность. Но способ выражения условности — вероятность, а вероятность есть лишь синоним неопределённости — и вот они, сомнения. Собственные сомнения — вот и всё, в чем он уверен. Таков был материал, из которого состоял его персональный ящик.

— Думаете, они действительно вернутся? — однажды спросил Мо. Вышло так, что три альфы в это время бурили. Остальные парили без дела посреди главной пещеры.

— Конечно, — сказал Жак. — Одиннадцать лет? Это немного, если оценивать вещи глобально.

— Но зачем им такая морока?

— Затем,— сказал Марит, явно раздраженный вопросом,— что они должны получить доход от своих вложений. В этом всё дело, понимаешь? Наказание тут ни при чём. Они точно не заинтересованы в том, чтобы превратить нас в порядочных граждан. В космосе всё стоит очень дорого. Пределы погрешности тоньше волоса. Они потратились, отправив нас сюда, с этим адским старьём,— потратились на буры, скруббер и даже горсточку дрянных спор. На всё это ушли кредиты. Кредиты, кредиты, кредитто. Им нужно вернуть деньги с прибылью. Мы создаём их прибыль, превращая камень в собственность, которую можно продать. Вот и всё. Всё, и точка.

Он делался злее с каждым законченным предложением.

— Ну понятно,— сказал Мо.— Они подкатят сюда однажды и заберут Лами 306, приделают к ней двигатель и передвинут на орбиту, привлекательную для покупателей. Ясно. Но почему через одиннадцать лет?

— Такой срок нам дали,— сказал Гордий, запинаясь. Беспрестанная дрожь привела к тому, что он стал разговаривать невнятно, глотая слова.— Они должны вернуться, когда приговор будет исполнен, когда мы выплатим свой долг солнечному обществу.

— Изрек господь слово своё,— процедил Марит и бросил в Гордия камнем.

— Гонгси занимаются не только недвижимостью, вообще-то,— заметил Жак.— Основной доход они получают от того, что забирают заключённых из государственных тюрем и соответственно вынесенным приговорам решают их судьбу, получая деньги за каждого.

— Разумеется. Но ни одна компания не протянет долго, если у неё будет только один источник дохода. Гонгси знают, что такое диверсификация. А если нужна прибыль, то издержки надо сокращать по максимуму. Нам дали срок, говорите? Если они вернутся, когда этот срок закончится, им придётся пригнать сюда большой корабль, поместить нас в трюм с нормальной атмосферой, кормить и поить, отвезти обратно на 8 Флору, оформить документы — это всё затраты,— сказал Мо.— А если они вернутся через пятнадцать лет? Или через сто?

— Очень долгосрочные будут инвестиции,— сказал Жак.

— Гонгси мыслят долгосрочно,— сказал Мо.— Я это и имел в виду. Если они вернутся через четверть века, мы все будем мертвы. Им нужно будет лишь выкинуть нас в космос. Очень дешево. И очень прибыльно.

— Тут же будет вонять! — сказал Гордий с округлившимися глазами.— Ужасно вонять!

— Незначительная экономия,— сказал Жак.— Не стоит усилий. И ведь будут ещё сопутствующие расходы. В итоге, я полагаю, им это невыгодно.

— И почему же, Половинка? — заинтересовался Мо.

— Главным образом,— сказал Жак,— дело в промедлении. Каждый год отсрочки вывода этого ящика на рынок недвижимости — это год с потерянными доходами. Готов спорить, ИскИны-счетоводы не стали бы ждать одиннадцать лет — всё из-за договора, который они подписали с Улановыми, а так-то они бы с радостью явились сюда и забрали нас, как только астероид будет выдолблен изнутри. Но они не могут. Я лишь хочу сказать, что они бы предпочли не ждать слишком

долго. А если мы здесь умрём, появятся дополнительные затраты. Избавляться от наших разложившихся трупов будет намного сложнее, чем просто отвезти нас обратно на 8 Флору.

— Да,— сказал Гордий с широкой улыбкой на дрожащем лице.— Видите? Они точно вернутся за нами.

— Думаешь, тела станут разлагаться в таком холоде? — сказал Мо, не желая уступать в споре.— Как по мне, нас бы нашли весьма свеженькими. Тут холодней, чем в морозилке.

— Ещё два года,— сказал Жак.— Два года, на протяжении которых синтез-ячейка будет испускать тепло, наши тела тоже, и если учесть, какой хороший из вакуума изолятор, то через два года здесь будет жарко, как в сауне. Нашей самой главной проблемой станет сброс тепла. Мы будем рыть туннели, просто чтобы добраться до холодного камня и тем самым понизить температуру. А когда выдолбим весь астероид, придётся подумать о том, как избавиться от излишнего тепла.

— Ага,— сказал Мо. Он расположился достаточно близко к синтез-ячейке, чтобы хлопнуть по корпусу.— Это при условии, что развалюха протянет больше года.

— Синтез-ячейки работают десятилетиями,— мрачно сказал Марит. Надёжность техники как будто вызывала у него отвращение.— Светостеш будет светить много десятков лет. Обогревателя хватит на тот же срок.

— Ячейки как таковые — разумеется. Они десятки лет производят энергию. Но мы же не знаем, что внутри этого ящика, не так ли? Ведь температурный предел ему укоротили, а? О чём я и говорю.

— Ты прав,— угрюмо сказал Марит.

Гордий дрожал, тихонько подвывая. Он, похоже, не осознавал, что издаёт какие-то звуки.

— Знаете, что бы я сделал? — сказал Мо.— Если б я был главным в нашей гонгси? Первые несколько месяцев мы бы без обогрева точно погибли — тут не поспоришь. Но что, если внутри ящика есть таймер? Термостат? Он ждёт, пока температура не достигнет нужного уровня — допустим, нуля, — и всё выключается.

Все задумались над этой вероятностью.

— С-садис-сты,— проговорил Гордий, заикаясь.

— Думаешь, они выше садизма? Оглянись вокруг: тут недостаточно холодно, чтобы убить нас, но и недостаточно тепло, чтобы мы хорошо себя чувствовали. И хотя вакуум изолирует, мы всё равно теряем тепло, которое уходит в космос. Как бы там ни было, эта скала холоднее льда, и мы каждый день вгрызаемся в неё всё глубже и глубже. Этого хватит, чтобы перекрыть тепло наших тел. Что, если мы никогда не согреемся? Что, если, наоборот, тут будет всё холоднее и холоднее? Мы продолжим трудиться, потому что это единственный способ согреться. Но температура будет понижаться, и вскоре мы замёрзнем до смерти. И вот тогда гонгси придет корабль; всё просчитано ИскИнами с точностью до часа. Они откроют ящик и найдут внутри наши отлично сохранившиеся трупы. Может, нас и выкидывать не станут! Измельчат, смешают с мульчей и будут выращивать помидоры! Я не знаю. Я просто пытаюсь понять — разве это не выгоднее?

— Одиннадцать лет,— сказал Гордий. Он уже не улыбался.— Таков наш приговор. Суд так постановил. Было бы противозаконно...

— Если мы умрём, отбывая срок,— проворчал Марит,— то гонгси не несёт никакой ответственности. С юридической точки зрения. Это наша забота. Выжить.

— Они этого не сделают,— сказал Гордий, не глядя никому в глаза.— Того, что придумал Мо. Они не делают такого.

— Я всё-таки считаю, что это лишние траты,— сказал Жак.— Даже если я неправ, остаётся риск, что их раскроют и оштрафуют. Гонгси ненавидят рисковать. Риск — это слишком дорого.

— Знаете, что я изучал в Гоби? — спросил Мо, широко разведя руками.— Экономiku. Знаете, чему я научился? Вселенная держится на трёх вещах. Только трёх. Сырьё, энергия и труд. Энергия очень дорога. Да, конечно,— она сейчас дешевле, чем в химическую эпоху, но всё равно стоит недёшево. А вот сырьё вздорожало так, что держись. Его полным-полно, однако лишь в космосе, а космос — жутко дорогая среда, когда речь заходит о добыче чего-нибудь. Энергии мало, сырья мало, а когда товара мало, он растёт в цене. Чего у нас много? Труда. Люди постоянно производят людей. Чем они беднее, тем больше у них детей. Есть у природы такие законы, что противоречат всякой логике. Должно ведь быть наоборот — чем ты богаче, тем больше у тебя отпрысков. Но всё не так. Земля истощена, там нет сырья, и с энергией тоже всё плохо, потому что между планетой и Солнцем имеется блокирующая завеса под названием «атмосфера», а гравитация снижает эффективность синтез-ячеек до смехотворного уровня. Но людей там просто невероятное количество. Вся планета — безумная фабрика по самовоспроизвод-

ству. И вот вам физика экономики: мало — значит, дорого; много — значит, дешево. Предложение и спрос. Так устроен мир, в котором мы живём, джентльмены... и божки. В этом мире сырьё стоит дорого, и энергия стоит дорого, а единственная вещь, которая ничего не стоит, — человеческая жизнь. Этот каменный ящик для нашей гонгси ценнее, чем любое количество человеческих жизней.

Это была длинная речь, и Мо охрип. Он подплыл к скрубберу и глотнул воды.

— Весьма... — начал Жак, осторожно подбирая слова, не испытывая уверенности в том, что настроение Мо опять не переменится, — нигилистический взгляд на мир, я бы сказал.

— Думаешь? — мрачно спросил Мо. — Меня воспитывали согласно доктрине Просачивания¹. Я вырос, кстати говоря, на Земле, а не в каком-нибудь трущобном пузыре из пластика, который разлагается прямо на глазах. Нет, я вырос в городе богачей в Западной Африке. Наш божонок и не догадывается, через что пришлось пройти мне. Функционирование экономики заменяло нашему миру ньютоновскую механику. Мой отец изучал экономику и поклонялся ей. Знаете, почему?

— Потому что такие, как он, верят, что экономика объясняет весь космос, — сказал Марит тоном сведущего человека.

— И это тоже, — согласился Мо. — Разумеется. Но знаешь что, друг? Это ещё не всё. Они верили, что экономика обеспечила человечеству особое местечко в

¹ *Trickle-down theory* — экономическая теория просачивания благ сверху вниз, согласно которой выгоды монополий совпадают с выгодами мелких предпринимателей и потребителей.

самом центре Вселенной. Мы думали, Земля находится в центре космоса, и получается, что мы особенные, пока наука не убедила нас в обратном. Потом мы думали, что Солнце располагается в центре, пока наука не пришла к выводу, что и это неправда. Мы думали, Господь создал нас по образу и подобию Своему, и это значит, что мы особенные, а потом наука сказала, что мы стали такими, чтобы лучше вписаться в пейзаж. Вот этим наука и занимается, она говорит: эй, глянь-ка сюда и убедись, что ничего в тебе нет особенного. Но экономика? Экономика тоже наука. И что же она говорит? Спросите моего отца, он всё расскажет. Она говорит: есть энергия, и сырье, и космос. Но без нас энергия хаотична, а сырье инертно. Только труд делает космос живым. Только из-за нас существует экономика. Потому-то мы особенные.

— Звучит неплохо,— дипломатично заметил Луон.

— Я тоже так думал. Наверное, потому, что мне это твердили с детства. Но потом я начал учиться в Гоби. Экономике, конечно; вряд ли я мог заняться изучением чего-то другого в университете. Моей специальностью были хаотический обмен и философия денег. Но я также стал ходить на лекции по исторической экономике. Смысл этого курса заключался в том, чтобы показать, насколько неэффективны были древние экономические системы, поскольку люди в те времена не понимали физики того, с чем пытались работать. Но на меня он оказал другой эффект. Обратный. Я открыл глаза. Я потерял веру — не в экономику, потому что она неизменна, как энтропия. Но веру в ту идею, что экономика обеспечивает человечеству особое место. Я вдруг всё понял. В экономике есть особое место для стоимости, а

стоимость — не то же самое, что люди. Какое-то время, на заре эволюции человечества, эти две вещи совпадали. Но больше не совпадают. Мы исчерпали обычное сырьё. Мы вышли в космос. Вы только послушайте: земные экономисты говорили, что посылать людей в космос слишком дорого и неэффективно. Вообразите себе такое! Полвека правительства Земли тратили миллиарды кредитов, посылая в космос роботов, питавшихся химическим горючим. Ага, очень экономически эффективно, да? Роботы и сейчас дороги, а в те времена они стоили уйму денег. Но вот люди дешёвы и постоянно дешевеют. Они всё время размножаются, и это значит, что их относительная стоимость падает. Мы всегда будем самым дешевым вариантом. Всегда. Мы теряем абсолютную стоимость с каждым поколением. И потому я забросил учёбу и ушел в преступность. Отец лишил меня наследства. Знаете что? По-моему, это было не очень-то справедливо. Я всего лишь следовал его заветам. Стал получать доход от единственного ресурса, что оставался в изобилии. Я вступил в банду торговцев людьми. Я работал с ними ради удовольствия и ради денег десять лет — пока Улановы меня не сцапали.

Устав от разговора, Мо повернулся к стене и уснул.

— Строит из себя великого философа, — проворчал Давиде. — Но знаменитый Бар-ле-дюк арестовал меня, а не его.

У них не осталось сил даже на то, чтобы поиздеваться над ним из-за этого смехотворного и претенциозного заявления. Наступила тишина.

Марит убивал время, бросая камни через всю пещеру, целясь в выступ на пепельно-серой стене. Он попадал в яблочко девятнадцать раз из двадцати, но про-

должал тренироваться. Тук, тук, тук. От звука можно было сойти с ума. Он был неумолим, словно пытка водой. Но Жак никак не мог попросить Марита остановиться, не рискуя перенаправить его гнев на себя. Он попытался отвлечься. Тук, тук, тук.

Подплыл Гордий.

— Жак, мне холодно,— сказал он.— Поделись со мной рубахой.

— Она на тебя не налезет,— сказал Жак. Это была простая констатация факта.

— Мне холодно. Лучше так, чем ничего. Я могу замёрзнуть насмерть! Человеческое тело не может вынести такого. Ты мой друг. Ну же, Жак! Давай поделим твою рубаху — я это хотел сказать. Я буду носить её, пока не согреюсь, потом отдам обратно.

— Нет,— сказал Жак.

По широкому лицу Гордия пробежала дрожь, а потом оно исказилось, как у младенца, готового разрыдаться. Но он не расплакался. Он прищурил глаза, в которых вспыхнул демонический огонь, и хлынула ненависть, копившаяся всё то время, пока о него вытирали ноги.

— Да! — завизжал он.— Да! Да! Да!

И схватил Жака за горло, так что складки его кожи заколыхались у того над плечами.

Внезапность и ярость этого поступка застали Жака врасплох. Гордий был намного тяжелее, и они оба с силой врезались в стену. Удар оказался для Жака болезненным. Но его шею стискивали куда более мучительным образом.

Он ушел глубже внутрь себя, отделился от боли, которую испытывал. Куда он ушёл? Сложно сказать.

Вероятно, в ящик. Но, даже если так, ящик остался нетронутым, закрытым. Где-то — на совершенно другой орбите, далеко во тьме за Юпитером — летало его сердце, колотившееся слишком быстро. Нехорошо. Кожа на шее сминалась с неприятным скрежетом. Она может порваться, и будет кровь. Это тоже плохо.

Он уgomонил свои мысли. Вот его мозг. Вот то, что спрятано в ящике из кости, в его собственной голове. Вот камень под его правой рукой. Он ощутил этот камень: большой, с острыми краями. Попытался схватить. Упустил, задев лишь кончиками пальцев, и камень закружился в воздухе. Попытался снова, чуть придвинул его и преуспел.

Ситуация была деликатная. Он хотел, разумеется, свести травмы к минимуму и как-то обойтись без серьезных порезов, ран или больших ссадин. Но надо было действовать.

Нелёгкое дело.

Он успокоил своё сердцебиение.

Вот его глаза, вот зрительный нерв, передающий воздействие потока фотонов, ударяющих в сетчатку. Две дыры в ящике из кости. Он весь обратился в зрение и увидел нависшее лицо Гордия, искаженное яростью. Ромбовидный шрам в центре его лба мерцал красным, точно злобный глаз. Третий глаз, связанный с душой. Но собственные глаза Жака передавали странно искаженную картину — овал, окруженный тьмой. Он понял, что не дышит, что бесполезно и пытаться. Надо было решиться и что-то сделать с камнем в руке.

Все варианты были перед ним как на ладони. Ударить несколько раз в шею или, быть может, в лицо. Тогда Гордий точно успокоится, но открытых ран не

избежать. Врезать ему по затылку, где длинные всколоченные волосы смягчат удар,— вероятно, кожу это не повредит, но нет гарантии, что Гордий его отпустит. Оставался только последний, третий вариант.

Его поле зрения сужалось. Рядом кто-то хрипел, задыхаясь. Это был он сам. Жак рассчитал траекторию, нащупал самый острый край камня, занёс руку.

И изо всех сил ударил Гордия в глаз.

Траектория вышла замысловатая, кривая, их лица оказались слишком близко друг к другу, и Жак задел собственную голову. Но заострённый край камня вошёл в глазное яблоко.

Гордий взвыл и отпустил шею Жака. В каком-то смысле это был самый сложный момент; диафрагма Жака инстинктивно пошла вниз, воздух хлынул по воспалённому горлу, сердцебиение перешло в бешеный барабанный бой, и физиологичность всех этих процессов почти вытянула Жака из его укромного местечка в ящике. Но он не мог себе позволить потерять контроль. Он должен был свести физический ущерб к минимуму.

Он с трудом вернул себе внутреннее спокойствие. Он прижал левую руку к затылку Гордия, а правой продолжил вдавливать острый конец камня в глазницу. Вопли Гордия сделались на полтора тона выше. Теперь он хватался руками за собственное лицо, пытаясь избавиться от камня.

Хватит. Жак отпустил его, отлетел к стене и полностью вернулся в своё тело. Это оказалось неприятно: горло терзала жгучая боль, как будто его раздавили и ободрали. Другая, особенная боль ритмично пульсировала в его голове. У него слезились глаза, в лёгких заморо-

дался неуправляемый кашель, рот заполнился кислой слюной. Он собрался, чтобы преодолеть пик боли. Когда худшее было позади, он вдруг понял, что не слышит буров. Тук-тук-тук Марита тоже стихло. Пронзительное визжание Гордия было единственным звуком. Нет... был ещё один. Похожий на перестук дождевых капель.

Жак открыл глаза. Пятёрка ему аплодировала. Вот что это был за звук.

— Браво, Бегунок,— сказал Марит. На его лице сияла широкая улыбка.— Я думал, ты здесь мёртвый груз, но оказалось, что ты наделен...— Он взмахнул рукой, словно ставя замысловатую подпись под важным письмом, как делали в древности: — Похвальной изобретательностью.

— Это было здорово,— согласился Давиде.— Может, вам стоит драться почаще. Ради борьбы со скукой.

Э-дю-Ка хмыкнул.

— Будете нашими древнегреческими гладиаторами! — сказал он.

— Римскими,— сказал Луон.

— Какая разница! Главное, это весело.

Жак трижды глубоко вдохнул, чтобы успокоить измученные лёгкие, и пробрался вдоль стены к Гордию. Толстяк вопил уже не так громко: лицо он прятал в ладонях. Когда Жак коснулся его плеча, он вздрогнул.

— Дай посмотрю на твой глаз.

— Прости. Прости,— провыл Гордий.

— Ну хватит, Горд,— сказал Жак, аккуратно отводя в сторону его большие руки.— Дай я посмотрю, что тут у нас приключилось.

— Не знаю, что на меня нашло! Прости меня — ты же мой единственный друг! Прости!

— Ну хватит, хватит,— сказал Жак. Гордий зажмурил здоровый правый глаз, но левый выглядел ужасно.— Давай-ка сюда, к скрубберу. Надо промыть глаз.

— Мне просто было так холодно... я устал от того, что мне всё время холодно...

Гордий позволил Жаку подтащить себя к скрубберу и лишь слегка вздрогнул, когда облако водяных капель коснулось его раны. Все по-прежнему наблюдали.

— Поцелуй его,— посоветовал Марит.— Поцелуй как следует.

Он хрипло рассмеялся. Жак вскинул взгляд, потом опустил. Он беспокоился, что повредил не только глазное яблоко, но и кожу вокруг него, щёку или бровь. Его волновал не порез как таковой — простая рана должна была быстро зарубцеваться. Но среда, в которой они находились, была нездоровой, поддерживать гигиену посреди такого количества дерьма и грязи, летающей в воздухе, было очень сложно, и любой порез мог воспалиться. Кто знает, к чему могла привести инфекция,— даже к большим гноящимся ранам. Гордий мог умереть в мучительной агонии. Жак этого не хотел. Рана на лбу оказалась неприятной неожиданностью, но она, к счастью, неплохо зажила. Во второй раз ему так не повезёт.

Он раздвинул веки Гордия, и тот захныкал, но не очень громко. Зрачок разрушился, сквозь дыру вытекла часть желеобразного содержимого глазного яблока. Но Жак решил, что само по себе оно стерильно и должно будет — он точно не знал — затянуться или зарубцеваться, как-то так. Он позволил векам закрыться и снова промыл глаз водой.

— Не трогай,— приказал он Гордию.— Пусть заживёт. Через день-два перестанет болеть.

Гордий, преодолев этапы ненависти и раскаяния, перешел к возмущению.

— Мой глаз! — завопил он. — Ты лишил меня глаза!

— У тебя ещё один есть, — сообщил Э-дю-Ка. — Радуйся тому, что имеешь, ты, мешок гхи¹.

Пятёрка от души рассмеялась, и Мо принялся кривляться, выкрикивая женоподобным голосом: «Мой глаз! О-о, мой глаз!»

— Зачем ты ослепил меня... — причитал Гордий. — Что ты наделал? Здесь мне никогда не раздобыть искусственный глаз!

Хохот пятёрки сделался громче.

— Я думал, ты мой друг! — выл Гордий. — Зачем ты меня ослепил?

— Ты пытался меня задушить, — мягко заметил Жак.

Силы покинули Гордия. Он разрыдался.

— Казалось бы, с одним глазом он должен плакать вполровину меньше, — сказал Марит. — Но вы только послушайте его!

Он намеревался пошутить, но общая весёлость как-то вдруг схлынула. Э-дю-Ка, Луон и Давиде вернулись в центральный туннель и снова запустили буры. Гордий, всхлипывая, свернулся в комок. Мо опять уснул, а Марит снова принялся тук-тук-тукать камнями по дальней стене.

Жак забрался в угол и вытащил свой кусок стекла. Держать его в руках, шлифовать его, полировать его круговыми движениями — это очень успокаивало.

¹ *Гхи* — разновидность топленого масла, популярная в Южной Азии. В индуизме гхи применяется для яджны (жертвоприношения).

Работая, он прислушивался к собственным ощущениям: гортань саднила, каждый вдох приносил режущую боль, в горле что-то свистело. Это было неприятно, но он знал, что всё пройдёт. Перед глазами у него мелькали чёрные точки. А вот это заставляло беспокоиться куда сильнее. Если случившееся повредило сетчатку, всё обернётся очень плохо. Наверное, это из-за лопнувших кровеносных сосудов. Он надеялся на лучшее.

Он отрешился от боли и сосредоточился на стекле.

Позже три альфы выбрались из туннеля, тяжело дыша от усталости, покрытые пылью. Была смена Гордия, но, хотя Жак чувствовал себя слабым, у него всё болело и работать не хотелось, он занял место маленького бога. Он беспокоился, что во время бурения в открытую рану на месте глазницы Гордия попадёт песок. Инфекция могла привести к роковым последствиям. У них не было никакой надежды на медицинскую помощь.

И Жак отработал всю смену. В туннеле было уже пятнадцать метров длины, он тянулся глубоко к сердцу астероида. Марит решил, ни с кем не советуясь, что это достаточная длина, и, развернув бур, начал рыть собственную комнату. Мо последовал его примеру, и Жак не видел ни одной причины, почему бы и ему не сделать то же самое. С учётом того, как развивались отношения внутри группы, им и в самом деле требовалось хотя бы некое подобие уединения, иначе они взорвутся. И буры трудились, медленно вырезая три отдельные комнаты. Если их станет шесть, тогда Гордий сможет жить один в главной пещере.

Не то чтобы это имело значение. Каждая комната была ящиком внутри ящика. А что в ящике?

Голос. Он был по-прежнему там.

Намного позже, после того как смена Жака закончилась и он устроился в углу, чтобы поспать, к нему пришел Гордий. Теперь пришел его черёд бурить. Хотя он жаловался и скулил, увильнуть было нельзя, но, перед тем как отправиться в туннель, он наклонил раненое лицо к Жаку.

— Прости, прости,— проговорил он жалобным голосом.— Я совсем съехал с катушек. Мне не стоило этого делать. Ты правильно выбил мне глаз.

— Всё хорошо,— сказал Жак, раздраженный его раболопием.— Но я очень устал после всего, что было. Я хочу спать.

— Я просто хотел извиниться! Ты правильно выбил мне глаз! Я поступил отвратительно! Ты простишь меня за то, что я напал на тебя? Ты мой единственный друг в этом адском месте! Ты...

— Ну хватит, боженок,— заорал Луон из туннеля.— Работать пора. Иди сюда сейчас же.

— Ты,— Гордий перешел на шепот, и в его голосе зазвучали жалобные, отчаянные нотки,— ты по-прежнему согласен взять меня с собой? Когда уйдёшь отсюда?

— Я ведь обещал, верно? — ответил Жак.

— Просто я... я не должен был хватать тебя за шею. Мне так жаль, что я это сделал. Ты не... передумал?

— Когда я уйду,— сказал Жак, закрывая глаза,— то не оставлю тебя здесь, Горд.

Толстяк снова заплакал, но на этот раз из его единственного глаза текли слёзы радости.

— Спасибо, друг. Я этого не забуду. Мы тут вместе, ты и я. Я сошел с ума, когда полез драться.

— Иди сюда, боженок,— взревел Э-дю-Ка.— Или я тебе выбью второй глаз.

Гордый отправился в туннель. Жак чувствовал, как подступает сон, затопляя его сознание, словно тёплая вода, наполняющая ванну. Он исчез — почти что,— а потом вдруг почувствовал прикосновение к своей руке и резко открыл глаза.

Справа парила ухмыляющаяся рожа Марита.

— Что тебе нужно, Марит? Секс? Я слишком устал. Дай выспаться, и от меня будет больше толку.

— Я слышал, что ты сказал божку,— сказал Марит.

Жак обдумал это. Перебрал все возможные варианты ответа.

— У тебя в ушах такие густые заросли, что я удивлён, как ты вообще не оглох. Серьёзно, у тебя там натуральная щетина, как на зубной щётке.

Он проговорил это с напускной весёлостью, как будто заигрывая.

— Ха,— мрачно отозвался Марит.— Я всё расслышал как следует. Он думает, что ты сумеешь сбежать с этой каменюки?

— Ему кажется,— осторожно сказал Жак.

— У него с головой проблемы. Он слабовольный и тупой. Разве мы можем отсюда выбраться?

— Мы не можем,— согласился Жак.

— Разве что кто-то придёт за нами. И ведь только в гонгси знают, где мы.

— Только они,— сказал Жак, кивая. Так оно и было на самом деле.

— Но они вернутся сюда лет через десять или ещё позже. Верно?

— Верно.

Марит придвинулся ближе. Его дыхание пахло сеном и гнильём.

— Так почему же боженок думает по-другому, а? Что ты ему наплёл?

— Ничего я не наплёл,— сказал Жак, тщательно подбирая каждое слово.— Он на волосок от безумия. Ну сам подумай: если уж ему взбрело в голову, что я знаю волшебный способ, позволяющий выбраться из этого ящика,— зачем мне убеждать его в обратном? Пусть надеется.

— Надежда растёт,— заметил Марит.— Убей её молодой, и ему будет больно. Убей её старой, и это его прикончит.

Он поплыл прочь.

Жак снова закрыл глаза. Ничто не могло помешать ему заснуть. Но пока реальность расплывалась в сознании, как в дешевой БИТ-киношке, он продолжал слышать голос Марита, тихий и жестокий, звучавший где-то далеко:

— Я слежу за тобой, Бегунок. Всё время слежу.

Время шло. Они всё бурили и бурили, и довольно скоро три новые комнаты были готовы. Потом альфы посоветовались и решили, что туннель надо углубить ещё на пять метров, а потом вырезать вторую большую пещеру.

— Можем сломать светостест пополам, и у нас будет два освещённых помещения. Вырастим в два раза больше ганка! — сказал Луон.

Жак не стал ему возражать и указывать на очевидный факт: если света будет в два раза меньше, споры

станут расти в два раза медленнее. Вырубка второй пещеры была неплохим способом убить время.

Глаз Гордия более-менее зажил. Обошлось без инфекций, хотя веки, как он сам выразился, «склеились намертво». Жаку очень хотелось проверить, на самом ли деле они склеились или Горд просто старался их не открывать, поскольку прикосновение века к деформированной поверхности мёртвого побелевшего глаза вызывало у него неприятные ощущения. Но Жак никак не мог найти предлог, чтобы сделать это.

И потому корпел над стеклом. Оно было почти готово. Он знал, что станет делать, когда закончит: возьмется за новое. То и дело во время бурения ему попадались новые кусочки стекла. Их было слишком мало, и он не пытался сделать из них кусок побольше. Но кое-что интересное всё-таки прихватил: два красивых коричневато-зелёных полумесяца (цвет проявился, когда он их очистил от грязи и отполировал). Прямой кусочек, похожий на миниатюрный меч или коктейльную шпажку. Несколько малюсеньких штукоев в форме буквы D, которым порадовался бы какой-нибудь неандерталец.

Он был почти готов.

Потом одна за другой приключились две довольно серьёзные неприятности. Первую они осознали не сразу, и в конечном итоге из-за неё пришлось как следует попотеть. На протяжении многих дней давление воздуха постепенно падало. От малейшего усилия сбивалось дыхание. Они проверили скруббер, но тот работал как обычно, просто он мог перерабатывать лишь тот воздух, который уже был в пещере, а раскопки привели к тому, что внутреннее пространство сделалось намного

больше. Чтобы получить кислород, требовался лёд. Того запаса, что они держали для питья, не хватало.

— Засуньте туда всё, что у нас есть, — сказал Давиде со злостью, которая почти не скрывала его тревогу. Страх медленной смерти от удушья, подумал Жак, куда сильнее терзает его разум, чем страх смерти от жажды.

— И что же мы будем пить? — парировал Луон. — Мочу? Нет, нам надо нарыть ещё много льда.

Потому-то они занялись второй пещерой раньше, чем рассчитывали, и тыкали бурами во все стороны, пытаясь найти ещё одну ледяную жилу.

Это спровоцировало вторую неприятность. Шланги, прикреплённые к задней части буров, уже некоторое время приходилось разматывать на всю длину. Изменившееся направление раскопок вынудило их туго натянуться. Поначалу они не испугались: когда Э-дю-Ка вытянул шланг из углубления в скале, дыра затянулась. Осмотрев её как следует, они поняли, что конусообразный кончик устроен так, чтобы заполнять дыру измельченной породой, запечатывая её. В любом случае, переместить этот шланг не составило труда. Э-дю-Ка приложил его к скале прямо в самом туннеле, и через полтора часа устройство вновь пробилося наружу. То же самое произошло со шлангом, прикреплённым ко второму буру. Но с третьим — тем самым, чей шланг пропустили через искусственный барьер, созданный «Маринатором» в первый день их пребывания на астероиде, — начались проблемы. Как выяснилось, дырывать этот материал все-таки не стоило. Когда шланг вытащили, дыра не закрылась, и сквозь неё с ужасным свистом начал выходить воздух.

Луон, Давиде и Марит в ужасе открыли рты. Мо начал что-то неразборчиво кричать. Всё, что было в главной пещере, потянулось к пробоине.

Даже Жаку пришлось напрячься сильнее обычного, чтобы отделить себя от собственного тела (учащенное сердцебиение, повышенный уровень адреналина) и обрести спокойствие. Однако он справился. Он выбрал подходящий камень и накрыл им дыру. Это замедлило утечку, но не прекратило, поскольку воздух просачивался по краям камня. Поэтому Жак взял немного грязи из той ямы, куда они сбрасывали нечистоты, добавил воды из скруббера, чтобы вышло что-то вроде глины, и получившимся составом запечатал все отверстия между камнем и материалом, из которого был сделан потолок.

Утечка прекратилась.

— Никому,— прохрипел Жак,— никому не прикасаться к этому камню.

Случившееся, однако, ничуть не улучшило положения вещей. Давление воздуха упало ещё сильнее, и они начали задыхаться. Даже простейшие действия требовали усилий и изматывали. У Гордия и Жака появился крошечный повод для радости, потому что ни у альфа-, ни у бета-самцов не осталось сил для секса. Но ситуация в целом была угрожающая. Если они не найдут лёд, то скоро умрут. Вот и всё.

И они бурили — кое-как, изнемогая от усталости. Они впадали в транс, не выпуская буров из рук.

Дни следовали один за другим.

Раздраженный Давиде винил Э-дю-Ка в том, что события приняли столь неблагоприятный оборот.

— С чего ты взял, что в герметик можно тыкать шлангом, дубина? — сказал он. — Понятно же, что его создавали для камня.

— Заткнись, — прохрипел Э-дю-Ка.

— Сам заткнись! Из-за твоей тупости мы все задохнёмся!

Э-дю-Ка зарычал, схватил пролетающий мимо камень и занёс руку для удара. Давиде заметно вздрогнул, но не отступил.

— Давай, — зарычал он.

Э-дю-Ка вскинул брови. У него напряглись мышцы на шее: он готовился.

— Эй! — заорал Луон.

Оба мужчины обернулись.

— Успокойся, Эннеми, — резко проговорил Луон. Все взгляды обратились к Э-дю-Ка.

— Я спросил, — сказал он. — Я спросил вас всех. Я сказал — может, попробовать? И вы сказали «да». Вы все это сказали.

— Мы не сказали «нет», — возразил Давиде. — Это разные вещи.

Глаза Э-дю-Ка расширились, он уставился на Давиде, как на предателя.

— Не смей так разговаривать со мной, коротышка. Он снова занёс руку, в которой сжимал камень.

— Хватит, — веско проговорил Луон.

Э-дю-Ка посмотрел на него и обмяк. Все увидели в его глазах обиду.

Луон не отвёл спокойного взгляда.

Жак наблюдал с интересом.

— Хватит, — повторил Луон.

Э-дю-Ка раскрыл пальцы, и камень остался висеть в воздухе.

— Знаменитейший офицер по арестам Бар-ле-дюк ни к кому из вас и на а. е.¹ не приближался,— сказал он. Потом оттолкнулся и устало поплыл в туннель. Вскоре оттуда донеслось жужжание бура.

Жак вновь занялся полировкой. Стекло было почти готово. По краям оно оказалось кривым, но это не имело значения. Он поднял взгляд. Марит о чём-то разговаривал с Давиде, размахивая руками. Жак увлёкся открывшимся видом: Давиде парил в той же плоскости, что он сам, но вот тело Марита было развёрнуто на сто восемьдесят градусов, так что его рот находился возле уха Давиде. Странное расположение и неразборчивое бормотание придавали сцене что-то демоническое. Возможно, всё дело было в нехватке кислорода, из-за чего всё вокруг как будто покрылось мерцающей патиной.

Время шло. Тёмные стены сделались ещё темнее. Они теперь были воплощением черноты, совершенной тьмой. Они горели, мерцали, сияли темнотой. Таков был истинный цвет Вселенной. Таким был космос на протяжении сотен тысяч лет после Большого взрыва, а теперь этот цвет проглядывал лишь в углях, оставшихся на месте пожара.

Крышка ящика дребезжала и подпрыгивала.

Надежда была только на воду, иначе их всех ждала смерть. Жак задумался над этим: с ним могли приключиться вещи и пострашнее смерти. Конечно, что-то получше тоже могло случиться.

¹ А. е. — астрономическая единица. Приблизительно равна расстоянию от Земли до Солнца.

Он спрятал кусок стекла под рубахой. Если они не найдут лёд побыстрее, от него уже не будет толку, и вообще ни от чего — ни сейчас, ни потом. От этой мысли он ощутил подобие спокойствия. Она почти не вызывала недовольства; ну разве что самую малость — у той его части, что держалась в самой глубине разума, у его Воли. И он всё-таки хотел закончить своё окно. Своё миниатюрное окошко. Малюсенькое окошечко.

Любой из них мог сорвать временную печать, закрывавшую дыру на потолке, — камень, державшийся на фекальном цементе, — и убить всех остальных. Это было проще простого.

Он дремал. Ему снились бессвязные сны. Доверенным лицам Улановых снились осознанные сновидения, в которых они решали проблемы, разгадывали загадки, раскрывали заговоры, отыскивали преступников. Столь удивительная отчетливость грез была недосыгаема для Жака.

Мо тряхнул его и разбудил: время бурить. Его голова казалась слишком маленькой для напирющей изнутри лавы, в которую превратилось серое вещество. Больно, как больно. У этих ощущений была тёмная, притягательная сторона: он не мог отрешиться от них, как поступал с обычной болью. Жак отделил свой разум от каркаса из нервов и мышц, но усталость и ноющая боль никуда не делись. Его душа покрывалась серыми пятнами отчаяния.

Только сухой камень. Медленно, как же медленно. Жак отключил шланг, поводил по камню буром и просеял закружившиеся крошки. Хрупкий черный уголь,

холодные и неумолимые, как грех, магматические осколки, силикаты — но никакого льда. Жак присоединил шланг обратно и стал очищать участок от мусора.

Он погрузился в неглубокий, беспокойный сон и одновременно продолжал бурить, а потом проснулся от пинков и тычков усталого, раздраженного Луона:

— Бегунок! Бегунок! Да очнись ты!

Он напоролся на ледяную жилу и теперь выбрасывал лёд в космос через шланг.

Следующий час прошел не то в бреду, не то в тумане. Они переместили все три бура к жиле — широкой реке голубовато-чёрного льда — и вырезали большие куски, которые потом тащили по туннелю и скармливали скрубберу. Лёд! Наконец-то! Встроенная в скруббер синтез-ячейка работала, вода перерабатывалась, и уровень кислорода начал повышаться. Понадобилось много времени, чтобы отчаяние, охватившее Жака, отступило.

Спасены.

Они надолго погрузились в безделье, прерываясь лишь для того, чтобы рассосать кусочек из нового запаса льда или пожевать немного ганка. Все испытывали невероятное облегчение.

Альфы попрятались по своим комнатам, остальные парили в главной пещере. У них теперь тоже имелись комнаты — у всех, кроме Гордия, — но там было холодно и одиноко, поэтому они предпочитали держаться вместе. Гордий, у которого теперь были вечно синие губы и отсутствующий взгляд, дрожал в каком-то странном ритме и бормотал себе под нос, вновь и вновь повторяя одно и то же.

Марит сунул голову в комнату Давиде и что-то шептал — вероятно, подстрекал на бунт. Жак был слишком измотан и опустошен, чтобы беспокоиться.

Вездесущие пыль и каменная крошка в воздухе медленно и неотвратно свивались в спирали и вихри, подчиняясь неторопливому вращению Лами 306. Их мир, их тюрьма вращалась вокруг своей оси посреди космоса, словно человек, которого мучили беспокойные сны.

Жак дремал, просыпался, дремал, просыпался.

Ящик был запечатан. Казалось, человеку не под силу его открыть. Только очень слабые звуки, доносившиеся изнутри, показывали, что там вообще что-то есть.

Вжж, вжж.

Он вытащил свой кусок стекла и начал полировать его и шлифовать. Теперь уже недолго. Но он работал медленно, не рисуясь. Асимптота вселенского экзистенциального разочарования приближалась. Такова геометрия космоса. Он чёрный и серый, синий и пурпурный, и...

— Бегунок! — сказал Марит. Он подплыл совсем близко, так что Жак почувствовал его зловонное дыхание на своём лице. Лишь неимоверная усталость помешала ему вздрогнуть или вскрикнуть от неожиданности.

— Марит, — прохрипел он.

— Ну и как, закончил ты своё окно?

Он посмотрел на человека, задавшего вопрос. И почти что сказал: ты сам окно, потому что все твои планы прозрачны. Но он бы ничего не выгадал, если б Марит понял, что ему известно.

— А что?

— Я уже давно собирался тебя спросить,— сказал Марит, подтягивая тело ближе, но держа голову на прежнем месте,— как же всё-таки ты потерял ноги? Или ты таким родился?

Жак приложил большой палец к подбородку и сильно надавил. Собрался с духом.

— Одно из двух, определённо,— ответил он.

На самом-то деле, конечно, Марита это вовсе не интересовало.

— Знаешь, Э-дю-Ка давно наблюдает за тем, как ты возишься со своим стеклом. Наблюдает! Он сказал, что заберёт его, когда ты закончишь. Я спросил — зачем? Но это и неважно. Да просто так. Хочет его забрать, и всё тут. Ему нравится запугивать.

Жак склонил голову набок:

— Ты что-то замыслил?

Глаза Марита мерцали: левый-правый, левый-правый.

— Слушай,— сказал он.— Так больше продолжаться не может. Мы чуть не задохнулись! Э-дю-Ка прокололся, друг. Ты ведь и сам заметил? Это лишь вопрос самосохранения. Давиде понял. И я тебе кое-что скажу. Мне кажется, ты достаточно сообразительный и тоже всё видишь.

— Моя поддержка и верность... тебе, Марит? А взамен?

Посиневшие губы Марита изогнулись в отвратительной улыбке.

— Не любишь ходить вокруг да около, Бегунок? Хорошо. Мне это нравится. Ну ладно, давай прямо к делу. Давиде и Мо со мной. Ты видел, как Луон отно-

сится к своему так называемому заместителю. Э-дю-Ка остался один, на самом краю. Что ты получишь в обмен на свою помощь? Тебе станет легче жить в нашей маленькой тюрьме. Ты поднимешься на ступеньку вверх.

Его глаза мерцали: левый-правый, левый-правый. Жак едва сдержал смех: он мог с лёгкостью сложить два и два, как и любой другой. Правда, значения это всё равно не имело.

— Как? — спросил Жак. — Э-дю-Ка большой и сильный. Камнем его не убьешь.

— У меня есть кое-что попрочнее камня, — сказал Марит, снова с неприятной улыбкой. — Об этом можешь не беспокоиться. Я тебя не прошу... пачкать руки. Просто поддержи меня. И... поговори с ним. Давиде не согласится, а Мо и мне он не доверяет. Поговори с ним, отвлеки его.

Жак чуть не расхохотался.

— И?

— Увидишь.

— А Гордий?

Его Марит в своих расчётах явно не принял во внимание. Он посмотрел на толстяка, потом снова перевёл взгляд на Жака:

— А что — Гордий?

— Ты не подумал... — начал Жак, но Марит перебил его:

— Да от него толку-то никакого. Что с ним?

— У него едет крыша, — сказал Жак. — Его разум... ты заметил, что он всё время повторяет что-то себе под нос?

Марит пренебрежительно поджал губы:

— И что?

— Мы не можем знать, что он учудит в один момент. Его ведь всё-таки приговорили за убийство. Он уже лишил человека жизни. Что, если он снова это делает? Что, если насилие сведёт его с ума?

Марит медленно кивнул.

— Думаешь, он может совсем-совсем сойти с ума? Ты знаешь его лучше, чем я. Ну ладно, ладно. Я попрошу Давиде, чтобы проследил за ним. Славненько! Вот видишь? Когда мы работаем сообща, всё складывается. Правда? Ну ведь правда?

— Конечно,— сказал Жак. Может, в воздухе стало больше кислорода. Он почувствовал, как напряжение и тоска чуть-чуть отпустили его душу.

Жак наблюдал. Его невероятно удивляло, что

Э-дю-Ка не замечает, как Марит и Давиде готовят переворот, настолько неумелыми были их попытки всё скрыть. Возможно, воздух всё ещё оставался слишком разреженным или же Э-дю-Ка сломался и сам это подсознательно понимал. Каждый из них знал, что может сломаться. Жак не мог сидеть в этом каменном ящике одиннадцать лет. Он вообще не мог тут оставаться. Это значило всё и ничего. Это было важно и не важно.

В конце концов ему не пришлось заводить беседу с Э-дю-Ка. Э-дю-Ка заговорил с ним сам. Вероятно, он что-то почувствовал, хотя сам не отдавал себе в этом отчёта.

— Я говорил с Луоном,— сказал он как-то раз ни с того ни с сего.— И мы поспорили. Он сказал, поскольку в твоём теле меньше крови — потому что у тебя нет ног,— ты сильнее чувствуешь холод, ведь нас согревает тёплая кровь. Но я сказал, что слабее: ты не теряешь

тепло через конечности, в смысле ноги, как все мы. Кто из нас прав?

— Мне не с чем сравнивать,— ответил Жак.— Я не знаю.

Э-дю-Ка кивнул, словно услышал нечто очень мудрое. Было заметно, что он думает о другом. Потом он сказал:

— Новая ледяная жила, похоже, обеспечит нас водой и воздухом на несколько лет! Да-да, лет! Мы тут болтали с Мо. Я сказал ему: ты правда думаешь, что гонгси бросила бы нас на этой каменюке, не разведав её первым делом? Конечно, они убедились, что здесь есть всё необходимое для жизни. Он сказал — вот ещё, делать им больше нечего. Но они же не психопаты! Ну да, они жестокие. Бесчеловечные и всё такое. Но не психи. Теперь, когда мы раскопали эту жилу, нам на несколько лет гарантированы вода, воздух и еда. Мы можем сосредоточиться на том, как сделать это место приятнее для жизни. Я прав? Каждому по комнате! И чтоб прогрелись хорошенько!

— Ну конечно,— рассеянно сказал Жак.

— Я не пытаюсь преуменьшить те трудности, которые нам пришлось пережить. Я тоже из-за них страдал! Было ведь нелегко, да?

— В общем и целом соглашусь,— сказал Жак.

Э-дю-Ка втянул воздух через стиснутые зубы:

— У нас ведь не будет второго шанса.

Жак видел, как у него за спиной Марит запустил руку за пазуху.

— Второго шанса? — спросил он.

— Чтобы привести всё в порядок. У нас только один шанс. Если мы успокоимся и будем соблюдать дисцип-

лину, тогда выживем — протянем все одиннадцать лет и выйдем на свободу с достоинством. Но если позволим анархии победить, то все будем мертвы через неделю. Умереть как животное или выжить как человек? Разве у нас на самом деле есть выбор?

— Умереть как животное,— повторил Жак.— Или?

Он то и дело переводил взгляд с парившего Марита на другую сторону пещеры. Тот вытащил руку из-за пазухи — уже пустую. Он как будто просто почесался. Но это была иллюзия. Жак знал, что у него под рубашкой спрятан кусок метеоритного железа. Он морально готовился использовать это оружие. Проверял, что делают все остальные. Давиде работал в туннеле, как и Луон с Мо. Стоит ли ему звать сообщника? Не подождать ли, пока закончится смена? Его лицо было экраном, на который транслировались потаённые мысли.

Сейчас?

Жак вынудил себя перевести взгляд на Э-дю-Ка, посмотреть ему в глаза. Он слушал, что тот говорил, но сам в это время думал: глазные яблоки такие хрупкие, череп можно с лёгкостью расколоть. Кровь рвётся прочь из тела.

— Конечно,— сказал он.

— Рассказать тебе, как я сюда попал?

— Давай.

— Я убил человека.

— Правда? — сказал Жак.

— О, я знаю, о чём ты думаешь: были какие-то смягчающие обстоятельства, иначе они бы не стали просто так запирают меня в ящик на одиннадцать лет. Ну да, были. Смягчающие обстоятельства. Но... ты знаешь, кем я был?

— Кем?

Он снова посмотрел за спину Э-дю-Ка. Марит опять сунул руку под рубаху и прищурился. Жак видел, что его дыхание сделалось неглубоким. С дальнего конца туннеля доносились звуки буров, сверливших ледяную жилу,— жужжание, урчание.

Холодно, холодно, холодно.

— Ты ведь помнишь, Луон сказал, что мы знакомы... а знаешь, как мы познакомились?

— Нет,— сказал Жак.

— Я служил в Ополчении. Не рядовым каким-нибудь, нет. Я был шерифом гражданского Ополчения, много лет назад. Когда власть перешла к Улановым, они почти не изменили военную структуру. Прислали своих шишек, конечно, и добавили кое-какие правила. Но в общем всё осталось как раньше. А я был шерифом! Я это говорю, чтобы ты понял. Понял, что я смыслю в том, как устроены маленькие отряды. У меня много опыта, я их организовывал, наблюдал за ними, поддерживал порядок. Я знаю, что, если у нас не будет дисциплины — не будет ничего.

Жак кивнул. Позади Э-дю-Ка Марит наполовину вытащил из-под рубахи железную дубинку, похожую на чёрный фаллос. Потом остановился, испугавшись какой-то реальной или воображаемой опасности, и поспешно сунул её обратно.

Жак вдруг понял, что все они сходят с ума. Паранойя и гнев, жалость и страдания, отравляющая близость других людей...

— В мои обязанности,— сказал Э-дю-Ка,— входило исполнение приговоров. Мне это не нравилось, но кто-то ведь должен заниматься такими вещами. И я всю

жизнь следовал приказам. Был один кадет, он напал на старшего по званию. Офицер поимел его девчонку вроде... или просто делал ей авансы, неважно. Кадет не должен был кидаться на него. Каким бы ни был повод, младший офицер не может просто так взять и ударить старшего! Они вместе выпивали. Кадет напоил лейтенанта как следует, а потом сломал ему ноги вольфрамовой штангой. Потом, ты не поверишь, офицер весь извёлся от раскаяния. Сказал — не стоило ему трогать чужую подружку. Но это не имеет значения. Кадета надо было наказать. Он хорошо принял наказание, он знал правила. И вот я как раз об этом! Мы не обязаны любить друг друга или всё, что нас окружает. Но нам приходится с этим жить, и значит, у нас должны быть правила. Луон это понимает. Давиде тоже, хотя у него трудный характер. Но он хотя бы понимает. Марит... вот это сложная проблема.

— Ты так и не рассказал, как попал сюда, — заметил Жак.

Э-дю-Ка слабо улыбнулся.

— Я казнил кадета, — сказал он. — За избиение офицера. За сломанные ноги офицера! В уставе всё прописано чётко, и я поступил по уставу — кадет был казнён. Только потом выяснилось, что он заблаговременно подал в отставку из Ополчения. Прощение удовлетворили, хотя уведомление об этом задержалось из-за спамшторма. Я не знал! Откуда мне было знать? Но меня это не спасло. Я его убил, думая, что он подчиняется военно-гражданским законам. Но оказалось, что в тот момент, когда я привёл приговор в исполнение, он был уже не военно-гражданским, а обычным гражданским. Я заявил о своём неведении. В суде моё ходатайство

приняли к рассмотрению, но факт есть факт. Я убил гражданского. И вот я здесь.

Буры остановились один за другим. Через несколько секунд должны были появиться Давиде, Мо и Луон. Тогда, подумал Жак, всё и случится.

— Жак,— продолжал Э-дю-Ка,— кажется, ты понимаешь, что я тебе говорю. Верно? Я побеседовал с Гордием некоторое время назад, и он сказал, что тебя приговорили за политические преступления. Мы так и думали, конечно. Да? И вот... я просто хотел сказать, что понимаю тех, кто сопротивляется Улановым. Ну конечно, я их понимаю! Я уважаю желание противоречить властям. Я только хочу сказать — не здесь. Ага? И не сейчас. Знаю, Марит мутит тут воду, но ты лучше слушай меня. Выживи, вернись на просторы Системы — и занимайся своей политической, э-э-э, агитацией сколько душе угодно... идёт?

— Вернуться на просторы Системы,— эхом откликнулся Жак.— Хотелось бы.

Э-дю-Ка хотел добавить что-то воодушевляющее, и тут до него наконец-то дошло, что Жак смотрит ему за спину. Он повернулся. Из туннеля появился Луон. Давиде следовал за ним. Э-дю-Ка посмотрел прямо на Марита, запустившего руку под рубаху. Тот застыл.

Жак понял, что сейчас произойдёт. Он раскинул руки, коснулся противоположных стен и вжался в углубление в камне.

Время споткнулось. Замерло на секунду. Потом рванулось вперёд.

Первым начал действовать Давиде. Он сразу увидел, что Марит оцепенел и что на его лице явственно читается паника. Лицо самого Давиде исказилось от

гнева и досады. Он взревел. В маленьком пространстве этот звук был оглушительным, словно откуда-то и впрямь явился громаднейший бык. Жак не видел, как Давиде, всё ещё наполовину остававшийся в туннеле, достал еще одну железяку. Но теперь она была у него в руках, и он с шумом обрушил её на затылок Луона.

Э-дю-Ка закричал: «Нет!» — и бросился к ним через пещеру. Голова Луона безвольно обвисла, его тело поплыло к дальней стене. Э-дю-Ка поспешил к нему и тем самым дал Давиде возможность во второй раз поднять и опустить дубину. Бейсбольный профи не ударил бы лучше. Железяка угодила точно в центр лба Э-дю-Ка, его голова мотнулась назад и в сторону, веером взвились капли крови, красные горошины и сгустки. Инерция понесла тело Э-дю-Ка вперёд, он налетел на Давиде, и двое мужчин, кувыркнувшись, врезались в стену вместе.

Марит с жутким обезьяньим воплем прыгнул к потерявшему сознание Луону и дважды ударил его собственной дубинкой — по виску, по затылку. Потом, неуклюже, но с растущим усердием, начал колотить беспомощное тело. Некоторые удары не попадали в цель или лишь слегка её задевали, но другие оставляли вмятины на черепе, отрывали лохмотья кожи. Вскоре поднялось целое облако красных капель, больших и маленьких.

— Марит! — крикнул Давиде. — Хватит!

И Марит остановился — столь же внезапно, как бросился в атаку. Когда он повернулся, Жак заметил его лицо. Словно прыщи, его усеивали красные точки и брызги. Оно выражало чистейший экстаз.

Переворот закончился. Некоторое время они молчали. Гордий уже не бормотал себе под нос, а смотрел с открытым ртом на воцарившийся беспорядок: два труп парили посреди пещеры, за каждым тянулся красный шлейф — кровь из ран, капли, капельки. Их тюрьма медленно вращалась вокруг своей оси, и кровавые облака постепенно расползались, превращаясь в нарастающие узоры, спирали и вихри.

Потом настал черёд ликования. Давиде и Марит потрясали своими железными дубинами, Мо радостно вопил и аплодировал им. Гордий и Жак притихли.

В конце концов Давиде произнёс речь:

— Обновление,— сказал он. Потом прибавил, громче: — Возрождение! Теперь всё станет лучше! Никто не назначал Луона боссом! Никто за него не голосовал! Он был заносчивым тираном. Мы всё изменили, сообща.

Последнее, впрочем, не соответствовало истине. Когда адреналин иссяк, двое убийц сделались мрачны и капризны.

— Вы двое! — приказал Марит Гордию и Жаку.— Приберитесь тут!

Гордий поначалу не отреагировал, но, когда Марит бросился на него, сжимая в руках дубину, толстяк взвизгнул и ринулся в укрытие.

— Я велел прибраться,— рявкнул Марит.

Мо, явно желая оказаться с правильной стороны вновь наметившегося разлома, поддержал Марита и его новообретённый авторитет:

— Вы двое, делайте что приказано, а не то я вам все кости переломаяю!

— Как нам это убрать, по-вашему? — спросил Жак довольно спокойно.

Марит схватил паривший неподалёку камешек и бросил ему в голову. Пролетая через клейкое облако, снаряд замедлил ход, и Жак успел от него увернуться.

— Разденьте трупы,— низким голосом сказал Давиде.— Одеждой, как сетью, соберите всю дрянь. А стены протрите измельчённым льдом.

Жак и Гордий сделали как им было приказано.

— О, дивный новый мир,— прошептал Гордий за работой, и это было первое, что Жак услышал от него за долгое время.— Мы будем следующими, вот увидишь,— сказал он Жаку.— Теперь уже недолго.

Жак подумал: теперь уже недолго.

Гордий сначала снял рубаху с Э-дю-Ка; на ней было меньше крови, и он завернулся в неё, как в плащ; прошло уже много времени с тех пор, как он в последний раз носил одежду на верхней части тела. Потом они с Жаком стянули штаны с Э-дю-Ка и рубаху со штанами с Луона. Затем Гордий взял тело Луона, а Жак — Э-дю-Ка; они запихнули трупы в одну из комнат. Жалко было её терять, но ещё жальче было бы жить в одном помещении с двумя мертвецами.

Они вернулись, с ног до головы покрытые кровью; но другие выглядели не лучше — иначе и быть не могло в таком тесном помещении.

Выловить всю кровь из воздуха оказалось делом непростым, и, вытирая стены, они лишь ещё сильнее их пачкали. Изрядно потрудившись, они очистили воздух, как могли, и засунули пропитанные кровью тряпки в ту же комнату, где уже лежали трупы.

Давиде и Марит в главной пещере всё ещё не могли поверить в свою победу.

— Пятерым будет проще выжить внутри астероида, чем семерым,— сказал Мо.— Я даже не уверен, что семеро вообще продержались бы здесь одиннадцать лет.— Это была неправда, конечно, но никто не возражал ему.— И это, и это долгосрочное решение проблемы,— сказал он.

— Тут будет посвободнее, это точно,— сказал Марит.

Но и это не соответствовало истине. Хотя людей стало меньше, пространство парадоксальным образом сжалось. Никто из них не мог выбросить из головы тот факт, что в комнате по левой стороне туннеля спрятаны два трупа. Во тьме они казались громадными — куда больше, чем при жизни. Ничего уже нельзя было изменить. Хуже всего было то, что дух жестокого насилия выманили из той глубокой норы, где он таился до сих пор, а обитать бок о бок с этим духом весьма некомфортно.

На протяжении нескольких дней Давиде внушал Гордию и Жаку, что теперь только они двое будут бурить,— поскольку его и обоих его друзей уже тошнит от бурения. Но так продолжалось недолго. По правде говоря, бурение было хоть и нелёгким, но развлечением. Через два дня все работали по очереди, как и раньше.

Давиде также забрал себе стекло Жака.

— Мне нужна какая-нибудь медалька,— сказал он.— Это сойдёт.

Жак сдался без боя. Это ничего не меняло.

— Ты и не собирался делать из него окно, верно? — ухмыльнулся Марит.— Ты не будешь по нему скучать. Можешь сделать себе ещё одно!

Жак не ответил. Нового куска необработанного стекла у него не было; остались только мелкие осколки, которые он подбирал и хранил при себе, пряча в спутанных волосах. Когда на него никто не смотрел, он иногда мог шлифовать один из этих кусочков. Теперь его не беспокоила невозможность поработать с большим куском.

Передел власти принёс тройке лидеров не слишком много удовольствия. Разговоры стали редкостью. Ледяную жилу раскопали, ганк рос сам по себе, и они начали расширять комнаты, принадлежавшие альфам. На самом деле им оставалось одно: ждать. В сущности, больше делать было нечего. Давиде и вовсе погрузился во что-то весьма напоминавшее депрессию.

— Что вы скажете спасательной команде, когда она прибудет через десять лет? — однажды спросил Жак у Давиде.

— Скажем, что это вы их убили! — проворчал Марит, подслушав. — Вы с толстяком! Или... мы скажем, они убили друг друга! Кто возразит?

— Никто, — признал Жак.

Единственным позитивным результатом — если вообще можно было говорить о подобном — было то, что случившееся вышибло Гордия из фуги¹. Он уже не бормотал себе под нос и, поскольку температура окружающей среды постепенно росла, почти не дрожал. От новой туники он оторвал лоскут и перевязал ослеп-

¹ *Диссоциативная fuga* — психическое расстройство, которое выражается в избирательной потере памяти. Возникает, как правило, в результате серьёзной психической травмы или невыносимой ситуации, в которой оказался больной.

ший глаз, словно пират. К нему изредка возвращалась прежняя болтливость.

— Они уgomонились,— негромко сказал он Жаку.— Знаешь, почему? Потому что сбросили пар. Но он опять накопится, и в следующий раз жертвами станем мы с тобой.

— Очень вероятно,— согласился Жак.

— Ну и как же твой план побега? — прошипел Гордий.— Можно его как-то ускорить?

— Если желаешь,— устало проговорил Жак.

Гордий воззрился на него, не понимая, шутка это или нет.

— Серьезно? Потому что, поверь мне, нам надо отсюда выбираться. Они уже съехали с катушек! Мы следующие! Но разве тебе не нужно твоё окно? Твой кусок стекла?

Жак покачал головой.

— Не имеет значения,— сказал он. Его охватила печаль. А от печали, как и от жутких физических ощущений, которые он испытал, когда уровень кислорода упал до опасно низкого уровня, его душа не могла спрятаться.

— Так эта история со стеклом — всего лишь отвлекающий манёвр? — наседал Гордий.— Фальшивка? Умно! Ты сбил их со следа. Так в чём же заключается твой план? Теперь-то уж точно пришла пора всё мне рассказать!

— Всё фальшивка, Горд,— сказал Жак.— Нет никакого плана. И не было. Как отсюда вообще можно бежать? Я лишь хотел как-то убить время до тех пор, пока гонгси не пришлет за нами корабль, через десять лет или в тот момент, когда им захочется заглянуть на огонёк.

Гордий пристально посмотрел на него и решил не верить услышанному.

— Ну да! — сказал он. — Конечно!

— Я тут не из-за политических преступлений, — сказал ему Жак. — Знаю, ты так решил: ты поторопился с выводами. Я никогда не называл себя политическим заключенным. Не в этом дело. Я здесь потому, что блюстители порядка перепутали меня с другим человеком. Сейчас, наверное, они уже поняли свою ошибку или совсем скоро поймут. То, из-за чего я им нужен, серьёзней любого политического преступления. Намного серьёзней. Когда они вернутся за вами, меня ждёт стирание личности.

— Ты невиновен? — выдохнул Гордий, широко распахнув единственный глаз.

— Ни в коем случае, — сказал Жак. — Вообще-то я виновен в худших преступлениях, чем известно блюстителям. Они вычислят, кто я такой. Когда это случится, я не сомневаюсь, они пошлют корабль, чтобы забрать меня, — это не хвастовство, а простая констатация факта. Понятия не имею, что сделают с вами, — может, снова запечатают здесь и оставят до конца приговора. Может, заберут с собой, выпустят под залог, кто знает. Видишь ли, меня это ничуть не волнует, потому что, когда они придут сюда за мной, случись такое вскоре или ближе к концу срока, дела мои пойдут куда хуже, чем сейчас. И даже более того... скажем так, есть иные причины, по которым я никогда не должен попасть в руки правоохранителей. Когда они поместили меня сюда, то сами не поняли, что сделали. Вот он я, здесь. Во второй раз мне так не повезёт. И второго раза не будет.

Гордий сделался очень серьёзным.

— Какой же я был дурак,— сказал он тихим, монотонным голосом.— Всё это время ты твердил, что уйдёшь отсюда. Но ты имел в виду не побег, вот в чём дело! Ты говорил об... уходе. То есть о... самоубийстве. Об убийстве себя самого!

Жак посмотрел на его большое, одутловатое лицо.

— По твоим же словам,— сказал он,— нам не стоит беспокоиться о самоубийстве. Ты ведь решил, что эти трое нас в любом случае прикончат.

Гордий начал смеяться, потом смолк и вдруг ужасно опечалился.

— Я чувствую себя вдвойне дураком из-за того, что не понял тебя,— горестно проговорил он.— Наверное, я так сильно надеялся выбраться из ящика, что готов был поверить во что угодно.

Жак улыбнулся.

— Продержись до конца срока,— сказал он.— И гонгси увезет тебя отсюда навсегда. Уж ты-то можешь на это надеяться!

Внутри Лами 306 всё ещё было холодно, и процесс гниения сильно замедлился, но возле синтез-ячейки и поблизости от световых кровей свернулась и через какое-то время начала вонять. Марит приказал Гордию и Жаку избавиться от зловонной субстанции, но с запахом они ничего не смогли поделать.

Время почти пришло, да, время почти пришло, и Жак как будто застыл на острие иглы. Почти. В этом слове забавным образом сочетались незавершенность

и наставление чтить ближних своих, но, в сущности, ни то ни другое не являлось обязательным.

А потом, вполне естественным образом, время и в самом деле пришло. Оно явилось без принуждения, без спешки: деталь в механизме встала на своё место. Головоломка сложилась, её решение стало вдруг простым и понятным.

Всеми своё время.

Давиде и Марит бурили в дальнем конце коридора. Мо был в своей комнате, Жак и Гордий — в главной пещере. Когда появился Мо, Жак сразу понял, что ему нужен секс.

— Давай, Бегунок, — приказал он. — В мою комнату. Не хочу, чтобы боженок смотрел.

Внутри у Жака не то щёлкнуло, не то хрустнуло: последнюю соломинку долой. Он не сломался. Просто что-то встало на своё место. Он ведь, в конце концов, так долго ждал. Не одиннадцать лет, конечно, и всё-таки прошло довольно много времени. Направляясь следом за Мо в камеру, высеченную в скале, он выудил один из стеклянных осколков, спрятанных в волосах. Собственная шевелюра, всклокоченная и грязная, казалась скользкой и отвратительной, будто клубок щупальцев.

Что в ящике?

Сомнение.

Есть ли у сомнения другое имя?

Смерть — вот другое имя для сомнения. Смерть модулирует вечную самоуверенную Вселенную, прибавляя к протекающим в ней процессам сомнение.

Когда они оба оказались в маленькой комнате, Мо сказал:

— Я закрою глаза и притворюсь, что ты моя жена. Не вздумай всё испортить и следи за своими кривыми зубищами, ладно?

— Ладно,— сказал Жак.

Крышка ящика распахнулась. Ящик исчез. Он растворился в волнах жара и света. Жак всё понял. Свет — это форма тепла. Всё, что движется,— форма тепла. Даже невесомый бег протонов.

Кровь, что много месяцев еле-еле текла по его жилам, теперь бежала легко и проворно.

Он взял член Мо в левую руку. Потом поднялся, прильнув к телу мужчины, и прижался лицом к его лицу.

— Любимый мой,— прошептал он и поцеловал его.

Это застало Мо врасплох. Он сердито сказал: «Да что ты творишь?» Но Жак умел целоваться, он целовал крепко, и его губы, прижатые к чужим губам, не дали словам вырваться на волю.

Осколок стекла был у Жака в правой руке. Одним движением он отсёк этим осколком член Мо. Почувствовал волну пульсирующей горячей крови. Мо закричал, но Жак крепче прижал свой рот к его потрепавшимся губам. Жак поднял обе руки, держа в одной ампутированный кусок плоти, а в другой — осколок стекла, и дождался, пока сдавленный крик затихнет. Мо, корчась и извиваясь от боли, втянул воздух и хотел снова закричать. В этот момент, наконец-то прервав поцелуй, Жак запихнул отрезанный пенис в открытый рот Мо, засунул поглубже. Второго крика так и не случилось, хотя Мо дёргался и метался, пытаясь вырваться. Но в комнате было слишком мало места, чтобы сбросить с себя противника.

Жак держал Мо, пока тот не истёк кровью. Его тело обмякло и в конце концов затихло. Комнату наполняла кровь, Жак был покрыт ею полностью. Он отрезал длинный лоскут от туники Мо и завязал рот, чтобы не задохнуться, вдыхая капли крови. Теперь он согрелся, и внутри его черепа было светло. Он прислушался к своему сердцу. Оно по-прежнему танцевало четырёх-тактную павану¹ и ничуть не ускорилось. Он сосредоточился. Так и следует продолжать. Никакой паники, никакой эйфории. Спокойствие. Спокойствие.

Жак выскользнул в туннель и плавно двинулся к дальнему концу, где двое мужчин бурили. Марит продвинулся к самому краю туннеля и углублял его. Давиде расширял проход, и сейчас его спина была обращена к Жаку. Гудение двух буров, двойная вибрация. Прикасаясь руками к камню, Жак чувствовал дрожь, исходящую из самой сердцевины астероида. Далеко позади сияла главная пещера, но здесь главными источниками света были небольшие фонари на бурах. Пыль и мелкий мусор; беспокойные чёрные тени бурильщиков. Жак перемещался во мраке с такой легкостью, словно это была его естественная среда обитания. Он появился, словно из ниоткуда, с головы до ног вымазанный в крови, и всадил два осколка стекла в шею Давиде со спины, один на четыре часа, другой — на восемь. Они вошли довольно легко, хотя от нажима, без которого их было не загнать так глубоко, Жак порезал собственные ладони. Влажными руками он оттащил трепыхающееся тело Давиде в сторону и схватился за рычаги

¹ *Павана* — медленный, торжественно-величавый танец. Считается одним из самых популярных придворных танцев в Европе XVI века.

бура. Марит понял, что происходит, лишь в последний миг, когда ненасытная пасть бурильной машины на-двинулась на него.

Placuit ¹.

Потом Жак некоторое время парил в туннеле, восстанавливая своё внутреннее спокойствие. Он заглянул внутрь себя. Вот его сердце, бьётся в прежнем ритме. Всё в порядке. Лоскут ткани, прикрывавший рот, забился кровью, и его пришлось почистить. Но он всё ещё мог дышать. И тут из света в конце туннеля, из главной пещеры, раздался голос Гордия, вкрадчивый и нетерпеливый:

— Ребята? Ребята! Что происходит? Я слышал крики.

— Всё в порядке, Гордий,— отозвался он сильным, чётким и громким голосом.— Теперь я могу заняться тобой.

И двинулся к свету.

Когда всё закончилось, он перенёс буры из туннеля в главную пещеру. И разложил всё нужное.

Труднее всего было удержать осколки стекла в окровавленных руках. Без рукояти лезвия оказались слишком скользкими и, конечно же, постоянно резали его ладони. Но это была лишь очередная проблема, требующая решения, и он применил свой практичный разум. Из кости получались отличные рукояти, а костей у его жертв было предостаточно.

Он не торопился.

¹ Так ему было угодно (лат.).

Он работал аккуратно, методично рассекая тело Гордия, делая как можно меньше разрезов и стараясь, чтобы те были небольшими. Он извлёк немалое количество внутренностей. Он рассёк позвоночник и зрительные нервы и запустил скользкие пальцы с длинными ногтями в открывшуюся полость, после чего удалось вытащить череп.

— Что тебе сказать? — спросил он у черепа, не переставая трудиться. — Такова истина, стоящая за покорением космоса. Энергия стоит дорого, а сырьё драгоценно, и только люди — это обычные ресурсы, которые надо использовать.

Он запомнил всё, что слышал, пока был в тюрьме.

Рёбра, окутанные жесткими кожистыми мембранами, он оставил вместе со слоем подкожного жира. Но позвоночник вытащил, как и кости рук и мышцы, большие берцовые кости и малые берцовые кости, желто-красные в неутомимом сиянии световещества. С тазовыми костями пришлось повозиться, но он и с этим в конечном итоге справился.

Он заснул, когда одолела усталость, и съел столько ганка, сколько смог, а потом переключил внимание на ноги. Стекланные ножи приходилось постоянно точить. Но он был терпелив и осторожен, он привык работать со стеклом.

Вскоре дело было сделано.

Он обдумал следующий ход. Он понимал, конечно, что избыток холода какое-то время будет проблемой, а потом его место займёт избыток тепла. Жак не мог из подручных средств изготовить устройство, позволяющее как-то избавляться от последнего; он мог лишь надеяться, что сумеет всё перенести и успеет добраться

до места назначения прежде, чем угроза станет смертельной. Лёд должен был ему помочь.

Поэтому Жак сосредоточился на задачах практического свойства. Он соорудил толстую швейную иглу из кости и украсил большой разрез в основании спины Гордия кружевами из сухожилий. Большое тело Гордия, лишенное большей части костей, в невесомости походило на полуразобранную палатку.

Затем Жак утрамбовал одну из пустых рук Гордия льдом. После проделал то же самое с одной из ног — запихивал в неё лёд, пока она не превратилась в конечность больного элфантиазом¹. Другую ногу он заполнил льдом только до середины голени, а потом осторожно засунул внутрь скруббер. Кожа растянулась, словно боа-констриктор, поглощающий добычу.

Почти всё.

Он пришил синтез-ячейку к лопаткам, как рюкзак. Тепловая отдушина располагалась снизу, и, если бы бескостная рука Гордия сохранила способность двигаться по собственной воле, она бы могла дотянуться к этому отверстию.

Ещё три вещи.

Он собрал одежду со всех трупов, соорудил из неё вещмешок. Туда пошел весь оставшийся лёд. Разрабатывать жилу дальше не было необходимости. Имевшихся кусков как раз хватило, чтобы наполнить мешок. Жак с двух сторон приметал его края к коже живота Гордия.

¹ *Элфантиаз*, или *слоновость*, — болезнь, при которой в результате разрастания кожи и подкожной клетчатки пораженная конечность (чаще всего нога) значительно утолщается.

Он направился к телу Давиде и забрал свой кусок стекла. Давиде отдал его без возражений, поскольку был мёртв. Теперь Жаку предстояло как следует повозиться, потому что эта часть предприятия имела решающее значение. Веки над повреждённым глазом Гордия довольно прочно склеились, но Жак, вытащив глазное яблоко, заполнил полость замазкой из жира, воды и нечистот. Второе глазное яблоко он тоже вытащил, разумеется. Жак полагал (работая на ощупь, с простейшими инструментами), что сумеет вставить стеклянный круг так, чтобы по краям всё было герметично. Потихоньку-полегоньку. Наконец-то всё было сделано, и он очистил стекло как мог.

Почти готово. Он оставил бур под искусственной преградой, которая в самом начале запечатала их здесь. Казалось, что это было очень давно.

В последнюю очередь он вытащил трупы Луона и Э-дю-Ка из их временного мавзолея и оставил в главной пещере. Когда мембрана будет разрушена и воздух выйдет наружу, они вместе с бывшими сокамерниками уплывут в глубокий космос. Блюстители, вернувшись, обнаружат темницу пустой. Он не мог уничтожить все следы, конечно: крови было слишком много на стенах и в туннеле, и для ДНК-полицейских не составит особого труда определить, кому она принадлежит. Но у Жака не осталось других возможностей запутать следы.

Жак был весь в крови; его волосы, пропитанные соком человеческих внутренностей, слиплись и затвердели. Он хотел их обрезать, но все его стеклянные скальпели — кроме одного — непоправимо затупились или сломались, и у него не осталось времени, чтобы

сделать новые. Он сохранил один острый скальпель и одну из железных дубин и нашел им место внутри своего нового костюма. Потом приготовился. Даже в невесомости трудновато было забраться внутрь этого костюма, и последний этап шитья с использованием части лёгочной мембраны, чтобы обеспечить герметичность, занял у него немало времени. И снова нашлось применение для его кустарной замазки.

Внутри было холодно; конечно, к окружающей температуре добавлялся лёд в ноге и руке, и всё-таки он мог это вынести.

Что ж, Жак был готов. Он сунул правую руку в новый рукав и включил бур. Мгновение пустоты — внешние звуки были полностью заглушены, и нужно было ещё привыкнуть смотреть через единственный стеклянный иллюминатор. Потом он почувствовал сильный рывок, и пещера наполнилась мельтешащим мусором. Бур рванул через дыру, которую сам же проделал, и Жака потянуло следом.

Он был снаружи.

Первым делом новый костюм Жака чудовищно надулся, словно воздушный шар, который накачали сверх меры. Он этого ждал, хотя и понимал, что швы могут разойтись, и тогда всё закончится, так и не начавшись. Но обошлось. Костюм сделался в два раза просторнее внутри, и это было хорошо. Плохо было то, что, сунув руку в правый рукав, он уже не мог шевелить пальцами или даже просто прижать её к боку. Это была настоящая проблема, требующая безотлагательных действий, потому что без возможности двигать рукой он был обречен просто дрейфовать в космосе до самой смерти. Но Жак обнаружил, что если

развернуться и вложить обе руки в правый рукав, то мышечного усилия как раз хватало, чтобы, преодолевая жесткость высокого давления, шевелить рукой и сжимать раздувшиеся пальцы.

Он вертелся вокруг своей оси. За холодом, исходившим от набитого льдом костюма, Жак ощущал холод снаружи — лютый, первобытный, устрашающий. Это была абсолютная стужа. Имя ей было Смерть. У Смерти много имён. В этой среде люди существовать не могли. Она неумолимо, чудовищно противоречила всякой искре, что обитает в живом теле. Но он увидел Солнце, яркую светящуюся монету, что плавно перемещалась из верхнего правого в левый нижний угол его маленького глаза-окна. Не без труда и с нескольких попыток Жаку удалось засунуть лёд в тепловую отдушину синтез-ячейки и за счет последовавшего выброса притормозить своё хаотическое вращение.

Раздалось шипение, означавшее потерю воздуха. Но Жак нашел утечку и запечатал при помощи замазки, размяв ту пальцами.

Лами 306, вращаясь, ушел вниз и покинул его поле зрения. Астероид казался на удивление крошечным, словно его уменьшили при помощи волшебства. Ну-ну. Он появился опять, сверху, и снова ушел вниз, исчез. Вкладывая лёд в тепловую отдушину и располагая синтез-ячейку под разными углами, Жак в значительной степени погасил своё осевое вращение. Потом, победив в последней битве с жестким костюмом, выпустил достаточное количество газа, чтобы полностью компенсировать и оставшийся импульс.

Он висел посреди открытого космоса. У него были ориентиры: Солнце, звёзды. Он ждал. Он дрожал от

холода, но был счастлив. Он ждал и смотрел — и в том и в другом он знал толк. Скруббер жужжал в ноге, и у него был воздух. Он вдыхал и выдыхал.

Через несколько часов его терпение было вознаграждено. Он увидел мерцание: другой астероид, на расстоянии черт-знает-скольких-миллионов миль. Сгодится. Он скормил синтез-ячейке немного льда и начал двигаться. Движение было медленным, но природа ускорения такова, что постепенно оно нарастает. Взяв курс на мерцающий огонёк и трудясь над выбросами газа, словно кочегар перед топкой, он поначалу ускорялся медленно. Однако ему ничто не преграждало дорогу, и он потихоньку подталкивал себя дальше. Путь предстоял долгий, но у него было много времени. Не вечность, конечно, и всё-таки достаточно. Достаточно. Или слишком много!

Часть II

БСС-ПРЕСТУПЛЕНИЯ

DRAMATIS PERSONAE ¹

Диана Аржан

Ева Аржан

Наши героини

Яго

Их наставник

Берфезен

Доминико Деньо

Чен Ир

Их телохранители

Д'Арч

Қарна

Лерон

Мантолини

Олдорандо

¹ Действующие лица (лат.).

Пун Си

Сафо

Сон-гиль

Тапанат

Тигрис

Фабер и девять других личных слуг мисс Дианы и
мисс Евы

Инспектор Халкиопулу

Младший инспектор Зариан

Местные полицейские, расследующие убийство

Мисс Джоуд

Доверенный агент Улановых

Стеклянный Джек

Знаменитый преступник

1

ЗАГАДОЧНОЕ УБИЙСТВО ЛАКЕЯ

За месяц до своего шестнадцатилетия Диана сделалась участницей всамделишной детективной истории. Это было просто супер-пуперкруто.

Случилось всё так: они с Евой спустились на Коркуру¹, чтобы провести оставшийся до дня рождения месяц в нормальном тяготении, вроде как заново привыкнуть к Земле. Позже, вспоминая об этом путешествии, она всегда связывала своё совершеннолетие с таинственной смертью слуги. Неразгаданная загадка! А кто лучше неё умел разгадывать загадки? (Никто! Её способность разгадывать загадки неподражаема: интуитивна, человечна, хаосологична — её для этого зачали и взрастили.) Ева велела ей поостеречься, сказала, что это может быть опасно и лучше пусть власти сами разбираются, бла-бла-бла. Ева просто струсила: у Дианы были телохранители, чтобы за всем приглядывать, и

¹ *Коркура* — одно из старинных названий греческого острова Корфу.

Яго, чтобы помогать, и вообще. У неё день рождения. У неё совсем скоро день рождения.

Спускались они, как обычно, на плазмазере, который всё время покачивался, так что внутри всё слипалось; постепенно нарастал ужас — какая тяжесть, господи боже. Когда буду старше, решила она, стану путешествовать на шлюпе, чтобы можно было во время входа в плотные слои атмосферы смотреть в иллюминатор и любоваться полыхающим разноцветьем, будто витражом. Шлюпы взмывают ввысь, а когда возвращаются, то просто падают: что-то в идее свободного падения сквозь бескрайний океан горячего воздуха волновало её. Но пока что она была в капсуле плазмазера, которая медленно ползла вниз, и даже не смогла поглядеть на капсулу-противовес, что шла наверх, поскольку в момент встречи окно затянуло плотным туманом.

Впрочем, ладно: они сошли на землю где-то посреди Турции, и начался утомительный перелет к острову на флаере-прыгуне. МОГмочки практически прибрали Коркуру к рукам ещё до того, как родились сёстры; Диана и Ева нередко проводили там время. На этот раз их ждал отпуск, их ждал отдых, и подготовка к шестнадцатому дню рождения Диа, разумеется; однако в то же время МОГмочки в весьма жесткой форме напомнили им о том, что воздействие земной силы тяжести — пусть даже недолгое — это очень полезная вещь, если вдруг кое-кто забыл. Вообще-то обе МОГмочки сильно злились, потому что сёстры совсем забросили упражнения. «Три часа в центрифуге каждый день, минимум, — говорили они, повторяли по миллиарду раз в час. — Пять часов было бы лучше. Но сколько бы нота-

ций мы ни читали, вас и на три не хватает. У вас кости размякнут! Станете вечными верхожителями! Калекками!» Всё нудили и нудили. С ума сойти можно. Как бы там ни было, теперь придётся целый месяц терпеть полную земную гравитацию. Их засунули в плазмазер и отправили вниз, всех: Диану и Систериссиму Евиссиму и двенадцать человек, которым полагалось ухаживать за сёстрами.

Конечно, из этих двенадцати Диа хорошо знала только телохранителей. С личными охранниками отношения всегда складывались тесные: это были Доминико Деньо и Чен Ир (разумеется) и Берфезен, новенький. А он в целом был ничего. Она также знала Яго, конечно,— Яго с его старомодными манерами и безупречными нарядами. Яго, впрочем, не был телохранителем. Он был кем-то другим: наполовину слугой, наполовину настоящим человеком. Диа произносила его имя «Йа-гО», Ева — «ЙА-го», а он с улыбкой отказывался объяснить, как правильно. Наверное, не так и не этак. Были ещё другие, чьи имена Диа подсказывал бИт: Мантолини, Олдорандо, Пун Си и Сафо, Сон-гиль, Тапанат, Тигрис и Фабер. Восемь лакеев, до такой степени накачанных КРФ, что Диа и Ева были для них любимейшими существами во всей Системе с её солнечными ветерками и астероидными дождиками.

Оставшиеся слуги ехали во второй кабине, и среди них была жертва грядущего убийства. Значит (много позже Диа вздрагивала от противоестественного удовольствия при одной лишь мысли об этом), Лерон — так звали жертву — сидел там в компании одиннадцати лакеев, терпеливо ждал прибытия на поверхность. До чего же странно! Ремни удерживали его в кресле, пока

кабина летела вниз, его желудок сжимался, чувствуя падение, но на самом деле он торопился навстречу собственной смерти. Спешил испустить последний вздох. Прожить последние часы. Но откуда же ему было знать!

Знать никому не дано, конечно. У смерти странная грамматика. Ты умираешь, он и она умирают, они умирают, но я — нет, такой формы быть не может. Никак не может. Все знают, что это случится, но никто не знает, когда.

Короче говоря, кабина шлёпнулась на землю, и сила тяжести с хрустом сдавила конечности Дианы, её желудок и грудную клетку, вынудила напрячь шею, чтобы голова не свесилась набок. Теперь-то она жалела, конечно, что не уделяла должного внимания трёхчасовым ежедневным тренировкам; её на руках (у-ни-зительно!) перенесли во флаер и усадили в кресло с высокой спинкой, с упором для головы. Ева же ничуть не раскаялась. «Мы могли торчать там и по пять часов, — проговорила она и судорожно вдохнула. — Вертушка совсем не то же самое, что... — выдох-вдох-выдох, — настоящая гравитация». Вдох. Пауза.

Флаер-прыгун загудел, подскочил, словно сиганувший из воды лосось, и полетел.

С жуткой силой тяжести ничего нельзя поделать, её надо просто перетерпеть, привыкнуть к ней, постепенно преодолеть. Но, когда флаер поднимался, на несколько секунд перегрузки превысили одно «же», и Ева испытала прилив ярости. Боги, до чего тяжело! Но потом корабль лёг на курс, она чуть повернула голову и увидела, какой пейзаж проплывает за иллюминатором. Вид был потрясающий, в самом деле

потрясающий, куда потряснее того, что можно увидеть с орбиты, намного разнообразнее и ярче. Это небо отличалось от космического монохрома: дымчато-голубое и бледное в центре купола, у рваного края горизонта оно становилось пурпурным, словно цветочный лепесток, и цвета плавно переходили друг в друга. Горчичные холмы и горы, зеленовато-желтые кусты и трава, многоугольники зданий. Флаер летел на запад, и вскоре береговая линия осталась позади; землю как будто оттащили, и вокруг было море, одно лишь море, с высоты казавшееся шлифованной твёрдой поверхностью, но она-то знала, что видит триллионы тонн воды — ты только подумай! — которая просто плещется себе в громаднейшем каменном бассейне, вопреки всякому здравому смыслу.

Вскоре опять показался берег, и почти сразу они приземлились у себя дома. Девочек вытащили из флаера и отнесли в дом, где они тотчас же уснули, измученные силой тяжести. Но даже сон был делом нелёгким, и Диана то и дело просыпалась — за каждый вдох приходилось платить болью в рёбрах, а чтобы перевернуться с левого бока на правый, требовались нешуточные усилия. Вечером они много времени провели в ванной комнате. Лакеи расставили по краям бассейна, в котором они барахтались, настоящие свечи — свечи! Они как будто опустились не только на дно гравитационного колодца, но и на дно истории, прямо в Древнюю Грецию или куда-то ещё.

Конечно, произошло ещё много всякого, однако позже Диа не могла ничего вспомнить. События следующего дня стёрли то, что им предшествовало. Убийство расплзлось огромной кляксой по воспоминаниям —

ничего удивительного, в общем-то. Вероятно, девочки говорили со своими МОГмочками и, наверное, много спали. Солнце взошло — оно всегда восходит. Сил на игры или развлечения им, скорее всего, не хватило. Солнечная вспышка памяти освещала только вторую половину того дня. Убийство и, кажется, революция! Быстрее скорости света.

Вот как всё случилось.

Диана и Ева были, само собой, в главном доме, поглощённые ничегонеделанием, уставшие. Большинство не менее измученных лакеев оставались в доме для прислуги. Ева спала, а Диана не могла сомкнуть глаз из-за проклятых астматических судорог, которые начинались у неё в лёгких, стоило лишь вдохнуть: просто кошмар какой-то. Она сделала стены прозрачными и принялась апатично разглядывать окрестности. Средиземноморский день был жарким и ясным. Она размышляла о разных вещах. Например: зачем надо было брать лакеев с собой, почему они не наняли земных слуг, привыкших к силе тяжести. Конечно, местных слуг здесь было предостаточно: они ухаживали за поместьем, когда в нём никто не жил, и так далее, и тому подобное. Но спуститься и взять своих людей с собой, забрать их из невесомости — это было, как решила Дия, чересчур.

Оливково-зелёную лужайку заливали солнечные лучи. Трава была жёсткая, как щетина. Платаны благосклонно кивали Диане. Небо было голубым и жёстким, как скорлупа яйца сиалии¹. Справа располагалась

¹ *Сиалии, лазурные птицы*, — род певчих птиц семейства дроздовых.

оливковая роща, и её листва казалась гиацинтово-синей в полуденном сиянии. Диа вздохнула. Солнечный свет ослеплял, от любых вертикальных предметов ложились густые пурпурные тени. Странно, что на дне земного гравитационного колодца солнце казалось ярче, чем в космосе, — ведь там они находились намного ближе к нему, чем здесь. Дом для прислуги представлял собой одноэтажное строение слева от главного дома, с поросшей красными и желтыми цветами крышей из чёрного торфа, преобразующего солнечные лучи. Но лучшей частью пейзажа была та окончательность сада, за которой виднелся обрыв — и море. Сколько цвета! Когда смотришь на Средиземное с орбиты, оно голубое, совсем обычное, но, когда лежишь на кушетке прямо на берегу, всё совсем другое. Сверху не разглядеть, как рябь на поверхности воды порождает два десятка разных оттенков морской лазури, целую палитру. Восхитительно.

По другую сторону залива располагался город Кулура, на пятьдесят пять процентов принадлежавший МОГмочкам Диа и, понятное дело, преданный им целиком и полностью. Тамошние жители обожали МОГмочек, без шуток обожали. На берегу, изогнувшемся в форме челюсти, виднелись сотни домов, выкрашенных в белый цвет и оттого напоминавших зубы. Диа изменила позу и с трудом вдохнула. День тихонько кашлянул. Он был на дежурстве — сидел в углу, держа пистолет на коленях. БИт подсказал Диа, что ему остался ещё час, и потом его сменит Чен Ир.

За миг до того момента, как всё изменилось, жизнь выглядела такой же банальной и неинтересной, как всегда. Пока Диана гладела по сторонам, всё перевер-

нулось с ног на голову. А ей и невдомек было, что ничто уже не будет таким, как раньше.

Она увидела нечто странное. Слуги выбегали из дома. Они в той же степени страдали от силы тяжести, что и она, конечно; даже сильнее — ведь они должны были трудиться и не всегда имели время и условия для упражнений. Но что-то их не на шутку перепугало, потому что они — все до единого — выбирались из главного входа на непослушных ногах, спотыкаясь, виляя, переступая неуверенно, словно новорождённые телята. Они теряли равновесие, падали и помогали друг другу подняться. Это было немного забавно, пока она не поняла, в чём причина происходящего. Диа даже рассмеялась, но от смеха её грудную клетку сдавило ещё сильнее, и пришлось перестать.

Вскоре она сообразила: что-то случилось. С другой стороны лужайки доносились слабые жалобные крики. Некоторые слуги хватали себя за волосы, их лица превратились в подобия трагических масок (БИТ подбросил с десятков примеров — сходство и впрямь было заметное). В какой-то момент их вопли стало слышно даже через стену.

— Что произошло? — спросила Диа. Она проверила БИТ, но тот сообщил лишь, что все системы в доме в абсолютнейшем порядке. То есть дело не в доме. А если не в нем, то, значит, в чем-то внутри него.

Диа переключила кушетку в сидячее положение.

— Доминико, — сказала она, — что происходит?

Но Деньо уже поднялся, слегка шатаясь.

— Берфезен проверяет, — сказал он.

Так оно и было — сквозь стеклянные стены они видели, как Берфезен неуверенно шагает по сухой траве

к дому для прислуги. Они с Чен Иром и Денъю из соображений профессионального свойства каждый день тратили по пять-шесть часов на упражнения. Даже им первое время было нелегко справляться с силой тяжести (из всего персонала, похоже, не мучился один Яго); однако сейчас пришло время собраться.

Диа переключилась на канал безопасности через свой БИТ, и это означало, что новость она узнала быстрее всех — почти так же быстро, как МОГмочки, оставшиеся в космосе. Новость состояла в том, что один из слуг был мёртв. И потом, почти сразу же, новость обновилась: имя — Лерон, убит, по-настоящему убит.

Она охнула.

— Мне надо это увидеть!

Несколько секунд ушло на то, чтобы надеть гравишлёпы, а потом она выбралась из дома и побрела через лужайку. Аромат лаванды и морской соли. Каждый солнечный луч бил словно жезл Аполлона, горячий и яркий. Покрытая цветами низкая крыша дома для прислуги становилась ближе с каждым шагом, раскачиваясь вверх-вниз, будто на качелях, в такт её неуклюжим движениям; и вот она уже у входа. Один слуга (БИТ подсказал Диа его имя: Тигрис) лежал на спине и шумно дышал; другая (имя: Сафо) скорчилась на ступеньках, рыдая. У Диа не было на них времени! Она должна была попасть внутрь! Она должна была увидеть тело.

Подошел Денъю.

— Мисс,— сказал он, положив руку ей на плечо.— Вы точно уверены, что хотите войти? Вы уверены, что хотите увидеть...

— Шутишь, Доминико? — ответила она. Загадочные убийства были её страстью! А тут настоящее преступление! Пропустить такое?

Ни. За. Что. На. Свете.

Она проковыляла внутрь: глазам понадобилось время, чтобы привыкнуть, а дисплей БИТа знай себе мерцал. Потом обстановка начала проясняться. Холл, главный коридор, слева и справа — двери в отдельные комнаты. Потолок излучал слабое свечение. Она почувствовала запах еды, дешевой и прямой. Были и другие запахи, да: металл, или страх, или возбуждение, или... День снова коснулся её плеча.

— Позвольте мне пойти первым, мисс,— сказал он.

Она подумала — не отодвинуть ли его в сторону, не рвануть ли по коридору в гордом одиночестве? Но это было бы безрассудно. Она разволновалась, но не поглупела. На лбу у Денё собрались морщины в форме /-\. Такое с ним бывало только в моменты истинной собранности. Значит, что-то и впрямь пошло не так.

Он медленно двинулся вперед, выставив перед собой пистолет, и Диа осторожно последовала за ним. Он заглядывал в каждую открытую дверь, проверяя комнаты одну за другой, и все оказались пусты. Диа постоянно проверяла БИТ, но тот рапортовал, что в доме всё «в норме». Они достигли конца коридора, непроверенным остался только склад, и Диана ощутила — уж поверьте мне — сильную усталость из-за волнения и ходьбы, даже гравешлёпы не помогали. Тут Денё приказал двери открыться, и они увидели... место преступления.

Жертву звали Лерон. Взрослый мужчина, родом (как подсказал ей бИт) из большого трущобного пузыря под названием Смирр. Лакей, нанят вместе с семьёю другими несколько месяцев назад. И теперь он мёртв!

Он лежал, распластавшись на полу, придавленный беспощадной силой тяжести. Его грудная клетка не поднималась и не опускалась. Голова у него была разбита, зазубренные пластины черепа разошлись, и вытекло много крови — такого количества хватило бы, чтобы заполнить мяч для пляжного волейбола. Страннее всего было то, как кровь разлилась огромной неглубокой лужей по бетонной поверхности. Смертельная рана располагалась чуть ниже темени, и лицо убитого превратилось в причудливую маску. Глаза были открыты, хотя левый почернел.

Бррр.

Диана повернулась и увидела, как по коридору неуклюже топают Чен Ир и Берфезен.

— Мисс! Будьте осторожны!

А позади них шел Яго, лёгким шагом и без видимых усилий, как обычно. Сама обходительность.

— Мисс! Мисс!

— Я в порядке,— отозвалась она, чуть рассердившись из-за их несвоевременного появления. Диа знала, что они её любят, но иногда эта любовь превращалась в обузу.

— Выходите оттуда, возвращайтесь в дом, мисс,— сказал Чен Ир.

Берфезен по очереди тыкал пистолетом в каждую комнату: он подходил к очередному проёму, держа оружие вертикально, возле груди, а потом резко выпрям-

лял руки, целясь в возможных противников, и так много раз. Ствол пистолета: вертикально — горизонтально. Вертикально — горизонтально.

— Все слуги снаружи,— сказала Диа, не отрывая взгляда от трупа.— Тут никого нету, перестраховщики!

— Смерть всегда небезопасна, мисс,— сказал Яго.

— Пожалуйста, соблюдайте осторожность, мисс! — крикнул Чен Ир.— Мы уведомили полицию!

Она пропустила мимо ушей всю эту заботливую чушь и продолжила созерцать жертву. Описывая свои впечатления от мёртвого тела — это был первый труп, который ей довелось увидеть,— она ограничилась бы одним словом: разочарование. И не только потому, что мертвец был похож на неподвижного человека (а он был, и дыра в голове ничуть этому не мешала). Просто она не почувствовала ничего особенного. Вероятно, ей хотелось испытать глубокое экзистенциальное потрясение — что-то, знаменующее смерть как таковую. Исчезновение личности, немыслимая асимптота жизни. Может быть, Диа даже жаждала испытать такой концептуальный шок. Не то чтобы она желала умереть, конечно; однако ей хотелось почувствовать возбуждение, испуг, трепет. Ничего подобного не случилось. Она переключила гравешлёпы в другой режим, присела на корточки возле тела и правой рукой коснулась его неподвижной правой руки, как Господь на Сикстинском потолке. Ничего.

Тут Яго поставил её обратно на ноги.

— Лучше не влезайте в это, мисс Диана,— сказал он. Больше никто из слуг не называл её по имени.

— Я просто...— начала Диа и замолчала, не зная, что это за «просто». Усовершенствованного iQ и лучших

алгоритмов инфодоступа во всём протекторате Улановых должно было бы хватить для решения подобной задачки. Возможно, «просто» относилось к неизбежности... одной вещи. Мы все в шаге от смерти. Когда-то мы сделаем этот шаг и потеряем всё, что имеем. Жутковатое возбуждение должно было пробрать её до глубины души. Но Диа ничего подобного не почувствовала.

И вот она стояла рядом со своим наставником и смотрела на труп на полу, а три её охранника встали вокруг нее, ловя в прицел воображаемых противников. Пока хозяйка не решилась покинуть это место, они не могли делать ничего другого.

— У него на удивление светлая кожа, — заметил Яго через некоторое время.

В самом деле: в свете потолочных ламп цвет кожи убитого Лерона выглядел чем-то средним между грязновато-коричневым и янтарным. Лужа его крови была гораздо темнее, чем он сам. Она переадресовала вопрос бИту, но не узнала ничего полезного — наверное, покойник вёл скучную жизнь, раз о нём сохранилось так мало сведений. Имя: Лерон; бедняк из Зелёного пояса, родился в таком-то трущобном пузыре, неофициально именуемом Смирр, законные места работы такие-то — один из триллионов бедняков, обитавших в Системе, питавшихся неочищенным ганком и водой, переработанной на восемьдесят процентов. Цифровой след показывал, как именно семья Аржан наняла его, но в целом картина выглядела неимоверно, до скрежета зубовно скучной. Из родной сферы его направили к брокеру, выбрав за внешность лучше среднего, iQ выше среднего и рефлекс быстрее среднего; от одного брокера

ра он попал к другому и в итоге накопил длинный список хороших отзывов о службе в самых разных местах, после чего и обратил на себя внимание одного из доверенных лиц Аржанов. Важным семьям вроде её собственной постоянно требовались хорошие слуги. С этой точки зрения, подумала Диа, он как будто выиграл золотой билет. Согласно БИту, Яго сам проводил собеседование, это входило в его обязанности. Что было с Лероном потом? Потом его приняли в должность в семейном лагранже, замучили тренировками, готовя к работе в условиях одного «же», по уши накачали КРФ и всё такое прочее. Но он едва приступил к работе. Он даже не начал! Диа впервые увидела его — уже мертвецом! Столько всего пройти, получить вожделенный шанс, спуститься на Землю... чтобы тебя сразу же убили! Какая горькая ирония, какая жуткая банальность. По крайней мере, подумала Диа, он хоть ступил на Землю перед смертью — мало кто из многотриллионного населения трущобных пузырей мог даже мечтать о таком. Он хоть побывал на родине человечества. Но потом ей подумалось: он провёл здесь всего один день. Наверное, не отошел еще от перелета и даже на земле не постоял. И ей стало немного грустно.

//Почему у него кожа такого цвета?// спросила она.

//Люди, рождённые для жизни во внесемелье, вынуждены переносить повышенный уровень радиации по сравнению со средними земными значениями. Искусственное повышение содержания тёмного пигмента в кожных покровах — распространённое вмешательство, наиболее благоприятное в контексте форсированной эволюции.// изрѣк БИт.

Фу! Три раза фу! Задай биолинк Инфо-терминалу конкретный вопрос, и он выдаст тебе общий ответ. Ну никакой пользы от него.

— А вот орудие убийства, я так понимаю,— сказал Яго, кивком указав в нужную сторону. Там была она, современная дубина Геракла — большущий пластметаллический молот; пластметаллический или просто металлический, очень тяжелый. Он лежал рядом с жертвой.

— Чтобы поднять эту штуку, надо обладать немалой силой,— заметил Деньо.— Даже если тот, кто это сделал, привык к силе тяжести.

Это была самоочевидная истина. И знаете, что подумала Диана? Она подумала: раз кажется, что убийца наделён значительной физической силой, то на самом деле он хлюпик. У него хрупкое телосложение! Такова была её первая мысль. Дело в том, что Диана знала толк в расследованиях. Она прошла тысячи детективных квестов в своём Идеальном Дворце. Минимум тысячу! Да-да, Дия не была в этом деле новичком. Она знала, что сейчас всё по-другому — это ведь жизнь, а не игра. Но она потратила на изучение реальных убийств столько же времени, сколько на головоломки-симуляции. И их разгадки тоже нередко оказывались неожиданными!

Она огляделась, осматривая место преступления. Комната была забита всякой всячиной. Окровавленный молот на полу был лишь одним из множества приспособлений, которыми колотят, копают и делают все те непостижимые вещи, что требуются для ухода за садом. В углу стоял неподвижный робот. На дальней стене висела металлическая сеть, а перед ней высилась гора пластиковых бочек и ящиков. Из стены высовы-

вались странные пластины, похожие на теплоиспускающие панели, которыми оборудуют внеземные обитаемые жилища, только здесь они почему-то находились внутри здания. Какой в этом был смысл? Слева от себя Диана увидела бесчисленное множество ведёрок с краской и пластметаллическим лаком, длинные тубы непонятного назначения и ещё много разных штук.

— Тут полным-полно оружия,— заметила она.

— Но убийца-то взял тяжелый молот,— сказал Яго.

— Или он хотел, чтобы мы так решили,— возразила Диана.

— Мисс Аржан! — взмолился стоявший рядом Денно.— Прошу вас! Давайте уйдём. Мне тут не по себе. Комната слишком маленькая, чтобы я мог должным образом обеспечить вашу безопасность.

— Ага,— рассеянно отозвалась она, обводя склад взглядом. Здесь больше нечего было искать. И она снова чувствовала усталость. Сила тяжести неутомимо пыталась её раздавить. И они ушли.

Путь назад через иссушенную лужайку оказался длинным.

Она снова была в доме, а Ева так и не сдвинулась ни на сантиметр. Диана сняла гравешлёпы и улеглась на кушетку, в чём ей по-джентльменски помог Яго. Она увидела, что сестра подключилась к Идеальному Дворцу.

— Ева! — громко крикнула она.— Евиссима!

Но сил не осталось даже на то, чтобы просто помахать рукой, и уж точно негде было взять энергии, чтобы встать и подойти к сестре. Поэтому она позволила Еве и дальше убивать время в миртуале, а сама погрузилась в беспокойный сон.

2

ПОЛИЦИЯ

Её разбудил Яго:

— С вами хотят поговорить блюстители закона, мисс Диана.

Она уставилась на его морщинистое, как у старого друида, лицо. Его короткие волосы, мускулистый торс, длинные ноги. Он согнулся над ней, но даже это уму-дрился сделать почтительно, словно кланялся.

Она сказала:

— Ты ведь меня любишь, правда, Йа-гО?

— Конечно, люблю, мисс Диана.

— Я хочу сказать — любишь не потому, что тебя накачали КРФ?

— Все слуги находятся под его воздействием, мисс.

— Но дело не только в нём?

— Не только.

— Ты бы любил меня, если б в твоём теле вообще не было никакого КРФ?

— Разумеется, мисс.

Она улыбнулась и сказала:

— Ты хочешь, чтобы у нас случился проникающий сексуальный контакт.

Эффект вышел потрясающий!

— Нет! — ответил Яго. — Ни в коем случае, мисс Диана! — Глаза у него сделались круглые, как монеты: он был испуган и уязвлён. — Мне и в голову такое не приходило! Моя любовь к вам по-платоновски чиста.

Она рассмеялась.

— Я просто дразню тебя,— сказала она, чуть приподняв верхнюю часть кушетки. Можно было и не уточнять! Яго ей в матери годился. Он стар, как друид. Стар, как хаос и древняя ночь.— Ну ладно, хорошо, давай сюда этих блюстителей. Я отвечу на их вопросы.

— Мне остаться? — спросил Яго.

Вопрос её разозлил:

— Думаешь, я не смогу ответить полицейским на несколько вопросов, если рядом не будет няньки? Уходи, вредный, морщинистый, рябой старикашка.

— Ваши МОГродители просили, чтобы я присутствовал во время беседы с блюстителями закона, мисс,— негромко заметил он, но одновременно шагнул назад, к двери.

— Мне шестнадцать,— сказала она.— Я сама могу о себе позаботиться.

— Вам будет шестнадцать,— уточнил Яго.— Через три недели.

— Чтобы пообщаться с госслужащими, хватит и этого. И ведь Денью тут, он разберётся с этими полицейскими горгульями, если что, а теперь — кыш, пошел отсюда.

Наставник поклонился и вышел за дверь. Вот что любопытно: Яго всё делал легко. Три её телохранителя только тем и занимались, что тренировали свои тела, чтобы держать мышцы в тонусе. Вряд ли Яго соблюдал тот же режим — он ведь был наставником, а не охранником. В самом деле, у него на верхней губе виднелись капли пота — значит, земная сила тяжести для него была ужасным, болезненным грузом. Но он никогда не жаловался, даже не намекал на неудобства. Яго встал, как только они приземлились, и гравишлë-

пами при ходьбе не пользовался — переступал своими длинными ногами, держа спину прямо, опустив руки вдоль тела. Он кланялся. Он упрямо стоял, когда все сидели. Это было, в каком-то смысле, геройство. Она знала, конечно, зачем он это делает. Он пытался произвести на неё впечатление. КРФ ни при чём: он любил её, как рыцарь любит прекрасную даму в каком-нибудь романе. Признаться, что у него болят ноги или горят лёгкие, было бы равносильно предательству.

Итак, Диа приготовилась, и вошли двое полицейских: женщина и мужчина. Оба походили на крепких троллей, как и подобает людям, выросшим под действием этой ужасной силы тяжести. Оба склонили головы, когда подошли к ней.

— Добрый день, мисс Аржан,— сказала женщина. БИТ подсказал Диа всё необходимое: перед ней инспектор Халкиопулу, а рядом стоит младший инспектор Зариан, и оба работают на аккредитованное Улановыми полицейское ведомство. Она смахнула эту информацию прочь.

— Моя сестра в данный момент-шмомент затерялась в своём Идеальном Дворце,— сказала она.

Они улыгнулись с едва заметным опозданием: или тупые, или оба пользуются жучками-переводчиками. Никуда не годится, честное слово. Она же заговорила с ними по-английски, а не на попури, тидхарском или марсианском пиджине. И вообще, бóльшая часть этого острова принадлежит Аржанам!

— Ох, ну не ужасно ли? — сказала она.— Труп! Мёртвый слуга!

— Очевидно, что этот человек был убит, и, судя по всему, смерть является следствием сильного удара по

черепу,— сказал блюститель мужского пола неестественным тоном — видимо считывая фонетическую транскрипцию с линз. Ее это взбесило. *Excessivo*¹ низкопробно.

— Видела,— сказала она.— Это просто буэ какое-то.

— Неясно, кто совершил убийство,— проговорила блюстительница.— Это точно кто-то из слуг, присутствовавших в поместье. Мы проверили данные домашнего ИскИна — в период, предшествовавший преступлению, никто не входил в дом для прислуги и не выходил из него. Когда обнаружили тело, все девятнадцать располагавшихся там лакеев выбежали наружу в испуге — все до единого, никто не остался. Значит, убийца — один из этих девятнад...

— Банально, предсказуемо, банально! — встряла Диа.— Я решила, без преувеличения, сотни детективных загадок в Идеальном Дворце, и я знаю, как важно мыслить непредвзято. Вполне возможно, что убийцы нет среди этих девятнадцати!

Полицейские посмотрели друг на друга, потом опустили глаза. Их явная растерянность привела Диану в бешенство.

— Домашний ИскИн,— сказала женщина,— зафиксировал, как жертва, ещё живая, вошла в дом. С того момента никто не входил и не выходил, пока не случилось убийство. Соответственно...

— О, да знаю я! — отрезала Диана.— Ну конечно, я знаю, что реальная жизнь и ИД-квесты — не одно и то же. Разумеется, я в курсе! Но я разбираюсь и в реальных расследованиях. Честное слово, я их разгадываю

¹ Чрезмерно, чересчур (*порт.*).

сотнями.— Она замолчала, чтобы перевести дыхание. Как же убедить этих профессиональных блюстителей закона в своей неподдельной любви к детективным историям? — Я вам могу выслать статистику через БИТ, если хотите... Есть одна девочка на орбите Марса, у которой показатели чуть лучше, не в смысле обнаружения преступника, а в смысле правильного подбора улики и ещё по скорости. Но дело в том, что она, она... у неё лучше получается с придуманными загадками, а они легче. То есть обычно они сложнее реальных, исторических преступлений...— Диана перевела дух и продолжила: — Но дело в том, что их сложность предсказуема. Понимаете, о чём я? У придуманной детективной загадки такая же связь с реальной жизнью, как у шахматной задачи — с реальной партией в шахматы. Вы только гляньте на классиков: По! Эта дама из семьи Христи, как там её звали, и Диксон-Карр¹, и Куинн Эллери², и Джей Крик, и Раджа Нимми. Чтобы разгадать их загадки, для начала нужно спросить себя — какое решение будет самым замысловатым? Отбрасываем наиболее очевидные варианты, ищем что-нибудь невероятно оригинальное, и полдела уже сделано. Конечно, в жизни всё не так! — Она вконец вымоталась из-за силы тяжести и всего прочего и держалась на одном энтузиазме.— Я раскрыла сотни реальных преступлений, исторических преступлений.

¹ *Джон Диксон Карр* — американский писатель, автор детективных романов, один из лучших представителей «золотого века детектива».

² *Эллери Куин* — творческий псевдоним двух американских писателей еврейского происхождения, кузенов Фредерика Дэннэ и Манфреда Ли. Эллери Куин также считается одним из представителей «золотого века детектива».

Я расследовала убийства и похищения. Отыскала четырёх разных Потрошителей. Тонкс — эта девочка с Марса, Анна Тонкс Ю, ну и имечко, да? — историей тоже занимается, но в выдуманных квестах она лучше меня. Вы понимаете?

— Она,— несмело проговорила блюстительница,— из той самой семьи Ю?

— Да, семейка у неё известная, но не отвлекайтесь,— сердито сказала Диана.— Вы не с ней разговариваете, а со мной. Это всё случилось прямо у меня на пороге! Вам нужна моя помощь, чтобы во всём разобраться! От неё вам бы всё равно никакой пользы не было. А вот я могу помочь!

Силы покинули её, и она откинулась на спинку кресла. Диана ожидала, что полицейские начнут вежливо отнекиваться, быть может, отделаются какими-нибудь абстрактными обещаниями и переведут разговор на другую тему. Но они выглядели по-настоящему обрадованными.

— Мы будем рады вашему содействию, юная госпожа,— сказал мужчина — Зариан, напомнил бИт.— Ваша помощь будет неоценимым дополнением к нашему расследованию.

От изумления и усталости Диана не смогла выговорить ни слова. Она лишь шире открыла глаза.

Когда тишина сделалась неловкой, блюстительница, инспектор Халкиопулу, сказала:

— Уверена, мисс Аржан, вы понимаете, что мы осознаём... деликатность полицейского расследования в деле, связанном с семьей, которая имеет настолько... большое влияние в масштабе всей Системы.

Мужчина добавил:

— Мы в курсе, что у ваших МОГродителей... личные связи с Улановыми.

— Аржанов очень... любят на этом острове,— сказала полицейская, подбирая слова с какой-то чересчур заметной осторожностью.— Даже не учитывая тот факт, что вам и в самом деле принадлежат более чем пятьдесят процентов города.

— Моим МОГмочкам,— сказала Диана.— Но это, в сущности, одно и то же.

Она чувствовала себя слегка обиженной, если хотите узнать; вероятно, причиной тому были усталость и смятение. Она хотела, чтобы блюстители оценили её опыт расследования преступлений в Идеальном Дворце!.. А не тот факт, что она была наследницей напыщенной семейки друзей Улановых. Чего она хотела на самом деле, так это чтобы они хоть краем глаза взглянули на её статистику и поняли, что при правильном подходе к этим данным — такой подход должен был учитывать особенности преступления, о котором сейчас идет речь,— сразу станет ясно, что во всей Солнечной системе не отыскать никого, кто бы мог с ней сравниться! По крайней мере в её возрастной группе. Как ни крути, из трёх десятков подростков, что зависали в (да-да, она была готова это признать) самых дорогих ИД-реальностях, только Анна Треньк-Бреньк Ю смогла приблизиться к её успехам.

Но она не запала на Анну, это всё враньё. Абсурднейший из всех возможных абсурдов. Она готова была подраться с любым, кто заявил бы что-то подобное.

Однако блюстители закона излучали угодливость, подобающую репутации её МОГмочек. Ну да, всё правильно. И вообще, жертвой стал слуга Аржанов;

убийцу, по всей видимости, также следовало искать среди слуг. Эти люди принадлежали ей, а не блюстителям.

— Разумеется, ваши МОГродители с нами уже говорили,— сказал мужчина. Женщина взглянула на него и опять устала в пол.

— Разумеется,— с кислой миной повторила Диана.

— Вы понимаете, нам надо соблюдать определенные процедуры, чтобы не нарушить условия договора с Улановыми, который наделяет нас законными полицейскими функциями,— промурлыкала женщина.— Но мы с радостью... уступим вам в вопросе установления лица, совершившего это убийство.

— Я очень устала,— с королевской непредсказуемостью объявила Диана.— Я помогу вам решить эту детективную загадку. Завтра я допрошу всех слуг при помощи своих телохранителей и наставника. Вам сообщат результат.

Блюстители поклонились и вышли. Диана опустила кушетку и тяжело перевернулась на бок, чтобы дать отдохнуть расплюсченному позвоночнику. Краем глаза она заметила заинтересованный взгляд Денъо. И улыбнулась. Он тоже это почувствовал. Её собственная детективная загадка! Ну разве это не супер-пуперкруто?

3

О ПОЛЬЗЕ СНОВИДЕНИЙ

В тот же день, чуть позже, девочки поговорили со своими МОГмочками. Линия связи проходила через сотню с лишним точек переадресации — на тот слу-

чай, если бы кто-то не в меру удачливый попытался отследить первоисточник (никто не должен был знать, где находятся девочки,— это опасно! опасно!), поэтому её качество оставляло желать лучшего. Но родителей было нетрудно узнать: они рука об руку парили в одном из своих зелёных космических пузирей.

— Вы не представляете, что у нас случилось, дорогие мои МОГмочки! — выпалила Диа, как только установилось соединение.

На лицах обеих МОГмочек появились одинаковые улыбки, но заговорила только МОГмочка Инь:

— Кое-что представляем, милая, — Яго рассказал; и ещё полиция с нами связалась по официальным каналам.

— Настоящая детективная загадка! Мёртвый слуга — убит неизвестно кем!

— Так нам и сообщили. Мы дали полицейским указания — ты будешь им помогать.— Абсолютно одинаковые улыбки на двух разных лицах — они выглядели ожившей детсадовской задачей о пространственной суперпозиции.

— Я справлюсь,— гордо заявила Диа.— Я расколю этот орешек за... хм... мне понадобится один день, чтобы сообразить, что к чему. Или полтора, чтобы посообразать ещё немного.

— Мы в этом и не сомневаемся,— сказала МОГмочка Инь.— Ты ей поможешь, Ева?

Ева помрачнела.

— Ну вы же знаете, мне еще надо закончить диссертацию. Я вплотную подошла к решению задачи со сверхновыми. Настоящему решению! И, дражайшие

мои МОГмочки, если позволите заметить, существуют тривиальные проблемы и глобальные проблемы. Когда вы зачинали нас как решателей проблем, вы ведь о последних думали, верно?

— Да, но есть одно «но»,— сказала МОГмочка Инь, поворачиваясь, чтобы взглянуть в глаза МОГмочке Ян.— Что есть что? Можно ли считать взрывающиеся звёзды глобальными, раз они очень большие и расположены очень далеко? Или именно по этой причине их можно считать тривиальными?

Диа сразу же поняла намёк.

— Погиб человек,— сказала она.— Важность и тривиальность — это оценочные категории, применимые только к событиям, которые происходят с людьми. А смерть — весьма глобальная вещь с точки зрения человечества.

— Ты несёшь чушь, сестра,— сказала Ева, раздраженная тем, что МОГмочки, кажется, взяли сторону Дианы.— Тебе на этого человека наплевать, будь он живой или мёртвый! Он для тебя пустое место. А как же иначе? Ты с ним ни разу не встречалась. Он просто один из слуг. Для тебя это всего лишь ещё одна задачка, которую надо решить, как и проблема шампанских сверхновых для меня.

— Жизнь важнее информации,— патетически ответствовала Диана.

— Когда ты увидела тело, пролила хоть слезинку? Диана уставилась на сестру.

— Не будь такой тупой,— огрызнулась она.

Сквозь сильные помехи было видно, как на лицах динамических 3D-проекций их родителей расцвели весёлые улыбки.

— Есть ещё кое-что, МОГмочки,— сказала Ева.— Одна вещь меня и в самом деле удивляет. Если подумать, сколько сил вы затратили, чтобы обеспечить нам безопасность...

— Разумеется,— сказала МОГмочка Ян.— Нет ничего более ценного, чем вы, девочки. От вас зависит будущее Клана.

Выражение Евиного лица стало чуть напряженным, но она продолжила:

— Конечно-конечно, и всё-таки... в сложившихся обстоятельствах вас не тревожит, что кто-то умер насильственной смертью в... буквально в нескольких метрах от нас? Не стоит ли вам... я даже не знаю... не стоит ли забрать нас отсюда?

МОГмочка Ян впервые повысила голос:

— Забрать вас? Нет-нет. Вам нельзя без силы тяжести, дорогие деточки.

— Вам ничего не угрожает, милые мои,— согласилась МОГмочка Инь.— Все слуги под действием КРФ. Обработаны как следует и надёжны на все девяносто процентов.

— На девяносто девять,— согласилась МОГмочка Ян.

— Они скорее ноги себе отрубят, чем причинят вам вред! Об этом можете не беспокоиться. А что касается убийства — так ведь это задача, которую надо решить. А разве кто-то может с этим справиться лучше вас двоих, дорогие?

— Не будем забывать про Анну Тонкс Ю,— тихонько проговорила Ева, когда сеанс связи завершился.

Диана притворилась, что не слышит. Не слышит, носом дышит. Клан Ю, если у него будет хоть полшанса,

оттяпает им всем головы (в самом прямом смысле). Вообще-то со стороны её сестры было довольно оскорбительно — без преувеличения — упоминать эту маленькую плосколицую идиотку. Весьма близко к измене Клану и явно предназначено для того, чтобы сделать больно, — иначе Ева не стала бы намекать, что Анна Тонкс Ю способна превзойти Диану в решении проблем. С другой стороны, если бы Дия сейчас бросила ей вызов, или выразила своё негодование, или отреагировала как-то ещё, это бы только раззадорило Еву; и скоро дело дошло бы до «ты её любишь» и «ты хочешь на ней жениться» и так далее. Жениться! Они ведь ни разу не встречались во плоти. Как будто Ева вообще понимала, что такое лю! бо! вь! Она была холодна, как комета, сама рациональность, пожирательница информации. Она была похожа на ИскИна.

Ссора длилась недолго, конечно. Девочки вместе помолились, поцеловались и отправились в свои кровати.

Ева уснула легко. Они обе много спали и засыпали без проблем. (В условиях земной силы тяжести проблема заключалась в том, чтобы спать крепко.) Диана бодрствовала ещё некоторое время, размышляя о событиях минувшего дня, но не потому, что они её слишком сильно взволновали и вызвали бессонницу. У неё имелась причина куда более прагматичного свойства. Она хотела обработать поступивший за день объём информации до того, как придут сновидения.

Сновидения! Любой древний ИскИн мог пережевывать данные, выдвигать гипотезы и подмечать паттерны. Но ни один ИскИн не обладал ценнейшим свойством, которым были наделены определённые

счастливчики,— интуитивной способностью находить решения, взаимодействуя с хаотическими системами. Это и делало Еву и Диану особенными, и таковая особенность — проявлявшаяся и в МОГмочках, конечно, и в других побегах и почках их родового древа, но в куда меньшей степени,— составляла основу процветания Клана. Они служили Улановым напрямую, и это сделало их очень богатыми! Что касается сновидений — что ж, сновидения возникают из-за случайных нейронных колебаний во время определённых фаз отдыха мозга. Сновидения вновь и вновь циклически обрабатывают образы и чувства, мысли и страхи. Ничего особенного в этом нет. Важны не сами сновидения (ерунда, ментальные треволнения, металлические лопасти, занятые бесконечным перемешиванием метафорической грязи в прозрачной бочке). Важно то, каким образом та часть сознания, что отвечает за решение проблем, использует сновидения. Во сне ментальные схемы повторяются раз за разом, проверяются; шелуха, что не поддаётся адаптации, отсеивается, а остаток отправляется в бочку, на доработку. Сновидения на эмоциональном уровне готовят нас к решению задачи, потому мы их и видим, ведь способность отыскивать выход из затруднений — высокоадаптивное качество, чья ценность с точки зрения эволюционного отбора весьма велика. Сновидения дурманят человека, отучают его полагаться на здравый смысл и предрассудки, искушают особенной логикой. Сновидения полезны.

Сновидения играли важную роль в том, чем занимались девочки,— не из-за содержания снов как таковых, но из-за того, какие идеи возникали в ходе их толкования.

Диана предпочитала готовиться, прежде чем погружаться в Аверн¹ своих сновидений. Она мысленно перебрала события дня. Заново прослушала всё, что ей довелось услышать, и некоторое время размышляла о том, какие чувства в ней вызвало увиденное. Над всеми эмоциями преобладало неудовольствие. Взять вот хотя бы сам труп. Она ждала встречи со смертью как с экзистенциальной бездной и была разочарована. Но, возможно, где-то здесь, глубже, всё-таки пряталась истина. Возможно, Диана разочаровалась из-за того, что та была слишком глубоко. Без сомнения, жизнь состоит из череды приливов и отливов, они проявляются в радости и отчаянии, в сексе и в боли. Смерть — не что иное, как запоздалый отлив.

Это почти ничего не меняло: завтра она примется за раскрытие своей собственной детективной загадки! И естественно, она найдёт решение. Супер-пупер-круто.

Она сосредоточилась и уснула. Разумеется, ей снились сны. Ей всегда снились сны.

Она увидела всю беспорядочно раздавшуюся Солнечную систему. Планеты с кляксами поселений и около миллиарда сфер и домов, летящих по своим орбитам в космическом просторе, — пена, отсвечивающая зелёным и охряным там, где пузырей было больше. Несметное количество пластика, произведенного из силикатной породы и водорослевых масел в бесчисленных мануфактурах. Некоторые из этих приспособленных к

¹ *Аверн*, или *Аверно*, — озеро в Италии, представляющее собой заполненный водой вулканический кратер. Считалось одним из входов в Аид, а в расположенной неподалёку пещере, по преданию, жила Сивилла Кумская.

невесомости обиталищ были громадными особняками с малочисленным населением; куда чаще встречались дома из камня, выдолбленные астероиды и кирпичные луны. И всё же самыми распространёнными оказались трущобные пузыри: дешёвые шары из прозрачного пластика толщиной в дюйм, под завязку населённые беднейшими из бедных, существовавшими на диете из ганка с добавлением тех растений, которые им с трудом удавалось вырастить. Пролетая сквозь скопления этих тесных домов, можно увидеть влажный ганк, впитывающий солнечный свет, и сотни лиц, прижавшихся к пластиковым стенам, наблюдающих за тобой. Многие лица будут грязными, серыми или чёрными, или даже иссиня-чёрными, в волдырях и парше от многолетнего воздействия безжалостной солнечной радиации. Или...

Стоп. Что-то тут не так.

Прямо во сне Диа вдруг поняла, что ей никогда раньше не снилось ничего настолько огромного. Такие вещи были привычны для Евы — бескрайний космос, траектории небесных тел и далёкие звёзды. Диана обычно сновидела нечто более приземлённое, человеческое. Но вот она здесь, объёмлет всю Систему. Она взглянула на себя со стороны, удивляясь тому, что может парить в космосе и любоваться видами, не умирая. Но оказалось, что ей было даровано тело космического корабля; она была шлюпом, чей корпус выкрасили в белый цвет (почему в белый?), а на боку написали: БСС. Почему-то её обшивка ошетибилась крыльями, стабилизаторами, лопастями и распорками. Крылья — в космосе? Стабилизаторы в невесомости абсолютно бесполезны. Однако вот они: всех видов, тут и там на её корабельном теле. Почему?

«Куда я направляюсь?» — спросила она себя, и ответ пришел, словно эхо: «В Солнце». За пеной обитающих и пузырей, за триллионами человеческих существ Диана узрела Солнце. У него было лицо, и, хотя оно ничуть не походило на лицо Лерона, убитого лакея, Диа каким-то образом поняла, что это всё равно он и есть. «Моё корабельное тело очень твердое, — подумала она. — Если я столкнусь с Солнцем, то разможу ему голову и убью его. Это важно?»

Это важно? Голос произнёс: «Осколки разлетятся во все стороны и убьют человечество. Это важно?»

Это важно? Она проснулась — резко, тяжело дыша. Но её сердцебиение не ускорилося, и в комнате всё было спокойно. Это земное тяготение вынуждало её делать отрывистые вдохи, тело изнемогало под тяжестью собственной грудной клетки.

«На мне были, — подумала она, — крылья, стабилизаторы, лопасти и распорки». Странно. Она поразмыслила об этом сновидении, а потом опять приказала себе погрузиться в сон.

4

ЗАГАДКА ШАМПАНСКОЙ СВЕРХНОВОЙ

Ева Аржан была на пять лет старше своей МОГ-сестры и устроена немного по-другому. Не совсем уж по-другому, разумеется, иначе цели семьи Аржан оказались бы под угрозой. Физические различия между

девочками были минимальны, но психически они отличались друг от друга как звезда и чёрная дыра. Обе, конечно, жили ради информации — та возбуждала их и услаждала, они погружались в неё целиком и полностью. Они были рождены для этого. Семья Аржан сколотила состояние и обрела влияние системного масштаба именно благодаря способности работать с информацией, и новое поколение — Ева и Диана — было наделено той же страстью к решению проблем. Но ум Дианы работал эффективнее всего, если информация обладала лицом. Её способность искать ответы на вопросы была творческой, ничем не скованной, интуитивной. С Евой всё обстояло иначе. Задачи, связанные с людьми, её не интересовали. Информация была для неё чем-то более объемным, чистым и трансцендентным, нежели все качества, присущие homo sapiens. Взаимодействия между людьми сводились, с точки зрения эффективности, к банальной политике, а политика вызывала у неё скуку. Нельзя сказать, что люди были ей неприятны. К примеру, именно бесстрастность забавным образом позволила ей получить довольно-таки богатый сексуальный опыт, которым не могла похвастаться её сестра-девственница; у Евы были связи как с людьми её круга, так и с физически привлекательными слугами. Это стало возможным как раз благодаря тому, что она не рисковала впутаться в эмоциональную привязанность. Нет: распалить ее разум могли лишь проблемы весьма удалённые — в самом буквальном смысле — от обиталища человечества.

В настоящее время она работала над седьмой диссертацией. Потому-то ей и приходилось так много времени проводить в Миртуальности, а не в реальном

мире (и вообще, от попыток контактировать с реальным миром не будет толку до тех пор, пока её тело хоть чуть-чуть не привыкнет к ужасному давлению силы тяжести). Это будет её третья диссертация по сверхновым, пятая по астрофизике в целом, и она уже близка к завершению. И ей в самом деле было интересно! Развитие специализированных ИскИнов привело к появлению огромных объемов необработанных данных по сверхновым, о которых и мечтать не стоило всего лишь несколько десятилетий назад. Перед инфохудожниками открылись бескрайние просторы, посреди которых таилось решения нескольких десятков астрофизических загадок.

Нынешний труд Евы был посвящён особым сверхновым II типа. Как правило, такие вещи происходили только с теми звёздами, что были как минимум в девять раз тяжелее Солнца, поскольку для возникновения сверхновой абсолютно необходимо достижение минимальной критической массы. Иными словами, менее массивные звёзды (конечно же) тоже могли превращаться в сверхновые, но инфопрофиль с точки зрения соотношения между водородом и гелием у них был не такой, как у II типа. В одной из ранних диссертаций Ева обратилась к проблеме звёзд, которые превращались в сверхновые II типа, несмотря на отсутствие критической массы. Теперь она переключила своё внимание на звёзды, которые вспыхивали как сверхновые II типа, не образуя при этом облако осколков и отличаясь по размеру в меньшую сторону, — они заметно уступали величиной ранее изученным экземплярам. Было известно всего лишь четыре подобных случая — первый произошел на заре двадцать первого века и

был назван «шампанской сверхновой». В честь песни, похоже¹ (это была, разумеется, великая эра песен; в те времена от них все с ума сходили). С той поры среди триллионов наблюдаемых звёзд удалось обнаружить лишь три шампанские сверхновые. Пропорциональная экстраполяция на основе параметров наблюдательной способности (простой алгоритм) указывала, что этот феномен происходил, вероятно, раз двадцать за всю историю Вселенной, что придавало проблеме «аномального избыточного свечения» уникальность и невероятную притягательность. Что-то заставляло звёзды-малютки подражать взрывам сверхновых! И Ева намеревалась узнать, что именно. У неё было много данных — хотя и недостаточно, чтобы получить 90-ю перцентиль². Тем не менее ей удалось сформулировать три рабочие гипотезы, и у двух была 50-я перцентиль, а этого уже хватало для диссертации.

Еву создавали не вундеркиндом, но первую научную степень она получила ещё до того, как ей исполнилось шестнадцать. Диана в этом смысле отличалась: до её шестнадцатого дня рождения оставалась пара недель, а она могла похвастаться лишь обычным дипломом Третичной школы. Причина была в том, думалось Еве, что Диана слишком легко отвлекалась. Ей не хватало усердия, необходимого для более высокого уровня инфотруда. И, поскольку влияние семьи, её полезность для Улановых требовали инфотруда высочайшей

¹ Сверхновая SN 2003fg была открыта в 2003 году и получила своё второе название в честь песни «Champagne Supernova» — хита английской рок-группы «Oasis», выпущенного в 1996 г.

² *Перцентиль* — одна из числовых характеристик распределения вероятностей.

квалификации, это могло в отдаленном будущем стать проблемой.

В перспективе Клану требовался кто-то с более ясным умом.

Для Евы детективные квесты, которые так обожала её сестра, были не более чем симптомом затянувшегося детства. «Кто убийца?» — ну разве можно воспринимать такой вопрос всерьёз? Только не в космическом смысле. Взять хотя бы этот неприятный случай: один из девятнадцати слуг убил другого слугу молотком. Нет никаких сомнений в том, что это был слуга, — никто другой не входил в здание и не выходил оттуда, кроме расквартированных там слуг. Таким образом, оставалось узнать лишь одно: кто из девятнадцати виновен? Почему он это сделал? И была ли в его поступке какая-нибудь угроза для Евы или Дианы? Если бы Диа предложила обсудить ситуацию, Ева ответила бы на все эти вопросы за минуту, и погрешность измерения вполне удовлетворила бы любого уважающего себя инфоэксперта. Но Диа не собиралась спрашивать — её привлекала как раз романтичность нерешенной загадки. Романтика!

Отложим мелодраматическую чушь и разберёмся с тремя вопросами по очереди. Первый: кто совершил убийство? Сужение группы подозреваемых до каких-то девятнадцати человек уже помещало решение в 99.9+++-% перцентиль. Даже если рассмотреть вариант, включающий всё население острова (хотя, поскольку все они только что приземлились и не успели встретиться ни с кем из местных, поиск убийцы за пределами их группы представлялся излишним, — но так и быть, из чистого интереса), то получалось 19 из

102,530, а это была 99.998+-я перцентиль. Еве ни разу не удалось добиться такого уровня достоверности, почти уже уверенности в своих диссертациях! Даже смешно просить о большем. В Солнечной системе триллионы людей, а Диана собралась тратить время на возню с девятнадцатю? Впрочем, ладно. Если бы Ева тут командовала, она бы признала виновными всех и казнила или, приняв групповой характер осуждения за формально смягчающее обстоятельство, отправила на длительный срок в тюрьму.

Второе: почему один из девятнадцати совершил или совершила это? Тут перцентили были похуже, но Еве хватило десяти минут в соответствующей секции Идеального Дворца, чтобы получить данные, достаточные для достижения 85-й перцентили, если не выше. Мотивы человекоубийства традиционно подразделялись на три группы: материальная выгода; личная неприязнь и социопатия. Поскольку все подозреваемые были доверенными слугами семьи Аржан, прошедшими жесткий отбор (иначе их бы не допустили непосредственно к девочкам), последнее Ева отбросила. Первое тоже казалось маловероятным. Они были слугами — не гражданами. Они выросли в трущобных пузырях, вращавшихся вокруг Солнца, на границе Сампа, они питались ганком и зависели от дешевых скрубберов и синтез-ячеек. Не может быть и речи о прочных каменных домах, выдолбленных старых астероидах и так далее — лишь относительно обеспеченные могли позволить себе такие обиталища (и только супербогачи вроде семьи Евы могли жить в массивных составных пластметаллических комплексах вроде их собственного особняка). Нет: трущобные пузыри были предна-

значены для временного использования, и уже через несколько лет пластик, из которого их делали, начинал разрушаться под воздействием солнечного излучения. Купив такую штуковину, человек соглашался с тем, что гарантия покрывает только три года использования. После этого под угрозой наказания, предусмотренного Lex Ulanova, нужно было покупать новый. Но, конечно, самполлой, беднейшие из бедных, не могли себе такого позволить. Поэтому они продолжали жить в этих гиблых конструкциях, латали утечки и дыры, набивались внутрь в количествах, которых не предусматривала инструкция по эксплуатации. Или, ещё хуже, их кустарным образом переделывали — любая гарантия в таких случаях аннулировалась, взамен появлялась вероятность тюремного срока до двух лет (впрочем, кто стал бы заморачиваться слежкой?), — высверливая окна, соединяя пузыри между собой тоннелями, создавая кластеры из сфер. Ужасная, вульгарная, кишашая человеческая масса. Постоянная близость чужих тел. Вонь, опасность, отходы. Как правило, инфодоступ тоже был общий, и даже там не стоило надеяться на уединение. Иногда пузыри лопались, и все их обитатели погибали; или кто-то умудрялся выжить, надев скафандр, а то и пробравшись, точно крыса, по тоннелю в соседнее обиталище. Это никого не останавливало. Они продолжали размножаться. И пузырей, зеленивших солнечный свет, на орбите вокруг светила были миллиарды! Беспредельность бедноты.

Из такого-то болота и вытащили этих слуг, личных лакеев дочерей семьи Аржан. Надев ливрею, они автоматически стали богаче всех, кого знали в жизни. На самом-то деле жалованье у них было небольшое, как

и полагается низкоквалифицированному персоналу. Но для них это значило много. Зачем же хотеть ещё? И вообще, поскольку контракты были бессрочными, вряд ли у них когда-либо появилась бы возможность потратить лишние кредиты. Итак, хотя Ева и не могла отбросить вероятность того, что убийство совершено из корыстных побуждений, вряд ли подобное соответствовало истине. Куда более вероятным мотивом выглядела личная неприязнь. Порывшись как следует в данных, можно было бы определить, в чём именно она заключалась, но зачем тратить время? Вот и объяснение, которое понравилось бы любому профессиональному инфохудожнику. По крайней мере тому, кто знал толк в науках.

И оставался лишь третий вопрос: представляло ли убийство угрозу для сестёр? Поверхностный анализ мог бы внушить, что да. В непосредственной близости от девочек находился некто, способный на причинение насильственной смерти. Но их также окружали опытные телохранители, все девятнадцать подозреваемых были под арестом в ожидании допроса, и — самое главное — сами девочки в принципе не могли быть мишенями. Все слуги Аржанов находились под воздействием высоких доз КРФ, что должно было будить в них не просто преданность, но самоотверженную активную любовь, неподдельную любовь по отношению к главным членам МОГсемьи. Они скорее лишили бы себя конечностей, чем как-то навредили Еве или Диане.

Решающим доводом для Евы было то, как повели себя МОГмочки. Если бы они хоть немного опасались, что их дочери находятся в реальной опасности, то Еву и Диану тотчас же вернули бы на орбиту. Но родители

этого не сделали, и мало того — поддержали Диану в её желании заняться любимым хобби и провести расследование на месте событий. По всей очевидности, убийство не повлекло за собой прямой угрозы для девочек.

Впрочем, в безопасности они себя тоже не чувствовали. Наоборот, их жизням постоянно что-то угрожало. Ева и Диана были избранными, ключевыми дочерьми Клана Аржан. Их семья являлась одной из пяти МОГ-семей, выше которых во властной иерархии Солнечной системы стояли только сами Улановы. Под ними тысячи корпораций-гонгси разных размеров и степени агрессивности вели изощренную борьбу за власть. У любой из них или (разумеется) у любой из четырёх других МОГ-семей могли найтись причины, чтобы навредить Аржанам. Но слуга, ударивший другого слугу молотком по голове, не мог быть с этим связан! Большинство слуг очень смутно представляли иерархическую структуру высших ярусов — они просто знали, что Улановы победили в войне, случившейся много лет назад, и даровали Системе закон и порядок. МОГ-семьи, и гонгси под ними, и мириады банд, полицейских, ополченцев, традиционных генетических семей, сект и мафий, и поллой под ними, сотни триллионов обычных граждан — все образовывали концентрические круги вокруг Улановых, словно средневековые ангелы разных чинов пред троном Господним. А ниже поллой находились недолюди, сампы, отбросы — триллионы их. Одним больше, одним меньше — по естественным причинам или в силу удара молотком по черепу — какая разница?

Насколько она могла судить по политической обстановке — без её изучения не обходилось, хотя холод-

ное совершенство физики было намного приятней,— в настоящее время в Системе царила стабильность. Последняя попытка переворота случилась лет тридцать назад, когда МОГсемья Палмер попыталась одним ударом избавиться от Улановых и занять их место. Конечно, из соображений безопасности стоило учитывать, что другие семьи, гонгси и организации пониже уровнем плели интриги. Ева предполагала, что и её МОГмочки этим занимаются. Отсутствие планов, запасных стратегий и так далее было бы отложенным самоубийством. Кодекс Улановых предусматривал одно, сами Улановы рассчитывали на другое. Но Ева не видела серьёзных оснований для бунта или кровопролития в ближайшем будущем.

И всё-таки стоило принять разумные меры предосторожности. Клан Палмер уничтожили, и ни МОГсемьи, ни гонгси не пошли бы снова на такую глупость, как открытое нападение. Но вот обрушиться друг на друга они вполне могли; а удар по Аржанам — инфогильдии, жизненно важной для Улановых,— мог принести огромную пользу какой-нибудь анонимной организации уровнем пониже. В самом деле, с течением времени такая атака все быстрее превращалась из маловероятной во вполне возможную. Диа и Ева ещё не были готовы принять бразды правления. Ударить сейчас, не дожидаясь, пока они сделаются полноценными наследниками, было весьма логично.

Разумеется, инфослухи распространялись быстрее скорости света. Если верить слухоманьякам, Улановы вот-вот должны были открыть, или переоткрыть, или раскрыть (как-то так) БСС-технологии. Идиотизм. Она, конечно же, невозможна. Законы физики

не допускают её. Но простого слуха хватило, чтобы всколыхнуть ИнфоБиржи. Словно кто-то явился на голландскую фондовую биржу семнадцатого века и заявил: «Завтра я начну превращать свинец в золото!» Чтобы погрузить рынки в хаос, хватало одной лишь идеи; а ИнфоБиржи были ещё более непостоянны, чем любые другие рынки. Но это не означало, что слух соответствовал истине.

Что до Евы, у неё в багаже было шесть докторских степеней по физическим наукам, и она заканчивала седьмую диссертацию. Она отлично знала, что БСС — вещь не просто невероятная, но вопиюще бессмысленная. Этот Мак-как-его-там, напорившийся на способ преодоления светового барьера, — он исчез, конечно. Ева сомневалась, что он вообще существовал. А если и так, то был попросту чокнутый. Всё его «открытие» — это как если кто-нибудь сказал бы: «Я создал вечный двигатель» или «Я изобрёл квадратный круг». Но ей и не нужно было верить, что технология существует. Хватит и того, что люди верят в существование БСС. Они глупы и верят во всякую чушь.

Если подобное невозможное устройство попадёт в руки Улановых, они получают — без сомнения — невообразимый источник силы и богатства. Их власть сделается абсолютной. Они начнут управлять переселением человечества к звёздам. Конечно, люди будут убивать ради такого. Убивать много и многих. И конечно, Аржаны, как инфоклан Улановых, должны быть в курсе подобных открытий. Пускай всё это были пустые слова, но семейство ужасно рисковало.

Однако Ева и Диана оставались под надёжной защитой, их тайный дом хорошо охранялся, а всякий час

рядом с ними находились лучшие телохранители из тех, каких можно купить. Остров был окутан сетями систем безопасности. Нападение с воздуха вряд ли привело бы к успеху. Конечно, враждебная МОГсемья или гонгси, узнав точное местоположение девочек, могла сбросить на остров бомбы с орбиты. Но это означало бы объявление войны, а не рядовое происшествие. Попытка убийства в этом смысле куда предпочтительнее, и, хотя таковая могла состояться в любой момент, шансов на то было мало.

И всё это не приближалось и на парсек к слуге, который стукнул другого слугу молотом по голове. Только идиот решил бы, что это омерзительное убийство лишь первое звено в той череде, которую автор детективных историй мог бы назвать «БСС-преступлениями».

Ева выкинула всё из головы. Трудясь над проблемой аномальных сверхновых, она улучшила статистическую вероятность решения с 52% до 55%. Потом умылась, поела, полчаса поиграла в шахматы. После этого поиграла с сестрой в ИДе, и они обе поболтали с МОГмочками — Диа, конечно, возбуждённо кудахта-ла об этой всамделишной детективной загадке и о том, как она собиралась отыскать среди девятнадцати слуг виновного, а их родители снисходительно улыбались. Ева ощутила неясную злость. Но потом она проспала всю ночь в резервуаре с гелем и наутро ощутила, что сила тяжести уже не так докучает. Она продолжила свои изыскания.

Убийство было пустяком. Она продолжала так считать, пока в один прекрасный момент не появилась мисс Джоуд.

5

МИСС ДЖОУД

Мисс Джоуд работала напрямую на Улановых. Трудно было вообразить себе человека более высокого положения! В тот момент, когда она прибыла на остров, чтобы лично поговорить с девочками, все Евины гипотезы полетели в мусоросжигатель. Пфф! И нету их. А Диана решила: ни за какие коврижки Улановы не заинтересовались бы этим преступлением, если б и впрямь дело сводилось к тому, что один слуга убил другого.

У мисс Джоуд было телосложение типичного верхожителя: длинные руки и ноги, тощие запястья, крупные ладони. Большие глаза, но совсем не такие, как у миленьких анимешных девочек. Наоборот, их цвет напоминал кожу Шивы — тёмный, пурпурно-чёрный, — и взгляд был более пристальным, чем у обычных людей. На её лице застыло выражение контролируемого спокойствия, а черты были правильными и гармоничными, так что её вроде бы следовало признать красивой. Но что-то в ней было такое, какой-то необъяснимый изъян, из-за которого красота вызывала ужас. Всякий раз, когда она смотрела на Еву, та как будто воочию видела бушующий самум её разума. Она была бесчеловечной — не просто жестокой, способной на насилие. Она была бесчеловечной, в некотором роде, онтологически. Опасной, как скорпион. Но нет, глупости — она была несравнимо, невысказанно, стократ опаснее любого скорпиона!

Поскольку по делам Улановых ей приходилось часто спускаться с орбиты на Землю, она привыкла к силе тяжести и пришла в себя за пару часов — этого времени Еве, Диане и троим телохранителям хватило, чтобы собраться в главном зале особняка и подготовиться ко встрече. Яго привёл мисс Джоуд. Он вошел в комнату первым, она — следом; но, когда гостя шагнула через порог, дверь начала скрипеть и трястись, словно была одержима сразу несколькими демонами.

— О, простите мою забывчивость! — сказала гостя своим жутковатым голосом. Выражение её лица очень ясно давало понять, что она ничего и никогда не забывает, а забывчивость как таковая — качество, чужеродное её натуре. Без всякой нарочитости, но так, чтобы они поняли, что сейчас она действует исключительно во благо всех присутствующих, мисс Джоуд вытащила из-под полы жакета металлический пистолет. Его она вручила Берфезену, и тот вложил оружие в чехол из смарт-ткани. Потом гостя с лёгкой улыбкой сделала шаг назад и снова вошла в комнату.

На этот раз дверь не изъявила никаких претензий.

Мисс Джоуд была в гравешлёпах, но двигалась легко и в кресле устроилась без лишней суеты.

— Мои дорогие девочки,— сказала она.— Мои наниматели интересуются, всё ли у вас в порядке.

Сёстры не встали (при такой-то силе тяжести? Шутить изволите?).

— С нами всё хорошо,— сказала Диана. Она обернулась, ища взглядом Яго,— тот, как обычно, демонстративно проигнорировал свободное кресло и подпирал теперь стену слева от Чен Ира. На Диану он не посмотрел.

— С нами обеими всё хорошо,— эхом отозвалась Ева.

Джоуд перевела взгляд с одной девочки на другую.

— Произошло убийство, насколько мне известно. На вашей земле. В нескольких метрах от этого дома. Разве это в порядке вещей?

— Вы из-за этого сюда прибыли, мисс Джоуд? — спросила Ева.— Уверяю вас, Улановым не стоит беспокоиться из-за такой ерунды.

— Убийство расследую я,— сказала Диана.— Но, безусловно, Кодекс Улановых соблюден тщательным образом; вчера нас навестили двое аккредитованных полицейских...— За именами пришлось обращаться к БИту, и ее веки затрепетали.— Инспектор Халкиопулу и младший инспектор Зариан. Всё в порядке.

Джоуд моргнула всего один раз и сразу загрузила всю необходимую информацию.

— Очень хорошо. Мои наниматели, как вы поняли, беспокоятся о вас.

— Уровень КРФ у всех слуг проверили сразу же,— сказала Диана, хотя в этом не было особой необходимости.— Мы ничего не упустили.

Джоуд посмотрела на Диану, потом — на Еву и улыбнулась.

— Выходит, ты собираешься попробовать себя в следственном деле, моя дорогая? — спросила она. Обращаясь к Диане, гостя смотрела в сторону главного окна, за которым виднелся сад.

— Да,— сказала Диана.— Я уже много всего расследовала в Миртуальности и...

— Поверь мне, в жизни всё иначе,— перебила мисс Джоуд.— Уж я знаю, что такое расследование убийства на самом деле.

— В этом убийстве нет ничего сложного,— сказала Ева, внезапно разволновавшись.— Один слуга прикончил другого, из-за ревности на почве секса или личной неприязни, надо думать. Убийца — один из девятнадцати. Это неприятное, но вполне локализуемое и, хм, уже локализованное событие. Моя сестра ищет истинного виновника среди этих слуг. Я сама вчера некоторое время посвятила размышлениям о том, не является ли преступление симптомом более серьезной угрозы для нашей семьи,— нет, не является.

— А ведь ты,— сказала мисс Джоуд с дружелюбной улыбкой, но таким голосом, от которого могли замёрзнуть звёзды,— уже получила шесть научных степеней!

— О-о,— сказала Ева, застигнутая врасплох.— Ну да.

— Мои дорогие девочки. Жаль, но мне придётся сообщить, что дело куда опаснее, чем вы думаете.

Сердце Диа кувыркнулось в груди. Неужели Джоуд останется? Неужели Улановы спустили её сюда, чтобы наблюдать за сёстрами, шпионить, наводить страх? Сама мысль о том, что эта персона будет отравлять своим присутствием её личное пространство, её собственный дом, была невыносима.

— Правда? — спросила она со всем простодушием, на какое была способна.

— Ты прошла множество детективных квестов в Миртуальности и так далее,— сказала Джоуд Диане, по-прежнему не глядя на неё.— Так скажи-ка мне вот что. Ты когда-нибудь слышала про Стеклянного Джека?

Стеклянный Джек!

— Конечно,— сказала Диана.

Губы мисс Джоуд изогнулись в улыбке.

— А ведь я, знаешь ли, однажды почти выследила его,— сказала она. Всё, что говорила мисс Джоуд, было тщательно просчитано, но в том, как она произнесла эти слова, ощущалась некоторая спонтанность.

И глупышка Диана, истинная фанатка своего хобби, тотчас же завершала:

— Не может быть! Серьёзно? Правда-правда-правда?

— Ох, дорогая моя девочка,— бесстрастно сказала Джоуд, вновь обратив взгляд к окну.— Ты даже не представляешь себе, насколько всё серьёзно. Он опаснее, чем принято считать. Но знаете что? Нам удалось его схватить!

— Схватить? — повторила Ева.

— Арестовать? — уточнила Диа.

— Арестовать и поместить в тюрьму.

— Я понятия об этом не имела! — ахнула Диана.— В обычных сетях такой информации нет.

— Буду признательна, если её там и не будет. Если что, я сумею проследить источник утечки.

— Мисс Джоуд! — воскликнула Диана с неподдельным негодованием.

— Ну конечно,— продолжила Джоуд без паузы, не меняя монотонного журчания голоса.— Ты дочь своих МОГмочек. Ты понимаешь важность информационной гигиены, секретности и...— Она подняла правую руку, словно проверяя силу земного притяжения, перевернула ладонью вверх и подвела итог: — И всего прочего.— Рука снова опустилась.— Уверена, что всё рассказанное мною останется в тайне. Мы поймали его. Естественно, он принял другое имя; его судили и признали виновным в незначительном преступлении,

а потом отправили на астероид под названием Лами 306 — далеко-далеко отсюда, на очень отдалённой орбите. Он должен был провести там одиннадцать лет. Нам понадобилось шесть месяцев, чтобы понять свою ошибку,— можно лишь сожалеть о таком промедлении. Но затем мы осознали, с чем имеем дело... и кого мы схватили... того самого Стеклянного Джека. Мы поспешили к Лами 306 на четырёх кораблях, чтобы забрать его. Знаете, что мы там обнаружили?

— Он умер? — спросила Ева.— Покончил с собой?

Джоуд очень плавно повернула голову и уставилась на неё:

— Отнюдь. Не покончил. А вот все остальные узники были мертвы. Точнее, от них мало что осталось. Они оказались...— Следующее слово она произнесла с удивительно сладострастной интонацией, словно выпустив на волю часть своей истинной сущности.— Расчленены.— Она почти облизнулась.— Их тел мы не нашли, но крови на стенах было очень много.

Наступила тишина. Далеко в полях тирлинькали цикады.

— Как же им не повезло,— сказала Ева, с трудом выдерживая пристальный взгляд Джоуд.

— Это точно.

— По крайней мере вы снова схватили его,— заметила Диана.

Голова Джоуд повернулась, словно на шарнире.

— Нет. Его там не было. Он каким-то образом сбежал. Увы.

Обеим девушкам понадобилось время, чтобы это осознать, и потом они одновременно спросили:

— Как же такое возможно? Как ему это удалось?

Они замолчали. Диана спросила:

— Его там вообще не было. Верно?

— Это настоящая загадка запертой комнаты,— сказала Джоуд.— В самом деле, разве мог он сбежать из лучшей запертой комнаты во всей Солнечной системе!

— Ему помогли,— сказала Ева.— У него был друг, который взломал шифровку, узнал, куда его послали отбывать приговор, и выслал корабль на помощь.

Джоуд быстро-быстро покачала головой:

— Гонгси, которая занимается этим делом, поручила наблюдение за многочисленными тюремными астероидами ИскИну. Так и в самом деле дешевле: следить за ними издалека и глазами ИскИна. Это не значит, что если бы за ним действительно прислали корабль, то гонгси смогла бы что-то предотвратить. Но, по крайней мере, спасение было бы зафиксировано камерами, и у нас появилась бы улика, с которой началось бы новое расследование, а затем и поимка. Весь отснятый материал по Лами 306 однообразен, ничем не прерывается и ничего не содержит. Он плохого качества, с помехами, но без пропусков. Картинка достаточно чёткая, чтобы заметить выбросы из дюз какого-нибудь шлюпа. Кораблей там не было.— Она медленно перевела взгляд с одной сестры на другую.— И, даже если не принимать во внимание этот факт, как мог сообщник Джека узнать, какой именно астероид ему нужен? Ваша семья достаточно компетентна в деле защиты данных, так что вы должны бы знать: взломать криптозащиту не так уж просто. А возможных целей сотни тысяч. Нет. Никто его не спасал.

— Его там и не было,— сказала Диана.— Вот в чём разгадка — точнее, вот в чём хитрость. С запертыми

комнатами, во всяком случае. Вы — мы все — полагаем, что преступник забрался или выбрался из места, лишённого входа и выхода. Но на самом деле все не так. — Она покраснела. — Я хочу сказать, если Стекланный Джек не мог сбежать из астероидной тюрьмы, то... он и не убегал. Невозможные вещи потому и называют невозможными. И это значит, что его там не было: каким-то образом он обманул власти и заставил поверить, что действительно отправился в тюрьму. Он туда вообще не попал. Заключённые сами перебили друг друга.

Джоуд кивнула:

— Увы, моя дорогая, его ДНК нашли внутри астероида вместе с останками всех прочих. О, он там был. Он провёл внутри комнаты, откуда невозможно сбежать, некоторое время, а потом внезапно — загадочно — или, если хотите, по волшебству исчез. Пфф! Телепортировался на свободу.

Джоуд вдруг издала резкий смешок, словно каркнула.

— За ним должен был прийти корабль.

— Не было никакого корабля.

— Нельзя же просто взять и... телепортироваться, — сказала Диана. — Телепортации не существует. Это магия, а не наука. Должно существовать рациональное объяснение. Даже если мы до него ещё не додумались, оно есть.

— У него нет ног, — вдруг сказала Ева.

— Чистая правда! — пролаяла Джоуд с довольным видом. — Ты это вытянула из БИТа, моя дорогая?

Ева покачала головой:

— Не хочу заглядывать в его БИТ-досье. Там наверняка всякие ужасы, а я... слегка брезглива. Просто

вспомнила. Это один из общеизвестных фактов о нём.— Она посмотрела на сестру.— Я предпочитаю неодушевлённое одушевлённому. С неодушевлёнными вещами... проще. С физикой, химией, инфодинамикой.

— А ты, моя дорогая,— сказала Джоуд, чуть наклонив голову и устремив на Диану взгляд велоцираптора,— предпочитаешь людей, ммм? Наверху, у Улановых, ходят слухи, что ваши МОГмочки возлагают на тебя большие надежды в плане работы с персоналом. Решение задач и расследование преступлений с уклоном в человеческую натуру, верно?

— Видимо, мне просто одушевлённые вещи нравятся больше неодушевлённых,— проговорила Диана с опаской.— А у Евы всё наоборот.

— Хочешь сказать, ты поэтому увлекаешься детективными квестами?

— Наверное, да.

— Не пугайся, мой нежный птенчик,— сказала мисс Джоуд.— Улановы, которых я здесь представляю, не возражают против того, что Аржаны выводят новое поколение инфоэкспертов. Но не стоит упрекать нас, если нам хочется знать, как именно осуществляется процесс. Различия между вами свидетельствуют о тонкой работе МОГскульпторов, что и следовало ожидать. Ты у нас мастер по твёрдым телам, Ева, а ты — по мягким.

— Как же он потерял ноги? — спросила Ева, не в силах отделаться от ужасного образа.

— Похоже, никто не знает правды. Ну теорий-то предостаточно,— беззаботно сказала Джоуд.— Отбрось брезгливость и задействуй БИТ — сама увидишь.

— В верхоземье это не редкость,— заметила Диана.

— Всё верно, мой юный спец по мягким телам! — сказала Джоуд. — А что такого? Если ты не планируешь когда-нибудь спуститься на дно колодца, то ноги тебе и не нужны. От них, в конце концов, никакой пользы в невесомости. Некоторые люди даже осознанно идут на ампутацию, в том числе и ради продажи. Те, кто достаточно беден, продают что угодно.

— Раз у него нет ног, — сказала Ева, — выходит, он из настоящих верхожителей.

— Вполне разумное предположение, на мой взгляд, — снисходительно проговорила Джоуд. — Хотя некоторые его жертвы были убиты на дне гравитационных колодцев. Мы не знаем его настоящего имени. Люди зовут его Джеком, потому что это имя подходит для серийного убийцы. А что касается фамилии... Нам неизвестна его настоящая фамилия. Может, он вообще Преферх¹. Понятия не имею, какая фамилия ему бы подошла. Знаете, почему его называют Стекланным?

— Почему?

— Он получил это прозвище из-за особенностей своего... стиля. Всё дело в том, как он убивает, этот наш космический Джек-потрошитель. С жертвами Лами 306 всё было как всегда: он их убил и расчленил при помощи заострённых осколков стекла.

Мисс Джоуд смотрела прямо на Диану.

¹ *Яго Преферх* (Iago Prytherch) — персонаж, часто встречающийся в ранних стихотворениях валлийского поэта Роналда Стюарта Томаса, собирательный образ «типичного валлийского фермера» и одновременно, по свидетельству некоторых литературоведов, альтерэго самого Р. С. Томаса.

Эти чёрные глаза. Ой! Мороз по коже, подумала Диа. А потом она сказала себе: может, Ева и впрямь брезгливее, но... ой-ой!

— Говорят, он прикончил больше тысячи людей,— сказала Диана с оттенком восхищения.

— Или миллион,— сказала Джоуд.— Зависит от того, какой истории верить. С чем не поспоришь, так это с тем, что количество его жертв недавно пошло на спад. Вообще-то до бойни на Лами 306 он не убивал довольно долго! Конечно, ему становится всё сложнее это делать. Мы всё усложняем. После Лами 306 мы распространили его ДНК-профиль по всей Системе, его знает каждый полицейский, ополченец и спец по персоналу. Учитывая это, отсутствие ног и плохую репутацию, он примерно в том же положении, что и прыщ на носу. Каждое новое убийство для него — риск. Он уже не может позволить себе убивать просто так. Я считаю, теперь он это делает только при наличии достаточно веских причин.

— Так что же,— пылко спросила Диана,— он снова совершил убийство?

— Милая моя, почему, по-твоему, я здесь?

Обе девочки уставились на неё.

— Вы хотите сказать...— начала Ева, а Диана в тот же самый момент громко заявила:

— Это невозможно.

На мгновение стало тихо.

— И одна из замечательных особенностей Стеклянного Джека,— сказала Джоуд с серьезным видом,— состоит в том, что он мастерски делает невозможные вещи. В самом деле, в самом деле. Побег с Лами 306! Ну так вот, я всё ещё отслеживаю его, и у меня есть

основания предполагать, что он обратил внимание на вас, мои драгоценные девочки.

— Нет,— сказала Диа.

Этого говорить не стоило — не самого слова, ни таким тоном. Джоуд перевела взгляд на Диану. Её глаза были чёрными, словно волна цунами, стирающая с лица земли целый город, чёрными, словно ничто, поглощающее живых и мёртвых. Они были цвета надежды, сжиженной до отчаяния.

— Прошу прощения? — спросила она голосом, от которого мороз шел по коже.

— Э-э, извините, что я осмелилась вам возразить,— сказала Диана, чувствуя, как на верхней губе выступают капли пота.— Но если не горячиться и отбросить эмоции, то по-вашему получается, что одного из наших слуг убил Стеклянный Джек. То есть вы хотите сказать, что знаменитый Стеклянный Джек явился сюда и убил лакея?

— Именно это я и говорю,— сказала мисс Джоуд с мрачным видом.

— А потом — что? Ушел?

— Поскольку его сейчас здесь нет,— сказала Джоуд,— да. Конечно, ваша охрана уже обыскала всё поместье. Полиция осмотрела прилегающие территории.

— Но почему? — спросила Диана.— Зачем ему понадобилось проникать сюда, минуя нашу охранную систему, и убивать слугу? Почему не нас?

— Я не говорила,— заметила Джоуд, опять с улыбкой,— что он закончил.

На миг воцарилась тишина.

— Но почему мы?

— Ох, дорогуша! Твоя сестра, чьё внимание сосредоточено на этих аномальных сверхновых, может и не знать ответа на этот вопрос! Но ты? Ты ведь уже поняла, о каком секрете идёт речь — о секрете, про который никто не говорит вслух, про который поллой даже не знают, но те, кто знают, обсуждают его тайно?

— О чём вы говорите? — спросила Диана, краснея от досады. — Что это?

Джоуд бросила взгляд на охранников и ответила:

— БСС, конечно! За такое стоит убивать. Это вещь, чей владелец обретёт беспрецедентную власть и богатство. Функционирующая технология перемещения быстрее скорости света.

— Но,— снова сказала Диана,— какое отношение это имеет к нам?

Ещё не договорив, она всё поняла. Репутация клана Аржан основывалась на информационном богатстве, на их умении отыскивать нужные вещи. Если кто и знал о загадочной новой технологии, то только они.

— Какая разница,— сказала Ева, и на её безупречном лбу появилась горизонтальная морщина. — Я хочу знать, как он это сделал.

— Ну разумеется, моя чудо-девочка,— сказала Джоуд. — Тебя-то куда больше интересует практическое «как», нежели мелочное «почему».

— Я серьёзно,— сказала Ева. — Система наблюдения за домом для прислуги — и за всем поместьем — не пострадала. За соответствующий период никто не входил и не выходил из дома. Как ваш знаменитый Стекланный Джек забрался в складскую комнату, чтобы стукнуть слугу по башке тем здоровенным молотком?

— «Как?» — в самом деле, очень интересный вопрос, верно? — сказала Джоуд. — Мы разобрались с «кто?», теперь надо разобраться и с «как?».

— Как он попал на остров, не говоря уже о всём остальном. Как он спустился на Землю, миновав все проверки? Как он вообще узнал, что мы здесь?

— Всё это — хорошие вопросы, — сказала Джоуд.

— И как он проник в запёртый дом, пройдя незамеченным мимо всех охранных устройств?

— Ещё можно спросить: как он выбрался с Лами 306? — ответила Джоуд. — Я не знаю. Но он это сделал.

— Какие у вас доказательства того, что он убил нашего слугу?

— Вам придётся мне поверить. Я не могу объяснить, каким образом мне стало это известно. Вы же понимаете, существуют разные уровни секретности даже в пределах одной тайны. Строго говоря, мне не стоило даже произносить то слово из трёх скромных букв.

— БСС? — снова сказала Диана. — Почему? Спуститься сюда, пробраться в дом для прислуги, вышибить мозги своей жертве — ради БСС? Я не понимаю, не понимаю, не понимаю.

Мисс Джоуд поднялась — достаточно плавно, но было заметно, как напрягаются мышцы её ног в гравишлэпах.

— Это головоломка, я согласна. И должна признаться, «как?» сбивает меня с толку в той же степени, что и всех вас. Но вы точно сможете во всём разобраться! В конце концов, МОГмочки высочайшего мнения о вашей способности решать проблемы, мои дорогие. Высочайшего.

— Вы намекаете,— упрямствовала Ева,— что Стекланный Джек телепортировался в наш дом для прислуги?

— Телепортации не существует, моя дорогая,— сказала Джоуд.— Могу ли я получить обратно своё оружие?

Берфезен вытащил чехол из смарт-ткани.

— Я велю лакеям подготовить для вас дом, мисс Джоуд,— сказала Ева, в которой запоздало проснулись хозяйские инстинкты.— Что вы предпочитаете — подальше от моря, поближе?

— О, я не останусь, мои дорогие,— сказала мисс Джоуд, не глядя на них.

— Ох! — Еву как будто ударили.— Вы так быстро вернётесь наверх?

— Улановы не те люди, которых можно заставлять ждать,— сказала мисс Джоуд и обратила свой чёрный взгляд сначала на одну МОГсестру, потом на другую.— Вас ожидает блестящее будущее как инфохудожников, мои дорогие. У меня в этом нет никаких сомнений. И постепенно вы поймёте, что есть вещи, которые можно узнать, только находясь в одном физическом пространстве с другим человеком, потому что идеальная среда — даже тщательно смоделированная — передать их не в состоянии.

— А что же вы узнали от нас, мисс Джоуд? — спросила Диа, приободрившись.

— Я узнала,— сказала гостя, мгновенно переведя взгляд на Диа,— за какой из двух прославленных МОГсестёр стоит приглядывать.

Диана ощутила лёгкое головокружение, как будто её выдернули из привычной среды.

— В любом случае, мисс Джоуд, мы благодарим вас за известие о том, что нашего слугу убил сам Стекланный Джек. Хотя я до сих пор не понимаю, каким волшебным образом он забрался в дом для прислуги.

— Понятия не имею! — сказала мисс Джоуд. — До свидания, крошки мои.

Как только она ушла, а Деньо занялся очередной проверкой территории (нечего там было искать: его людей никто не обвинил бы в недостатке усердия), Ева и Диа опять вызвали своих МОГмочек — те явились в виде грубой, размытой, вызывающей тошноту картинки, поскольку из соображений безопасности маршрутизаторы пересылали информацию по тысяче с лишним случайных путей и лишь потом устанавливали соединение. Так или иначе, они явились: рука об руку, парящие в невесомости, и всё вокруг них сияло, переполненное той силой, что поджигает зелёный фитиль и взрывает цветок яркими красками. Диана рассказала им о визите мисс Джоуд, хотя они (разумеется) и так всё знали. И это их, похоже, ничуть не беспокоило.

— Вы обе справитесь с этой жуткой загадкой, — дуэтом проговорили они. — Трудитесь вместе, доченьки!

— Мисс Джоуд заявила, будто бы убийца — Стекланный Джек, — сказала Диана.

— Об этом парне болтают много всякой чуши, — сказала МОГмочка Инь. — Если верить слухам, он на девяносто процентов Грендель и только на десять процентов человек! Но я не верю, что он обладает какими-то сверхспособностями. Он такой же, как все. Он не стоит даже тени собственной репутации.

— До меня не доходит, как он мог это сделать, — сказала Ева. — Я не понимаю, как такое можно было сотворить, в практическом смысле.

— Ты умная девочка,— сказала МОГмочка Ян.— Ты во всём разберёшься.

Прямо перед завершением разговора Диана сказала:

— Мисс Джоуд говорит, всё это как-то связано с БСС.

Картинка постоянно мерцала, лишая уверенности в увиденном, но эти три звука как будто бы заставили МОГмочек вздрогнуть. Или ей показалось? Может, это просто помехи?

— Сомнительно, чтобы слуга мог знать о подобной вещи,— сказала МОГмочка Ян.— И связь между ней и убийством тоже сомнительна.

Она сказала это необычным тоном. Рассердилась? Диана седьмым чувством ощутила, что коснулась запретного; впрочем, ситуация осложнялась тем, что сам факт запретности тоже был запретной темой.

— БСС — это гиппогриф,— сказала МОГмочка Инь, неубедительно улыбаясь.

МОГмочка Ян прибавила:

— Это бессмыслица, небывальщина. Такой вещи быть не может, вы же знаете. Она противоречит законам физики.

— Кстати, о законах,— сказала МОГмочка Ян.— Мы аккредитовали вас обеих как следователей, в соответствии с улановским правом. Местные блюстители закона теперь должны вам подчиняться.

— О, они и так подчиняются,— небрежно сказала Диана.

— Решите эту загадку! — сказали МОГмочки в унисон.— Мы будем вами гордиться, доченьки!

И на этом разговор закончился.

Сёстры ещё некоторое время посидели вместе. Диана с лентой перебирала то, что сообщил ей БИт про легендарного Стеклянного Джека. На три четверти мифы и невероятные выдумки; остальное — обычная жизнь политического диссидента со склонностью к убийствам, терроризму и прочему насилию. Ни в одном из доступных инфополей не нашлось сведений о том, что его поймали и закрыли в астероидной тюрьме, из которой он потом — невероятным, чудесным образом — сбежал. Улановы, похоже, по какой-то причине держали распространение этих сведений под строгим контролем. Если, конечно, мисс Джоуд вообще всё не выдумала ради достижения собственных целей. Диана изучила его изображение. Обычное лицо, ничего особенного. Убийцы часто выглядят заурядно.

— Я всё-таки не могу понять,— сказала Ева, не в силах выкинуть из головы пристальный взгляд чёрных глаз мисс Джоуд,— почему она прибыла сюда лично. От самих Улановых! К нам?

— Что-то тут не так,— сказала Диана.— Она прибыла сюда не только ради личной встречи с нами. Мы вряд ли настолько важны. И не существует ни единой причины, по которой она могла бы заинтересоваться смертью какого-то слуги.

— Выходит, она просто хотела нас запугать. Лицом к лицу этого добиться куда проще, чем при помощи ИДа.— И после паузы: — То есть на самом деле она хотела запугать наших МОГмочек. Не нас: наше значение в глобальном масштабе невелико. Этим она как бы хотела сказать МОГмочкам: мы следим за вашими дочерьми, мы можем до них добраться, дотянуться до них.

И в этот момент на Диану снизошло то инстинктивное озарение, связанное со свойствами человеческой природы, на какое Ева не была способна (пусть у неё были пять лишних лет опыта и шесть докторских диссертаций):

— Они боятся.

— Что?

Говорить такое вслух было почти преступлением, и Диа, не удержавшись, тревожно огляделась по сторонам. Не было почти никаких сомнений в том, что эта комната защищена от улановских шпионов и недоступна для них. Но «почти никаких» — не самые обнадеживающие слова, когда речь идёт о тех, кому принадлежит неограниченная власть в Системе.

— Улановы боятся нас — Аржанов, нашего МОГ-клана.

— Почему?

— Ева, тебе всё разжевать, что ли? Все дело в тех трех словах, как мне кажется. Думаешь, я так уж хорошо во всём этом смыслю? Мне пятнадцать лет, и вся эта политика, все эти заговоры и грызня за власть вообще за пределами моего понимания. Но так будет не всегда. Задницей чую, Улановы пытаются предвосхитить готовящийся бунт. Они боятся, что Аржаны устроят... я не знаю, что. Но что-то.

Глаза у Евы сделались круглые.

— По-твоему, мы... в смысле наши МОГмочки...

— Да не знаю я! Но это объясняет её странную уверенность в том, что нашего бедолагу-лакея Лерона убил Стекланный Джек. Почему он?

— Как именно объясняет?

Диана втокнула помеченный архив в один из портиков ИДа сестры:

— Сама посмотри. Спешу заметить, там нет ничего такого, что могло бы расстроить одну слабонервную МОГсестричку, хотя он и впрямь сотворил немало жутких вещей с представителями рода людского. Но я пометила с десятков ключевых сем¹, и главная из них такова: он тесно связан с революционерами.

— С террористами,— машинально поправила Ева: это было что-то вроде рефлекса.

— Ну да. С террористами. Антиномистами. Приверженцами Митры². И всё такое прочее. Стекланный Джек что-то вроде символа для всех этих группировок. Похоже, он посвятил свою жизнь свержению Улановых.

Ева присвистнула.

— Так Джоуд это хотела сказать? Она таким замысловатым способом пыталась предупредить, что Улановы подозревают нас в симпатиях к антиномистам? «Убийца — Стекланный Джек»... вот в чём суть?

— Может, под подозрением не мы, а наши слуги?

— Да как такое вообще возможно? Они же все прошли тщательный отбор! Они преодолели... ох, богиня моя, не знаю даже, сколько раз их проверяли, отсеивая негодных. Как можно было проскочить через такой строгий контроль?

¹ *Сема* (от греч. знак) — минимальная, предельная единица плана содержания (иными словами, лексического или грамматического значения), представляющая собой отражение определённого свойства предмета или явления. Классический пример семного (компонентного) анализа — разложение слова «холостяк» на четыре семы: «человек», «мужского пола», «взрослый», «до настоящего времени не вступивший в брак».

² *Митра* — божество индоиранского происхождения, связанное с друженственностью, договором, согласием и солнечным светом.

— Бессмыслица какая-то,— согласилась Диана.— С какой стороны ни посмотришь, получается бессмыслица. Если только...

— Если только?

— Если только наши МОГмочки не придумали что-то новое. Какой-то особенный рычаг, дающий им силу. Те три буквы, ради случайно-неслучайного произнесения которых Джоуд разыграла целый спектакль.

— Не мели ерунды,— сказала Ева.

Тем вечером девочки поужинали вместе в маленькой столовой. Деньо и Яго сидели за отдельным столом. Сквозь открытое окно в комнату проникали ароматы моря и лаванды. Пение цикад то нарастало, то затихало, и вместе с ним сам воздух как будто бы пульсировал. Или зевал. Сталагмитовые силуэты кипарисов тянулись к чёрно-синему ночному небу, усеянному огнями. Некоторые из этих огней были неподвижны, но большинство перемещалось.

— Когда я упомянула БСС в разговоре с МОГмочками,— сказала Диана, не перестававшая размышлять об этом,— ощущение было такое, будто я грязно выругалась.

Ева посмотрела на неё:

— Ты так думаешь?

— Почему из этого делают тайну? — спросила Диана.— Если кто-то изобрёл способ передвижения быстрее скорости света — ну так что ж, всему человечеству надо радоваться! Это ведь был бы наш звёздный час! Зачем держать такое в секрете, зачем убивать из-за этого, зачем МОГмочке Ян дёргаться, когда я об этом говорю?

— Может, просто картинка вздрогнула,— сказала Ева.

— Это как если бы братья Райт придумали летательный аппарат тяжелее воздуха, а потом записали все данные на чип и никому не сказали. Ведь куда логичнее было бы... распространить информацию? Загрузить копию в общественный ИД, ну или что-то вроде того?

— Технологии БСС не существует,— сказала Ева.— Её просто нет. Подобная вещь нарушала бы законы физики. Это полная ерунда.

— Выходит, это всё какая-то злая шутка? Люди убивают друг друга ради того, что им кажется БСС-технологией, в то время как такой технологии просто не существует! Люди убивают друг друга из-за обычных слухов.

— И детсадовского образования хватит, чтобы понять — нет и не может быть никакой технологии передвижения быстрее света,— упрямилась Ева.— Только самполлой могут этого не знать.

— Но поверить готовы не только самполлой,— задумчиво проговорила Диана.— Может, в этом всё дело. Если бы технология БСС существовала на самом деле, люди захотели бы ею воспользоваться, чтобы сбежать из Системы... правда? Они бы и от Lex Ulanova сбежали одновременно.

— А если бы существовала технология, способная сделать людей всемогущими и бессмертными, мы бы превратились в богов,— сказала Ева.— Но её нет.

— Ты ничего не поняла. Всё дело в том, что идея как таковая может стать символом, флагом. Знаменем. Объединяющим принципом для революции.

Ева вздрогнула:

— Прекрати уже повторять это слово.

После ужина они поиграли, поцеловали друг друга и отправились в свои отдельные спальни.

6

ВРАТА ИЗ РОГА

И ВРАТА ИЗ СЛОНОВОЙ КОСТИ¹

В голове у Дианы всё искрило и металось туда-сюда. У нас с вами в головах происходит то же самое, разумеется. Но в её случае всё обстояло на порядок сложнее, чем с остальными людьми. Она думала: что, если технология, нарушающая законы физики и делающая возможным БСС-передвижение, всё-таки существует? Что, если нарушение одного закона физики позволяет нарушить и другие? Вот взять хотя бы телепортацию. Когда Деньо в последний раз проверил её комнату, она спросила его:

— Доминико, я здесь в безопасности?

— Да, мисс,— ответил он.— Мы делаем для этого всё возможное.

¹ Двое разных ворот для безжизненных снов существует.

Все из рога одни, другие — из кости слоновой.

Те, что летят из ворот полированной кости слоновой,

Истину лишь заслоняют и сердце людское морочат;

Те, что из гладких ворот роговых вылетают наружу,

Те роковыми бывают, и все в них свершается точно.

Гомер. Одиссея, пер. В. Вересаева

— А если преступник телепортируется прямо в мою комнату?

На лице Деньо отразилась растерянность.

— Но, мисс,— сказал он,— это же невозможно.

— Ты прав,— сказала она, устраиваясь в своей гелевой постели. Ощущение было чудесное, поскольку гель смягчал усталость, вызванную силой тяжести.— Яго снаружи?

— Разумеется, мисс.

— Пришли его сюда. Хочу пожелать ему спокойной ночи.

Деньо ушел, и явился Яго. Он встал рядом с постелью, как солдат по стойке «смирно».

— Ох, да сядь же ты, Яго,— упрекнула его Диана.— Ты стоишь только ради того, чтобы произвести на меня впечатление, но у тебя ничего не выйдет.

— Предпочитаю стоять, мисс,— ответил он. Но крошечные капли пота виднелись у него на лбу, а мышцы бёдер заметно дрожали от напряжения, которое требовалось для того, чтобы удерживать тело в вертикальном положении.

Гордыня, подумала Диа. Вот в чём всё дело. Ну что ж, она не будет настаивать.

— Йа-го-о-о,— протянула она,— как ты думаешь, может в моей спальне ниоткуда возникнуть самый знаменитый преступник Солнечной системы и убить меня?

— Нет,— уверенно ответил он.

— Ох, да ладно тебе, Яго. Ты же слышал, что сказала мисс Джоуд. Ты был там.

— Тем не менее я всё ещё не уверен, что собой представляет этот джентльмен. Как по мне, он просто миф.

Она улыбнулась.

— Ты прав, конечно. Это ведь всё политика, правда? Борьба за власть между МОГсемьями и гонгси, так? Мы же, видимо, просто расходный материал. Убийство Евы и моё убийство навредили бы семье Аржан и сыграли бы на руку нашим врагам, как я понимаю. И если следовать той же логике, то даже просто напугать нас уже выгодно. Но, богиня моя!.. Если им так уж хочется нашей смерти, почему бы не взорвать весь остров с орбиты?

— Это,— сказал Яго, незаметно переминаясь с ноги на ногу,— было бы объявлением войны.

— Так, может, всё к войне и идёт? — томно проговорила она, скользнув глубже в свою гелевую постель. Она понимала, что дело нешуточное, но наступает момент, когда сон до такой степени овладевает телом, что даже самые зловредные проблемы перестают жалить.

— Власть и эффективность Клана основаны на влиятельности,— сказал Яго.— Любой из ваших противников, любая организация, которая хочет вытеснить вас с уровня, предшествующего Улановым, понимает, что просто взять и устранить вас будет недостаточно. Нужно занять ваше место, а для этого требуется информация. Без неё они не смогут укрепить своё положение.

— Ну конечно,— сказала Диана. Приближался сон. Привет, сон!

— Как я это понимаю, мисс,— продолжал Яго, и жужжание его голоса превращалось в довольно приятную колыбельную,— хотя мне, разумеется, неизвестны многие тонкости, но, так или иначе, я понимаю, что в

самых стенах этого дома сокрыты бесценные информационные сокровища. Уничтожить его означало бы уничтожить их.

— Ну тогда,— рассеянно сказала Диана, погружаясь в дремоту,— было бы куда логичнее подослать сюда наёмника-ниндзя, чтобы он пронзил мечом моё сердце, а Еве отрезал голову...

Её речь превратилась в невнятное бормотание. Неуклюже поклонившись, Яго на подгибающихся ногах вышел из комнаты и запер дверь.

Диана спала.

Ей снились деревья. Баобаб, заполнивший всю Солнечную систему, которая, сообразно логике сновидений, обрела масштаб пространства, сопоставимый с человеческим,— вроде средневекового собора или спортивного зала Марсианских Олимпийских игр. Дерево было высотой с орбиту Сатурна, и триллион его листьев поверг бы в растерянность любого гравёра, который вознамерился бы отобразить его при помощи бумаги и чернил. На дереве обитала та часть человечества, которая имела значение: великий род, МОГ-семейства, гонгси и их руководство, полиция, армия, инженеры. Их нетрудно было заметить — они сидели на ветвях, будто птицы. Но потом Диа пригляделась и увидела, что каждый лист был женщиной или мужчиной в забавном зелёном костюме — тёмно-зелёном узком платье, укрывавшем торс и ноги, и бледно-зелёном плаще поверх платья. Таких человечков были триллионы, и они отчаянно держались за стебельки и веточки. Только в этот момент Диана заметила, что дует сильный ветер, от которого ветви раскачиваются и дрожат, а мириады одетых в зелёное самполлой вот-

вот сорвутся и улетят прочь. Потому они и хватались так отчаянно за всё подряд. Конечно, Диана знала, что в Системе есть только один ветер — солнечный. Поэтому она опустила глаза к основанию ствола. Корни великого дерева уходили в Солнце — они змеились по его поверхности и утопали в глубинах полыхающей звезды. Ну разумеется, сказала себе Диана, как же ещё могло быть? Солнце сияло с прежней яростью, хотя и было опутано и затемнено корнями, каждый толщиной с сотню Юпитеров. Солнечный ветер дул ей прямо в лицо. Но, пока она наблюдала за Солнцем, что-то произошло с его материей. Её яркость снизилась, и цвет сменился на кровавый, тёмно-красный цвет перца чили; она плавилась, что-то её взбаламутило. Кто-то был там. Диана пригляделась, щурясь от сильного солнечного ветра; она смотрела во все глаза. Там был человек, гигант, невероятно громадный мужчина. Она знала, кто это такой. Не кто иной, как сам Стеклянный Джек; и он держал древнюю книгу, прижимая её к груди. Он замер и посмотрел вверх, и увидел её среди ветвей, и заговорил с ней. Он не кричал, не вопил, да и вообще вокруг был чистый вакуум, но она его слышала очень хорошо. «Солнце превратилось в море крови, смешанной со стеклом,— сказал он.— Корни этого дерева высасывают из Солнца жизнь». «Что это за дерево?» — крикнула она. Но он не ответил, и тёмно-красный цвет, потемнев, превратился в чёрно-коричневый. Материя Солнца затвердела и сделалась похожа на лаву, остывшую в океанских волнах и превратившуюся в свежий, неровный гранит. «Когда оно высосет из Солнца всю жизнь,— прогудел Стеклянный Джек, чей голос вдруг сделался очень громким,— Солнце умрёт, о да, Солн-

це умрёт. Это происходит прямо сейчас!» «Дерево не может умереть,— сказала она.— В его ветвях закодирована важная информация. В его теле спрятана тайна». «Слишком поздно»,— сказал Стекланный Джек. Чёрные корни дерева были теперь неотличимы от чёрной материи Солнца, и Диана знала, что по узелкам и канальцам внутри дерева поднимается смерть, что вскоре вся листва завянет, превратится в хлопья железа и комки сажки. Стекланный Джек всё ещё был виден в путанице древесных корней, но со спины, словно Господь в саду Эдемском. Она хотела крикнуть ему: кто ты такой? И: почему ты хочешь меня убить? А больше всего ей хотелось спросить: что у тебя за книга? Но она знала, что в книге, на страницах из обработанной и отбеленной кожи животных, записан в деталях весь секрет передвижения быстрее скорости света. И ответы на два других вопроса в книге тоже были. Поэтому, когда вокруг с ветвей дождём посыпались мёртвые листья, она закричала: «Что это за дерево?»

И проснулась. Когда она открыла глаза, кто-то, пребывавший вместе с ней в комнате — невидимый, на самом краю поля зрения, слева или, быть может, справа,— прошептал: «Ты и есть дерево».

Она завизжала и попыталась резко сесть, чтобы осмотреться, но из-за геля сделать это было куда сложнее обычного. Она призвала свет и посмотрела налево, а потом направо.

В комнате никого не было.

Тут дверная панель вспыхнула, и проекция Денё (в капюшоне, чтобы подчеркнуть его скромность и тактичность) спросила, всё ли в порядке и не нужна ли ей какая-нибудь помощь.

Её сердце трепыхалось, точно лист на ветру.

— Всё в порядке,— ответила она.— Я в порядке. Но я теперь понимаю, как Стеклянный Джек может прокрасться в мою комнату, невзирая на все охранные системы мира, и без всякой телепортации.

— Мне остаться, мисс?

— Нет,— сказала Диана. Приказав светильникам погаснуть, она юркнула обратно в постель.— Это сон, всего лишь сон.

Еве тоже снились сны.

Уснула она не сразу же. После ужина, после молитв и после того, как Чен Ир проверил её комнату, она обнаружила, что не очень-то хочет спать. День был полон событий, и, видимо, визит мисс Джоуд лишил её спокойствия. Или же её беспокоил сам факт наличия нерешенной задачи и нехватка информации, которая нужна была, чтобы хотя бы подступиться к этой задаче. Смерть человеческого существа её не тревожила. Будь он кем-то из её знакомых, она бы расстроилась: она не была чудовищем. Будь он кем-то, кто был ей небезразличен... Но она его не знала, и было бы лицемерием притворяться, будто смерть незнакомого человека вызвала у неё эмоциональный отклик. Ей не давало покоя отсутствие решения дилеммы. А это, в свою очередь, заставляло задуматься о незавершенности её текущего исследования.

И поэтому она отправилась в свой миртуаль ещё на час с небольшим и поработала над проблемой аномальных сверхновых. Её главное предположение было

связано с принципом Паули¹ и гипотезой о том, что в весьма маловероятных и потому очень редких — но возможных — физических обстоятельствах давление вырожденного газа внутри звезды, чьё вещество подвержено относительно слабому гравитационному воздействию, может катастрофическим образом снизиться. Она немного поиграла с несколькими креативными уравнениями и позаимствовала немалую долю вычислительной мощности дома (ночью ресурсы всё равно простаивали), чтобы раскусить несколько миллионов обычных уравнений. В основе снижения плотности нейтронов — если, конечно, всё происходило именно так — должен был лежать дисбаланс, обусловленный определенной совокупностью критериев; но она начинала думать, что стандартная теория дисбаланса не содержала всего, что ей требовалось для разрешения всех проблем. Она протрала индексированные спекулятивные гипотезы, но не нашла ничего полезного. И только потом ощутила — с той странной отрешенностью, что свойственна людям, поглощенным своими исследованиями, — что устала, на самом деле устала. Она вышла из своего ИДа и легла в постель. Некоторое время ушло на то, чтобы успокоить дыхание, сбив-

¹ *Принцип Паули (принцип запрета)* — один из фундаментальных принципов квантовой механики, согласно которому два и более тождественных фермиона (частиц с полуцелым спином) не могут одновременно находиться в одном квантовом состоянии. В контексте эволюции звёзд принцип Паули связан с возникновением «белых карликов», которые удерживаются от полного гравитационного коллапса равновесием двух сил — гравитационного притяжения и так называемого давления вырожденного электронного газа.

шеется из-за земной силы тяжести. Она что-то упускает из вида. Но что именно?

Это дурацкое убийство не давало ей покоя. Возвращаться в Миртуальность не понадобилось, она просто загрузила данные на свой БИТ. Она быстро проверила, кто где находился. После прибытия, когда все слуги разместились по комнатам, никто не входил и не выходил из дома на протяжении целого дня. Все телохранители и Яго были связаны между собой метками на случай чрезвычайной ситуации, и инфоистория меток показывала, что четвёрка всё это время находилась в главном доме. Никто не пересекал периметр поместья. Убийцей должен был быть (вполне тривиальная дедукция) один из лакеев, находившихся внутри дома для прислуги. Никаких иных объяснений. Никакой Стекланный Джек не рухнул с неба, не просочился сквозь щели в крыше.

Джоуд морочила им головы. Вот и всё. Даже если она говорила о Стекланном Джеке не как о человеке, носившем это имя, а как о некоем собирательном образе, подразумевавшем «любого опасного преступника», никто другой не смог бы сделать то, что было сделано.

Она очистила свой разум и приготовилась ко сну. Сначала сон лишь робко её дразнил, но это длилось недолго.

Она уснула.

Нейроны в её голове заставляли волны электрохимических разрядов пробегать сквозь мозговое вещество, как ветер заставляет колыхаться листву ясеня.

Ева была в доме своих МОГмочек, в космосе. Но она была не одна, хотя её МОГсестры рядом не оказалось. Она была с незнакомым мужчиной. Она не знала его

имени. «Я изобрёл новый способ транспортировки людей с поверхности планеты в космос! Ты ведь понимаешь, что спуск и подъем на плазмазере обременительны и тяжелы с точки зрения инфраструктуры, а свободный баллистический полёт слишком дорог и опасен». «Что же это за способ?» — спросила Ева. «А тебе какое дело?» — сказал незнакомец. Ева пыталась понять, неужели его кожа так темна, как ей кажется, или всему виной тёмно-зелёный свет, заливающий пространство. Может, она на самом деле его знала? Она подумала, что так и есть. «Какое дело? Я большой спец по астрофизике, у меня шесть докторских степеней», — сказала она незнакомцу. Он ухмыльнулся: «Ну разумеется, а что ещё делать с далёкими звёздами. Со звёздами, которые взрываются, хотя и не должны! А вот я говорю о технологии, которая куда ближе к Земле!»

«Скажи мне», — настаивала она.

«О, всё дело в пространственно-временном оригами, только и всего. Если одно пространство засунуть в другое пространство, то другое пространство также окажется засунутым в первое. Всё потому, что Вселенная бесконечна. Обычная геометрия неприменима к подобному множеству».

«Бессмыслица», — сказала Ева.

Незнакомец развёл руками, и Ева увидела, что те красные. Она пригляделась и поняла, что с них содрана кожа — снята, как перчатка, — и видны все мышцы и сухожилия, влажные от крови. «Пройди сквозь ту дверь, и ты поймёшь, что я имел в виду».

Дверь была из света. Ева бесстрашно двинулась к ней, держась за туго натянутый трос, и без усилий вошла. По другую сторону была тьма и сила тяжести, и

она ступила на твёрдый пол. «Где же я?» — спросила она себя, но ответ был известен: в темноте вокруг неё громоздились инструменты, машины, всякий хлам. Это была кладовая, где убили лакея. Кто-то ещё прятался в ней.

«Кто здесь?» — громко спросила она.

«Лерон», — раздалось в ответ.

Ева инстинктивно обратилась к БИту, чтобы проверить имя, но во сне у неё не было БИта — вообще не было, как будто его и не устанавливали никогда. Но это не имело значения, она вспомнила имя. Лерон — так звали убитого слугу.

«Я тебя не вижу», — сказала она.

«Никто не видит мертвецов», — ответил он. Но всё-таки у него над головой разгоралось какое-то туманное свечение. Она уже видела его черты. Его лицо сияло, словно лицо ангела.

«Как ты это делаешь?» — спросила она.

«Ты у нас эксперт по звёздам», — ответил он. — Не я».

В мягком свете проступали нечёткие очертания предметов, загромождавших помещение: два садовых робота, молчаливых и неподвижных, высились справа от неё. Вокруг повсюду виднелись ящики, контейнеры, сферы; странные формы, странная геометрия. Загадочные пластины и лопасти на стене. Штыри и шести на потолке.

«Я должна тебя предупредить», — сказала она. Её вдруг охватило ужасно сильное желание тотчас же сообщить Лерону, что он в опасности. — Кто-то идёт сюда, чтобы убить тебя! Ты должен покинуть это место. Мы не знаем, кто и почему, но это может быть печально знаменитый преступник, Стекланный Джек».

Лерон покачал сияющей головой. Он светился всё ярче и ярче. Тени от предметов вокруг него уменьшались, сохали. От яркого света сделалось больно глазам.

«Уходи!» — крикнула Ева.

«Уходить некуда», — сказал он.

Позади него из пустоты возник боёк молота. Молот летел по баллистической траектории, сам по себе, и двигался прямо на Лерона; он резко поднялся и так же резко пошел вниз, по параболе. Потом Ева увидела, как ромбовидный кусок железа (вещества, из которого могли бы состоять «чёрные карлики» ¹) столкнулся с сияющей головой Лерона. Череп треснул от удара, куски костной ткани вдавились; мелькнуло красное, точно магма, содержимое черепной коробки, а лицо превратилось в искаженную гротескную маску. Но потом падение давления — она не хуже прочих людей знала, как это работает, — вызвало ответную реакцию на субатомном уровне. В безупречной тишине голова взорвалась, и всё вокруг залило ослепляющим белым светом. Теперь Ева ничего не видела. Она стояла посреди светового урагана, который трепал её волосы и с шепотом проносился мимо. Вокруг всё было белым-бело.

Она проснулась.

Каким-то образом она почувствовала, что сестра тоже не спит. Она послала вызов на БИТ Дианы и незамедлительно получила ответ.

¹ «Чёрный карлик» — остывший и вследствие этого не излучающий ни тепла, ни света «белый карлик». Поскольку время, необходимое для образования «чёрного карлика», превышает возраст Вселенной, о существовании таких звёзд можно говорить лишь в теоретическом аспекте.

— Мне снился сон,— сказала она.

— И мне,— сказала Диана.— Мне снился Стеклянный Джек. А тебе?

— Я говорила с убитым лакеем. Его голова превратилась в сверхновую. Это случилось у меня на глазах! Никогда у меня не было таких снов,— сказала Ева.— Но теперь я кое-что поняла.

— Что именно?

— Это убийство,— медленно проговорила Ева, удивляясь собственным словам,— связано с моим исследованием. У них есть что-то общее.

Диана чуть подождала, перед тем как ответить. Потом сказала:

— Милая моя сестричка, немного трудно увидеть связь между тем и другим. Слуге разmozжили голову на Коркуре. Звезда взорвалась в нескольких миллионах световых лет отсюда. Да разве между этими вещами может быть что-то общее?

— У меня интуитивное предчувствие,— сказала Ева.— Ну, конечно, мне от него весьма некомфортно. Я обычно так не работаю. И тем не менее. Всё так. Я в этом уверена.

— Спокойной ночи, сестричка,— сказала Диана через БИт.

— Спокойной ночи, сестричка,— отозвалась Ева.

Но Диана не уснула сразу же. Сияние внутри её солнечного сплетения: возбуждение. Она обошла свой персональный миртуаль, перед тем как погрузиться в сон. Он был создан таким образом, чтобы предоставлять ей доступ к инфополям, но через него нельзя было посылать и принимать сообщения. Всё из соображений безопасности, конечно. В теории никто и не дол-

жен был знать, где они с Евой сейчас находились. На практике, как показало появление мисс Джоуд, Улановы знали,— но логично было предполагать, что Улановы знают всё. Куда более важными в этом смысле были другие МОГсмейства, малые организации (гонгси, милиции и секты) и все прочие. Они ни в коем случае не должны были этого знать. Искушение нанести удар могущественным Аржанам в самое слабое место было бы слишком велико.

Её БИТ считался сложной и надёжной системой. Но Диана была не просто умницей — её создали для того, чтобы интуитивно разбираться в сложных системах. Она могла делать то, чего не мог ИскИн, могла интуитивно находить верную дорогу через хаотические алгоритмы. Сложность заключалась не в том, чтобы взломать инфобарьер, а в том, чтобы никто и не догадался о взломе.

Двадцать минут — и готово. Она запустила систему буферных переадресаций, чтобы скрыть своё местоположение, и отправила сообщение.

Анна Тонкс Ю спала в своём особняке на орбите Марса. Но она проснулась, едва заслышав уведомление о сообщении. Анна Тонкс Ю: противница Дианы, её враг. Величайшая любовь всей её жизни.

— Диана! — воскликнула Анна. — Это ты? Дурочка, уродина, ты же меня разбудила!

— Что ты сделала с волосами? — парировала Диана. — Выглядит кошмарно. Лучше остричь всё под корень.

Во время задержки сигнала она развлекалась, играя в го с домашним ИскИном. Ожидание её не раздражало: как раз наоборот, оно придавало разговору остроту. Кто не умеет ждать, тот не умеет любить.

— Так ты вызвала меня только для того, чтобы оскорбить! — воскликнула Анна, широко взмахнув руками. — Это эмоциональный ущерб — я подам на тебя иски во все компетентные суды!

— Когда мы поженимся, я тебя буду бить, — сказала Диана. — Как было заведено у супругов в старину. Буду бить тебя палкой.

В левой нижней части поля игра пошла нехорошо. Диана всё очистила и перезагрузила, на этот раз выбрав трёхмерную игровую доску в виде сетки на тороиде.

— Только попробуй, и я тебя убью, — огрызнулась Анна. — Это будет оправданное женоубийство.

— И последним, что я увижу, будет твоя глупая плоская физиономия! — в экстазе прокричала Диана и прибавила: — О, я тебя люблю, люблю!

Накал эмоций схлынул и совсем погас, пока она ждала ответа, но, когда отсчёт дошел до нуля, вспыхнула новая искра.

— И я тебя люблю, Убивашка Ди. Так ты связалась со мной, чтобы это сказать? Как рискованно! Тебе нельзя так делать. Я могу вычислить, где ты находишься, и всё разболтать твоим врагам. Только я этого никогда не сделаю, потому что, если сделаю, они тебя убьют, а убить тебя могу только я.

Пожениться они не могли, конечно. Их МОГсемейства никогда бы этого не разрешили. Но даже если бы удалось их уговорить, то Улановы расценили бы альянс между информационной и транспортной ветвями своей властной структуры как слишком серьёзную угрозу. Анна и Диана обе это знали; а Диана знала ещё и то — она сомневалась, что Анна столь же хорошо

понимает человеческую натуру,— что интенсивность их чувств друг к другу напрямую зависела от невозможности отношений. Если бы все препятствия между ними исчезли, любовь бы увяла. Но это не имело никакого значения.

Диана сообщила новость.

— У меня есть всамделишная детективная загадка, которую надо решить,— похвасталась она.

Она закончила игру и закрыла доску. Пока шел обратный отсчёт, приготовилась к ответу Анны. Тот её не разочаровал.

Рот Анны превратился в идеальное «О».

— Не может быть! — завопила она.— Всамделишная загадка — да как же так? Ты пытаешься перегрузить мой мозг!

— Прямо у нас на пороге! Один из наших лакеев — ему череп разбили, раздробили, расколошматили, и он весь мёртвый, как железная звезда.

Интерлюдия пролетела и завершилась.

— Это удивительно. Это просто удивительно. Это просто... Ты её решила? — спросила Анна.— Тебе нужна моя помощь? Ты же знаешь, никто лучше меня не решает детективные задачки во всей Со-ля-си-солнечной системе.

— Ну и бред! — сказала Диана.— Мне пора, любовь моя, жизнь моя. Когда я доберусь до самой сути, упаковую информацию — решение будет в отдельной коробочке, разумеется,— и мы посмотрим, как ты во всём разберёшься.

Стены ИДа пульсировали, буферная система готова была вот-вот рухнуть.

Диана отключилась.

7

РАССЛЕДОВАНИЕ НАЧИНАЕТСЯ

На следующее утро Диана начала своё собственное расследование убийства: она была Холмсом, а Яго назначила доктором Ватсоном.

— Очень в тему, прямо в точку, — сказала она ему. — Посмотри в бИте и сам увидишь, Ватсон был сильно старше Холмса.

Яго улыбнулся, и кожа вокруг его глаз сморщилась так и вот так. В ярком свете утреннего солнца он выглядел до безумия старым.

— А Ева будет Майкрофтом, раз уж она такая умница-разумница, — прибавила Диана.

— И с чего мы начнём?

— Со вскрытия, но оно уже сделано, и результаты на бИте. Ты их видел?

— Предположим... — сказал он и приложил ладонь козырьком ко лбу, прикрывая глаза от света. Над морем витала прозрачная дымка, но тускло-коричневые деревья и песочного цвета поля казались неправдоподобно чёткими, как и белые дома далеко внизу. — Предположим, вскрытие подтвердит, что смерть наступила в результате черепно-мозговой травмы.

— Ему голову разбили. Разбили, раздробили, расколошматили насмерть. Тут сюрпризов ждать не стоит.

Они направлялись к месту преступления, и почему-то она не испытывала излишней восторженности. Что-то мешало ей наслаждаться моментом. Вообще-то, много чего. Во-первых, Ева. Вряд ли они были един-

ственными сёстрами в мире, чья любовь друг к другу то затухала, то разгоралась вновь; однако Диана никак не могла перестать думать о том, что у неё день рождения через три недели — и она так любит детективные загадки, — и теперь всамделишная загадка приключилась прямо у неё на пороге, и можно было бы подумать, что Еву это порадует. Особенно с учётом того, как она доверилась сестре прошлой ночью: такой странный сон, такая непривычная откровенность.

Но этим утром она была весьма неприветлива: позавтракала одна в своей комнате и удрала в ИД, к своему дурацкому исследованию ради дурацкой докторской степени. Диана попыталась внушить себе, что ей всё равно; на самом деле, однако, чопорность Евы здорово её взбесила.

Лучшее лекарство от душевного дискомфорта — работа, естественно. Диа ещё раз прогнала записи с камер наблюдения, установленных в доме для прислуги, убедившись, что на протяжении нескольких часов, предшествовавших убийству, никто не выходил и не заходил. Сразу же после убийства, конечно, люди высыпали колченогою толпой из главного входа, танцуя жутковатый похоронный танец. От этой информации не было никакой пользы, как и от отметок домашнего ИскИна по поводу того, что Деньо, Чен Ир, Берфезен и Яго всё время были в главном здании. Не то чтобы она в ком-то из них сомневалась, конечно; впрочем, хорошо, что у неё была возможность официально (до чего же блестящая формулировка) вычеркнуть их из списка подозреваемых. У домашнего ИскИна не имелось данных о Еве, разумеется, как и о самой Диане, — они были дочерьми Аржанов и выпадали из поля зрения

его систем. Уж на это, по крайней мере, девочки могли рассчитывать; хотя минимизация инфопрофилей была вещью полезной и в практическом смысле. Всё ради безопасности, уж таковы правила жеу¹.

Но Диана-то знала, что она не убийца, а думать на Еву — и вовсе бред.

Оставался открытым, конечно, вопрос о том, кто будет им прислуживать теперь, когда все девятнадцать оставшихся лакеев под арестом. Но у них ещё имелись Деньо, Берфезен и Чен Ир — не говоря уже о старом добром Яго,— чтобы подавать еду и заботиться о насущных проблемах. Одеваться они и сами могли, если уж на то пошло. Всё прочее придётся отложить или послать к чёрту. Кроме того, как только Диа выяснит, кто настоящий преступник, слуг отпустят, и жизнь опять станет нормальной. Итак! Итак...

Сначала нужно осмотреть место преступления, а потом (она потёрла ладони друг о друга, пытаясь немного расшевелить себя) допросить подозреваемых. Допросить подозреваемых! Она всё сделает точь-в-точь как Пуаро. Они будут пуаротизированы по высшему разряду.

Итак, Диа сочинила сообщение для сестры и отправила в Миртуальность; говорилось там лишь одно: «Пожалуйста, будь моим Майкрофтом! Я отправляюсь на поиски того, кто совершил эти БСС-преступления (спасибо, мисс Джоуд), и всякая помощь мне будет в помощь, если это твоя помощь. Я знаю, что ты занята, занята, занята, всё трудишься во благо человечества, пытаясь объяснить, почему взорвались эти твои звёз-

¹ Игра (*франц.*).

дочки, редчайшие из редких, и не собираюсь просить тебя заняться расследованием на месте преступления. Но, если я приду к тебе со своими теориями, ты сможешь мне сложить все части головоломки?»

От Евы долго не было ответа, и, когда из ИДа наконец-то потекла информация, её доставил не аватар Евы. Это оказалась простая констатация трёх фактов.

Раз. Мисс Джоуд пыталась лишить нас присутствия духа — ради забавы, поскольку Улановы получают выгоду, когда сеют смятение и раздор среди МОГкланов, либо это малая часть какого-то более масштабного плана. Не имеет значения. Забудь о ней. Легендарный Стекланный Джек, скорее всего, никогда не был на Земле и уж точно не причастен к этой истории. Это были нянькины рассказы про буку в шкафу, только и всего.

Два. «БСС-преступления», о которых ты болтаешь, это глупость, глупость и ничего, кроме глупости. Никто не может преодолеть «це»¹. «БСС-преступления» — всё равно, что «выдуманные сказочные преступления».

Три. Лерона убил кто-то из слуг, по всей видимости, из-за личной неприязни. Вот тебе и вся печальная история.

Это сразу подпортило Диа настроение. До чего же формально! Ну да, чужая смерть — мрачноватенькая тема для беседы (и тэ дэ и тэ пэ), но развлечься-то

¹ *C* — скорость света в вакууме (около 300 000 км/с).

можно. В общем, о-ла-ла, тра-ла-ла, все танцуют. Диана старалась держаться молодцом. Она позавтракала, принялась за упражнения, разминая руки-ноги, привыкая к гравишлёпам (сила тяжести сегодня казалась не такой обременительной), и тут из ИДа выскочило ещё одно сообщение. Его, по крайней мере, доставил аватар.

«Сестрёнка, прости, что разбудила тебя среди ночи. Мой сон — всего лишь ментальный мусор, скопившийся за день и расположившийся случайным образом. Ты права. Какая может быть связь между необъяснимыми сверхновыми в миллионах световых лет отсюда и каким-то жалким убийством одним слугой другого слуги тут, на Земле? Забудь про всё и развлекайся. Люблю тебя. Ева».

Забавно, но это лишь расстроило Диану ещё сильнее. Ева, по всей видимости, была права. Случившееся, вероятно, не стоило внимания. Яго присутствовал, когда аватар доставил сообщение (как и Чен Ир), и теперь выглядел задумчивым — его и так морщинистый лоб сморщился ещё сильнее, а общее выражение лица отражало глубокую задумчивость.

— Э-ге-гей, наставник, — спросила она с наигранной весёлостью. — Думаешь, связь между этим убийством и взрывом далёкой сверхновой всё-таки есть?

Он снова надел безучастную маску слуги.

— Затрудняюсь представить, — бесстрастно проговорил он, — может ли вообще существовать связь между этими событиями, мисс.

Она заупрямилась:

— У тебя только что был такой вид, словно...

— Какой вид?

— Словно ты вдруг что-то понял.

— Понял?

— Именно,— сказала Диа.— У тебя был вид человека, который вдруг понял что-то очень сложное и важное.

— Очень пронизательно, мисс,— сказал он.— Я и впрямь внезапно понял, в чём смысл жизни, осознал значение Вселенной, а также добыл ключик к этой конкретной загадке.

Она шлёпнула Яго по руке и велела прекратить строить из себя Дживса и сделаться взамен доктором Ватсоном. Но, несмотря на все старания, ей никак не удавалось приободриться.

Они вышли на солнцепёк и побрели к дому для прислуги. Было уже очень жарко, воздух казался голубым, словно сигаретный дым, а небеса напоминали туго натянутый купол. В вышине пролетел быстролёт, оставив за собой белую прореху в синеве. Рычание его двигателей долго не затихало, но потом вновь воцарилось абсолютное спокойствие.

Они пересекли неровную лужайку: Диана шла первой, а за ней — Яго и Чен Ир, оглядывая округу в поисках возможных противников.

В доме для прислуги было пусто (всех слуг держали в хорошо защищённом здании в километре с небольшим от поместья, по другую сторону оливковой рощи). Перейдя из яркого дня в сумерки, Диана внутренне сжалась от странного предчувствия, но ощущение быстро прошло. Тут ничего не было. Она

начала осматривать комнаты одну за другой, однако все они были обставлены одинаково: кровать — с обычным матрасом, никаких гелевых постелей для слуг, разумеется, — и сфера без замка, с нехитрым набором личных вещей. Несколько инфочипов, которые домашний ИскИн с лёгкостью просканировал, — на большинстве не было ничего, кроме религиозных текстов. Старые игрушки, талисманы, прочие пустяки. Во все двадцать комнат она заходить не стала: занятие наскучило ей уже на пятой. И они вернулись в кладовую.

Та выглядела большой и не такой загромождённой, как во время предыдущего визита Дианы. Виной этому, конечно, была всё та же сила тяжести: впервые оказавшись под её гнётом, поначалу трудно избавиться от ощущения, что со всех сторон на тебя что-то наваливается. И было кое-что ещё: в прошлый раз она была в таком возбуждении, что пространство льнуло к ней, будто шаль, окутывающая плечи. Теперь возбуждение схлынуло. Она знала, в чём причина. Разгадка окажется банальной, очевидной — как и сказала Ева, один слуга размозжил голову другому молотком, из ревности или из-за обиды. Ещё вчера она верила, что эта загадка может оказаться упоительно интересной, вкусной детективной историей вроде тех, в которые она играла в ИДе. Но в реальной жизни все не так. Вот что значит размышлять «с холодной головой». Только вот голову-то как раз ей напекло. Снаружи было очень солнечно и жарко.

Она принялась составлять опись: ящики и сферы для хранения; мешки, инструменты для рыхления, прополки, обрезки и прочих утомительных садовых

работ. Её бИт пометил каждый предмет, указав его название и предложив возможность узнать о них подробнее, если ей вдруг станет интересно. Но ей не было интересно. И молот пропал. //Где оружие?//

//?? — Оружие — это приспособление для причинения вреда или для защиты...//

Диана собиралась спросить это вслух. Она повернулась к Яго. Он сморщил нос и лицом сделался похож на древнюю черепаху.

— Где оружие?

— Его забрала полиция, мисс. Это улика, всё надо делать по закону.

— Я хочу понять, насколько оно тяжелое.

— Это был молот, которым вбивали в землю колышки, сваи и прочее. Вон там ещё один такой же.— И он махнул рукой, указывая на искомое.

Без меток бИта кладовая опять превратилась в очень странное место, где Диана была чужой. Возле стен громоздились какие-то непонятные сетки, свёрнутые в рулоны; сами стены покрывали чудные горизонтальные пластины; с потолка свисал маятник, к которому были приделаны забавные шутовины. Она отыскала молот и взялась за рукоять. Та повернулась, словно рычаг, но тяжелая металлическая головка осталась на полу, и сдвинуть её с места оказалось невозможно. Она была просто неподъемной.

— Слишком тяжело, мне не осилить.

— Цельный металл,— согласился Яго.

— Не верю, что кто-то из слуг, которых вышвырнули из невесомости прямо в земную силу тяжести, смог бы поднять этот молот.

— Но кто-то же смог,— заметил Яго.

— Ага. У меня есть теория.

— Мисс?

Она взмахом руки указала на садового робота в углу.

— Я подумала: конечно, обычно слугам не доверяют такое дорогое оборудование, как роботы. Но этот ведь предназначен для работы в саду, правда? А многие из наших слуг прибыли сюда именно *pour cultiver le jardin*¹! Может быть, один из них пустил в ход тяжёлую артиллерию и таким образом расправился с жертвой.

Яго поджал морщинистые старые губы.

— Ой, ну вот не надо так, Ии-ах-гоу,— сказала она.— Складная ведь теория, нет?

— Я просто подумал, мисс,— проговорил он, не глядя на неё,— зачем вообще использовать робота, чтобы поднять молот и стукнуть жертву? Почему бы не приказать, чтобы он сам нанёс удар?

— Ты просто занудствуешь. Занудствуешь и придираешься. Эти роботы, они... что-то в них сразу же привлекло моё внимание. Тогда, в прошлый раз. Что-то такое.

Они подошли к громоздким, неуклюжим машинам.

— Вот,— торжествующе сказала Диана, рисуя полукруг мыском ноги.— Знаешь, что это такое?

— Пол, мисс?

— Пыль! Я читала, она состоит из мельчайших частиц вещества. Обычно она просто парит в воздухе, но под действием силы тяжести, как здесь, оседает... и накапливается. Погляди-ка.— Она гордилась тем, что знает об особенностях поведения пыли в земных

¹ Чтобы возделывать сад (франц.).

условиях. Такие детали могли быть важными.— Пыль есть на полу и на инвентаре. Но что у нас тут? — Она указала на участок на неподвижной руке робота и ещё два — на плече и на голове.— Пыль кто-то потревожил! Я это заметила подсознательно. Вот что я тебе скажу, Яго: той ночью мне приснилась Солнечная система, на которую я глядела с большого расстояния и видела все миллиарды пузырей-обиталищ на своих орбитах. Мне они тогда показались похожими на пену, но теперь ясно, что мой снаразум пытался мне подсказать. Пыль!

— Её и впрямь потревожили,— согласился Яго, изучая робота,— но я не уверен, что из этого следует. Если вообще хоть что-то следует.

— Из этого следует, что робот поднял молот и врезал бедолаге Лерону по черепу. Из чего, в свою очередь, следует, что убийца — тот, кто управлял роботом.

— Мисс, мы легко можем проверить записи о работе этой машины.

Ну конечно.

— Уверена, они подтвердят мою теорию,— сказала Диа.

Они вызвали домашнего ИскИна, и тот открыл лог-файлы робота: в последний раз его включали больше шести месяцев назад.

— Шесть месяцев? — воскликнула Диана.— Быть того не может!

— Увы, это неоспоримый факт. И посмотрите-ка: пыль на ногах этой штуки и вокруг неё никто не потревожил. Этот робот уже очень давно не двигался.

— Тупая здоровенная машина просто стояла в углу этой кладовки? — прорычала Диа, разозлённая тем,

что от её теории не осталось камня на камне.— Какой же в ней смысл?

— Роботы дорогие, мисс,— заметил Яго.— Люди дешевле. За исключением ряда особых специальностей, связанных с широкомасштабным строительством или с тем, для чего предназначены ЗИЗдроиды, использование роботов почти всегда неэффективно.

— Зачем тогда эта громадина вообще нам нужна?

— Думаю, она здесь оказалась случайно. Просто старый мусор. Купили, наверное, для какого-то особого дела, а потом засунули в дальний угол кладовой.

Диана сделала глубокий вдох. Из-за этой жуткой силы тяжести даже дышать было трудно.

— Значит, не получается. Ну и ладно,— сказала она.— Но кто-то поднял молот и опустил его на голову Лерона.

— Мы с этого начали.

— Забудь про всё, Ват-слон,— сердито сказала она.— Я хочу сейчас же задать подозреваемым несколько вопросов!

Яго сказал:

— Я вызову машину.

Они снова вышли наружу и подождали пару минут на солнцепёке, пока машина не подлетела, жужжа.

— Думаю, стоит опустить крышу,— объявила Диа, усаживаясь.

Чен Ир сел рядом, держа оружие наготове, а Яго устроился напротив. Потом платформа тронулась с места. Поначалу, над травой, она летела слегка покачиваясь и лишь над дорогой набрала скорость.

Вскоре главное здание осталось далеко позади. Справа от Дианы бормотало синее, сверкающее Средиземное море; утреннее солнце ещё не успело подняться высоко над горизонтом. Дул бриз, свежий и солёно-прохладный. Потом они свернули вглубь острова и пронеслись вдоль стройного ряда кипарисов. Солнечный свет припадочно мерцал сквозь деревья. Пыль вихрилась над дорогой, вздымалась призрачными желтоватыми складками. Диана наблюдала за пейзажем, проносящимся мимо. Её мысли витали где-то далеко.

— Мы прибыли, мисс, — объявил Яго.

Перед ними стояло приземистое здание без окон, с белыми стенами. Чен Ир пошел первым: Диана неуклюже выбралась из машины и ненадолго замерла. Травянистый аромат оливкового масла. Шуршание кипарисов на ветру. Возле здания располагался плавательный бассейн десяти метров в ширину, наполненный, похоже, зелёным чаем. Трапезиевидная тень здания, отпечатавшаяся на сухой траве, утонула вершиной в воде.

Младший инспектор Зариан ждал у главного входа — внутри, под защитой от солнца.

— Доброе утро, мисс Аржан, — сказал он. — Что касается этих девятнадцати подозреваемых — вы желаете, чтобы я присутствовал во время допроса?

— Нет, — раздраженно сказала Диана.

Ноги у неё гудели, но было приятно перебраться из жары в прохладный холл. Два функционера в чёрной униформе — тоже полицейские, согласно её БИту, — встали по стойке «смирно».

— Выходит, тут и обосновалась полиция? — спросила она Зариана. Её БИТ знал ответ, разумеется. Но

она хотела напомнить офицеру, кто из них на самом деле главный.

— Нет, мисс, — сказал Зариан. — Это здание принадлежит семье Аржан — то есть вам.

— У вас есть главный подозреваемый?

— Первоначальный опрос позволяет предположить, что двадцатиднолетняя женщина по имени Сафо может нести ответственность за случившееся.

— Она призналась?

— Нет. Но она испытывала к покойному неприязнь.

Диана ощутила в груди неприятное сдавливающее чувство — так внутри неё рождалось разочарование. Опасность заключалась в том, что эта загадка могла оказаться настолько шаблонной — настолько банальной, — что её уже разгадали.

— Довольно болтовни, — сказала она. — Я хочу сама поговорить с Сафо.

Они перешли в хорошо обставленную комнату с одним маленьким окном в стене. Других источников света не было. Диана задумалась о том, что для допроса лучше — сумерки или яркий свет, — и пришла к выводу, что солнце может стать её союзником в поиске истины. Поэтому она обратилась к стене с приказом расширить окно, и вскоре свет заливал даже отдалённые углы.

Вздыхнув, Диана опустилась на мягкую кушетку с гелевым наполнителем. Чен Ир занял место рядом с ней, а Яго остался стоять, прислонившись к стене. Зариан поставил стул в центре комнаты, и один из полицейских (офицер первого класса Авраам Кава, сообщил бИт) привёл Сафо.

Та выглядела как типичная девица из трущобного пузыря: длинные трясущиеся руки и ноги, голова с

трудом держится прямо, лицо покрыто испариной от постоянного напряжения. Полицейскому пришлось довести её до стула, и она не столько села, сколько повалилась на него отпущенной веревкой. Её волосы были коротко острижены, а кожа являла собой коричнево-чёрную мозаику. Она казалась дряхлой, но на самом деле была, видимо, лишь чуть-чуть старше Дианы — просто сила тяжести искажила её лицо, наделила приметами возраста.

— Привет, Сафо,— сказала Диана.— Ты знаешь, кто я?

До чего же всё-таки уставшей, смертельно уставшей выглядела эта Сафо: обвисшая пятнистая кожа, глубокие мешки под бовриловыми¹ глазами. Но все-таки кое в чем она была очень даже хорошенькая, и этого не могло скрыть даже крайнее утомление. Прямой взгляд, правильный длинный нос, сильный, чуть заострённый подбородок. Привлекательная девушка. Она моргнула, отупевшая от паники или изнеможения.

Диана снова спросила:

— Знаешь, кто я, Сафо?

Сафо резко кивнула и начала плакать.

— Ох, мисс,— сказала она.— Ох, мисс.

Это, как было известно Диа, действовал КРФ в сочетании с бурными эмоциями. Были у этого препарата

¹ *Боврил* (Bovril) — жидкий экстракт говядины, промышленное производство которого было начато в 80-х годах XIX века в Великобритании. Пользовался необычайной популярностью. Первая часть названия означала «бычий» (от лат. «bos» или англ. «bove»), а вторую часть составляло слово «врил», взятое из фантастического романа-антиутопии Э. Бульвер-Литтона «Грядущая раса». См. также «боврилкоголь» в глоссарии.

и неприятные стороны. Слуги, напичканные им, не испытывали проблем с преданностью, разумеется, и на их основные функции он, как правило, не влиял, но зато лишал их эмоциональной стабильности и, господи боже, отнимал без остатка инициативность и самостоятельность.

— Ты знала Лерона, Сафо?

— Да, мисс.

— Кто-то убил его. Кто-то расколол его голову, как взбунтовавшийся трущобный пузырь!

Хнык, хнык, хнык.

— Кто его убил, Сафо?

И опять хныкающее стаккато.

— Нет, мисс. Не знаю, мисс. Мне страшно, я ещё так молода, мне страшно, и я не хочу... я не могу... ох, мисс, мисс!

— Как-то сложно себе представить,— пробормотал Яго, скрестив руки на груди,— что она смогла поднять тот тяжелый молот, находясь под воздействием земной силы тяжести. Она и голову-то с трудом держит.

— Сафо,— сказала Диана.— Люди говорят, его убила ты. Не знаешь, почему они так говорят?

— Они злословят про меня, мисс, потому что я люблю Аржанов, и Улановых тоже люблю.

— Они говорят, ты его ненавидела. Лерона. Это правда?

— Мы с ним из одной сферы, мисс. Он был плохой человек. И когда нас готовили, чтобы мы могли спуститься сюда и служить вам, он засовывал свой... я не могу это слово произнести, мисс, оно слишком мерзкое... в мою... я не могу это слово произнести, мисс, оно слишком мерзкое. Ох, мисс! — Она снова начала

всхлипывать.— Я вас люблю от всего сердца, мисс! Прошу, не разочаровывайтесь во мне!

Новость была неожиданная, и Диане понадобилась пауза, чтобы её переварить.

— Из какой ты сферы, Сафо?

Девушка на миг взяла себя в руки:

— Она называется Смирр, мисс.

— И убитый, по-твоему, насильник?

— Он был плохой, плохой человек.

— Ты знаешь, кто его убил?

Но Сафо опять заплакала и затрясла головой:

— Он был плохой человек, мисс! Я вас люблю — и я люблю Улановых! Но он... в его сердце не было такой любви.

— Он не любил нас?

Диану такая мысль шокировала. Как, судя по всему, и Сафо.

— Нет, мисс! Конечно, он вас любил. В нём было столько же КРФ, сколько и в любом из нас! Но КРФ, конечно...— Она шмыгнула носом, кашлянула и продолжила: — Но КРФ означает верность одной группе, а не двум. И он ненавидел Улановых! Он был ужасный человек, плохой человек, террорист и анархист и антиномист — и говорил, что хочет разнести Lex Ulanova на кусочки.

— Так его поэтому убили?

Сафо моргнула — раз и ещё раз.

— Он был ужасным человеком, мисс,— снова сказала она тихим голосом. И опять начала всхлипывать.

Диану отвлек сигнал о сообщении, поступившем на БИт. Но проверка показала, что сообщений нет. Погоди-ка. Да что ж такое? Она переключила внима-

ние на внешний мир и опять услышала жужжание сигнала. Хватило секунды, чтобы отыскать его истинный источник. Оса! Существо — настоящее, живое — било головой о плоскую часть стены, будто вознамерившись пробить её насквозь и вырваться наружу. Диа смотрела, как зачарованная. Ничто не могло лишить тварь присутствия духа: она снова и снова возвращалась к окну. Диа подалась вперёд и с помощью бИТа увеличила масштаб, чтобы разглядеть создание. Оно было полосатое, словно муляжный тигр, с головой в форме наковальни и маленькими близко посаженными глазами, похожими на полушария из чёрной пузырчатой плёнки. Его крылья выглядели расплывчатыми пятнами. Даже выставив бИТ на максимальное замедление, она не смогла как следует рассмотреть эти движущиеся придатки. Она передвинула фокус бИТа на голову осы: закрученные усики, ну в точности бараньи рога. Череп как наковальня. Чудище.

— Они жалят, мисс,— сказал Яго с другой стороны комнаты.— Слишком близко не подходите.

Диана одарила его сердитым взглядом.

— Сафо... Сафо, скажи мне: кто убил Лерона?

— Я думаю, это была кара, а не убийство, мисс. Я думаю, он был плохим человеком. По-моему, он это заслужил.

— Полицейские говорят, ты его убила. Это была ты, Сафо?

Но единственным ответом на вопрос стал ошеломленный, жалобный плач да несколько неразборчивых слов, произнесённых задыхающимся голосом. Представление наскучило Диане. Она отослала Сафо, и ту увёл прочь офицер первого класса Авраам Кава.

— Кажется, она вполне довольна тем, что он умер, — заметила Диана. — Что думаешь, Яго?

— Я думаю, мисс, — сказал наставник-и-не-наставник, — что все двадцать слуг отобраны мною лично. Я занимался этим, напрямую консультируясь с обеими миссис Аржан. Они ведь должны были стать вашими персональными лакеями, мисс, вашими и Евы. Мы застраховались от любых случайностей в том, что касается их морального облика.

— По-твоему, революционер и убийца не смог бы обманом пройти такой отбор?

Правая бровь Яго из — превратилась в ^ . Только правая! Левая осталась на прежнем месте. До чего же хитрый трюк. Он иногда так делал, но, как бы долго Диана ни тренировалась перед зеркалом, у неё ничего не получалось.

— Ладно, — согласилась она. — Но, если он не революционер, почему Сафо его таковым называет? Почему старается очер-чер-нить его имя? Нет, можешь не... можешь не отвечать. Веди на допрос следующего слугу, и я продолжу задавать вопросы.

— Можно я сначала убью осу? — спросил Чен Ир.

Но, по правде говоря, допрашивать слуг было скучно. Скука-скучища казалась невыносимой, совсем как сила тяжести. Пролилось много слёз — мужчины и женщины, парни и девушки плакали так, будто плач только что вошел в моду, о, богиня. Прозвучало много утомительных заверений в преданности до последнего вздоха и в любви ко всей семье Аржан — их причиной

были нервозность, страх и, разумеется, КРФ. Фактов обнаружилось совсем немного.

То, что Диа удалось узнать, выслушивая эту эмоциональную трепотню — терпеливо, но с растущим раздражением, — укладывалось в одну из двух категорий. С одной стороны, некоторые слуги — БИТ дал ей имена, личные данные, коэффициенты навыков и гармоничности, перечень родимых пятен и болезней по каждому из них — думали, что Лерон был плохим человеком. Стоило надавить, и в ответ раздавалось одно и то же: он был террористом, анархистом и антиномистом, он ненавидел Улановых и всё законное и правильное и вообще порядок в Системе. Некоторые (Мантолини, Тапанат и Фабер) также заявили, что у него был неуёмный сексуальный аппетит, и он принуждал как женщин, так и мужчин к нежелательному коитусу.

С другой стороны, отдельные слуги — в особенности Пун Си, Тигрис и Олдорандо — представили совершенно иную версию произошедшего. Они утверждали, что Лерон был во всех смыслах хорошим человеком, чуть ли не космическим святым. Никакой не террорист, замышляющий добраться до Улановых с самого дна и свергнуть их, а совсем наоборот — верный слуга всесистемного Закона, готовый разоблачать изменников в собственном окружении. Согласно этим людям, сей факт и объяснял его кончину.

— Его убили, чтобы он не смог раскрыть её, предательницу и революционерку, — сказала служанка по имени Д'Арч.

— Её?

— Сафо! Вы с ней говорили? Она предательница до мозга костей! Посмотрите ей в глаза и сами поймёте!

— Она может предать семью Аржан?

И опять хватило одного лишь предположения, чтобы вызвать у служанки неподдельный шок.

— Нет, нет, нет,— сказала она.— Кто же может предать вас, мисс? — Хлынули потоки слёз.— Ни за что на свете, мисс! У меня от таких мыслей голова болит, от одних лишь мыслей!

— Тогда, выходит, речь о предательстве по отношению к самим Улановым?

Но понадобилось много времени, чтобы уровень плаксивости понизился до значений, при которых нормальное общение смогло продолжиться.

— Да! Да! Она змей в райской сфере, она паук. Она ненавидит закон и добро, и справедливость и порядок, и всё, что делает Солнечную систему обитаемой и бережёт её от войны. Она убийца!

— И... выходит, Лерон собирался доложить о ней?

— Да! Да! Потому она его и убила. Она уже пыталась, но получилось лишь теперь.

— Но...— Ей пришлось проверить бИт, чтобы вспомнить имя: все слуги были в большей или меньшей степени неотличимы друг от друга.— Но, Д'Арч, почему же он не доложил о ней заранее? У него было несколько недель перед спуском сюда.

Смятение во взгляде Д'Арч определялось безошибочно.

— Он ведь был хорошим человеком,— сказала она.— Убийца — Сафо. Я уже всё сообщила полиции!

Яго встрял с вопросом, не покидая поста у двери:

— Ты слыхала про Стеклянного Джека?

Эффект получился мгновенный. Глаза Д'Арч широко распахнулись, с тёмного лица сбежали все краски.

Она уставилась на Яго, будто увидела дьявола во плоти.

— Стекланный Джек? — повторила она.— Он... отец беззакония.

— Он посещал когда-нибудь твою сферу, Д'Арч?

— Нет, никогда! Да, он ведь вездесущ! Но я его никогда не встречала — только не я. Говорят, он может убить любого в Системе, и он жаждет свергнуть справедливый, гармоничный режим Улановых!

— Если он может убить любого в Системе,— веско проговорила Диана,— отчего бы ему просто не убить Улановых, и дело с концом?

Подобная вещь — до неё дошло уже после того, как слова прозвучали,— не могла не вызвать шока. Если Д'Арч была шокирована именем Стекланный Джек, то произнесённое Дианой потрясло её до глубины души. «Убить Улановых» — да само это сочетание, наверное, грозило судом.

— Быть такого не может! — выдохнула Д'Арч.— Никто на такое не способен!

Офицер первого класса Авраам Кава забрал её, а потом привёл другую служанку: эту звали Карна. БИТ Диа выдал набросок из базовых сведений, который не объяснял, почему жесткие волосы Карны посерели, словно у старухи, хотя ей был всего двадцать один, и откуда взялся старый остроугольный, похожий на шеврон капрала шрам над её правым глазом. Что до последнего, Диа довольно быстро распознала бойцовский характер, едва сдерживаемый под сообразным налётом лакейской почтительности. Девушка, не дрогнув, встретила взгляд хозяйки и, в отличие от большинства других допрашиваемых, не расплакалась. Но

у неё также не было сомнений относительно того, кто убил Лерона.

— Она его убила.

— Кто? Сафо?

— Именно так. Знаете, она уже один раз пыталась это сделать, в тошниловке.

— Где? — спросила Диа.

— В тошниловке, мисс,— сказала женщина, стараясь говорить чётче. бИт Диа выдал подсказку: //большие центрифуги, предназначенные для воссоздания силы тяжести с целью наращивания костной и мышечной массы у слуг, которым предстоит быть перемещёнными из условий невесомости в среду с частичным тяготением//. Заинтригованная Диа наскребла ещё немного данных. Эти штуки были непохожи на всё, с чем ей раньше приходилось иметь дело, если не считать сам основополагающий принцип. К примеру, они оказались намного больше обычных центрифуг и были лишены нормальной обшивки. Похоже, слуги проводили внутри быстро крутящихся клеток целые дни. В систему входили решетка и шлюз, поскольку скорость была большая и постоянная, не то что в устройствах, к которым привыкла Диа. Соответственно, рвота была обычным делом как в конце процедуры (по статистике), так и в начале. Смертельные случаи происходили с частотой от 7 до 15 процентов, в зависимости от производителя. Переломы от нагрузок — с частотой от 35 до 45 процентов, но их, как правило, нетрудно залечить.

Диа спросила:

— Как же она пыталась его убить?

— Мисс, вы когда-нибудь видели тошниловку?

Диа рассмеялась.

— До этого момента я о них даже не слышала!

— О, мисс, там есть куча возможностей покалечить человека. Как раз там и убили Петеро.

Кожа у неё была ровная, серовато-коричневая, но внутренняя сторона век — тонкая полоска между глазами и собственно кожей лица — оказалась чёрной, будто от природы подкрашенной. Из-за этого у неё был очень проникновенный взгляд.

— Кого?

— Петеро, закадычного друга Лерона. Их связывало, хе-хе, общее прошлое. Но Петеро сломал шею в тошниловке, пока привыкал к силе тяжести. Не успел привыкнуть.

— Значит, лучший друг Лерона был убит, ещё даже не попав сюда?

— Он умер, да.

Диана повернулась к Яго:

— Это правда?

Яго проверил собственный бИт или не проверил, а просто покопался в памяти — по его бесстрастному лицу ничего нельзя было понять.

— Сломал шею, да.

— Это был несчастный случай?

— Несчастные случаи и в самом деле происходят в устройствах, предназначенных для привыкания к силе тяжести, мисс,— сказал Яго.— Иногда такие инциденты фатальны.

— Но неужели кто-то убил... э-э... его?

— Петеро Гренадини из трущобного пузыря Смирр?

— Да-да, его.

Яго поджал губы и уклончиво проговорил:

— Было расследование, конечно. Ничто не указывало на убийство. Придраться можно только к тому, что о случившемся сообщили поздновато. Если бы они... ну другие слуги, находившиеся внутри этой штуки... если бы они сразу же подняли тревогу, его можно было бы спасти. Но к тому моменту, когда его заметили, он уже умер. Точнее, умер его мозг.

— Так почему же они и в самом деле не включили сигнал тревоги? — не унималась Диана. — Благая богиня, ведь можно было спасти человеку жизнь!

— Возможно, он был не особенно популярен, — наугад предположил Яго.

— Он был очень даже по-пу-ля-рен! — фыркнула Карна, бросив на Яго сердитый взгляд. Но потом снова посмотрела на Диану, вздрогнула, и глаза её заблестели. — Я имела в виду, мисс, — сказала она, — хоть это и покажется странным, он был хорошим человеком. Как и Лерон. Они оба не заслуживали смерти.

— У вас с ним... — начала Диана, чувствуя, как от запретности вопроса теплеет в груди, как гудит адреналин — она следователь! Она может задавать любые вопросы, даже самые возмутительные! — У вас с Петеро была сексуальная связь?

Карна пришла в ужас, потом сконфузилась и наконец уставилась в пол.

— Ох, мисс, — пристыженно проговорила она. — Вы слишком юны для таких вопросов!

— Так была или нет?

— Мисс, вы должны понять, каким выглядит мир для того, кто вырос в трущобном пузыре: высокая

мораль и чистота и доброта и порядок вашей жизни, жизни благословенного клана Аржан,— непозволительная роскошь в таком месте. Сияние клана Аржан подобно сиянию самого Ра-Аллаха! Но в пузырях...— Она умолкла.

— Будем считать, что это значит «да»,— сказала Диана, ликуя от того, что ей (как она полагала) удалось затронуть важную тему. Не только важную, но и по-настоящему взрослую! Впрочем, ей же исполнится шестнадцать через две недели.— И с Лероном тоже?

Карна ничего не сказала.

— Понятно,— строго проговорила Диана, хотя её маска неодобрения не отражала внутреннего ликования. Это была зацепка, разве нет? Она попробовала ещё раз пальнуть прямо в небо:— У него ведь и с Сафо была сексуальная связь, не так ли? У Лерона?

Карна уставилась на неё огромными глазами. Она была либо изумлена тем, насколько неверным оказалось утверждение хозяйки, либо поражена её проницательностью. Диана сомневалась, что из этого было вероятнее. Она поспешно продолжила:

— Так в этом всё дело? В ревности из-за секса — ты убила Лерона, потому что у него была сексуальная связь с другим человеком?

— Нет...— выдохнула Карна, её лоб прорезали морщины. Она выглядела потрясённой. Или разозлённой. Была ли это злость? А если так, злилась ли она из-за того, что её раскрыли? Или из-за того, что её несправедливо обвинили?

— Лерон и...— Но имя уже стёрлось из её памяти; Диа быстренько прокрутила дневные записи БИТа.— Лерон и Сафо отправились в кладовую, чтобы всту-

пить в сексуальную связь. Ты последовала за ними и убила его.

— Нет! — резко воскликнула Карна. — Я не убийца. И, кроме того, вы утверждаете, что я совершила это... это... физическое действие, которое мне трудно даже назвать — вот это самое? При такой силе тяжести?

И Диана наконец-то поняла, что означало выражение её лица: скепсис.

В конце концов всех слуг допросили, хотя с последними пятью Диа разобралась очень быстро. В данных было много избыточной информации и шума; пытаясь осмыслить всё разом, на манер великих детективов, Диана ничего особо не добилась. Половина слуг считала Лерона чуть ли не дьяволом, предателем, задирой, насильником, революционером и однозначно плохим человеком, который получил по заслугам. Вторая половина называла его приверженцем благой космической силы, добросердечным и верным сторонником как семьи Аржан (разумеется), так и Улановых, воплощением истинной справедливости. Эти последние склонялись к тому, что его убила служанка по имени Сафо. Как ей удалось поднять тяжелый молот и нанести сокрушительный удар по голове жертвы — и почему Лерон попросту не увернулся, — объяснить не мог никто.

— Вы опросили всех, — заметил Яго. — Что теперь?

В допросной комнате они были одни. Полицейские незаметно удалились. Диана еле дыша покачивалась в гель-кресле.

— Не всех, — сказала она. — Я не поговорила с тобой.

— Со мной, мисс? — ответил наставник, прячась за уклончивой формальностью манер, подобающих

дворецкому старой школы.— Осмелюсь напомнить, что моё местоположение во время убийства было определено с уверенностью, которая исключает меня из числа подозреваемых.

— Ни в чём я тебя не подозреваю, Йа-а-гО,— лениво протянула она.— Не глупи.

— Конечно, я с радостью отвечу на любые вопросы, мисс,— сказал он ледяным тоном.

— Ой, вот только не строй из себя злюку-дюдюку, старый сатир. Я всего лишь хотела спросить тебя о политике.

— О политике,— повторил Яго.— В каком смысле?

— Я знаю, что ты скрываешь свою истинную роль в делах нашей семьи под маской неведения,— сказала она.— Но, хотя я молода и временами легкомысленна, я всё же не дурочка. Как же тебя назвать — консильери¹?

Яго не смог сдержать улыбки! Он даже издал короткое фырканье, которое заменяло ему смех.

— Я бы на вашем месте не употреблял подобных слов в присутствии МОГродителей, мисс Диана,— посоветовал он.

— Да?

— Это ведь мафиозный термин.

— Ну и что? Мафиозные организации заслуживают уважения. Они занимают своё место в структу-

¹ *Консильери* (итал. consigliere) — советник семьи, человек, которому босс может доверять и к советам которого прислушивается. Служит посредником при разрешении спорных вопросов, выполняет роль представителя семьи на встречах с другими семьями. Консильери, как правило, имеют значительное влияние в семье и одновременно ведут законный бизнес (например, адвокатскую практику).

ре и иерархии власти, в полном соответствии с Lex Ulanova.

— В какой-то степени да,— сказал Яго.— Триллионы людей, большая часть которых живёт в Сампе, где нечего терять,— это громадный потенциал для хаоса, анархии и разрушения. Для поддержания порядка требуется большая и разветвлённая сеть хорошо мотивированных исполнителей. Мафиози занимают своё место в общей иерархии власти, как вы подметили. Но это место на несколько уровней ниже клана Аржан. Можете называть меня независимым директором, если хотите; жаргон гонгси в меньшей степени унизителен. Есть вещь, к которой миссис и миссис Аржан относятся с особым вниманием, и это...

— ...наша исключительность. Знаю. Нас превосходят только сами Улановы. Я знаю. Ты думал, что не знаю? Когда-нибудь эта семья, этот Клан станет моим. Моим и Евы.

Яго промолчал в ответ, но так, что отчего-то стало ясно: подобное развитие событий вовсе не столь вероятно, как Диане хотелось бы считать. Она уставилась на него сквозь невидимый туман силы тяжести:

— Что такое?

Но он лишь покачал головой, продолжая улыбаться.

— Это испытание, я знаю,— сказала Диана и вдруг почувствовала усталость. Она даже закрыла глаза. Но сейчас было не время спать.— Это всё — испытание. Я не сомневаюсь, что МОГмочки нас обеих любят, но всё, что происходит,— испытание, не так ли? Чтобы понять, достойны ли мы, или сможем ли стать достойными, или — помоги мне богиня — которая из нас будет достойна. Какая же...— Она судорожно вдохнула,

распахнула глаза и выдохнула всё содержимое лёгких: — Скука! Скука, скука, скука.

— Вы спросили меня о политике, мисс Диана,— сказал Яго.— Вот что я вам скажу: для кого-то вроде вас, важного члена одной из самых влиятельных семей Системы, населённой триллионами, всё политика. К мисс Еве это тоже относится, как бы она ни старалась сбежать на самый край глубокого космоса, занимаясь своими таинственными исследованиями. Само ваше присутствие на острове — политика.

— Вы ждёте нападения на семью?

— Да.

— С какой стороны?

— Со стороны другого МОГсемейства,— сказал он.

Вспомнив о запрещённом сеансе связи с Анной Тонкс Ю, Диана на мгновение встревожилась. Но нет, Анна никогда не предаст их любовь. И вообще, никто не знал об этом — ни её семья, ни семья Анны. Даже Яго был не в курсе, что она отправила сообщение, так что вряд ли какой-нибудь враг сумел его взломать.

— Которого? — спросила она.

— Мы не уверены. Возможно, клан Апарасейдо. Возможно, клан Ю.

Сердце Дианы слегка вздрогнуло при этих словах: так вздрагивает и мечется муха в паутине, прежде чем вновь замереть в полной неподвижности. Судорога прошла, как и всегда. Их с Анной любовь, хоть и глупая (она знала, что это глупо), была не сиюминутной, а на века. Такая любовь озаряет человечество раз в сто лет. А ведь они даже не встречались!

— Я могу понять, при чём тут военные...— сказала она, глядя в пол, чтобы скрыть внезапный влажный

блеск глаз.— То есть я могу себе представить, что клан Апарасейдо замышляет нанести нам удар. У них своя система сбора информации — не такая эффективная, как наша, разумеется, и не настолько глубоко интегрированная в население Системы. Но хоть это у них есть. Однако семья Ю? — Стоило произнести эту фамилию, и её сердце заколотилось! — Что выгадает транспортный клан, разрушив наш информационный потенциал? У них нет ничего сопоставимого. Разве Улановы допустят такое? Это заведомо проигрышная игра, ведь так?

— Прекрасный анализ, мисс,— язвительно сказал Яго,— но в каком-то смысле неполный. Для начала, рассматривать МОГсемейства как предприятия с узкой специализацией уже не в моде. Мы в той же степени ограничиваем свою деятельность информацией и решением проблем, как клан Апарасейдо — военными операциями, а клан Куан — налогообложением.

— Ты сказал «мы»? — спросила она, слегка уязвлённая строгостью его ответа.

И тут Диана увидела то, чего раньше не видела никогда. Она увидела, как Яго покраснел. Или, по крайней мере, как на его щеках появились два красных Юпитера, задержались на несколько секунд, а потом бесследно исчезли. Он посмотрел ей прямо в глаза, и, когда заговорил снова, его голос был ровным, но она поняла, что сумела вывести его из равновесия.

— Вы совершенно правы, мисс,— сухо проговорил он.— Я не должен вести себя так, словно являюсь частью вашего МОГсемейства. Я не один из вас: я всего лишь слуга, наставник. Тем не менее я надеюсь, вы позволите мне дополнить ваш анализ. Улановы верхо-

водят, ценой великих усилий добившись мира, и поддерживают его путём строжайшего соблюдения Lex Ulanova. Одно лишь правопринуждение поглощает львиную долю их сил. У них нет личной привязанности к какому-либо из пяти МОГсемейств, равно как и к какой-нибудь гонгси уровнем ниже или к одной из милиций, полицейских структур, мафий, культов, банд или сект. Будут ли эти организации поддерживать добрососедские отношения или уничтожат друг друга, Улановым в конечном счёте всё равно, как мне кажется, если только подобный конфликт не поставит под угрозу Кодекс и, соответственно, их положение. Ссора из-за пустяков, если только она не перейдёт в полномасштабную войну, едва ли способна повлечь такие последствия. Но, если начнётся война, у них есть все возможности вмешаться и положить ей конец. В самом деле, исторически Улановы всегда боялись лишь одной вещи.

— Народного бунта,— сказала Диана примирительным тоном. Она чувствовала себя глупо из-за того, что поддразнила его: хоть Яго и был странным, сложным, невероятно старым и морщинистым, он всё-таки ей нравился. И его верность была безупречна.

— Именно так. Всё дело в количестве вовлечённых людей, только оно может превратить это событие из вероятного в неизбежное,— сказал Яго.— Но до сих пор им: самим Улановым, МОГсемействам под ними, гонгси под ними и всем прочим правоприменительным организациям — удавалось поддерживать мир. Самп и в самом деле переполнен людьми, но он по сути всего лишь неорганизованный рой, крайне неоднородный по сути своей. И жизнь в Сампе рискованна: если

хоть один регион трущобных пузырей начнёт открыто демонстрировать беспокойство, проще простого ликвидировать достаточное количество сфер, устранив столько недовольных, сколько понадобится для достижения желаемого эффекта.

— Ты так спокойно об этом говоришь!

— На самом деле,— бесстрастно продолжил Яго,— это проблема из разряда текущих дел: некоторое количество жертв против куда более существенных потерь, неизбежных в случае полномасштабной революции. Но всё изменилось.

— И каким же образом?

— Вчера мисс Джоуд любезно сообщила вам три важные буквы.

— БСС? — сказала Диана.— Немыслимое БСС? — Тут она расхохоталась.— Да, это и впрямь могло бы привлечь внимание семьи Ю. БСС в придачу к транспорту открывает потрясающие новые перспективы для обогащения! И Апарасейдо туда же: военные уж точно заинтересованы в том, чтобы сделать свои корабли быстрее. До невозможности быстрее.— Она хлопнула себя по ноге.— Они решили, что мы знаем секрет! Что мы в курсе! Мы же информационный клан, как-никак. Так вот почему они внезапно захотели нас уничтожить? О, я знаю, что они уже давно этого хотели, но теперь понятно, отчего угроза вдруг сделалась такой серьёзной.

— Если эта технология станет реальностью, мы столкнемся с разнообразными факторами, не поддающимися оценке. Хотя вы, конечно, правы в том, что она потенциально способна стать источником невообразимого богатства.

— Достаточного, чтобы какое-нибудь МОГсемейство решилось бросить вызов власти Улановых, быть может?

— Мисс! — воскликнул Яго. — Произнося эти слова, вы совершаете преступление, которое квалифицируется как малая измена, согласно Lex Ulanova.

— Ну ладно, ладно. Я не собираюсь защищать революционеров. Но ведь об этом тоже придётся подумать, верно? Если бы такая технология существовала и — предположим ради чистоты эксперимента — если бы она была дешевой... тогда изменились бы все правила игры. Поллой разбежались бы по отдалённым звёздным системам, где длинной руке Улановых их не достать. Налоговые поблажки от клана Куан их бы не удержали.

Яго несколько долгих секунд смотрел ей прямо в глаза. Потом он сказал:

— Конечно.

— Яго... так есть у нас эта БСС-технология?

— Под «нами», мисс, вы подразумеваете клан Аржан?

Она фыркнула:

— Какой же ты нежный, наставник. Я и не думала тебя исключать, пойми. Ты тоже важная часть Клана, невзирая на различия в генетическом коде. Но ты не ответил на мой вопрос: она у нас есть?

— Нет, мисс.

— Технология как таковая? Или информация, позволяющая её отыскать?

— Ни того ни другого, мисс.

— Ну разумеется! — торжествующе воскликнула она. — Ведь это же противоречило бы законам физики. Но люди верят, что она у нас есть?

— Имеют место,— рассудительно проговорил Яго,— предположения, что где-то есть сведения, касающиеся постройки такого двигателя.

— В Сампе, конечно. Что-то начинает проясняться. Об этом, наверное, и говорила старая Джоудиха — если Стекланный Джек (то бишь революционер-агитатор) получит в своё распоряжение схемы БСС-двигателя, вероятность красного бунта сильно возрастет, и у него будет куда больше шансов на успех. Когда эти двадцать слуг высадились на острове, ты их обработал?

— Обработал, мисс?

— Да — проинструктировал их, проверил и тому подобное?

— Это входит в мои обязанности, да. Мои и ещё нескольких людей. Я и раньше с ними работал — и да, вечером накануне убийства я успел побывать в доме для прислуги.

— И?

Яго посмотрел на неё:

— И что, мисс?

— Видел ли ты что-нибудь, способное помочь мне в разрешении этой за-за-загадки, мой дорогой наставник? Не была ли обстановка напряженной? Не стал ли ты свидетелем ссоры и того, как кто-нибудь грозился кого-нибудь убить? — Когда Яго покачал головой, она прибавила: — Но они ведь тихонько обсуждали БСС, да? — Она наблюдала за его реакцией, но после потрясающего промаха с румянцем на щеках он слишком хорошо себя контролировал. — А Стекланный Джек, они упоминали о нём? Или он сам прятался в тени?

— Вы тычете пальцем в небо, мисс. Вы, с вашими... талантами?

Она наградила его сердитым взглядом:

— Кажется, на сегодня достаточно допросов, и спасибо тебе за помощь.

8

ГЛУБОКОЕ СИНЕЕ МОРЕ «ПОЧЕМУ»

Положившись на гравишлёпы, Диана тяжелой поступью вышла из здания, миновав замерших в ожидании полицейских. Она не ответила на их жалобное «прощайте, мисс Аржан» и «сообщите, если мы вам снова понадобится».

Жара и слепящий, неумолимый свет солнца. Дружный стрёкот цикад.

Она забралась в машину, чуть-чуть опередив Яго.

— Я хочу поплавать,— сказала она ему.— Ты знаешь место.

Недолгая поездка завершилась у берега, где машина, подпрыгивая и трясясь, превратила гелевые колёса в кривые ноги и заковыляла на них по камням. Сам пляж был ровным, широким и белым; вокруг, разумеется, не виднелось ни души. Когда Диана открыла дверь машины, внутрь хлынул обжигающий воздух.

— Богиня милосердная,— сказала она, выкарабкиваясь наружу. Полдень был неимоверно, немыслимо жарким. Пока Берфезен и Чен Ир взбирались на скалистые утёсы в поисках наилучших мест для слежения за местностью, она разделась и, поручив Яго сторожить

одежду, оставленную на разлегшейся полумесяцем полосе белого песка, погрузилась в слегка волновавшееся море. Вода оказалась такой холодной и освежающей, что Диа вскрикнула и рассмеялась.

Расслабившись, она наслаждалась солнечным светом и тем, как вода смягчала безжалостную силу земного притяжения. Ей вдруг пришло в голову (у этой идеи не было рационального объяснения, но интуитивно она казалась правильной), что все кусочки головоломки на месте, и осталось лишь сложить их. Но это можно было сделать множеством разных способов, и её мозг отказывался подобрать для концептуальной мозаики подходящую систему координат. Проверка слуг. Удар по чьей-то голове. БСС. Революция. Космический корабль с крыльями. С крыльями? Или... с плавниками? Как у рыбы.

Ну почему она всё время вспоминает об этих плавниках?

Она поплыла брассом прочь от берега. Лучи солнца пронзали воду, разрисовывая её затейливыми узорами и вспышками. До чего же вода чиста! Ледяная и голубая и прозрачная, как органическое стекло,— до самого песчаного дна, за исключением тех мест, где из-за солнечного света она желтеет и делается слегка мутной.

Но Диана быстро устала и вскоре вернулась на пляж, где вытянулась на полотенце из смарт-ткани, которое для неё расстелил Яго. Он уселся спиной к ней, и некоторое время она просто лежала, подставив тело солнцу. Очень скоро она высохла.

Раздавалось пение птиц, неустанный шум, похожий на игру множества флейт,— в общем-то, вполне приятный на слух. Бриз приносил запахи морской соли,

оливковых деревьев, смолы и жары. Какое пекло! Было что-то томительное в том, что она слышала птичье пение так ясно, однако не видела самих птиц. Слегка изогнув шею, Диана увидела несколько усыпанных белыми цветами деревьев на каменистом склоне. Наверное, там и прятались птицы.

Через некоторое время она спросила:

— Сколько тебе лет, Яго? Очень много, да?

— Определенно больше, чем вам, мисс,— сказал он, не поворачиваясь.

— Но насколько больше? — Она села и завернулась в полотенце. — Да посмотри же на меня, ради Её благих небес! Чёрт возьми, я не могу разговаривать с твоей спиной.

Яго встал и повернулся с таким видом, словно собирался подать ей рапорт.

— Уверен, это есть в вашем БИТе.

— Я задала тебе вопрос.

— Мне сорок пять лет, мисс Диана.

— Ничего себе, как много! Но вообще-то на вид ты ещё старше.

— Я значительную часть жизни провёл наверху, а там время течёт... по-другому.

— Я почти всю жизнь провела наверху! — чуть визгливо воскликнула Диана. — Думаешь, я не знаю, как там тянется время?

— Ну, когда я говорю «наверху», — сказал Яго, и в его взгляде промелькнуло что-то странное, непонятное, — то имею в виду куда большие расстояния.

Но Дия это не интересовало.

— Выходит, тебе сорок пять стандартных лет, а мне шестнадцать. Большая разница. Мы ведь никогда не

смогли бы пожениться, раз между нами такая возрастная пропасть, да?

— Разница в возрасте, несомненно, серьёзное препятствие,— бесстрастно согласился Яго.— Кроме того, с точки зрения статуса, богатства, политического влияния и вообще чего бы то ни было, наш союз был бы чудовищным мезальянсом. Вы красивы, я уродлив. Ваши матери убили бы меня за любое злоупотребление своим положением. И особо следует отметить, что вы женского пола, а я — мужского. Думаю, ваши матери рассчитывают подыскать вам куда более подходящую пару, чем... мужчина.

Диа пожала плечами: по этому поводу у неё ещё не сложилось своего мнения. Это было нечто столь же далёкое от её сегодняшней жизни, как и общий радиационный фон.

— Ты же понимаешь, что я тебя просто дразню, Йа-а-гО? Во мне сейчас нет ни на атом интереса к сексу или к свадьбе с парнем или даже с девушкой, не говоря уже о старой развалине вроде тебя.

Он холодно улыбнулся:

— Всё верно, мисс Диана.

— Наверное, не стоит мне тебя дразнить. Знаю, я ужасная дразнилка,— сказала она.— Но ты ведь не возражаешь?

— Не возражаю.

— Ты ведь это даже любишь.

— Вообще-то...— начал он.

Но возразить не успел, потому что она прибавила:

— Во всяком случае, ты любишь меня.

— Именно так, мисс,— сказал он торжественным тоном.

— О, это КРФ говорит вместо тебя! Был бы ты сам себе хозяин, ты бы ненавидел меня. И вообще, у меня есть заботы поважнее. Я должна решить эту детективную загадку! Этот всамделишный детектив!

Яго ничего не сказал, даже бровью не повёл. Но Диана слишком хорошо его знала.

— Вот только не начинай, Яго,— сказала она.

— Не буду,— мягко проговорил он.

— МОГмочки рассчитывают на меня. Они знают, что я смогу во всём разобраться. Конечно, они любят Еву, но я их умная дочь. Дочь, которая разбирается в людях. Им нужно, чтобы я была такой. Будущее семьи зависит от того, смогу ли я быть такой. Это мой шанс показать себя, по-настоящему показать!

— Испытание,— без выражения заметил Яго.

— Итак,— сказала она, выпрямляя спину. Сила тяжести теперь не казалась такой уж гнетущей и ужасной. Ещё несколько дней — и она будет скакать, как козочка. Не хотелось соглашаться с МОГмочками, но они были правы. Пару-тройку ежедневных часов в центрифуге даже сравнивать не стоило с полным погружением в настоящую земную гравитацию.— Итак... что ты об этом думаешь?

— Что я думаю, мисс?

— Садись-ка. Ты всё время стоишь, как столб! Это ведь позёрство, знаешь ли. Остальным ведь приходится сидеть. И тебе бы стоило.

— Стоит ли обвинять меня в наличии необыкновенно сильных и здоровых ног? — сказал Яго, и в его глазах мелькнул огонёк. Но он всё-таки сел на песок, скрестив ноги. Теперь они оказались на одном уровне — так-то лучше.

— Полицейские считают, что убийца — кто-то из слуг,— сказала Диа.— Как и ты.

— Я?

— Ну еще бы! Это самое очевидное и правдоподобное заключение. Но, возможно, интереснее узнать не «кто», а «почему». И в этой истории много «почему». К примеру: почему убийцей обязательно должен оказаться самый очевидный кандидат? С тем же успехом можно утверждать, что это дворецкий.

— Несомненно, мисс.

— А вот и нет... вовсе нет. Всё гораздо интереснее. Поверь мне, я в этом кое-что смыслю. Мне нет равных! И не вспоминай про Анну Тонкс Ю из знаменитой семьи Ю, она мой противник, мой смертельный и заклятый враг. Не произноси её имя!

— Оно никогда не слетит с моих губ, мисс. Я всего лишь хотел заметить, что сейчас мы не в Идеальном Дворце.

— Ты считаешь, разгадка банальна и очевидна, да? — спросила она.

— Я просто думаю, что реальная жизнь вовсе не так... сюжетно замысловата, как детективный квест, созданный специально для ИДа. Методом исключения, учитывая тот факт, что посторонних в доме не было,— и отринув теорию о том, что Стекланный Джек магическим образом телепортировался прямо в кладовую,— мы приходим к выводу, что убийца уже находился внутри. В доме пребывали двадцать слуг, и никого, кроме них. С практической точки зрения, всё могло случиться очень просто. Кто-то из них попросил Лерона зайти в кладовую в дальней части дома. Под каким-нибудь предлогом... например, чтобы взять оттуда какой-нибудь прибор.

— Или под предлогом полового акта,— сказала Диана. Ей нравилось смущать Яго такими маленькими непристойностями. Он был весь такой чопорный и правильный!

— Не исключено,— сказал Яго с мрачным видом и прочистил горло.— Так или иначе, мы можем представить себе, как он направился в кладовую, на место преступления. Но потом перед нами возникают проблемы. Удар, которым он был убит, нанесли спереди.— Яго коснулся собственного высокого лба у линии роста волос.— Рабочий конец молота стукнул его прямо посередине. Как значится в материалах вскрытия — они есть у вас в БИТе,— у него в носу обнаружили щепку из деревянной рукояти.

— Ой-ой-ой,— протянула она со скучающим видом.

— Конечно, щепки в носу,— продолжил Яго,— его вряд ли волновали. В самом деле, к тому моменту, когда удар был завершён и состоялось то, что мы обсуждаем... собственно, ему уже нечем было волноваться. Если вы понимаете, о чём я.

— Если ты пытаешься шокировать меня ужасными подробностями совершённого насилия,— сказала ему Диана,— тебе придётся как следует попотеть.

— Я вот что хочу сказать: молоток тяжёлый. Лерон стоял перед своим убийцей, смотрел ему прямо в глаза. Стоял и смотрел, пока тот поднимал молот и опускал прямо ему на лицо. Почему? Почему он не увернулся? Почему не скрутил нападающего? Почему ничего не сделал, а просто пучил глазнапы?

— Вот так словечко,— сказала Диана.— Ну хорошо, задал ты мне загадку. И есть ещё одна сложность. О которой, многомудрый Яго, ты уже как-то говорил.

— Да, мисс?

— Все девятнадцать подозреваемых прибыли сюда в то же самое время, что и мы с Евой. Большинство из них раньше и не ступали на поверхность Земли! Ты видел, на кого они были похожи, когда высыпали из дома для прислуги,— шатались и спотыкались, еле-еле двигались. Ни один из них еще даже не начал привыкать к земной силе тяжести. Как же кто-то из них сумел поднять тот тяжелый молот? Я уж не говорю о том, что его надо было опустить с такой силой и точностью, чтобы разmozжить бедолаге Лерою башку.

— Лерону,— сказал Яго.— Вы считаете, это доказывает невинность всех слуг?

— Лерону, конечно. Да, я так считаю. Их физическая немощь и тот факт, что они прошли строгий отбор, ради всего на свете! Этих слуг отбирали вручную; они прошли через больше фильтров, психологических проверок и тестов, чем кто бы то ни было во всей Системе. Как же мог убийца проскочить через такое сито? Я спрашиваю без подвоха, совершенно искренне и серьёзно: как мог человек, у которого в досье всякое насилие, а в голове — мысли об убийстве, стать личным слугой Евы... или моим?

— На этот вопрос сложно ответить,— согласился Яго.

— Я уж не говорю про то, что все наши слуги по уши накачаны препаратами, повышающими верность. Мы строжайшим образом проверяем их физическое и психическое состояние. Ты же сам принимал в этом участие. Ведь мои МОГмочки лично назначают слуг, правда? В смысле наших с Евой лакеев?

— Именно так,— сказал Яго.— Я сам был посредником между проверяющей комиссией и вашими родителями, мисс.

— Ты всё это делал сам и все равно продолжаешь думать, будто один из них убийца!

Яго посмотрел на неё и опустил взгляд.

Диана не унималась:

— Ни один из этих слуг не смог бы поднять такой вес, Яго! И ты сам убедился, что садового робота не включали уже несколько лет. Но уроженец Земли сумел бы поднять молот. Что касается того, почему Лерон не сопротивлялся или попросту не удрал... Может, он всего лишь был дезориентирован, одурел из-за силы тяжести, а? Он ведь тоже попал сюда впервые.

— Ни один уроженец Земли из дома не выходил, мисс,— заметил Яго.— А после убийства дом тщательно обыскали, и ни одного землянина там не нашли.

— А не может ли это означать, что наш убийца всего лишь подыскал себе какое-то хорошее укрытие? И провёл там весь день, пока не представилась возможность ускользнуть?

— Как он мог это сделать без ведома домашнего ИскИна?

— Я не знаю.

Яго погрузился в размышления.

— И зачем коренному землянину понадобилось ударять по голове слугу, с которым он никогда раньше не встречался? — спросил он.

— Ага,— многозначительно сказала Диана.— Мотив! Я до него ещё не дошла. Сперва надо разобраться вот с чем: почему был выбран молот? Я что хочу сказать — подумай о всех возможных способах, которыми

наш убийца мог расправиться с жертвой. Почему молот?

— Неоспоримая эффективность,— заметил Яго.— Его оказалось более чем достаточно, чтобы покончить с Лероном.

— Ты не понял сути вопроса. Зачем нужно было брать такой большой инструмент — уж не для того ли, чтобы создать впечатление, что убийца — большой и сильный человек? Человек, привыкший к земной гравитации? И не говори мне, что не думал об этом.

Яго промолчал.

— В ночь после убийства я видела сон,— неторопливо продолжила Диана.— Мне снилось, будто я космический корабль, который летит, словно падающий молот, прямо к Солнцу — а Солнцем был череп Лерона. Я была молотом.— Она призадумалась.— Странно только, что я была усеяна киями. И это в космосе. Киями, крыльями и лопастями, всяким оперением.

— Любопытно,— сказал Яго равнодушным голосом.

— И я называлась «БСС»,— отрешенно проговорила Диана.— Кили, лопасти и крылья,— прибавила она, словно это было какое-то заклинание.— Кили. И крылья. Мне надо поспать, Яго.

— Здесь, мисс?

— Нет. Отвези меня домой. Сила тяжести меня просто убивает. Я могу сновидеть только в гелевой постели.

— Очень хорошо, мисс.

Пока Чен Ир и Берфезен спускались со скал, она спросила Яго:

— Мог ли слуга затаить в душе жажду убийства и пройти незамеченным сквозь все стадии отбора?

— Нет, мисс,— сказал Яго.— Это невозможно.

— Ты уверен? Ведь человеческая душа — дворец, полный секретов.

— Такое никому не под силу. У нас самый строгий отбор во всей Системе. Вы вправду думаете, что МОГ-мочки стали бы подвергать вас риску? Да ни в коем случае. Уж поверьте мне.

— Что ж,— сказала Диа, утопая в сиденье.— Выходит, моя теория верна — как по-твоему?

— Это вы у нас решаете информационные задачки, мисс,— мягко заметил Яго.— Не я.

Она посмотрела на небо. Синева, синева, сплошная синева.

— Я хочу домой,— сказала она. Её клонило в сон. Сновидения и впрямь помогут ей разобраться с теориями и прийти к каким-то выводам.

Ей не хватало сил, чтобы снова сунуть ноги в гравишлёпы, и путь до машины она проделала, опираясь на плечо Яго, чувствуя его мышцы,— для старика он был в довольно-таки хорошей форме.

Когда все забрались внутрь, машина аккуратно вскарабкалась по каменистому склону и вернулась на дорогу. Ускорение накрыло измученное силой тяжести тело Дианы, будто укутало одеялом. Её веки потяжелели, начали слипаться, и это было приятно.

По дороге домой они обогнали процессию: дюжина или больше людей шла за женщиной, которая несла инфокону Девы, местной богини. Они пели гимны. Диана, конечно, ничего не слышала сквозь звуконепроницаемые окна машины, но видела, как

открываются и закрываются их рты. Они шли медленно и торжественно, в церковь или, может быть, из церкви, где проводились службы и звучали молитвы. Инфокона Девы была, разумеется, подобием МОГмочек Диа. То есть её собственным подобием. Было немного странно видеть своё изображение здесь. Естественно, люди поклонялись не ей самой. Они поклонялись её платонической форме, воплощению богини. И всё-таки.

Машина пронеслась мимо и продолжила путь.

— У меня создается впечатление,— деликатно заметил Яго,— что вы уже решили эту загадку.

— Тебе кажется, что ты меня знаешь,— ответила Диана, нахмурившись.— А вот и не знаешь — совсем.

В голове у неё звучала мантра: кили, крылья, лопасти.

— Ну разумеется,— сказал Яго.

— Слишком много противоречивых данных,— угрюмо отозвалась Диана.— И я знаю, что ты сейчас скажешь. Ты скажешь: так потому я и особенная, что умею находить прямой путь среди разнообразных противоречий и инфохаоса, который сбивает с толку ИскИнов. Но ИскИнам не требуется спать.

— Моделям F требуется,— невпопад заметил Берфезен.

— Убили человека,— сказала Диана, закрыв глаза. Её голова слегка покачивалась из стороны в сторону, в такт движению машины.— Факты не проблема. Проблема в том, как перемешались контексты.

— Контексты? — переспросил Яго.

Сон затягивал её, будто чёрная дыра, но усилием воли она задержалась у горизонта событий.

— Переплетающиеся и при этом несовместимые контексты. То есть вот убийство находится, скажем, в контексте жизни слуг; и еще взглядов и обычаев, принятых в трущобных пузырях; и в контексте политики всей Солнечной системы, вплоть до измены самим Улановым, революционных планов и так далее... и ведь мисс Джоуд тоже не просто так сюда заявила.

В её голове кружилась и вертелась считалочка:

Кили, крылья, лопасти,
Кили, крылья, лопасти,
Кили, крылья, лопасти.

Она почувствовала, что Яго уже считает её спящей. И заговорила опять, просто чтобы удивить его:

— Но есть и другие контексты — развитие МОГ-семьи Аржан, наши отношения с Улановыми. И еще контекст передвижений со скоростью выше световой, и всякие случайные вещи. И, насколько я понимаю, контекст Евиных шампански-взрывучих сверхновых тоже тут — хотя сложновато понять, при чём тут, вообще, они. О-ла-ла. Ну, наверное, всё дело в физике, ага. Не говоря уже про Стеклянного Джека. Не все эти контексты имеют отношение к разгадке. Не все. Суть в том, чтобы понять, какие именно нужно отбросить.

— Так... вы знаете ответ? — спросил Яго.

Диана открыла один глаз и посмотрела на него.

— Ну конечно, знаю, — сердито буркнула она. — Как, по-твоему, я заработала репутацию лучшего в Солнечной системе решателя детективных квестов?

Яго опять проделал трюк с поднятием одной брови.

— И?

— Мой дорогой Яго, информация в твоём распоряжении, и ты получил все те же ключики, что есть и у меня. Тебе под силу самому во всём разобраться, как и сделала я.

— Мои навыки, мисс Диана,— сказал Яго, напуская на себя строгий вид в духе Дживса,— относятся к другой области.

Опять эта его стариковская обидчивость. Диана постаралась выпрямиться в кресле и сказала:

— Ну не надо так, Йа-а-гО, пожалуйста! Ты бесценный член команды, это в самом деле так. Когда я стану главой семьи, я дам тебе должность, или сделаю садовником, или главным по тарелочкам, или что-нибудь ещё придумаю. Но ведь это меня МОГмочки вырастили для раскрытия тайн. Правда же?

— Вы разобрались и с «как», и с «почему»?

— Почему,— неторопливо повторила она.— Да. Да, безусловно. Давай мы оба погрузимся в глубокое синее море «почему».

— Мы приехали,— сказал Чен Ир. Машина подкатила к главному зданию, и Яго помог ей войти.

Она шла первой, позади следовали Берфезен и Чен Ир, которых дверь приветствовала гневным воплем из-за металлических пистолетов. Чен Ир задержался, чтобы убедить подозрительного домашнего ИскИна, что им можно носить оружие внутри дома. Берфезен занял пост в коридоре, у двери в комнату Дианы, а Яго завёл её туда и уложил на кровать.

Дзынь, дзынь, дзынь. Шумная старая дверь.

— Я просто чуть-чуть вздремну,— пробормотала Диана.— Такая слепополуденная дрёма.

Она закрыла глаза, потом снова открыла.

— Когда проснусь, мы начнём готовиться к вечеринке,— сказала она.— Ты понял? Нам многое надо спланировать.

— Да, мисс,— сказал Яго.

— А это как понимать?

— Всего лишь так, что, как вам хорошо известно, мы не можем никого пригласить ни лично, ни в виртуальной форме, не нарушив секретности вашего пребывания здесь.

Это так разозлило Диану, что она сразу вырвалась из-под власти сна, пусть даже и на мгновение.

— Ерунда,— сказала она.— Ерундовая ерунда, бессмыслица без смысла. Любой инфагент может разузнать эти сведения.

— Сомневаюсь, мисс. Мы не жалеем сил, чтобы обеспечить безопасность вам и вашей МОГсестре.

Диана сморщила нос.

— А тебе не приходило когда-нибудь в голову, что мне не нужна твоя помощь? Что это я на самом деле обеспечиваю твою безопасность?

— В том смысле, что моя безопасность зависит от силы семейства Аржан и его близости к центрам власти в Системе,— да, безусловно, это правда. И, тем не менее, мы не можем подвергать вас риску. Никто не должен знать, где вы находитесь.

— Но эта мерзкая мисс Джоуд знала, где я,— проворчала Диа, снова закрывая глаза.

— Личный агент Улановых — совсем другое дело, конечно.

— Я сплю,— сказала Диана.

— Очень хорошо, мисс.

— Я правда сплю. Убирайся, жуткая, высохшая, стародревняя развалина.

— Поскольку вы и правда спите...— сказал Яго, направляясь к двери.

— Сплю!

— ...вы не услышите, как я говорю, что мы перехватили сообщение от Анны Тонкс Ю.

Диана открыла один глаз.

— Вот пакостница,— сказала она.— И что же она говорит в свою защиту?

— Мы, естественно, не стали знакомиться с содержанием: там мог быть поисковый вирус, а с его помощью можно отследить ваше местоположение через все ретрансляторы.

Сердце Дианы забилося чуть быстрее.

— Так вы его просканировали? Был там вирус или нет?

— Не в этом дело,— мягко проговорил Яго, стоя у двери.— Вы и сами знаете. Мисс Диана, вы умны — умнее любого на этом острове, за исключением, быть может, вашей сестры. Вам не нужно это никому доказывать.

Диана крепко зажмурилась:

— Не понимаю, о чём ты.

— Тайная передача сообщения члену враждебной семьи — это риск, и потенциально огромный. Здесь вам не «Ромео и Джульетта».

— Я сплю,— опять сказала Диана, не открывая глаз.— И не стану даже уточнять в БИТе, на что ты сейчас сослался.

— Вы меня прекрасно поняли, мисс. Я лишь хотел сказать, что вам стоит отнестись к делу серьёзно. Мы

постоянно подвергаемся опасности. Если какое-нибудь другое МОГсемейство сумеет до вас добраться — или даже организация нижнего яруса, вроде гонгси, мафии или милиции, — это будет...

— Я сплю! — рявкнула она. — Не видишь, что ли? Забыл, что такое сон?

— Вы спите, — сказал Яго.

И вышел.

9

ЕВА ДЕЙСТВУЕТ

Яго направился к комнате Евы, двигаясь слегка скованно из-за угнетающей силы тяжести. У двери её ИДа он послал запрос, и хозяйка без особого энтузиазма выбралась оттуда в реальный мир. Яго вошел в комнату. Не вставая с гелевой кушетки, Ева открыла глаза — они сверкали от гнева.

— Что такое? — жестко спросила она. — Разве ты не должен пасти мою сестричку?

— Я и ваш наставник, — деликатно заметил он.

— Наставник, — повторила Ева с насмешкой. — Ну и глупости, Яго.

Яго улыбнулся в ответ:

— «Ливрейный лакей» звучало бы лучше?

— Дживс, — пренебрежительно бросила Ева. — Разумеется, МОГмочки не посвящают меня в свои дела. Но я не ребёнок, чтобы за мной присматривали, как будто... — Она осеклась. — А что тебе, вообще, надо? Я занята. Мне надо закончить диссертацию.

— Через пару недель Диане исполнится шестнадцать,— сказал Яго.

— Она по-прежнему будет ребёнком. Она останется ребёнком и в шестьдесят один. Ребёчество у неё внутри, как серебряная жила в сердце астероида.

— Надеюсь,— сказал Яго и прислонился к стене, чтобы хоть немного уменьшить давление на ноги,— все мы проживём достаточно долго, чтобы повеселиться на её дне рождения.

— Ну да, мы можем умереть в любой момент,— резко сказала Ева.— И оттого моё исследование становится ещё более важным. Мне бы очень не хотелось оставить его незаконченным.— Тут она замолчала.— Ты ведь о чём-то конкретном, да? О настоящей угрозе?

— У ваших МОГродителей имеются весомые доводы в пользу этого предположения.

— Уж не о том ли речь,— Ева пыталась говорить шутливым тоном,— о чем сообщила Джоуд? Легендарный Стекланный Джек спешит сюда, чтобы убить нас?

— Лично я не верю, что легендарный Стекланный Джек спешит сюда, чтобы убить нас,— сказал Яго ровным голосом.

Ева вздохнула.

— Сядь, Яго,— велела она.— Думаю, тебе лучше присесть. Так покушение неизбежно? Нам придется уехать прямо сейчас?

Яго со скрипом опустился в кресло.

— Не сейчас. Вероятно, на следующей неделе; может быть, через две недели. Но точно до того, как наступит день рождения вашей МОГсестры. Обе миссис Аржан пришли к выводу, что нападение более чем

вероятно. Они подозревают клан Ю, однако, между нами говоря, я не удивлюсь, если удар нанесут с другой стороны.

— Так Джоуд поэтому сюда заявила?

Яго чуть-чуть наклонил голову. В целом он считал, что на вопросы сестёр лучше не отвечать. Ведь их предназначение как раз и состоит в том, чтобы давать ответы. Для этого их и создали.

— Политика,— сообразила Ева в конце концов. И неожиданно сменила тему: — Тебе не кажется, что МОГмочки во мне разочарованы?

Яго ответил не сразу:

— Вы могли бы их спросить.

Но Ева подняла левую руку и позволила ей упасть под действием гравитации.

— Даже если они и в самом деле разочарованы, я от них этого не услышу. И не потому, что они меня пожалеют, конечно же: просто я, как и Диа, такая, какой они меня сделали. Разочароваться во мне для них всё равно, что разочароваться в себе. И хотя мои дорогие МОГмочки во многих смыслах просто блистательны, они не любят признавать собственные ошибки. Не любят смотреться в тёмное зеркало правды.

Некоторое время оба молчали. За окном бесконечные потоки света заливали всё вокруг; древняя Земля, желто-коричневая, покрытая усталой зеленью, распростёрлась под священным голубым небом. Чуть поодаль пронеслась слева направо какая-то фигура — в высокой траве, посреди оливковых деревьев. Кому-то хватило духу заняться спортом в такую жару! Обутые в ботинки ноги спугнули стайку бабочек, и они мерцающим вихрем серо-коричневого и яркого зелёно-го-

лубого поднялись над травой и рассеялись среди деревьев.

Наконец Яго вздохнул и сказал:

— Диана говорит, что ей удалось разгадать загадку смерти Лерона.

Ева заморгала, выуживая из бИта нужные напоминания.

— Погибший слуга. Вообще-то я с этим разобралась вчера. Его убил другой слуга.

Яго не ответил, и Ева продолжила:

— Ну и что? Она нашла разгадку?

— Со мной она секретом не поделилась,— сказал Яго.— Но заявила, что должна разложить по полочкам ещё несколько деталей. Хотя я думаю, что все-таки нашла.

— Это был другой лакей,— сказала Ева.— Или мисс Джоуд права, и мы имеем дело с магически телепортировавшимся Стеклянным Джеком. Третьего не дано.— Она посмотрела Яго прямо в глаза: — Почему Джоуд рассказала нам эту байку про белого бычка?

Яго не торопился с ответом.

Ева слегка прикрыла глаза.

— Почему мне кажется, что это испытание? Вся эта история — испытание? Какую разгадку ни выбери, особой разницы не будет. Это ведь всего лишь мёртвый слуга.

— Человек во цвете лет,— печально проговорил Яго.— Со всеми причитающимися эмоциональными, интеллектуальными и практическими качествами.

— В Сампе триллионы точно таких же людей,— сказала Ева.— Но дело не в этом, правда? Мы оба знаем, что не в этом. Кого испытывают, её или меня?

— Я склонен считать, что ваши родители желают увидеть, как вы работаете вместе,— сказал Яго.— Полагаю, это звучит банально. Однако они и в самом деле этого хотят. Больше всего на свете.

— Ты просто виляешь, хотя можно прямо сказать, что она прошла проверку, а я — нет,— мрачно проговорила Ева.

— Вы...— начал Яго, но Ева не дала ему закончить:

— Не говори со мной в таком покровительственном тоне, Яго. Я этого не потерплю.

Он опустил голову.

Ева вновь устремила взгляд в окно, занимавшее всю стену. Кипарисы на фоне неба казались неестественно прямыми и застывшими, точно собачьи уши, стоящие торчком и готовые услышать плохие новости. Но Ева знала, что момент уже упущен, течение разлучило её с Дианой и вынесло не на тот берег. Удивительное дело, но в тот миг, когда она это поняла, на душе у неё сделалось легко. Вероятно, из-за того, что острая боль, ознаменовавшая момент кризиса, была уже позади. Однако беспредельное разочарование и депрессия были готовы захлестнуть её с головой. Просто не сейчас, а чуть позже.

— И что же? — спросила она наконец.— Всё дело в политике?

— Дело всегда в политике,— сказал Яго.— Она повсюду. Положение клана Аржан зависит от того, способен ли он оседлать политический вихрь, в какой бы час, в какой бы день это ни потребовалось.

— Я понимаю, в чём смысл политики,— сказала Ева, не в силах избавиться от жалобных ноток в голосе.— Если воспринимать её как систему. Я не оправдываюсь,

я и в самом деле понимаю! Ну, может быть, у меня нет таких эмпатических инстинктов, как у неё. Меня сотворили другой. Но моя способность к вероятностному поиску решений...— Она замолчала. Читать Яго нотации не имело смысла. Он ведь, в конце концов, был просто вестником.— Я закончу свою диссертацию,— мрачно проговорила она.— И говори что хочешь.

— Я знал, что так будет.

— Что, вообще, связывает тебя с моими МОГмочками? Откуда эта старомодная преданность?

— Я перед ними в долгу,— сказал Яго.— Они меня приняли. И, кроме того, у нас общие цели. Ставки невероятно высоки.

— Серьезно? Или это опять шаблонный трёп про политику?

— Нет,— сказал Яго с очень серьёзным видом.— Это голая правда. Голая, как мертвец в могиле. Ставки выше, чем когда бы то ни было. Таких угроз человечество ещё никогда не знало.

— Не желаю об этом слышать,— сказала Ева. И, к ее чести, не соврала.

— Мёртвый Лерон на полу не вызывает у вас никаких чувств,— сказал Яго.— И с чего бы? Вы же его не знали. Он для вас лишь атом в квазигазообразном скоплении, как бы вы выразились, триллионов человеческих существ. А что касается Дианы, то ей как раз таки сложно посмотреть на ситуацию с вашей точки зрения. То есть увидеть в этих триллионах ресурс, а не скопление людей.

— Ты доставил послание,— сказала Ева.— Теперь будь любезен уйти и дать мне возможность заняться работой.

Яго неуклюже поднялся, его колени хрустнули.

— Диана, вероятно, захочет объяснить вам решение загадки, когда проснётся. Она гордится тем, что смогла во всём разобраться.

— Да, да,— сказала Ева.— Мы соберёмся в библиотеке и узнаем, как именно дворецкий совершил то, что совершил. Или доктор? Всему причиной доктор? Кажется, я что-то такое припоминаю — в подобных историях убийца всегда доктор.

Он уже дошел до двери, когда она снова к нему обратилась.

— Испытание я провалила,— сказала она,— так объясни мне хоть одну вещь. БСС — это ведь был ложный след?

— Нет,— сказал Яго.— Как ни жаль.

Ева пренебрежительно фыркнула.

— БСС-преступления! — провозгласила она.— И преступник. Это ведь кто-то из слуг, как я и говорила? Или сам Стекланный Джек, как настаивала мисс Джоуд? Не сомневаюсь, что моя маленькая МОГсестричка выбрала правильный ответ. Но я не могу избавиться от мысли, что любой мой выбор был бы неверным.

Яго кивнул.

— Я знала! — воскликнула Ева.— Оба варианта неверны!

— Или верны,— сказал Яго.— Всего хорошего, мисс.

Ева удалилась в ИД. Довольно притворяться — она была разочарована. Всегда горько провалить испытание, и еще горше — с опозданием понять, что испытание как таковое произошло. Конечно, её не изгонят из святой святых Клана. Мудрый внутрен-

ний голос советовал отнестись к случившемуся как к благословию — ведь теперь у неё будет больше времени для полноценных астронаучных исследований. И она не испытывала зависти к триумфу МОГ-сестры (Диа хоть понимала, что одержала победу?). Охватившая её неудовлетворённость была связана с чем-то другим.

Она попыталась заняться своим трудом о шампанской сверхновой, но дурацкое слово «политика» все зудело и зудело в ее мозгу. «Политика!» Во Вселенной с ее расстояниями и абсолютным холодом политика ничего не значила. Предмет её исследований был удалён от политики больше, чем что бы то ни было.

Она вернулась в свой ИД и, собрав все силы, открыла (воображаемую) дверь. Это была не обычная виртуальная дверь, напротив — тщательно спрятанный портал в дальней части ИДа. Нельзя всё время ждать. Иногда надо действовать.

Ева так и поступила.

Человек, что бежал сквозь оливковую рощу совсем недавно, в самую жаркую и изматывающую пору дня. Куда он так торопился?

Диана была в своей комнате. Она сделала в стене временное окошко, иллюминатор, сквозь который можно было смотреть на пластиковую безграничность голубого неба (голубой!.. До чего же странный цвет для неба, если подумать,— это надо же было так

причудливо разбавить натуральный чёрный). Потом расширила иллюминатор, превратив его в широкое венецианское окно, и включила звук. Было уже далеко за полдень. Всё вокруг тонуло в знойном мареве и покое, типичных для Коркуры. Единственными звуками были вздохи далёкого прибоя на невидимом берегу и вялое шипение цикад, укрывшихся в траве. Всё застыло без движения. Небо казалось экраном. На нём нарисовались две белые палочки, сходящиеся к одной вершине — два быстролёта подлетели к одной и той же точке, или так, по крайней мере, это выглядело с позиции Диа. Даже в комнате с искусственным климатом она каким-то образом чувствовала жару.

Она удалила окно и устроилась поудобнее в гелевой постели.

Сон пришел без промедления.

Ей приснился Яго. Это было странно: слуги ей, как правило, не снились. Она стояла на невысоком зеленом холме; судя по тяготению, Земля, но на более холодной и дождливой широте, чем Коркура. Трава была аккуратно подстрижена, хотя укороченные стебли всё-таки гнулись под давлением невидимого ветра. Вокруг простирались зелёные поля, а слева виднелись обширные сине-зелёные древесные заросли, словно распластанное на земле облако. Стоял холод. Небо было белым и серым, и её ноздри щекотал запах дождя. Она откуда-то знала, что некогда на этом холме красовалась высокая башня, от которой ныне остались лишь руины. Взглянув вниз, Диа увидела осколки гранитных плит, частично погребённые под дёрном, — останки некогда величественного сооружения.

Яго стоял в нескольких метрах от неё.

— Где я? — спросила она у него, а потом, не дожидаясь ответа, прибавила: — Что ты здесь делаешь? Я тебя ни разу не сновидела.

— Если попросить сновидение, чтобы оно истолковало сон, можно вызвать короткое замыкание,— хриплым стариковским голосом ответил он.

Позади него виднелся ЗИЗдроид, чьё металлическое тело тускло поблескивало на зимнем свету.

— Зачем ты притащил ЗИЗдроида? Мы тут собираемся засвидетельствовать договор, что ли?

— Ты выдержала испытание. Твоя сестра — нет. Тебя приведут к присяге как официальную наследницу клана Аржан.

— Ты же ещё не слышал моё решение! — сказала она. Потом прибавила: — Какое безобразие. Жаль сестру.

— Будем надеяться, она переживет это безобразие,— загадочно заметил Яго.

— Я не в том смысле! — Потом: — Руины. Здесь... и ты. Почему я сновиджу руины?

— Всё дело в постановке вопроса, не находите?

Она сделала ещё одну попытку:

— Ну ладно. Что же такое тут разрушилось, и почему оно мне снится?

— Уже лучше! — снисходительно отозвался слуга, и Диана ощутила лёгкое раздражение.

Она подняла взгляд. Небо затягивали штормовые тучи: императорский багрянец, темнейший синий и чёрный. Огромные скопления облаков походили на твёрдые объекты, на части фигурной каменной кладки. Они двигались неестественно быстро.

Потом Яго опять сказал то, чего она не ожидала услышать:

— Звёзды — вот что разрушается. Они внезапно разлетаются на части, и то, что от них осталось, несется во все стороны быстрее скорости света, который они излучали.

Что за странные слова! Грозовые тучи теперь заполняли небо от края и до края. Свет переменялся.

— Их собственный свет,— сказала она.

Хлынул дождь, и каждая дождевая капля была увесистой, словно металлической. Земля начала гудеть, точно огромный барабан. На Диану снизошло озарение: каждая, каждая дождинка была головкой маленького молота, а каждая травинка — человеком; и — вспышка! — что это было? Молния! Вот снова — вспышка! — и Диана взглянула на Яго. Лицо у неё было мокрое, она дрожала от холода. Промокла до нитки! Она едва различала его сквозь полупрозрачную завесу проливного дождя. Молния, похожая на сверкающий рыбий скелет, вспыхнула всего лишь на микросекунду, но её призрачный образ отпечатался на сетчатке. Каждая вспышка знаменовала необъяснимую смерть звезды.

— Что разрушено, что погибло? — говорил тем временем Яго, качая головой. Дождевые капли отскакивали от его макушки, и казалось, что над ним клубится туман.— Мы.

Вы должны понять: Дия не привыкла к подобным сновидениям. Честно говоря, она растерялась. Что ещё хуже, её насильно вырвали из сна, и подобное вторжение в личное пространство было беспрецедентным. Она проснулась, ворча и размахивая руками, чтобы

отбиться от монстра, посмевшего нарушить её сон. Но сила тяжести слишком ослабила её, и кулаки бессильно отскакивали от груди того, кто её будил.

— Мисс! Мисс Диана!

— Как ты смеешь...— выдохнула она; во рту пересохло,— прерывать моё сновидение! Сны нужны мне, чтобы обрабатывать информацию...

— Мисс, нам надо уходить.

Это был Чен Ир. Даже сквозь бушующую в голове ярость она поняла — случилось что-то очень плохое.

— Чен Ир,— прохрипела она.— Что происходит?

— Вам опасно здесь оставаться, мисс,— сказал телохранитель, помогая ей выбраться из гелевой постели.— Нам надо уходить сейчас же.

Её ярость иссякла.

— Я могу принять душ? — резко спросила она.— Или так и побегу, вся в геле?

— Прошу вас, мисс, побыстрее,— взмолился Чен Ир.

Она так и сделала — привела себя в порядок за пару минут и ещё столько же потратила на то, чтобы надеть гравишлёпы.

— Так на нас действительно напали? — спросила она, устремляясь вслед за Чен Иром прочь из спальни.

Яго был в холле и выглядел (несмотря на отсутствие дождя) до странности похожим на собственного двойника из её сновидения.

— Боюсь, что да, мисс Диана,— сказал он.— Прошу прощения за то, что пришлось вас разбудить, но обстоятельства требуют, чтобы мы немедленно покинули Коркуру.

— Кто?

— Пока что не совсем понятно: либо клан Апарасейдо, либо клан Ю с огневой поддержкой клана Апарасейдо.

— Так это война?

Яго покачал головой:

— Сомневаюсь. Не исключено, разумеется, однако больше похоже на отчаянный удар вслепую. Они нагнулись на информацию, указывающую на то, что вы с вашей сестрой находитесь здесь, на острове. И надеются таким образом избавиться от вас обеих. Это доставило бы вашим родителям серьёзные неудобства.

— Мне бы это доставило ещё более серьёзные неудобства,— парировала Диана.— Это точно? Всё уже началось?

— Ещё нет. Но разведка говорит, что начнётся на протяжении следующих двенадцати часов.

— Какова вероятность?

— Согласно наиболее достоверным данным, семьдесят пять процентов.

Она кивнула. Это был достаточно весомый повод эвакуировать население острова.

— Где Ева?

— Вы с ней вылетаете по отдельности,— сказал Яго.— Ваши родители твердо настояли на этом. Они не могут рисковать, помещая вас обеих на борт одного и того же летательного аппарата.

Разумно.

— Тогда позволь нам попрощаться — и в путь,— сказала она.

Они втроём направились в комнату Евы, где сёстры обнялись. У обеих на лицах были одинаковые выражения мрачной сосредоточенности.

— Прости, что я не стала Гастингсом для Холмса,— сказала Ева.— Это была наглость с моей стороны.

— Какая теперь разница,— отозвалась Диана.— Только ты имела в виду Майкрофта. Гастингс ¹ — он с Пуаро.

— Так ты поняла, кто на самом деле убил лакея?

— Ты была права. Это был другой слуга. Кто же ещё?

— Ха! — Ева рассмеялась.— Так я всё-таки прошла проверку? С учётом обстоятельств, это слегка нелепо.

— Всё гораздо сложнее, чем ты думаешь,— сказала Диана. И потом: — О чём это ты?

— Ни о чём. Впрочем, может, мне тоже стоит заняться этими твоими детективными квестами? Я могла бы побороться с тобой за корону. С тобой и с той девочкой, что в них играет,— той, которой ты увлечена, хоть и всячески это скрываешь. Как её зовут?

Диана вздрогнула, отвернулась, и Ева внезапно всё поняла.

— Забудь,— сказала она, искренне желая утешить свою МОГсестру.— Опасность — это хорошо для нас. Она как сила тяжести — если слишком долго живешь без неё, слабеешь. Всё будет в порядке.

Диана покраснела:

— Можно мне попросить у тебя прощения?

Ева с серьёзным видом поразмыслила над этим:

— Я тебя прощаю.

Они снова обнялись.

¹ *Артур Гастингс* — военный в отставке, галантный сентиментальный джентльмен, истинный представитель Англии своего времени. Мужественный и верный друг Эркюля Пуаро.

— Любовь делает нас безрассудными,— сказала Диа.

— Знаю,— произнесла Ева.

— Нам пора, мисс,— сказал Чен Ир, придвигаясь ближе.— Мне крайне жаль, но мы не можем больше ждать.

— На острове, естественно, есть баллистический корабль,— прошептал Яго.— Но прямой старт отсюда — учитывая ту вероятность, что враг знает, где мы,— был бы слишком опасным. На Средиземноморском побережье у нас полдюжины плазмазеров, и лучше будет отправиться наверх в одной из их кабин. Мисс Ева и Чен Ир полетят в Тобрук и поднимутся оттуда. Мисс Диана, Деньо и я — мы поедem на итальянском плазмазере, чуть позже.

— Сдаётся мне, кабину плазмазера так же просто сбить, как и баллистический корабль,— заметила Ева.

— Так и есть,— Яго кивнул, признавая справедливость ее слов.— В самом деле,— продолжил он,— кабина больше и движется медленнее, из-за чего, вообще-то, попасть в неё значительно проще. Но в кабине будет ценный груз, а также другие люди, так что выстрел по ней окажется безоговорочным объявлением войны. А сбитый частный баллистический транспорт — совсем другое дело. Случившееся с ним можно отрицать или как-то обосновать, если понадобится. Мы считаем, что агрессор — о каком бы клане ни шла речь — на самом деле не хочет развязывать войну.

У Евы больше не было вопросов. Они с Чен Иром тотчас же ушли.

10

ГРАВИТАЦИЯ ИЛИ ВИНА?

Диана сгорала от желания отправиться в путь, но смирилась с тем, что придется подождать, пока сестра не окажется достаточно далеко. Поэтому она устроилась в глубоком кресле на главной лужайке, а Берфезен с пистолетом наготове спрятался поодаль, метрах в двадцати. Она чувствовала нетерпение, но не страх. Неужели постоянная охрана притупила её способность бояться? Будущее виделось ей в достаточно весёлых красках.

Флаер Евы улетел, с глухим свистом пронёсся над вершинами оливковых деревьев, и ещё некоторое время после его отлёта заросли продолжали колыхаться.

Всё.

Было уже далеко за полдень. Яго принёс Диане стакан воды со льдом и фруктовое ассорти.

— Я видела, как Ева улетала.

— Ваши родители не хотели, чтобы вы обе одновременно находились в воздухе. Это просто мера предосторожности. Когда мисс Ева приземлится в Тобруке, и мы получим подтверждение того, что кабина плазмасера готова, наступит наш черёд.

— Ещё долго? — спросила она.

— Не очень, — ответил Яго. — Двадцать минут.

— Мы можем с уверенностью сказать, кто нас предал?

— С уверенностью — не можем.

Диана глотнула воды и съела кусочек яблока. Оно было твёрдым, пористым, сочным и ароматным. Она взяла ещё кусочек.

— Знаю, ты считаешь, причина во мне,— сказала она чуть позже, не глядя Яго в глаза.— В смысле в моих контактах с Анной. Я знаю, ты думаешь, что из-за этого... всё и произошло. Но ты хотя бы ненадолго допусти, что ответственность несёт кто-то другой. Помимо слуг, которых мы сюда привезли, ещё по меньшей мере тридцать человек на острове знают, что мы здесь. Любой из них мог оказаться предателем.

— Они все накачаны КРФ. Он делает их вялыми, лишает инициативности, из-за него они чересчур эмоциональны и поэтому далеки от идеала — ну вы понимаете. Но это также означает, что никто из них не способен на сознательное предательство.

— Как насчёт бессознательного? Случайного?

— В смысле связи с окружающим миром это закрытый объект. Никто не мог случайно выдать его местонахождение. Такое можно было сделать только умышленно.

Она размышляла над этим, поедая весьма вкусный ломтик груши. До чего прекрасный вкус! Кусочек фрукта был того же цвета, формы и, как ей казалось, вкуса, что и луна. Она устремила взгляд на запад, в сторону моря. Над горизонтом собирались тучи, и усиленно краснеющее солнце тонуло в небе, будто в трясине.

— А как насчёт тех двоих полицейских? Тех, что пришли сюда после того, как обнаружилось тело Лерона? Конечно, нам пришлось следовать букве улановского закона, и мы не могли отказать в доступе

полицейским с надлежащими полномочиями. Но они же не были лакеями, так? И легко могли потом передать кому-нибудь сообщение.

Яго покачал головой:

— Оба получили по дозе КРФ, и в их верности Клану нет никаких сомнений.

— Правда? — Она вспомнила, что оба и впрямь казались медлительными, безынициативными людьми. Применение КРФ всё объясняло.— Но ведь нужно около недели, чтобы он подействовал на мозг, разве нет? — спросила она.— Даже если доза большая?

— Да. Но этих индивидов обработали заранее.

— Во имя богини! Серьёзно? Лучше перебдеть, чем недобдеть,— так это называется, да?

Он изучающе на неё посмотрел, а потом сказал:

— Теперь это уже не имеет никакого значения, мисс.

Она знала, что он намекает на незаконно переданное послание. И снова покраснела, но потом попыталась взять себя в руки.

— Я дура,— сказала она, чувствуя боль от собственных слов, хоть они и были правдивыми.— Мне ещё не исполнилось шестнадцати, но это слабое оправдание. Если я ошиблась в Анне... ну что ж...— Она замолчала.

— Вы были влюблены,— просто сказал Яго.

Диана поджала губы, стиснула кулаки и уставилась на него. Но такова была правда. Идиотская, унижительная правда. Восхитительная, прекрасная правда. Она разжала руки и положила их на стол. Открыла рот и сделала глубокий вдох.

— Ловко ты применил прошедшее время, Йа-го-го.

— Любовь такое... осложняющее чувство.

— В смысле сложное? Верно подмечено.

— Усложняющее,— поправился Яго.

— У нас ещё осталось немного времени,— сказала Диана.— Приведи мне ту служанку, Сафо.

Яго бросил на неё быстрый взгляд:

— Зачем?

— Хочу задать ей несколько вопросов.

— Я думал, вы сказали, что загадка убитого лакея разгадана?

— Так и было. Но есть парочка мелких деталей, которые не укладываются в картину. Ты же знаешь меня, Йа-го. Я предпочитаю подбирать все хвосты. Ставить чёрточки над «т» и точки над «ё».

Яго неуклюже поклонился:

— Я прикажу, чтобы её привезли сюда, мисс. Только...

— Только?

— Только мы не сможем взять её с собой, вы же понимаете.

— Я и не собиралась брать её с собой! — воскликнула Диана, искренне удивлённая его предположением.

Яго снова поклонился и ушел. Диана глубже погрузилась в гелевое кресло и направила взгляд на западную часть неба, становившуюся всё прекраснее. Закат распахнул двери в пекло. Лавовый красный и полыхающий апельсиновый, плавясь, перетекали друг в друга. Облака подобострастно скорчились у горизонта. Она съела ещё кусочек фрукта.

Через четыре минуты появилась машина, прожужжав вдоль берега, словно тёмная комета с хвостом из пыли. Рубиновый закат отражался в её ветровом стекле. Она подъехала к главному зданию, остановилась в паре сотен метров и высадила двух людей: полицейского — зум бИта подсказал Диане, что это офицер

Авраам Кава,— и служанку Сафо. Блюститель удерживал её на ногах, пристроив собственное плечо ей под мышку, словно они были частями одной головоломки. Вдвоём они медленно двинулись через лужайку.

Рядом снова возник Яго: безмолвно соткался из пустоты, словно тот парень из смешных историй, дворецкий по имени Дживс.

— Не забывайте, мисс,— сказал он,— у нас не больше четверти часа.

— Это не займёт много времени, Яго,— ответила она.

Запыхавшуюся Сафо усадили в кресло напротив Дианы. Офицер Кава встал рядом с ней, как будто стоять в условиях земной силы тяжести было самым простым делом в мире,— впрочем, для него так дело и обстояло. Поэтому Диана отослала его обратно в машину и велела уехать — «мы пошлём за вами, когда будем готовы». Он посмотрел на Яго и ушел.

Жужжание исчезающей машины растаяло в шелесте прибоа.

— Итак, Сафо,— сказала Диана.— Хочешь фруктов?

Служанка уставилась на неё безжизненными глазами:

— Мисс?

— Попробуй грушу. Это настоящая груша, она выросла здесь, на Земле. Держу пари, в трущобном пузыре подобной еды не найдёшь.

Сафо осторожно протянула дрожащую руку (была ли эта дрожь вызвана гравитацией? или чувством вины?), взяла кусочек груши и не без усилий отправила в рот.

— Нравится?

— Да, мисс,— сказала служанка. Потом, невесело взглянув на Яго и снова на свою хозяйку, прибавила: — У нас есть кошки.

— Кошки?

— В Смирре — моей родной сфере, мисс. У нас много мышей, целые тучи. Поэтому пришлось завести кошек.

Диана кивнула.

— Думаешь, этим я сейчас и занимаюсь? Играю с тобой, как кошка с мышкой? Ошибаешься. У меня на такое как минимум времени не хватит. Всего-то пятнадцать минут...

— Двенадцать минут,— заметил Яго.

— Двенадцать минут. Я просто хотела поболтать, только и всего.

Слева от неё Берфезен покинул свой пост. Диана с ленивым интересом посмотрела в его сторону — чего это он встревожился? Проследив за направлением его взгляда, она увидела Денью, который стоял на прибрежной дороге, лицом к морю. Видимо, они готовились увезти её прочь. Но ещё оставалось немного времени.

— Я кое-что раскопала, изучая твое досье,— сказала она.— Ты поклоняешься Ра'Аллаху.

— Да, мисс,— подтвердила Сафо.

— Объясни мне, что это значит.

Служанка ответила:

— Это не секретный культ, мисс. Он не под запретом. Информация о нашей вере общедоступна.

— Скажи мне собственными словами.

Сафо посмотрела на заходящее солнце.

— Ра — это Солнце, мисс,— сказала она.— Аллах — Бог всей Вселенной, первоначало закона и сострадания, милосердия и мощи. Мухаммед был его пророком на Земле, но мы уже здесь не живём. Для нас Ра — больше чем пророк, больше чем ангел. Ра — свет Аллаха, изливающийся в космос.

— Вы солнцепоклонники?

— Мы поклоняемся Ра'Аллаху. Мы чтим Господа, единственного Бога, и признаём, что Солнце — Новая Мекка, новый метатрон¹.

— А как же Улановы?

Сафо бросила на неё быстрый взгляд:

— А что с ними, мисс? Они лишь люди, как вы и я, мисс. Мы им не поклоняемся.

— Разве ты не говорила,— сказала Диана, посмотрев на бесстрастного Яго, стоявшего рядом,— что считаешь Улановых святыми и благословенными? Что Lex Ulanova превыше всего и так далее?

— Улановы,— медленно проговорила Сафо,— запретили приближаться к священному лику Солнца.

— Они запретили полёты за пределами орбиты Венеры, верно,— но лишь потому, что хотят придержать Меркурий для себя. Ради промышленного освоения, сама понимаешь. Планета почти целиком состоит из железа. Фантастически ценный ресурс.

— Такие вещи нас не интересуют,— сказала Сафо.

— Ты знаешь, что корабли Улановых занимаются разработкой Меркурия прямо сейчас, пока мы разговариваем? Не говоря уже о полицейских катерах и

¹ *Метатрон* — имя ангела из еврейской Агады. Термин «метатрон» включает в себя значения стража, господина, посланника, посредника; он — причина богоявления в чувственном мире.

беспилотниках, необходимых для поддержания блокады. Они летают за орбитой Венеры. Это тебя не беспокоит?

— Если бы какая-то иная сила захватила власть в Солнечной системе,— сказала Сафо,— и сбросила Улановых — думаете, эти люди сохранили бы пространство вокруг священного лика Солнца в чистоте, не допустили бы туда заразы? В относительной чистоте, я хотела сказать, потому что вы правы, мисс,— там нет совершенной пустоты. Разве что, по-моему, дела обстоят лучше, чем могли бы.

Диа медленно кивнула.

— Понимаю,— сказала она.— Но вот какое дело: Лерон ведь не был приверженцем Ра'Аллаха, верно?

Сафо тотчас же опустила глаза:

— Нет, мисс.

— А какой веры он придерживался?

— Он поклонялся Богравитации. Это ужасная вера, вера бандитов и язычников.

Бит сообщил Диане подробности.

— Ужасная, потому что отрицает твоего Бога?

— Они отрицают единство Бога. Они считают, что гравитация — божественный принцип Вселенной, что лишь гравитация придаёт космосу форму и упорядоченность. Они думают, у каждой частицы материи есть божественный потенциал и, когда он превосходит определённую величину, она становится богом. Они поклоняются чёрным дырам, пожирателям, как истинным богам, а это значит, что богов у них десять миллионов. Они верят, что в конце времён все эти дьявольские сущности сольются в одного гигантского бога, и звать его будут Фенрир, и он поглотит нас всех. Это религия

дикарей, мисс. Лерон верил, что только сила придаёт форму, упорядоченность и смысл всему. Он верил, что сила — это красиво.

Выпавив этот длинный монолог на одном дыхании, она залилась краской. Вид у неё сделался несчастный.

— К тебе он тоже применял силу, Сафо?

— Мисс,— сказала она вместо «да», потом закрыла глаза и открыла рот. Её нижняя губа дрожала от горя или, может быть, от неумолимого давления силы тяжести.

— Несколько странно,— задумчиво проговорила Диана,— что две столь непохожие друг на друга религии существуют в пределах одного и того же трущобного пузыря. Обычно — как мне представляется — на один пузырь приходится одно сообщество и одна вера. Для чего-то ещё там ведь и места не хватает.

— Лерон и его семья из другого пузыря, мисс,— сказала Сафо и с усилием выпрямила спину.— Его уничтожил полицейский крейсер, и мы дали им приют.

— Очень мило с вашей стороны.

— Ра'Аллах вознаграждает за милосердие,— сказала Сафо.— И вообще-то они заплатили.

— Почему полицейский крейсер взорвал их обиталище?

— Потому,— сказала Сафо, бросив взгляд на Яго,— что все они бунтовщики и порочные люди. Они не чтят власть Улановых, как мы. Они замышляют революцию. Они дружат со Стеклянным Джеком и в политике держатся принципа *force majeure*¹.

¹ Непреодолимая сила (франц.).

— До чего же любопытно! — сказала Диана, также посмотрев на стоявшего рядом Яго. — Человек, который лично отобрал двадцать лакеев, пропустил индивида с такими криминальными задатками и опасными политическими взглядами?

— Две минуты, мисс, — бесстрастно проговорил Яго.

— Ты знал, Яго, что покойный Лерон поклонялся Богравитации?

— Разумеется, знал, мисс Диана, — сказал Яго. — Наша Сафо преувеличивает революционные задатки этой конкретной секты. Вынужден признать, что некоторые последователи Богравитации действительно вынашивают террористические замыслы. Но у большинства совсем другие интересы.

— И всё-таки — нанимать слуг из трущобного пузыря, приютившего две несовместимые друг с другом религии... — проговорила Диана, многозначительно глядя на него. — Это странно, разве нет?

Яго обратил взгляд в сторону моря, где всё ещё виднелась фигура Деньо.

— Меньше двух минут, мисс, — произнес он.

— Сафо, — сказала Диа, вновь переключив внимание на служанку. — Увы, сейчас я должна тебя покинуть. Но я хочу, чтобы ты кое-что поняла. Я знаю, что Лерон совершил над тобой сексуальное насилие.

Сафо устремила на неё спокойный взгляд:

— Мисс.

— Я верю в это. И постараюсь сделать всё возможное, чтобы твоё наказание было минимальным.

— Моё... наказание, мисс? — У Сафо перехватило дыхание.

— Убийство человека остаётся убийством человека, даже если убитый был мерзавцем. И, разумеется, Lex Ulapova обойти невозможно. Но я думаю, что смогу использовать своё влияние для смягчения приговора. Это самое влияние, похоже, растёт.

Сафо посмотрела на неё усталым взглядом. На секунду показалось, что она вот-вот начнёт всё отрицать. Но секунда прошла. Она снова опустила глаза и проговорила с тоской:

— Наказание за убийство — смерть. Такой приговор нельзя смягчить.

— Необязательно. Я думаю, ты сможешь получить тюремный срок,— сказала Диана.— Он и раньше тебя насиловал. Вероятно, он собирался снова тебя изнасиловать, перед тем как ты его убила?

Заходящее солнце освещало лицо служанки, смягчая неровности цвета и окрашивая щеки румянцем. Несмотря на тяжелые складки кожи, порождённые действием гравитации, она казалась почти красивой.

— Да,— проговорила она.

Диана сказала:

— Я осмотрела кладовую, где всё случилось, несколько раз.— Она обращалась к Яго, хотя продолжала смотреть на Сафо.— Сначала меня сбила с толку глупая идея о том, что преступник активировал садового робота, чтобы совершить убийство, но ничего подобного, разумеется, не происходило. Решающая деталь всё же застряла у меня в памяти, хоть поначалу я и проигнорировала её. Я всё думала и думала о ней. О том, что стены там покрыты киями — лопастями — жесткими крылышками. Я не поняла, зачем они там, и сначала не обратила на них должного внимания. Просто потому,

что не привыкла к ним. Наверху они не нужны. Но вчера в машине до меня дошло. Я же знала, что такое эти кили-крылья-лопасти. Они называются полками. Здесь, внизу, люди используют их для того, чтобы хранить вещи. На полку можно положить какой-нибудь предмет, и гравитация удержит его на месте. Туда можно класть лёгкие вещи. И тяжелые тоже.

Яго смотрел на неё расфокусированным взглядом. Что-то проверял на своём бИте.

— Сафо,— сказала Диана,— Лерон преследовал тебя, не так ли?

— Он хотел, чтобы делала для него всякие вещи, сексуальные вещи, пока он будет лежать на спине,— сказала Сафо.— Я отказалась, и он рассердился. Ринулся ко мне, я побежала — мне было трудно, мы оба едва могли передвигаться, словно в воде, словно в кошмарном сне, и всё из-за силы тяжести.

— Ты вбежала в кладовую.

— Да, мисс.

— И он почти тебя поймал, но ты вскарабкалась на корпус одного из роботов, стоявших там.

— Я хотела спастись, мисс.

— Это ведь наверняка было непросто при полной гравитации! Но ты как-то справилась — одну ногу на локоть робота, другую — на плечо, а потом перебралась на полку, прикреплённую к стене. Он же, надо думать, слишком устал из-за силы тяжести и не смог последовать за тобой?

— Да, мисс.

— Полагаю, он стоял там и насмехался над тобой. Требовал, чтобы ты спустилась.

— Да, мисс.

Диана улыбнулась.

— Может быть, мы скажем властям, что произошел несчастный случай. Ведь на самом деле он вполне мог иметь место.

— Это не был несчастный случай. Я увидела молот на дальнем конце полки и метнулась к нему, как мышь. А Лерон внизу прыгал, пытаясь достать меня. Он очень сильно разозлился. Звал меня, пыхтел и хрипел от натуги. Он сказал: помнишь, что мы с Петеро делали с тобой в тошниловке? Помнишь, как тебе было больно, как у тебя текла кровь? Теперь тебе будет хуже, вот что он сказал.

— И ты его убила?

— Я протиснулась между молотом и стеной и оттолкнулась обеими руками. Решила, что так правильно, мисс. Это было нелегко. Но Лерон стоял внизу, и тяжелая часть молота упала прямо на него — раздался такой чпок!, словно нож мясника ударил по куску сырого мяса. Эта штука своим весом проломила ему череп, потому что жизнь в невесомости делает кости слабыми. Он упал как подкошенный; колени у него согнулись, тело пошло сначала вниз, потом завалилось набок, а ноги раскинулись в стороны. Молот свалился на пол с громким стуком. Из головы Лерона вытекло много крови, но она не превратилась в капли, как это обычно бывает. Она стала плоской тёмно-красной лужей, которая всё росла и росла на полу, как опухоль.

— Да.

— Я спустилась тем же путём, что и поднялась,— сказала Сафо.— Я плакала, меня трясло, мисс, и в душе у меня радость мешалась со страхом. Я пробралась

обратно в свою комнату и упала на кровать. Но вскоре другой слуга вошел туда. Знаете, внимание остальных привлекли не крики. Лерон всегда кричал, когда ему было хорошо, и ему позволяли это делать. Не из-за криков они вошли, а из-за внезапной тишины.

— Яго,— сказала Диана.— Мои две минуты уж точно истекли целую вечность назад. Почему мы ещё не в пути?

Яго посмотрел на неё сверху вниз.

— Всё куда хуже, чем мы думали, мисс,— сказал он с серьёзным видом.— Боюсь, нам придётся изменить планы.

Диана пригляделась к его лицу, и у неё сжалось сердце.

— Ева? — спросила она.

— Жива,— тотчас же ответил он.— На свободе и не ранена. Но Тобрукский плазмазерный лифт взорван.

Диана тотчас же обратилась к бИТу и открыла пакет данных, присланный Яго. Она увидела двойную башню, в которой размещался Тобрукский плазмазер, и желтую пустыню, и синее небо. С точки зрения технологии, там всё было просто: одна кабина плавно опускалась на полуупорядоченной колонне плазмы, выталкивая её в противоположную часть основной конструкции, имевшей форму буквы Ц. Далее плазма при помощи удерживающего поля перенаправлялась в еще один раструб, уже в верхнем направлении. Когда с одной стороны тяжело нагруженная кабина с пассажирами и багажом шла вниз, с другой сила противодействия поднимала вторую кабину. Эта система была настолько эффективной, что требовалось лишь незначительное количество дополнительной энергии, про-

изводимой на поверхности Земли, чтобы подстегнуть идущую вверх колонну плазмы, и та уже легко могла поднять на орбиту любую лифтовую кабину. Но давление и температура внутри основной конструкции были очень высоки, что в какой-то степени придавало ей уязвимость и делало ремонт в случае пробоя весьма сложным.

БИТ Дианы продемонстрировал ей разрушения. В стене главного блока была дыра в форме неправильного овала, почерневшие куски секций выгнулись наружу, точно лепестки, рядом разлился целый бассейн из остекленевшего песка. Вокруг жужжали корабли. На земле виднелись человеческие фигуры.

— Ева всё ещё на поверхности планеты?

— Да, мисс,— сказал Яго. Он помахал Берфезену, чтобы тот подошел ближе.— Боюсь, это всё же война. Глупая игра, какой бы клан её ни затеял, и в долгосрочной перспективе, уверен, всё обернётся в нашу пользу. Но в настоящий момент нам следует увезти вас с этого острова. Первоначальный срок в двенадцать часов оказался завышенным. Они могут нанести удар в любой момент. Если это и в самом деле война, все ставки отменяются.

Диана поднялась, слегка ошарашенная (потому, возможно, что кровь отхлынула от головы и прилила к ногам в тот момент, когда она встала). Служанка, Сафо, растерянно моргала и оглядывалась по сторонам.

— Я уведомил полицейского о том, что мисс Сафо надо забрать,— сказал Яго, когда подбежал Берфезен, тяжело дыша.

— Что со мной будет, мисс? — сдавленным голосом спросила Сафо.

— Пока что,— ответил ей Яго,— ничего. Признание, которое мы услышали, останется между нами. Ты вернёшься под надзор полиции. В настоящий момент есть вещи поважнее. Когда всё уляжется, решится и твоя судьба.

— Неужели будет война? — спросила Диана.

— Она окажется недолгой,— уверенно сказал Яго.— Клан Ю сильно переоценил свои возможности. Я вообще-то удивлён их стратегией. Если мы сумеем сберечь вас обеих, то у них нет ни единого шанса на победу. Но об этом мы подумаем позже. Прямо сейчас надо доставить вас в безопасное место.

— Нам надо...— начал Берфезен.

Но Яго поднял руку, веля ему молчать, и указал куда-то в сторону. Они все посмотрели туда. Приблизился Доминико Деньо, и он был не один.

— Всё существенно лучше или намного хуже, чем я думал,— сказал Яго.

По лужайке, сохраняя привычное непроницаемое выражение лица, шла мисс Джоуд.

11

СНОВА МИСС ДЖОУД

— Добрый вечер, моя дорогая девочка,— сказала мисс Джоуд.— Только поглядите на нас! Стоим себе спокойно под открытым небом и вовсе не замечаем силу тяжести! Хотя вот этот человечек её чувствует — кто ты, милая?

— Это одна из моих служанок,— отозвалась Диана, переводя взгляд с Берфезена на Яго.

— Прохлаждается в кресле? — неодобрительно воскликнула мисс Джоуд.— Вы позволяете слугам больше вольностей, чем я. Оставайся здесь,— велела она Сафо.— Мы с твоей хозяйкой пойдём в дом и поболтаем.

И с этими словами она направилась к главному входу.

Диана сумела её нагнать благодаря гравишлёпам.

— Что вы здесь делаете, мисс Джоуд? Я очень рада вас видеть, но момент неподходящий. Ходят слухи, начинается война — плазмазерный лифт в Тобруке только что...

— Я знаю, дорогая,— небрежно проговорила мисс Джоуд.— Я всё про это знаю. Идём внутрь и поболтаем. Я с нетерпением жду, когда ты расскажешь свою версию событий.

Диана оглянулась. Берфезен, Деньо и Яго шли следом за ними; Сафо по-прежнему сидела в кресле, перед оставшейся на столе тарелкой с фруктами.

— Мы что же, просто её... бросим?

— За ней едет блюститель,— сказал Яго.— Никуда она не денется. Появление мисс Джоуд — куда более важное событие.

Он казался уставшим.

— В самом деле, куда уж важнее,— вставила мисс Джоуд.— Заходите — после тебя, моя дорогая.

Диана вошла в главную дверь. Она перебирала в уме все возможные причины, по которым Улановы могли направить свою зловещую посланницу на Коркуру не один раз, а дважды за два же дня. Могли

ли они что-то выгадать от саботажа на одном из лифтов, принадлежащих Аржанам? Разумеется, нет! По идее, это нападение вообще не было связано с Улановыми.

Яго вошел вторым, следом за ним — мисс Джоуд. Как и в прошлый раз, главная дверь начала визжать и трястись, стоило госте шагнуть через порог. Берфезен замыкал цепочку, и сигнал тревоги, конечно, сработал в том числе и из-за его оружия, но он держал пистолет наготове и сразу же зарегистрировал его в реестре домашнего ИскИна. Тревога всё не умолкала.

— Это из-за меня,— сказала мисс Джоуд с тем же наигранным удивлением, что и в прошлый раз.

Вошел Деньо, и дверь опять начала жаловаться. Он вытащил собственный пистолет, чтобы домашний ИскИн мог его проверить. Берфезен держал в руках чехол из смарт-ткани.

— Ваш пистолет, мисс Джоуд? — сказал он.

— Неужели это так важно? — протянула она, вытаскивая пластметаллический ствол из-под полы.

— Боюсь, что да, мадам,— ответил Берфезен, протягивая ей чехол.

— Вас эта унижительная процедура не коснулась, мистер Яго,— заметила Джоуд.— Потому что вы без оружия. Разве не странно, что телохранитель не вооружен?

— Я не телохранитель, мадам,— сказал Яго.

— А, ну да, разумеется. Вы наставник. Это еще вопрос, в чём заключаются ваши наставления. Но, боюсь, вы и сами этого не знаете. Нет,— отрезала она, глядя на предложенный мешочек из смарт-ткани.— Обойдёмся без этого.

— Боюсь, это обязательно, мисс,— сказал Берфезен.

— В самом деле? Что ж, раз вы настаиваете...— Она вскинула пистолет и разрядила его. Звук выстрела был не громче хлопка, но последствия для Берфезена оказались катастрофическими.

Пуля вошла в его правую щеку: шмяк — и там появилось маленькое чёрно-красное отверстие. В ту же секунду она вылетела из задней левой части черепа с громким чпок и дождём кровавых капелек, оросившим стену у него за спиной. Из его затылка вырвался конусообразный всплеск красного и серого — этаким временный хвостик. Берфезен отшатнулся. В его глазах застыло удивление. Вероятно, это была боль, потому что боль застаёт врасплох. Но, в самом деле, он казался скорее ошеломленным, чем каким-то еще. Он открыл рот, но не издал ни звука. Полсекунды спустя Берфезен врезался в стену позади себя, и призрачный красный хвостик исчез, и мертвые руки раскинулись в стороны, и он сполз на пол.

Диана вскрикнула от изумления и ужаса.

Яго шагнул вперед и остановился. Оружие Деньо было нацелено прямо на него. На него, как прекрасно видела Диана, а вовсе не на мисс Джоуд. Деньо! Её разум был приучен складывать кусочки головоломки воедино даже в трудной ситуации, но сейчас всё понял бы и полный идиот. Нападение произошло не по воле клана Апарасейдо или клана Ю. Тайное любовное послание, адресованное Анне, не выдавало их местонахождение (и даже в свете новых ужасающих открытий ей стало чуть легче). Всё обстояло куда хуже. За происходящим стояли сами Улановы. Улановы начали игру против клана Аржан. Диана тотчас же подумала:

в безопасности ли её МОГмочки? Добралась ли к ним Ева? Неужели это конец?

Её внутренний голос — вот она, человеческая слабость — снова и снова повторял: это какая-то ошибка.

Мисс Джоуд бросила взгляд на труп Берфезена, лежавший там, где сходились стена и пол. Стену изукрашили потёки крови.

— Он не вооружен,— сказала наконец посланница Улановых, имея в виду Яго. И прибавила: — Разберись, но не убивай. Позже я с ним поговорю.

Яго начал: «Доминико, погоди...» — но Деньо выстрелил ему в правую ногу. Он попал точно посередине ступни и разнёс её на куски. Яго пошатнулся, развернулся на четверть оборота и упал. Он ударился о пол с более громким стуком, чем Берфезен, и скорчился, прижимая к себе раненую ногу; лицо у него было серое, как пепел. Но он не закричал. Его губы были плотно сжаты. Его дыхание вдруг стало громким, словно треск цикад.

Он вышел из строя.

И теперь пистолет Деньо был нацелен Диане в грудь. Она ничего не могла с собой поделать: её сердце начало биться очень-очень быстро, словно пульсар, и от прилива адреналина кожу головы стало покалывать, волосы встали дыбом.

— Ты не один из нас,— бросила она Деньо.— Ты принадлежишь Улановым.

— Моя дорогая девочка,— произнесла мисс Джоуд, отведя взгляд от тела Берфезена и шагнув в её сторону.— А разве мы не все принадлежим им? Естественно, у нас везде есть люди. Чего еще ты ожидала?

— Вы меня арестуете? — спросила Диана.

— Чтобы всё было по закону? — сказала мисс Джоуд.— Как мило.— Она спрятала пистолет и скрестила руки на груди.— Ставки очень высоки, моя милая, и порою события сменяют друг друга слишком быстро, чтобы устраивать такую... канитель. Наши отряды ждали твою сестру в Тобруке, но ваши люди успели подорвать главное здание и сбежать. Но... какая разница. Куда им идти? — Она покачала головой.— Мы скоро её схватим. И хотя ваши родители позаботились о том, чтобы на вас не действовали разные сыворотки правды и наркотики, применяемые для допросов, нам ничто не помешает обратиться к старым добрым методам. Верно? Думаю, если я буду пытаться твою МОГсестру до смерти у тебя на глазах, ты расскажешь мне всё, что нужно.

Мысль в голове Диа: «Я в это не верю! Этого не может быть!»

Её сердце забилося ещё быстрее. Она знала, что мисс Джоуд способна на такое, и что ей самой это вынести не удастся.

— Нет необходимости,— сказала она, стараясь, чтобы голос не дрожал от страха.— Я отвечу на любые вопросы, если смогу. Начинаяте хоть сейчас.

— Великолепно! — Мисс Джоуд пригрозила ей пальцем: — Но никаких фокусов.

— Фокусов?

— Не пытайся меня одурачить. И думать не смей! Твой мозг, несомненно, настоящий шедевр и вполне может нам пригодиться. Но остальное твое тело не более чем машина для производства боли, и я с радостью эту машину включу. Да! Да-да, если тебе вздумается со мной поиграть, я так и сделаю.

Несмотря на страх, сердце Дианы возвращалось в нормальный ритм по мере того, как излишки адреналина растворялись в её крови. У неё болели ноги.

— Я поняла,— проговорила она.— Можно присесть? Эта сила тяжести так давит.

— Нельзя,— отрезала мисс Джоуд с мерзкой ухмылкой.— Вот мой первый вопрос: где?

У Дианы зашумело в ушах.

— Это какой-то неконкретный вопрос,— сказала она.

— Деньо, прицелься в колено мисс Дианы, будь любезен.— Деньо подчинился, и ствол его пистолета качнулся вниз.— Я спрошу опять, милая, и либо ты ответишь, либо мой друг Доминико выстрелит тебе прямо в колено. Заверяю тебя, это будет неимоверная боль! Спроси у своего дворецкого, мистера Яго, что валяется на полу! А мы всего лишь выстрелили ему в стопу! Колено гораздо хуже. Но тебе придётся пересилить боль, потому что я задам ещё один вопрос. И если ты не ответишь, я прикажу Деньо тебя перевернуть, чтобы прострелить колено с другой стороны. Первый выстрел проделает дыру в кости и вырвет кусок плоти. Это очень больно, однако коленный сустав всё ещё можно будет спасти. Но второй разнесёт коленную чашечку на кровавые ошмётки, которые разлетятся по всей комнате. Ты потеряешь ногу. Веришь, что я могу так поступить с тобой?

— Определенно верю,— сказала Диана.

— Отлично. Итак, где?

Самым странным в происходящем было то, что Диану внезапно начало клонить в сон. Дело не в том, что она утратила страх,— как раз наоборот, от страха у неё

сдавило грудь. Она едва дышала, по её лбу текли капли пота. Но в то же время ею овладело желание уснуть. «Плохая идея», — сказала она себе. Тело Берфезена лежало совсем близко — лишнее доказательство того, что мисс Джоуд и впрямь была до смерти искренна. Яго — раненый, но живой — был где-то рядом, где-то позади, она его не видела. Если она заснёт, то Джоуд взбесится. Поспать ей не дадут. Но от сонливости никак не удавалось избавиться.

Конечно, для Дианы сон был тесно связан с решением задач. И, возможно, в этом была вся суть: перед ней поставили задачу с жесткими условиями — ответь на вопрос Джоуд или тебя изуродуют и искалечат, — и потому её разум попытался переключиться в привычный режим решения проблем. Не вовремя, конечно. Она не понимала вопроса, что уж говорить об ответе. Где — что? «Не спать», — приказала она себе. Чтобы отогнать сон, Диана представила, как пуля вылетает из ствола пистолета Деньо и несётся к её ноге с быстрой скоростью фотона. Она увидела мысленным взором, как круглое солнцеподобное лицо её коленной чашечки разлетается под ударом. Вообразила, как оно взрывается, изливая потоки сверхнового света. Она вспомнила аббревиатуру.

— БСС, — сказала Диана дрожащим голосом.

— Именно, — кивнула мисс Джоуд. — Итак, где?

У неё было несколько альтернатив, и все ни к чему не вели. Если она скажет, что не знает — хоть это и правда, — то поплатится коленной чашечкой. Выдуманный ответ поможет ей выиграть время, но потом ей придется назвать правдоподобное место, где спрятано искомое, а она понятия не имеет, где

бы оно могло быть. И вообще, как можно спрятать БСС в одном определенном месте? Что требовалось Джоуд — действующий межзвёздный корабль, скрытый в поясе астероидов? Или совокупность уравнений и технических спецификаций на инфочипе? Удовлетворит ли её ответ в духе «в голове такого-то и такого-то»? Диана никак не могла придумать подходящую ложь. Она открыла рот, не имея ни единой мысли в голове, и, когда слова прозвучали, то удивили её не меньше, чем всех остальных. Краем глаза она видела, как что-то поднялось. Но она не смотрела в ту сторону. Она смотрела прямо в лицо Джоуд. И она сказала:

— Я пришла к выводу, мисс Джоуд, что вы мне не очень-то нравитесь.

Она собралась. Точнее, попыталась собраться. Как, вообще, люди это делают?

Дьявол.

Звук удара, выстрел. Деньо разрядил пистолет в пол с жутким грохотом. Спустя миг Диана поняла, что кто-то стукнул Деньо по руке прямо перед тем, как он нажал на спуск.

Потом всё случилось очень быстро, в ритме стакато. Сначала голова Деньо откинулась назад, так что его подбородок уткнулся в потолок, и хлынуло красное; потом тело Деньо крутанулось на правой ноге и стало заваливаться на мисс Джоуд. Мисс Джоуд всё с тем же бесстрастным видом протянула руку к кобуре за пистолетом. Деньо глядел в потолок, по его груди текли потоки красного. Его дёргающееся тело столкнулось с мисс Джоуд. Она отпрыгнула назад, и там уже был Яго — лицом к лицу с ней. Диана не по-

няла, как он там оказался. Он словно возник из пустоты, держась совершенно прямо. Он ударил, целясь в грудь Джоуд. Его кулак пошел вперёд, а потом вернулся в прежнее положение — и из груди мисс Джоуд хлынула кровь.

Впервые на лице мисс Джоуд отразилась не уверенность в себе, а нечто иное. Она казалась растерянной и злой. Её взгляд упал на Диану.

— Мы с тобой,— сказала она,— еще встретимся.

На слове «встретимся» у неё изо рта хлынула кровь, и слово захлебнулось в крови, а мисс Джоуд завалилась на левый бок и рухнула на пол.

Диана вдохнула, выдохнула.

Её сердце несло галопом.

Она снова вдохнула. Выдохнула.

И посмотрела вниз. На белом каменном полу лежали три трупа. Вдоль стыков между плитами растекалась маслянистая красная жидкость. Граница этого быстро растущего пятна приблизилась к её туфлям, и она шагнула назад, чтобы не запачкаться.

Потом подняла взгляд. Увидела Яго. Немыслимое дело — у него не было правой ступни: ниже щиколотки нога оканчивалась каким-то выступом. И никакой крови.

— Яго, у тебя нет пистолета,— сказала она.

— Верно, мисс Диана,— признал он, переступая через ноги лежащего навзничь Денъо и беря её за руку. Он скособочился из-за отсутствия ступни, но, похоже, необходимость опираться на обрубок не причиняла ему неудобства.

— Дверь бы запищала, если б у тебя было оружие,— повторила Диана, ощущая себя немного глупо. Потом

она сказала: — Тебе повезло, что пуля не задела никаких сосудов в твоей ноге.

Тут она поняла, что сморозила глупость, потому что сказанное вообще ничего не объясняло.

— Нам надо срочно уходить, — произнес Яго совершенно ровным голосом.

Диана лишь теперь начала осознавать, что произошло.

— Что ты натворил! — закричала она. — Ты убил Денно! Моя богиня, ты же его убил!

— Вы бы предпочли, чтобы он выстрелил вам в ногу?

— Нога, — ахнула она, вновь — и с нарастающим ужасом — уставившись на его отсутствующую ступню. — Нога! Нога!

— Как нетрудно заметить, мисс Диана, ноги у меня искусственные, — сказал Яго. — Обе. От одной кусок отстрелили — неудобно, однако механизм, похоже, работает.

И ум Дианы, заточенный под решение проблем, тотчас же выдал: вот почему он так беззаботно переносил эту сокрушительную силу тяжести.

Теперь это уже не имело значения.

Она сглотнула — раз, другой.

— Богиня моя. Ох, Яго, — проговорила Диана, вновь делая глубокий вдох и глядя на трупы. — Ты их уложил. Как же ты справился с обоими?

Но ответ на этот вопрос был очевиден. Его худая рука сжимала нож.

— Почему дверь не засекла его? — спросила она, кивком головы указывая на оружие. — Ведь для неё ме-

таллический нож ничем не отличается от металлического пистолета.

— Металлический — да,— сказал Яго.— Но этот-то стеклянный. Пойдёмте, мисс.

12

БЕГСТВО

Они снова вышли наружу, в благоухающие коркурские сумерки. Сафо, служанка, всё ещё сидела в кресле. Увидев их, она встрепелулась.

— Всё изменилось,— сказал Яго, вкладывая нож в чехол.— Это не межклановое соперничество. На вас ополчились сами Улановы. Нам надо попасть наверх, и теперь мы не можем воспользоваться ни одной из установок, принадлежащих Аржанам. И нам точно нельзя доверять другим МОГкланам, они сейчас потирают руки, предвкушая новые перспективы. Боюсь, всё очень серьёзно.

— Что с моими МОГмочками? Что с Евой?

— Надеюсь, они сами позаботятся о себе. Нам надо бежать. Поедем в Аль-Анфаль, у меня там друзья. Когда будем на месте, придумаем способ попасть обратно наверх. Идёмте.

— Она пойдёт с нами,— сказала Диана.

Яго посмотрел на служанку, которая глазела на них.

— Нет, не пойдёт.

— Да, пойдёт.

— Она нас замедлит. Здесь она будет в большей безопасности.

— Вот уж нет!

— И, раз уж на то пошло,— брюзгливо заметил Яго,— она убийца.

— Ох, Яго,— сказала Диана.— Мы оба знаем, что это неправда.

Яго устремил на неё пронизательный взгляд.

— Да, вы и впрямь хороши,— заключил он.— Хотя, рискну предположить, не знаете всей истории.

— Верно,— признала она.— Я не смогла, к примеру, ответить на ужасный вопрос мисс Джоуд. А ты бы смог?

Он покачал головой.

— Она идёт с нами,— опять сказала Диана.

Яго сдался:

— Хорошо. Идите за мной обе.

Он помог служанке выбраться из кресла. Троица медленно, с остановками, двинулась сквозь сгушавшиеся сумерки. К моменту, когда они пересекли лужайку, уже совсем стемнело. Дом чернел позади них. По другую сторону залива виднелся город, украшенный вереницей огней. Но тени всё скрадывали.

Над их головами виднелись звёзды.

Добравшись до погруженной в тени оливковой рощи, беглецы решили передохнуть. Но стоило им остановиться, как на лужайку перед домом спустились с вечерних небес два сгустка света и шума.

Прячась за деревом, Диана наблюдала, как корабли садятся на землю. Открылись двери, и наружу выпало с полдюжины крепких агентов — или солдат, или полицейских, неважно,— которые тотчас же побежали в дом.

— Тихо,— прошипел Яго ей прямо на ухо, положив руку на плечо,— но быстро.

Они бесшумно миновали оливковый лес и вышли к низкой стене из сланцевых плит, не скреплённых раствором. Перебраться через это препятствие, несмотря на его скромные размеры, оказалось непросто, однако они справились. Яго помог Сафо забраться на стену и спуститься с другой стороны. Вдох, выдох, вдох. Чёрно-пурпурное небо. Потом они пересекли дорогу, покрытие которой ещё хранило дневное тепло. Гравишлёпы Диа тихонько щёлкали. Яго, хромая, быстро шел вперед, правой рукой поддерживая Сафо, не давая ей упасть. На спуске за дорогой потянулось широкое поле лаванды. Тёмные стебли источали очень сильный, чистый и красивый аромат. Звёзды в небе теперь светили в полную силу. Мерцал рассыпанными блестками Млечный Путь. Миллионы ярких стрелок-указателей. Где-то посреди этого великолепия была и та единственная шампанская сверхновая, над которой работала Ева. От этой мысли у Дианы кольнуло сердце. Сможет ли её МОГсе-стра закончить свой труд?

Позади них что-то с шумом взлетело — один из двух кораблей, что приземлились чуть раньше перед главным домом. Они все разом повернулись: машина, жужжа и сверкая огнями, зависла над домом. У неё под брюхом появился световой конус и начал шарить из стороны в сторону — блюстители искали их. Они полетели к берегу, в противоположном направлении.

— Надо убираться с этого острова,— выдохнула Диана.

— Согласен,— сказал Яго.

На дальней стороне лавандового поля была ещё одна дорога, и по ней Яго провёл их метров на сто вперед, прежде чем свернуть в лес побольше размером. Деревья здесь были намного выше олив, и аромат сосен, приятный, хоть и щекотавший ноздри, ощущался очень сильно. Уже так стемнело, что они ничего не видели и шли, вытянув руки, от одного ствола до другого. Земля у них под ногами пружинила из-за слоя сосновых иголок. Как показалось Диане, они шли вслепую через эти заросли очень долго.

Наконец перед ними открылась прогалина; наверху опять сияли звёзды. Яго снял чехол-паутину с маленького флаера и открыл люк своим ключом.

— Я не знала, что ты спрятал тут летающую машину,— удивилась Диана.

Они забрались внутрь. Пахло пластиком. Яго закрыл люк и включил внутреннее освещение — жёлтое, болезненное для глаз. Места было столько же, сколько в шкафу для посуды: втроем они едва сумели втиснуться.

— Когда мы взлетим, придётся выключить свет,— сказал Яго,— и держаться низко. Предупреждаю, будет жутковато.

— И далеко ли мы улетим на этой ерундовине? — спросила Диана, защёлкивая ремень безопасности. В бледно-лимонном освещении кабины флаера она увидела, как Сафо неуклюже скорчилась, обхватив себя руками и широко распахнув глаза.

— Ты должна закрепить ремень — сейчас покажу, как,— пришла на помощь Диана.

— Благодарю, мисс,— откликнулась служанка и с безучастным видом позволила Диане приладить

ремень безопасности.— Что вы сказали — там, в доме, мисс?

— А что я сказала?

— Джентльмен сказал, что я убийца, а вы сказали — нет,— Сафо посмотрела на Яго, который сидел в кресле пилота и запускал интерфейс.— Он прав, мисс. Я убийца.

— Всё намного сложнее, Сафо,— проговорила Диана.

В этот момент Яго погасил внутреннее освещение и поднял флаер в воздух. Внутренности Диа сжались в комок.

— Куда мы направляемся, Яго? — спросила она, обращаясь к темноте.

Яго сделал корпус прозрачным, словно на туристическом барке, чтобы лучше ориентироваться при слабом звёздном свете. Диана едва различала его силуэт — чуть темнее окружающей тьмы.

— Мы направляемся,— ответил он,— в Аль-Анфаль Ли'ллах. Это за пределами Турции.

— Сможем долететь на этой штуке?

— Нет, слишком далеко. Но она увезёт нас с острова, а это пока что самое главное.

Они летели со свистом, так низко, что верхушки сосен периодически хлестали по днищу машины, вынуждая её содрогаться. Потом лес закончился, и они опустились по нисходящей траектории, на метр разминувшись с гребнем береговой линии. Прозрачные стены флаера сбивали с толку, усиливали охватившее Диану чувство незащитности и уязвимости; но, по крайней мере, им открывался отличный вид на эту часть острова. В главном доме теперь горело много

огней, и один из улановских летательных аппаратов был всё ещё припаркован на лужайке. Другой виднелся в небе, далеко на востоке, — он методично прочёсывал окрестности, двигая лучом поискового прожектора, словно маятником.

В заливе на западе стоял на якоре большой корабль — покачивался на собственном отражении — мерцающем созвездии огней. Этого корабля здесь раньше не было.

— Он улановский? — спросила Диана, когда они пролетели, низко и бесшумно, в полутысяче метров от корабля.

— Полагаю, да, — сказал Яго.

Они оставили корабль позади, и Яго обогнул мыс. БИТ Дианы издал сигнал вызова, и она без особых раздумий ответила.

Прямо посреди флаера возник мерцающий образ мисс Джоуд.

— Моя милая девочка, — проговорила она. — Что же ты творишь?

— Отключи, — скомандовал Яго.

— Не верь ему! — сказала Джоуд. — Ты знаешь, кто он такой?

— Знаю! — огрызнулась Диана.

— И как же ты можешь ему доверять, зная, кто он на самом деле? Как же ты ещё не сбежала от него, вопя от ужаса?

— Так мне вам доверять, что ли? — парировала Диана, позволив гневу взять верх над здравым смыслом. — Вы же собирались меня искалечить!

— Чепуха. Ты гораздо ценнее живой и здоровой, так что я просто разыграла перед тобой спектакль. И вот

посмотри теперь на меня, бедную, одинокую мисс Джоуд, у которой отказало одно лёгкое! Но ты, моя милая, сейчас летишь в ночную мглу вместе с самым опасным человеком во всей Солнечной системе! Возвращайся, и мы заключим сделку: семейство Аржан сохранит свой влиятельный статус «правой руки» Улановых, ты фактически займёшь место на троне, чего бы там ни хотела твоя сестра, — а взамен мы забираем Стеклянного Джека. Проще простого.

— Диана, — сказал Яго. — Пожалуйста, выключи его.

— Ты пожалеешь... — начала Джоуд своим хорошо поставленным голосом, и тут Диана оборвала соединение.

— Теперь они знают, куда мы направляемся, — заметил Яго и заложил крутой вираж. Желудок Дианы поднялся и ухнул вниз. — Уйти будет сложнее.

— Прости, — сказала Диана. — Не стоило мне отвечать.

— Верно, — согласился Яго. — Не стоило.

Диану покорило его ответ.

— Это была рефлекторная реакция.

— Боюсь, тебе придётся отключить БИТ, — сказал Яго. — Он взломан. Если ты его ещё раз используешь, даже в самых банальных целях, Улановы нас засекут. Будь так любезна, выруби его и сотри коды доступа.

Диана хотела было возразить, что это в прямом и переносном смысле оборвёт её связь с внешним миром — она пользовалась БИТом с той поры, как начала ходить. Но у неё не нашлось подходящих доводов. Яго был прав. И потому она всё отключила и с неохотой запустила процесс стирания.

Без БИТа она почувствовала себя ещё более уязвимой, чем раньше.

Она спросила у Сафо, есть ли у той БИт, но, разумеется, его не оказалось: Сафо была служанкой и родилась в трущобном пузыре.

Они летели и летели — сначала вдоль берега, а потом ушли в открытое море. Минут через двадцать Диана начала верить, что им и впрямь удалось вырваться.

Она погрузилась в беспокойный сон, сидя в кресле, уронив голову набок. Когда она проснулась, шея болела, но небо на востоке окрасилось в славный апельсиновый цвет. Сафо похрапывала; её тело удерживал ремень безопасности, а голова моталась туда-суда. Яго по-прежнему был за штурвалом.

— Ты в порядке? — спросила Диана.

— Да, — ответил он. — Мы скоро остановимся, и я найду летательный аппарат, пригодный для более длительного путешествия.

— У меня во рту пересохло, — сообщила она. — И мне надо облегчиться.

— Сдаётся мне, ситуация парадоксальная.

— В этом флаере есть санузел?

— Увы, флаер слишком мал для таких излишеств. Эта модель предназначена для коротких перелётов. Ещё десять минут, — прибавил он, — и мы приземлимся.

Они мчались над ландшафтом, окрашенным в тусклые цвета, испещрённым крутыми уступами и лощинами, полными чернильной мглы, а на востоке в это время рождался новый рассвет. Куда направляется Яго, было непонятно до последнего момента, но наконец они взмыли над скальной грядой и приземлились во дворе большой фермы. Рядом возвышался семиэтажный сарай свинцового цвета, с логотипом в

виде звезды и полумесяца, нарисованным на стене. Снаружи были припаркованы четыре сельскохозяйственных робота — это место казалось полностью автоматизированным. Тем не менее во дворе их поджидал человек.

— Откуда она узнала, что мы появимся? — спросила Диана, когда они коснулись земли.

— Он. От меня — я послал сообщение.

— Почему ты не стёр свой бИТ? Он ведь взломан, как и мой.

— У меня система другая,— сказал Яго,— не бИТ.

Он открыл люк. Они подняли Сафо и втроём неуклюже выбрались из машины в предрассветную прохладу. Яго направился к незнакомцу и заговорил с ним, а Диана и Сафо принялись разминать конечности.

— Где мы, мисс? — спросила Сафо.

— Я знаю не больше твоего, Сафо,— ответила Диана. Вернулся Яго.

— Мой друг предоставит нам машину побольше,— сказал он.— Но времени на отдых нет.

Они обогнули сарай и увидели машину более подходящих размеров, утыканную стелс-антеннами. Яго открыл люк, и все трое поднялись на борт. Диана первой воспользовалась санузелом, Сафо последовала её примеру. Яго запустил двигатели и выслал несколько десятков дронов-обманок по всем направлениям. Диана обследовала маленькую кухню и обнаружила кое-какие припасы. Она выпила немного сахарного сока и съела клубничный маффин. Он чуть зачерствел, но утолил её голод. Появился Яго, жадно выпил воды и снова ушел в кабину. Сафо завтракать не желала, и Диане пришлось её уговаривать.

Когда они взлетели, восточный край горизонта раскалился докрасна. Они полетели прямо на восход, и воздух вокруг становился всё чище и светлее.

Диана никогда раньше не летала на таких примитивных аппаратах. Двигатель всё время урчал, будто перемалывая собственные внутренности. Он выпускал из дюз маленькие облачка пушистого дыма. Диана спросила себя, что же это за двигатель такой. Что-то из бронзового века, наверное из эпохи Гомера. Вроде того.

Солнечный свет был густым, словно мёд.

С высоты земля выглядела простой, как карта: перемежающиеся фигуры, тёмные и светлые. Бесчисленные шестиугольные поля пшеницы. Приземистый горный хребет, а по другую его сторону — бескрайние посевы какого-то серого растения: Диана предположила, что это съедобный хлопок¹.

Они приблизились к восточному побережью. К северу и к югу море, словно голубая ткань, собиралось в сборки и складки. Пролетев над пляжем, они оставили сушу позади. Под ними исполинской неподвижной плитой лежало море.

Над морем они летели долго.

Солнце уже поднялось высоко, когда внизу показалась континентальная береговая линия: Турция, за которой простирался Аль-Анфаль Ли'ллах, куда они и направлялись. Чем ближе, тем больше делались

¹ *Съедобный хлопок* — генетически модифицированное растение, семена которого пригодны для употребления в пищу как человеком, так и животными, поскольку не содержат токсин госсипол. Предполагается, что эта культура в силу большого содержания белка в семенах поможет решить проблему нехватки продовольствия в развивающихся странах

горы; их склоны были коричнево-чёрными, а вершины увенчивали громадные шапки из пепельно-белого снега. Диана подумала: истинный север всегда в стороне Солнца, невзирая на какие-то там причуды прозаичных электромагнитных полей. Солнце всегда на дне колодца. Только на Солнце можно положиться, когда вокруг сплошные неясности.

Некоторое время она глазела на небо, погруженное в неустанное обновление, а потом принялась наблюдать за узорами теней, которые рисовало на земле солнце. Монотонно тянулись горы. На них ничего не росло. Большая часть еды поступала из верхоземья, разумеется, с бесчисленных фабрик и сфер. Внизу выращивали некоторые изысканные культуры и продовольствие для местных. Но в большинстве своём нижние земли были пусты. Или превращались в пустыни.

Она предоставила солнце цвета белой бумаги и небо цвета голубой воды самим себе и закрыла глаза. Сон не пришел. Вместо него появились тревожные тени МОГмочек, и ей пришлось открыть глаза. Она была в каюте. Диана положила руку на стену возле себя и почувствовала, как та подрагивает.

Она плакала.

Нет, так не пойдёт.

Она села и сказала себе: нет никаких причин считать, что МОГмочки умерли. У неё не было свидетельств того, что Ева умерла или даже что её забрали Улановы. Она должна доказать, что наделена силой духа, позволяющей переживать невзгоды и одерживать победы. Слезами горю не поможешь.

И, чтобы прекратить себя жалеть, она пошла и села рядом с Яго. Вид из рубки открывался такой же, как из

окна каюты: пёстрые горы; долины, посреди которых гигантские пихты вздымались над кронами обычных деревьев, будто минареты. То же небо, то же Солнце, от которого не скрыться. Солнце — оно как горе. Горе обжигает и не отпускает, как Солнце. Мы все вертимся вокруг него, сами того не желая.

— Итак,— сказала она,— ты Стекланный Джек.

Он ещё какое-то время продолжал что-то напевать — мотив ей был незнаком: четыре повторяющиеся ноты, мелодия с понижением тона и руладой в середине. Потом он сказал:

— Некоторые люди меня так называют.

— Джоуд сказала, это не настоящее имя.

— Само понятие истинного имени,— сказал Яго,— далеко от логичности, как по-моему.

— И ты убийца. Ты убил тысячи людей!

— Миллионы.— Он взглянул на неё искоса.— Если верить кое-каким историям.

Она поразмыслила над этим:

— Миллионы ты не убивал.

— Нет.

— А тысячи?

— Нет.

— Но ты ведь убивал?

— Ты сама недавно видела, как я прикончил Доминико Деньо. Какая жалость. Он мне нравился. Мы с ним вместе играли в го.

— И я видела, как ты ударил ножом мисс Джоуд. Но её ты не убил.

— Сплоховал, верно. Никто не совершенен.

— МОГмочки знают, кто ты такой?

— Знают.

— И они тебя всё равно наняли? Ты думаешь, я поверю, что они с радостью позволили тебе крутиться рядом со своими дочерьми?

— Они наняли меня не вопреки тому, кто я есть, а благодаря. Они заплатили за эти ноги и позаботились о хирургической переделке моего лица. Им известно, что́ я сделал и почему. Суть в том, что у клана Аржан и у меня общая цель, и ваша с Евой безопасность — часть плана по достижению этой цели.

— Улановы,— сказала Диана.

— Точно. Их свержение. А что касается того, зачем меня поместили рядом с вами и вашей сестрой,— что ж, у меня есть определенные таланты. Которые я продемонстрировал на примере мисс Джоуд и её агента. Хотя слово «талант» не самое подходящее, наверное. Сдаётся мне, талант обязан быть созидательным. То, что я сделал, созиданием не назовёшь.

— Мои колени тебе благодарны,— сказала она.— Во всяком случае.

И он улыбнулся.

— Не могу поверить, что МОГмочки замыслили такой... катаклизм.

— Так ты в это не можешь поверить? Или все-таки в то, что они тебя не посвятили в свои планы?

Диана уставилась в окно.

— Мне ещё шестнадцати не исполнилось,— сказала она.

— Верно. Однако ты должна была заметить, что в сложившихся обстоятельствах твои МОГродители сочли необходимым ускорить назначение наследника. Они были вынуждены так поступить. Их поторопили события.

— Но,— сказала она,— ты же революционер! Я еще могу поверить, что мои МОГмочки захотели свергнуть Улановых, но революционеры хотят разрушить все властные структуры! Разве нет? Все, включая и МОГ-семьи! Зачем же МОГмочки сговорились с тем, кто хочет их уничтожить?

— Революционных движений столько же, сколько и религий,— сказал Яго.— Некоторые хотят перевернуть всю Систему, да. Другие ничего не имеют против существующей иерархии, при условии, что она будет очищена от несправедливости и улановской тирании, а само человечество возьмет курс на стабильность и процветание. В моём случае имеются как личные, так и идеологические причины ненавидеть Улановых. Но я всё же считаю, что любая система, даже утопическая, нуждается в эффективных гражданских служащих,— а МОГсемейства таковыми и являются.— Он кашлянул или рассмеялся, Диана не поняла. Потом он добавил: — Но, разумеется, есть и более весомая причина.

— Ты о чём? Причина чего?

— Того, что твои МОГродители посвятили такого, как я, в свои планы и заключили союз как со мной, так и с силами, которые я представляю.

У Дианы зашевелились волосы на затылке, желудок скрутило, она как будто замерла в шаге от какого-то великого откровения.

— Что это за причина?

Он посмотрел на неё:

— Новая угроза, достаточно серьёзная для того, чтобы перед ней померкли все политические игры. Даже для индивидов вроде твоих родителей.

— Что за угроза?

— Гибель человечества.

В ответ на это ей нечего было сказать. Утверждение казалось невероятно преувеличенным в устах кого-то вроде Яго, и она подумала — уж не шутка ли это?

— Сколько мы пробудем в этом твоём Аль-Анфале? — спросила она его через некоторое время.

Он бросил на неё долгий, внимательный, оценивающий взгляд.

— Не вечно,— сказал он. И она поняла, что это означает «очень долго». — Если Улановы и в самом деле начали игру против Клана, то... всё изменится. В смысле в верхоземье. И по всей Системе. А это значит, что всё изменится и здесь, поскольку Земля — не более чем дырка в унитазе, куда смывают дерьмо со всей Системы.

Внезапная грубость её поразила.

— И-а-а-го! — воскликнула она. — Следи за языком!

— Прошу прощения, Диана,— мрачно сказал он и устремил взгляд вперёд. Он, как она заметила, больше не называл её «мисс».

Во второй половине дня они снизились, и Яго завёл летательный аппарат в узкую долину с крутыми стенами, где-то посреди Анатолии.

13

О МНОЖЕСТВАХ

Дом был примитивный, но удобный: два этажа, возведен близко к скалистой западной стене долины и защищён от поиска сверху, если тот не будет слишком

уж тщательным. Диана понятия не имела, где они, и ей не нравилась невозможность (ввиду отсутствия БИТ-доступа) это выяснить. Где ближайший большой город, откуда они возьмут еду, когда закончатся запасы,— всё это покрывала завеса тайны. Воду брали из колодца, настоящего колодца, как во времена Гомера и homo erectus: скважина, просверленная в скале цвета бронзы, и насос в придачу.

— С чего ты взял, что она чистая? — спросила Диана, но Яго ответил лишь: «Очень даже чистая».

Он приделал полый пластиковый шар к своей ноге. Получилось некрасиво, но его этот факт ничуть не беспокоил. При ходьбе он теперь лишь слегка прихрамывал.

— Разве ты не можешь,— спросила Диана, всё ещё рассуждая с позиции очень богатого человека,— заменить ступню на новую?

— Эти ноги,— ответил он,— и, конечно, это лицо, новое лицо,— результат долгого и дорогостоящего труда. Их не заменишь в первой попавшейся мастерской. Твои МОГродители заплатили не только за работу, но и за секретность. Второе обошлось намного дороже первого.

Диа угрюмо фыркнула.

— А я ещё удивлялась,— сказала она,— отчего у тебя так много морщин. В твоём-то возрасте!

— Мы способны на много удивительных вещей,— признал Яго,— но рубцовая ткань — упрямое свойство наших тел. Её можно сложить в микроморщины, но просто взять и разгладить кожу, как глину, нам не по силам.

— Это отвратительно,— сказала она.

Её жизнь перешла на новый этап. Поначалу она не слишком остро ощущала отсутствие богатства: происходящее воспринималось как приключение, а не как подлинное обнищание. Не хватало только БИТа.

Воздух здесь оказался более разреженным и холодным, чем на острове, но она быстро ко всему привыкала. Ещё одно умение рождённых в верхоземье.

Сафо для них готовила и делала уборку. Она держалась отстранённо: спала в самой маленькой комнате, хотя в доме имелись незанятые помещения побольше, и мало разговаривала. Иногда по вечерам, если Диане удавалось настоять на своем, она ужинала вместе с ними.

Первый день у Дианы целиком ушел на размышления. Она не могла найти себе места из-за отсутствия доступа к БИТу. Тот факт, что она не могла проверять факты, удовлетворяя собственное любопытство, был, разумеется, неудобством; но потом её осенило, что в этом доме не было вообще никаких инфофильтров — ни планшетов, ни терминалов, ни даже древней библиотеки с переплетёнными рукописными томами. Без информации она ощущала себя голой; ситуация была из ряда вон и причиняла необычайный дискомфорт. Отсутствие внешнего доступа было проблемой в меньшей степени, потому что она привыкла находиться в изоляции от основной сети контактов и новостей, по соображениям безопасности. Но в одном её заточение ощущалось особенно остро: она понятия не имела, что происходит с Кланом. Не знала, в порядке ли МОГмочки, не находятся ли под стражей (и какое же обвинение могли предъявить им Улановы?) и живы ли они вообще. Она не знала, всё ли нормально с Евой

и что происходит с десятками тысяч членов Клана и их союзников. Яго мало что мог ей сообщить, хотя у него явно имелся источник информации, непохожий на БИТ.

В первую ночь Диана спала очень плохо: гелевых постелей в доме не было, она лежала на матрасе. Более того, стены не регулировали температуру автоматически, и она мёрзла до тех пор, пока не встала и не выставила нужную температуру на пульте специального устройства в углу комнаты. Стало жарко, потом ещё жарче, и ей опять пришлось подняться, чтобы убавить тепло. Она по-настоящему заснула только перед рассветом и проспала до полудня, изредка просыпаясь.

Наступил новый день. Я всё ещё жива, подумала она. Это уже что-то.

Дневной свет был бело-серым: сильная облачность. Она сделала себе кофе и съела немного макарон. Потом отрешенно побродила по дому. В дальней комнате, в кресле возле старинного окна, сидел Яго и смотрел в пустоту.

Шел несильный дождь. Серый цвет мириадами капель падал с неба и стекал вниз.

Диана села в соседнее кресло. Помолчав, она сказала:

— Это ты всё устроил.

Он посмотрел на неё:

— Рад, что ты поняла. Иного, конечно, я и не ожидал.

— Что это было? Подарок на день рождения?

— Да,— ответил он.

Она посмотрела на него.

— Твои родители думают, что это была их идея, но они ошибаются,— продолжил он.— Её подал я. Я знаю,

с какой страстью ты увлекаешься детективными загадками. Решать их для тебя совсем нетрудно, однако ты их всё равно любишь. Поэтому я решил, что надо воплотить одну из них в жизнь. В подарок на день рождения.

— Я чувствовала неладное,— сказала Диана.— Жестоко убили слугу, всего в нескольких метрах от наших с Евой спален! В других обстоятельствах МОГмочки тут же выдернули бы нас оттуда. С их паранойей лучше не шутить, когда речь идёт о нашей безопасности. Но они вели себя так безмятежно. Убийство, совершенное с применением грубой силы? Никуда не уходите, синички вы наши.— Она покачала головой.— Это было... нетипично. И вся эта болтовня о том, что КРФ в крови наших слуг — гарантия нашей безопасности?

— Это действительно был один из наших предохранителей,— возразил Яго.— И тебя ведь хорошо охраняли. Или, по крайней мере...— Он поморщился, вспомнив Доминико Деньо.— Так мы думали. И убийца не желала тебе зла. Она обратила всю свою враждебность на другого человека.

— Как ты её выбрал?

— Я искал подходящий случай. Найти было нетрудно. В трущобных пузырях царит теснота. Там всё кипит. Я отобрал с полдюжины возможных групп из сотен первоначальных вариантов и отправил их всех проходить гравитационную подготовку. Когда этого Петеро — мерзкий был тип на самом деле — убили, я присмотрелся. И увидел потенциал Сафо. Тогда-то всё и решилось.

— Ты не мог быть уверен в том, что она убьет Лерона.

— Нет,— согласился он.— Но это было очень вероятно. Я видел, как развивается динамика в группе. И у нас ведь оставалось три недели до твоего дня рождения, в конце концов. В какой-то момент он должен был загнать её в угол, и она бы этого не приняла. Или сыграла бы на опережение. Я переживал лишь о том, чтобы убийство не оказалось слишком шаблонным, слишком очевидным для тебя. Но даже в этом случае тебе пришлось бы разрешить главную загадку. По моим расчетам, ты должна была быстро понять, что Сафо и есть настоящий убийца; но я хотел увидеть, сможешь ли ты вычислить того, кто стоял за всем этим. Меня.

— Это было нетрудно,— угрюмо проговорила она. А потом вдруг взорвалась: — Подарок на день рождения? Только псих мог подарить девушке на шестнадцатый день рождения труп.

— Как раз в этом,— сказал он, протягивая ей обе руки ладонями кверху,— всё и дело.

— В этом? Ты нарочно меня разозлил?

— Да.

Гнев полыхал внутри неё, словно факел.

— Ты ужасен,— бросила она.— Значит, в этом всё дело? Человек умер! Он не был святым, наверное... но кто из нас святой? Ты-то уж точно нет! Богиня моя, да остались ли вообще святые? И он умер.— Чем больше она говорила, тем больше распалялась.— Это не игра. Я чуть не умерла!

Яго покачал головой:

— Джоуд ни за что бы не убила тебя. Ты слишком ценна для Улановых живой. Как и твоя сестра.

— Заткнись! Убийца наставил на меня пистолет и улыбнулся! Мне ещё шестнадцати нет, но я почув-

ствовала приближение смерти. Это не игра...— Она теперь говорила громко и хрипло, изливая обширные запасы злости, отвращения и горечи, о существовании которых раньше и не подозревала.— Как ты смеешь... играть с жизнью и смертью? Делать из них подарок на день рождения?

Его бесстрастное лицо. Диана поняла, что не может больше его выносить. Встать на ноги, преодолевая эту жуткую силу тяжести, было, как всегда, целым приключением, но она справилась и ринулась прочь. Сафо стояла у двери, подслушивала, привлечённая разговором на повышенных тонах. Но Диа и с ней не хотела общаться (хотя в этом не было её вины) и, удалившись в свою комнату, завернулась в одеяло. Было холодно. Стояло позднее лето, но всё-таки было холодно. Всё в этом месте казалось неправильным. Вся её жизнь вышла из строя.

Они находились высоко. В горах всегда такая погода.

С высоких мест надо смотреть вниз. Она летела на крыльях гнева, словно орлица. Как он посмел? Играл с ней, использовал живых людей вместо пешек. Он и впрямь думал, что она обрадуется, получив на свой шестнадцатый день рождения труп?

У гнева, как известно, есть интересная особенность: чем сильнее направляешь его вовне, целясь в вездесущую несправедливость, тем заметнее он подстёгивает чувство обиды и жалости к себе. Неужели Диана злилась из-за того, что Яго отнёсся к жизни и смерти Лерона с таким экзистенциальным пренебрежением? Разумеется, нет. Подумав, она всё поняла. Разве могла её так поразить судьба человека, о котором ей были

известны лишь какие-то обрывочные сведения? Гнев, как ни крути, абстракциями не разжечь. Итак, что же заставило её выйти из себя? Её собственная жизнь. Узилище её существования, под стражей тюремщиков, называющих себя телохранителями. Отсутствие всего, что можно считать свободным выбором. Возможно, в этом не было вины Яго, если не считать того, что он был частью более значимой управляющей машины. То есть был виноват. И она злилась именно на него.

Она подумала о множествах.

Триллионы человеческих существ окружили родную звезду, словно туман. Разум пасовал перед таким масштабом и такими числами. Но если этика что-то вообще значит, то суть её заключается как раз в том, чтобы не позволить многочисленности людей взять верх над нашим моральным убеждением в том, что каждая жизнь неповторима, и, даже сбившись в миллиарды и триллионы, люди заслуживают лучшей участи, чем превратиться в чьи-то инструменты. Тот факт, что значительная часть человечества бедна, ведёт опасную и суровую жизнь в дырявых трущобных пузырях, питается ганком и пьёт рециркулированную воду, делает это утверждение в большей, а вовсе не в меньшей степени правдивым. Эти люди едва могут помочь самим себе. Их надо спасать, а не эксплуатировать.

Внезапно та гениальная способность к упорядочению, ради которой её зачали и воспитывали, её умение видеть проблемы в трёх измерениях, совмещающая все вероятности в одной концептуальной системе координат, бросила вызов её гневу. Возник вопрос: что ты сделала, чтобы помочь триллионам выбраться из абсолютной нищеты? Возник вопрос: что можно было сделать?

Ничего, ничего, ничего. До этого момента ты хоть на миг задумывалась об этих триллионах? Нет. Ни разу. Может, твой гнев — не этический рефлекс, а нечто простое, приземлённое и более человеческое — эгоистичная злость из-за того, что тебя обвели вокруг пальца? Язва на шкуре твоей гордыни?

Все еще злясь, она сжалась в комок, плотно завернувшись в одеяло и уснула. Ну разумеется, она уснула.

И, как уже случалось тысячу раз до этого, начала сновидеть. Во сне ей явились интерьеры.

Её МОГмочки стояли в большой гостиной в стиле Людовика XXII — сплошь светло-коричневое дерево и хромовые завитки и зеркала от пола до потолка на каждой стене. Сквозь большие окна лился свет, белый как снегопад и яркий до рези в глазах. Свет двигался до странности медленно, будто прилипая к чему-то; то, что Диана сначала приняла за танцующие в воздухе пылинки, оказалось фотонами — они были поглощены каким-то загадочным физическим процессом и лениво дрейфовали. Из-за того, что свет двигался так медленно, время исказилось: каким-то образом оно одновременно несло во весь опор и еле-еле ползло. Это был кошмар, из которого не выбраться. Её охватила тревога. Но МОГмочки улыбались.

— Что происходит? — спросила Диана.

Они ответили так слаженно, что два голоса полностью слились в один.

— Твоя ярость замедлила время,— сказали они.

— Разве она не оправданна? Он не имел права так со мной поступать!

— С тобой?

Она уловила в этом упрёк.

— Нет. Не со мной. С тем убитым — с Лероном. Как он мог такое сделать с человеком? Даже с тем, кто из Сампа. Даже,— она продолжала, чувствуя, как ярость постепенно утихает,— с таким плохим человеком. Это неправильно. Человек — это человек. Человек — не игрушка.

— Для нас все люди, что внизу, равнозначны ресурсам, любовь моя, и с этим ничего не поделаешь,— сказали две её МОГмочки, словно одна.— Вот что значит обладать властью. Ты должна сделать выбор: отказаться от власти навсегда или принять её и использовать людей ради их собственного блага.

Она окинула взглядом стены. Зеркала. МОГмочки, разумеется, в них отражались, но её собственного отражения не было. Она пригляделась, пытаясь понять, связано ли это с углом обзора или в этом сне ей выпала участь невидимки.

— Если мы обладаем властью,— нараспев продолжали МОГмочки,— мы можем сделать мир лучше, но сам факт обладания делает нас нечистыми. Если мы лишены власти, то будем чисты, но ничего не сможем изменить.

Их звучавшие в унисон голоса обладали странной глубиной и резонансом.

— Это ложная дилемма,— сказала она.

— Именно! Вот этому он и пытался тебя научить. Вот это и есть твой подарок на день рождения.

Диана шагнула вперёд. Что-то внутри неё ухнуло вниз, и она запоздало поняла, что в этом ярко освещённом холле нет зеркал. Каждое зеркало на самом деле было широким дверным проёмом, а фигуры, которые она приняла за отражения,— МОГмочками, воспроизведёнными десятикратно. За каждой дверью находи-

лась новая комната, и МОГмочки были в каждой из них, а за ними — новые двери и новые копии МОГмочек. Её осенило, что у этой последовательности комнат нет конца. В Сампе жили триллионы людей, но её собственные родители были неисчислимы.

И с этой мыслью Диана проснулась.

Она села в постели, плотнее завернулась в одеяло. Можно ли создать что-то примитивнее одеяла? Свет странным образом изменился: в нём появилась какая-то металлическая белизна. Ей понадобилась минута, чтобы понять: за окном идёт снег.

Снег.

Она вернулась в гостиную. Яго сидел на прежнем месте, а напротив него устроилась Сафо. Она виновато посмотрела на вошедшую Диану, неуклюже встала, кивнула и поспешно удалилась. Диана подошла и села в кресло, которое занимала недавно. Оно ещё хранило тепло.

— Почему у неё такой вид, словно она в чём-то виновата?

— Она нас подслушивала, — тихим голосом сказал Яго. — И захотела знать, что происходит. Думаю, она этого заслуживает — она в особенности. Я сообщил, что её вины в смерти Лерона нет. Хотя она нанесла удар, подстроил всё я. И еще я сказал, что знал о том, как её насиловали, и что использовал её ради достижения справедливости.

Диана обдумала услышанное.

— Она тебе поверила?

— А с чего бы ей не верить? Она даже расплакалась. Ей удалось в какой-то степени примириться с собственной совестью.

— Яго,— сказала Диана,— прости. Мне не стоило выходить из себя.

Его глаза раскрылись чуть шире. Потом он произнес:

— Спасибо.

— Ты удивлён?

— Скажем так,— ответил он,— ты достигла этой точки раньше, чем я рассчитывал.

Она пропустила это мимо ушей.

— Дело не в подарке как таковом, верно? — спросила она.— Ну хотя все-таки в нем. Просто это мой шестнадцатый день рождения. Всё дело в наступлении зрелости. Так?

Яго, как обычно, не дал ей прямого ответа:

— Конечно, есть что-то неприятное в мысли о том, что человеческие существа, которые дышат, чувствуют и надеются, как и мы, представляют собой лишь ресурс, который мы используем. Это по-настоящему ужасно. Но альтернатива только одна: жизнь отшельника. А ставки слишком высоки для подобного.

Она решила, что это значит «да».

— Итак,— сказала она,— вот что я поняла. Твоим подарком на мой день рождения была всамделишная детективная загадка. Ты хотел, чтобы я её разгадала.

— Безусловно.

— Но на самом деле подарок заключался в другом, так? Ты хотел, чтобы я разгадала загадку, а потом — раскрыла то, что пряталось за ней. Чтобы я поняла, что за всем этим стоишь ты.

Он посмотрел на неё. Медленно кивнул.

— Ты хотел,— продолжила она,— чтобы я разозлилась. Чтобы почувствовала себя использованной и пришла в ярость при мысли о том, как именно распо-

рядились человеческой жизнью в этой игре. Ты хотел, чтобы я это почувствовала, оказалась лицом к лицу с этой стороной власти. С тем, что управлять — значит обращаться с людьми таким образом.

— Дело в том,— повторил Яго,— что ставки очень высоки.

— Речь идёт о свержении Улановых?

— Ха! — Его смех застал её врасплох.— Нет-нет. Это всё политика силы — впрочем, свергнуть тиранию крайне желательно, и я надеюсь, что у нас получится. Твои МОГродители тоже на это надеются. Но такова старейшая валюта в человеческих отношениях. Я о политике силы. Можно с ней, можно без неё, а homo sapiens живёт как жил. Нет, я имел в виду нечто более важное.

— Что? — спросила Диана.

Яго смотрел в окно, за которым падал снег. Каждая снежинка была меньше ногтя на мизинце, и тоньше, и куда уязвимее. Но их было много, очень много. Мир снаружи становился белым. И ведь было лето!

— Давай поговорим об этом,— сказал он.

14

ТРЕТЬЯ БУКВА АЛФАВИТА¹

— Джоуд хотела знать, где находится это,— сказал Яго.— Это — нечто невообразимо опасное, невысказанно дорожное. И это...

¹ Имеется в виду латинский алфавит и, соответственно, буква с, традиционно применяемая в физике для обозначения скорости света в вакууме.

— БСС,— закончила Диана.

Он хмыкнул, выражая согласие.

— Если конкретнее, это — определённая вещь, спрятанная у всех на виду. Она дрейфует в космосе. Джоуд ищет единственную рыбку посреди бескрайнего океана. — Яго посмотрел на свои ногти, сравнивая те, что на левой руке, с теми, что на правой. Потом продолжил: — Нет — её ещё сложнее найти. Космос несоизмеримо больше любого океана.

— Космос велик. Какой величины этот предмет, эта вещь — та, которую мы ищем?

— Она размером с человека. Тютелька в тютельку. Ты знала — вообще, мне это показалось очень любопытным, — что медианная точка между массой протона и массой всей Вселенной равняется массе среднестатистического женского тела? Ты сталкивалась когда-нибудь с этим фактом? Точнее, домыслом?

— Так это женщина? — спросила Диана.

Она ощутила странное смятение, её сердце учащённо забилося. И было что-то ещё. Её голова как будто бы одновременно выросла и уменьшилась — до чего же причудливая галлюцинация. В воздухе ощущался запах свежее испечённого хлеба. Она удивилась своему неожиданному волнению, хотя удивляться было и нечему, потому что она знала — знала, что шептал тайный голос на самом дне гравитационного колодца её неведомого разума. Он говорил: ты, ты, это ты. Он говорил: та вещь, которую они ищут, тот артефакт, за который можно столько убить, тот немыслимо ценный объект, та невообразимо опасная штука — ты.

— Женщина,— снова сказала она дрогнувшим голосом.

— Что? — спросил Яго, глядя на неё.

— Я знаю, что я необычная женщина,— поспешно проговорила она.— Конечно, я всё прочитала про возможности, которые предоставляет МОГзачатие. И вот что я тебе скажу — мне всегда казалось, что... не смейся! Мне всегда казалось, что моя судьба будет особенной...

— Мужчина,— сказал Яго.

— Нет, я не об этом. Ну я вовсе не собираюсь давать обет безбрачия и не возражаю против того, чтобы подкрутить свою сексуальность в эту сторону. Но мужчины — пустое место, даже меньше, чем пустое место, честное слово.— Она осеклась, сообразив, что говорить такое при Яго бестактно.— Я всего лишь имела в виду,— продолжила она, поясняя свою мысль,— что старая добрая мечта о «романтической любви» — это мужская мечта. Это лишь способ возвести преграды на пути женского начала, и...

Он деликатно прервал её:

— Я неясно выразился,— сказал он.— Речь о покойнике.

— О покойнике,— повторила она с запоздалым пониманием.— То есть мертвеце мужского пола? Так это его искала Джоуд?

— Его ищем мы все. Труп, дрейфующий где-то в бескрайнем космосе.

— Ох,— сказала она.— Ох, какая же я дура!

— Не переживай,— произнес Яго с ироничной улыбкой.

— Я поспешила с выводами.

Она посмотрела в окно, на пустошь снаружи. Дыхание, вдох-выдох, шелковый шелест. Можно сколько

удочно торчать внизу, внушая себе, что ты акклиматизировалась, но правда в том, что дышать здесь можно только с усилием и преодолая боль. Она хотела домой. Ей очень-очень хотелось снова оказаться наверху. Человеку не место здесь, в этой враждебной среде. Снег. Белые хлопья пепла размером с попкорн — вода, замёрзшая в результате метеорологических процессов в атмосфере Земли. Снежинки рассеянно плутали по другую сторону стекла, а потом их там внезапно оказался целый рой. Они двигались с оскорбительной лёгкостью, притворяясь невесомыми, и взмывали ввысь — лишь для того, чтобы вновь начать медленное падение.

Свет, заливавший комнату, из желто-белого сделался цвета оксида серебра, в нём появился ртутный блеск и холодок. Яго приказал включить внутреннее освещение, но Диана отменила его приказ. Ей нравились прохладные послеполуденные сумерки. Вполне.

— Извини,— заговорил он снова,— я сказал «женщина», потому что таковы цифры — среднестатистическая женщина меньше, чем мужчина.

— Средние показатели — это чушь. Как вообще узнать среднее арифметическое, если население исчисляется триллионами и большая его часть рассеяна по миллиардам замкнутых пузырей? — В словах было больше враждебности, чем у нее на душе, и потому Диана продолжила: — Боюсь, я немного эгоцентрична. Глупо с моей стороны вести себя так. Глупо ощущать разочарование из-за того, что я — увы и ах — не мессия.

Мысль, произнесённая вслух, несла в себе столько пустого пафоса, что она рассмеялась.

Яго улыбнулся и сказал:

— Я наблюдаю в тебе примечательное отсутствие эгоизма.— И тут же прибавил: — Для богачки, разумеется.

Внезапно серый свет сделался жутким, как будто вся комната погрузилась в воды какого-то земного океана. Так вот в чём дело. Ей надоело быть низко, пребывать на самом дне глубокого гравитационного колодца — не хватало только опуститься ещё ниже.

Диана приказала свету зажечься, и тот явился — яркий и едкий, словно свежий лимонный сок. Она выпрямилась и сделала глубокий вдох.

— Расскажи мне об этом покойнике мужского пола,— сказала она.— Ставки очень высоки, говоришь? Как же вышло, что один труп так дорого стоит?

— Его зовут Мкоко,— сказал Яго.— Ну звали — когда он был жив.

— И кем он был?

— Членом экипажа на шлюпе под названием «Геспер». Если точнее, «Геспер 33a10», поскольку кораблей с таким именем очень много. У инженеров отказывает воображение, когда дело доходит до имён.

— Как же вышло, что его труп дрейфует в космосе?

— На борту корабля случился пожар, и Мкоко погиб. Получил смертельные ожоги — не повезло. Выжившие члены экипажа похоронили его в космосе.

— Похоронили в космосе,— повторила Диана.— Зря истратили годный углерод.

— В общем, да. Но я кое-что должен сказать об инженерах. Они почти все религиозны. И частенько в старомодном духе, то есть чужаку может показаться, что их религиозные убеждения просто обязаны войти

в противоречие с их же научными и техническими знаниями. Но по какой-то причине одержимый божественными вопросами разум блестяще справляется с инженерным делом. Я не знаю, в чём тут дело. И поскольку корабли без них не полетят, им предоставлена свобода в том, что касается вероисповедания и обрядов.— Он откашлялся. Диана посмотрела на него. Сейчас, когда на его лицо сверху падал яркий свет, она опять поразилась тому, до чего же он старый. Морщины на его белом лице походили на трещины на круглой белой поверхности Каллисто.

— Итак, этот Мкоко погиб на каком-то там шлюпе, и его тело выкинули в вакуум,— сказала Диана.— Ну ладно — теперь объясни, почему он так важен.

Яго ответил:

— Он не важен.

— И-и-и-агО,— с упрёком протянула она.— Ты ходишь вокруг да около, я начинаю от этого уставать.

— Вообще-то я мало что знаю о Мкоко,— сказал Яго.— Дело не в нём. Дело в том, что на нём. На его трупе. Видишь ли, на этом же корабле служил другой инженер, Мак-Оли. А вот с ним всё обстояло совсем по-другому.

— Кто? Погоди-ка.— Она пыталась вспомнить.— Я что-то про него слышала. Если бы у меня был бИт, я бы могла проверить. Я его знаю? Я о нём слышала?

— Возможно, нет. Это неважно. Он кое-что изобрёл, вот в чём дело. А потом до него дошло, что именно он изобрёл.

— Он что-то изобрёл, а потом об этом пожалел?

— Именно.

— Что он изобрёл?

— Он никому не сказал.

— А его спрашивали?

Тут Яго внезапно рассмеялся. Это было так странно, так непохоже на него, что Диа вздрогнула.

— Прошу прощения,— проговорил он, взяв себя в руки.— Прошу прощения. Да-да, его спрашивали. Много-много раз. Всё никак не могли остановиться. Очень настойчиво спрашивали. Так настойчиво, что он умер.

— Ох,— сказала Диана, начиная понимать.

— С их стороны это было... топорно и глупо, и уж конечно же...— Он посмотрел в верхний угол комнаты и произнёс слово, словно пробуя его на язык: — Аморально. Но теперь Мак-Оли мёртв, и он уже ничего никому не расскажет о своём изобретении.

— Он совсем ничего не выдал во время... допроса?

— Он оказался намного упрямей, чем думали его мучители. Истинно верующий, то-то и оно. Старая школа. Они были к такому не готовы. Мак-Оли решил, что лучше умрёт, чем расскажет. Ты слышала о вакуумной пытке?

— Нет,— сказала она.

— Лицо человека подвергают воздействию вакуума — всё лицо. В... в допросных кабинетах есть специальные маленькие иллюминаторы. Это очень неприятно. Понятное дело, невозможно дышать, и ещё очень страшно; и холод — такой, что трудно вообразить. И боль, потому что кровеносные сосуды взрываются, глаза вылезают из орбит, губы превращаются в ледышки. А... а допрашиваемый обычно сопротивляется, зажимуривает глаза, задерживает дыхание. Через некоторое время его затаскивают назад. Многим хватает

одного раза, они говорят всё, что нужно, особенно если им заранее вкололи нужный тип окси¹. Фокус в том, чтобы допрашиваемый всё рассказал быстро, потому что вскоре его лицо начнёт покрываться синяками, и он не сможет внятно говорить. Очень часто, в зависимости от того, сколько времени человека держали в вакууме, у него начинается некроз губ из-за обморожения — они гниют, чернеют и отваливаются. Кое-кто также слепнет на один глаз или оба.

— Я не стану спрашивать,— встала Диана,— откуда тебе всё это известно.

— О, я никогда никого не допрашивал. У меня бы духу не хватило.

— У тебя? — воскликнула она с коротким смешком, хотя от слова «тебя» прошел мороз по коже и зашевелились волоски на задней стороне шеи.

Он улыбнулся.

— Стекланный Яго,— сказал он.— Яго, Джейго, Жак — знаю-знаю. Я убивал, да.— Она внимательно прислушивалась к каждому слову, но его голос звучал так же ровно, как и всегда.— Такова одна из прискорбных истин, описывающих мою натуру,— я мастер убивать людей. Но мне не доставляет удовольствия причинять им боль. Убийство — чистое дело, а пытки — грязь: грязи я не выношу. Убийство — завершение, прекращение. Но причинение боли — омерзительное раскрытие, развёртывание — иногда в буквальном смысле. Это для меня... богохульство.— Он устремил

¹ Гормон окситоцин тесно связан с формированием чувства привязанности и доверия. Ряд исследований показывает, что окситоцин можно использовать для манипулирования эмоциями людей.

на неё пристальный взгляд.— Я это говорю не для того, чтобы тебе понравиться. Я тот, кто я есть.

— А равняется А,— сказала она.— Тебе ведь тоже без разницы, что я думаю.

— Нет, что ты! — возразил он.— Отнюдь. Я не хочу, чтобы ты начала меня избегать.

— Конечно, не хочешь,— кивнула она.— Ты же напичкан лучшим КРФ из всего, что МОГмочки в состоянии себе позволить.

— Я никогда не принимал ни одну из разновидностей КРФ. Твои родители мне абсолютно доверяют, и не без причины. Все другие слуги, разумеется, под дозой, но давать мне эти препараты было бы ошибкой. Тебе нужна моя инициативность и, хм, мои особые качества.

— Ого.

— Вот-вот, А равняется А,— сказал он.— Да, я убивал людей, но старался делать это чисто. Я не горжусь тем, что делаю, потому что гордость — оборотная сторона чувства вины, а подобная эмоциональная матрица чужда моей природе.— Он сложил ладони в жесте намасте¹.— Никто — я хочу сказать, никто из людей, знающих о том, кто я на самом деле,— не найдёт меня ради пыток. Мак-Оли допрашивали обычные следователи. И они его не поняли. Он был... удивительным человеком. Итак, его напичкали окси, как делали всегда,— и не подействовало. Они решили: боль и страх смерти сделают его разговорчивым —

¹ *Намасте* — традиционное индийское приветствие или прощание посредством соединения ладоней перед собой, сопровождаемого лёгким наклоном головы. В индуистской традиции также означает «Я приветствую Бога в тебе».

ведь каждый рано или поздно ломается, как ни крути. Они пытали его, он держался. Его подвергли вакуумной пытке, и, вместо того чтобы держаться и дальше, Мак-Оли выпустил весь воздух из лёгких. Я думаю, он пел.

— Пел?

— Пел гимн-псалом во славу Господа, во всю силу своих лёгких, в вакууме, где звуки не слышны. Пел беззвучный псалом во весь голос. Они не поняли. Допрашиваемые обычно так себя не ведут. Наверное, это была адская боль. Как будто дьявол собственной персоной засунул ледяные лапы ему в трахею и стал рвать лёгкие на части.— Яго покачал головой и скрестил руки.— Но у него была сила воли. К тому моменту, когда они поняли, что происходит, и втащили его назад, у него уже на две трети умер мозг.

— И тайна вместе с ним?

— О, тут пора вернуться к Мкоко. Видишь ли, очень похоже на то, что Мак-Оли загрузил детали своего изобретения на инфочип и спрятал его на трупе Мкоко перед погребением в космосе.

— Почему?

Губы Яго сложились в маленькое «о», он покачал головой:

— У него были причины, видимо.

— Значит, мы можем узнать эту тайну, если найдём труп?

— Именно.

— И тайна — БСС?

— Как я уже сказал, нам неизвестны детали и тонкости, специфика и прочее. Мы не знаем, как Мак-Оли решил проблемы, стоявшие у него на пути. Но да. Его

изобретение было прототипом нового двигателя для космического корабля. Для перемещения быстрее скорости света.

— Так это правда,— сказала Диа, чувствуя, как шевелятся волосы на затылке.— Удивительно. Я хочу сказать, если это действительно правда. Но ведь это не может быть правдой, да?

— Почему?

— Разве существует способ перемещения быстрее света?

— Мак-Оли его нашел.

— Так ведь это чудесная новость! — воскликнула Диана. Её сердце ускорило своё биение. А ускоряться — значит оживать.— Это же... невероятная новость!

— Чудесная,— тусклым голосом повторил Яго.— Нет-нет, я так не думаю.

— Ты не думаешь, что она чудесная?

— Я бы сказал, она приводит меня в ужас.

— Но ведь это билет в бескрайнюю Вселенную! Мы сорвем с Солнечной системы крышку! Целая прорва народу теперь сможет полететь к звёздам! Они избавятся от Улановых, сорвутся с поводка. Ужас? Как раз наоборот — это начало новой золотой эпохи!

Яго подался к ней.

— То есть ты в восторге,— заметил он.

— Ещё бы! Я ведь понятия не имела, что БСС всё-таки возможно! Это свобода! Это абсолютная свобода!

— Это смерть,— произнес Яго.

Снегопад снаружи прекратился. На подоконнике снаружи дремала белая змея, а пустой двор как будто смягчился, одевшись в белое.

— О, не говори ерунды! — воскликнула она. — Смерть — это остаться. В долгосрочной перспективе нас ожидает застой и гибель! — Она помедлила. — Мак-Оли должен был поделиться своим изобретением с кем-то. Он ничего не сказал следователям, это я понимаю. Но друзьям? Коллегам?

— Нет,— сказал Яго.— Тебе следует учесть, что Мак-Оли был гением. Он был безумен и одержим религией, но это скорее подстёгивало его изобретательский талант, чем наоборот. Один мой друг как-то сказал, что Мак-Оли был умнейшим человеком со времён Ньютона. Я думаю, это правда.

— Итак, он придумал эту удивительную штуку. Изобрёл ключ, который отпирает темницу человечества. И потом предпочёл умереть, лишь бы никому об этом не рассказывать?

— Как мне кажется, когда ему в голову пришла эта идея, он должен был почувствовать эйфорию. Может, он и впрямь мечтал о блестящем будущем для человечества, которое расселится по всем звёздным системам в космосе — как ты сама говорила. Крышку долой и всё такое. Может, это поддерживало его в духовном смысле, пока он прорабатывал детали. Но очень скоро он передумал. Он решил, что, если о его работе узнают, случится катастрофа. И уничтожил данные.

— Но почему? — спросила Диана.

— Вообще-то он уничтожил не все копии. И, честно говоря, этот вопрос поинтереснее. Почему он так поступил? Он стёр все следы, кроме одного — кроме инфочипа, который прикрепил к телу своего друга Мкоко и выбросил в космос. Я предполагаю,— продолжил

Яго,— что он решил поиграть с судьбой. Господь, в которого он верил, должен был стать последним судьей в том, обнаружат ли труп или нет. Может, он не смог заставить себя уничтожить то, что явно было его величайшим достижением. То, о чём человечество мечтало веками. У него хватило гордыни, чтобы оставить одну копию в целости.

— Нет,— сказала Диана.— Мой вопрос всё-таки важнее. Почему он лишил человечество такого подарка? Дело в деньгах? Так ведь он мог продать технологию по любой цене, какая только взбрела бы ему в голову!

— Деньги ни при чём. Мак-Оли родился в состоятельной семье. И отказался от наследства — он ведь работал вторым инженером на потрёпанном шлюпе. Он презирал деньги. Такова была ещё одна сторона его религиозных убеждений.

— Так в чём же дело? — спросила Диана. Она без сил откинулась на спинку кресла.— Это безумие. Минуту назад я понятия не имела, что такое вообще возможно! БСС! Помилуй богиня.

— Ты не хочешь как следует подумать,— мягко упрекнул её Яго.

Это было больно.

— Ну ладно, я подумаю, господин... учитель. Я проверю все возможные отрицательные последствия. Но знаешь что? Я уверена, заранее уверена, что их с лихвой перевесят преимущества Вселенной, открытой для человечества. Итак.— Она прикоснулась большим пальцем к ямочке на своём подбородке.— Думаю, за такую технологию стали бы драться. Начались бы свары. Даже войны. Бесспорно, Lex Ulanova так давно хранит

порядок в Системе, что мы уже забыли, как выглядит полномасштабная война. Верно? — Но Яго не успел открыть рот, как она сама ответила: — Нет, нет, это безумие. Кто станет воевать? Данные можно распространить везде, разместить по копии в каждом ИДе, размножить в триллионе экземпляров. Выпустить на волю, и тогда незачем будет воевать. Так что же ещё? Может... может, этот двигатель сильно загрязняет среду?

— Насколько я знаю, нет,— сказал Яго.

— Тогда что? Какая может быть обратная сторона у того, что приведет человечество к звёздам? Ты об инопланетянах беспокоишься?

— Нисколько.

— Тогда я не понимаю. Вот! Я всё сказала.

Яго смотрел в окно.

— Опять снег пошел,— заметил он. И в самом деле шел снег: на этот раз хлопья были поменьше, и их оказалось мало. Несколько стукнулись в окно, как замёрзшие мотыльки. Яго и Диа наблюдали за ними некоторое время. Потом Яго сказал: — Тот последний поступок Мак-Оли, его псалом, превратился в своего рода миф. В легенду. Разумеется, среди тех, кто в курсе. А это немногочисленная группа. Что именно он пел на последнем дыхании?

— Откуда нам знать?

— Именно,— произнес Яго.— Именно. Но люди всё равно об этом думают. Один мой знакомый разработал целую теорию — писал её, как роман. Он думает, что Мак-Оли терзала вера в то, что его гордыня греховна, что Господь сделал скорость света константой, и что превышать её — богохульство.

— Правда? — спросила Диана.— Как-то не внушает доверия.

— Ты так говоришь, потому что не разделяешь религиозных убеждений Мак-Оли. Но вообще-то да, я согласен. Возможно, это сыграло роль. Хотя мы имеем дело с домыслами. А домыслы нам не нужны. Нам не-зачем связывать его нежелание распространять БСС-технологию с его верой. Потому что я не разделяю его веру, но разделяю нежелание.

— Ты? — Диа была ошеломлена.— Почему?

— Ты не хочешь как следует подумать,— опять сказал он с серьезным видом.

— Я не вижу,— согласилась она.— Не вижу оборотной стороны.

— Скоро нам придётся отсюда уйти,— сообщил Яго. Потом он продолжил: — Ты узнала об Эйнштейне ещё в детском саду, надо думать. Но подлинный смысл того, чему нас учат в детском саду, мы обычно забываем. Принимаем его как должное.

— Что мы забываем?

— Забываем, что означает выражение «скорость света есть предельная скорость перемещения». Это ведь не произвольный предел, как ограничение скорости на дороге. Это, скорее, форма выражения фундаментальной геометрии Вселенной.

— Ты говоришь как Ева,— сказала Диана.— Она всегда яростно отстаивала невозможность БСС.

— И почему же?

— Будь у меня БИТ, я бы смогла процитировать...— начала Диана. Потом осеклась: — Да не нужен он мне! Ладно, я попробую так. Все векторы в пространстве-времени являются проекциями одного и того же

вектора — стрелы, которая суммирует движение по восьми направлениям — восток-запад, север-юг, верх-низ, вперед-назад во времени, — восьми координатам, которые в совокупности представляют собой пространственно-временной континуум. Если сохранять полную неподвижность в пространстве, стрела выравнивается в точности по направлению «вперед во времени», поскольку в этом случае движение будет происходить со скоростью один час в час, так «быстро», как вообще возможно. Если начать двигаться на восток, постепенно ускоряясь, тогда стрела немного сдвинется к восточной оси, и вектор движения вперед во времени немного уменьшится. Это и есть релятивистское замедление, обнаруженное Эйнштейном. Если двигаться на восток ещё быстрее, стрела повернётся в ту сторону сильнее, и соответственно движение по оси «вперед во времени» ещё заметнее замедлится. В конечном итоге стрела укажет прямо на «восток», и перемещение будет происходить в этом направлении со скоростью «це», в то время как вперед во времени его вообще не будет. Чтобы перемещаться быстрее скорости света, надо каким-то образом сделать эту стрелу более горизонтальной, чем сама горизонталь. Нетрудно заметить, что это полная глупость. «Быстрее скорости света» — всё равно, что «прямее идеальной прямой». Это как искать у треугольника четвертую сторону. Тот, кто этим занят, попросту не понимает, что такое треугольник. Вот тебе и вся детсадовская наука.

— И что из этого следует?

— Ты о чём?

— Хочу, чтобы ты связала концы с концами.

— С БСС? Ты хочешь от меня гипотезы? Я думаю, что перемещение быстрее скорости света повлекло бы за собой возникновение новой, локальной пространственно-временной геометрии.

Яго пренебрежительно отмахнулся от этого предположения:

— Очевидный вывод. Я о другом.

— Ну хорошо,— сердито проворчала Диа.— О чём же?

— Превзойти «це» нельзя, как нельзя повернуться больше, чем на триста шестьдесят градусов. Значит, есть лишь одна альтернатива: изменить «це». А это...

Она чуть было не сказала «свобода», как вдруг истина ворвалась в её разум и повергла в шок.

— Ой,— сказала она, изменившись в лице.— Ой!

Он кивнул:

— Ты создала машину Мак-Оли. Отлично. Что потом? Её можно превратить в космический корабль и отправить к Ориону. Или можно сделать...

— Бомбу,— выдохнула она.

Она наконец-то поняла, какими были ставки в их игре.

— Урони её на Солнце,— продолжил он.— Подумай про $E = mc^2$. Допустим, машина Мак-Оли увеличивает «це» в миллион раз — где-то такое соотношение понадобится, чтобы межзвёздные путешествия занимали разумный период времени: ведь 120 световых лет это, как-никак, миллион световых часов. Итак, ты увеличиваешь «це» в миллион раз. Добавь это в эйнштейновское уравнение. Подумай о том, что произойдёт с излучением нашей звезды.

— Бомба,— повторила она.

— Самая большая из когда-либо созданных. Это необходимое следствие БСС-перемещения. Неотъемлемое свойство технологии.

— Богиня...— тихонько проговорила Диана.

— Теперь ты понимаешь, что я имел в виду, когда сказал, что ставки высоки. Ты понимаешь, что потеря одной жизни или даже десятков жизней может быть приемлемой ценой, чтобы спасти триллионы.

Диана вздрогнула.

— Я верю, что, когда Мак-Оли задумал свою технологию, он думал об открытии тюрьмы и о том, как выпустить человечество в космос. Как ты и сказала. Может, эта мысль ослепила его. Но он был не дурак. Я скажу тебе, что он на самом деле изобрел. Он изобрел способ увеличить «це». Естественно, это значит, что он изобрёл способ, позволяющий превратить $E = mc^2$ в оружие, способное уничтожить целый вид.

— Никто его не использует,— сказала Диана.— Для такого надо сойти с ума! Таких безумцев не может быть.

— Стоит ли рисковать? — спросил Яго.— Думаешь, хорошая идея — передать такую технологию Улановым? Или кому-нибудь ещё?

— Ох, Владычица космическая...

Вопрос захватил весь вечер — висел в воздухе, жужжал у Диа в ушах, и всё потому, что ответом на него было безусловное «нет».

Она обнаружила под лестницей склад одежды из шерсти и пласт-ткани — свитера, пальто, шапки и шарфы,— натянула на себя что смогла, хотя вещи на её длинноруком и длинноногом теле жительницы верхоземья выглядели слишком короткими, и вышла прогу-

ляться. Мороз был кусачий. Она двигалась медленно, неуклюже ступая по неровной земле. Когда тропа пошла вверх, идти по ней сделалось неимоверно трудно, и её охватило псевдоастматическое удушье. Когда тропа вновь пошла под уклон, стало ещё сложнее, только в другом смысле: теперь она каждую секунду могла споткнуться и скатиться кувырком по склону, навстречу болезненному падению и, вероятно, перелому. Воздух казался чем-то противоположным чистой и проницаемой среде: холодное желе с вкраплениями ледяных хлопьев, апатично спускавшихся к бежевой земле. С другой стороны, находясь среди гор, а не над ними, как было до сих пор, она вдруг поняла, отчего человечество всю свою историю бредило горами. Их впечатляющие размеры и масса излучали некое божественное безразличие. Их окружала аура абсолютной устойчивости. Трудно было поверить, что когда-то их не станет. И всё же... она напомнила себе, что не только горы, но и вся Земля, а также Луна, и Марс, и триллионы триллионов людей, занимающих разнообразные особняки, дома и трущобные пузыри на орбите вокруг Солнца,— всё могло исчезнуть за секунду, если Яго сказал правду.

Изморозь на валуне походила на чешую. Диана всё шла и шла, преодолевая собственную слабость. Неприятно было думать о некоторых вещах, но она не могла перестать думать, а значит, именно о них и думала.

В конце концов, высунув язык от усталости, она добралась до границы имения: кирпичная стена в два её роста, старые железные ворота — коричневый металл испещряли пятна ржавчины помидорного

цвета. Она присела на какой-то старый каменный осколок и выровняла дыхание, спрашивая себя, уж не часть ли это какой-нибудь древнегреческой храмовой колонны, или образец современной каменной кладки, или просто кусок скалы, волею судеб принявший форму цилиндра. Никак не узнать. Сквозь решетку ворот Диана видела дорогу, спускавшуюся в неглубокую долину, полную холодных, сухих камней.

Она вернулась домой к ужину.

— Хорошо,— с теплом сказала она, когда Сафо поставила на стол миски.— Я нагуляла аппетит.

Но тем вечером у всех троих было пасмурное настроение. В тени окружающих гор, в доме, освещённом лишь парой светостесов, они чувствовали себя отрезанными от всего мира.

— Я кое-что поняла,— заявила Диана,— во время прогулки.

Яго и Сафо взглянули на неё терпеливо, выжидающе, и она подумала: вот что я делаю. Вот чего они от меня ждут. Чтобы я разглядела сквозь всю путаницу самое сердце тайны. Она начала дрожать всем телом.

— Я поняла, что Ева была права.

— Права? — повторил Яго.

— Она сновидела, что решение детективной загадки напрямую связано с её собственным исследованием. С её последней диссертацией о шампанских сверхновых, звёздах, что взрываются со всей яркостью, присущей сверхновым, хотя им не хватает массы.

— Да,— сказал Яго, очень медленно кивнув. В его глазах как будто всколыхнулся океанский прибой.— Да,— повторил он, прижимая ладонь к лицу.— Ну конечно.

В свете шеста он казался очень старым.

Диана сказала:

— Она сама отказывалась в это верить, но всё правильно! Каждая шампанская сверхновая, каждая,— это погребальный костёр инопланетной цивилизации. Каждая обозначает форму жизни, которая развилась до того этапа, где Мак-Оли совершает своё открытие. И потом из-за случайности или в результате сознательной агрессии, по злому умыслу или из-за религиозных заблуждений, технологию применяют к звезде, что была для той цивилизации солнцем. Её излучение мгновенно вырастает в миллионы раз, как ты и говоришь! Богиня, смилуйся над нами.

Они долго молчали. Потом Яго сказал, криво улыбаясь:

— Должен признаться, такое мне в голову не приходило.

— Думаешь, я ошибаюсь?

— Совсем наоборот. Это объясняет то, что иным образом объяснить нельзя,— сверхновые, которые изучала мисс Ева. Я уверен, это объясняет и те сверхновые, что не так сильно отличаются от обычных. Подумать только! Целые цивилизации сгорели за секунду. На Старой Земле переживали, что обычные атомные станции уничтожат человечество. Но атомное оружие — карнавальная шутиха по сравнению с этим.

— Это жуткая вещь,— сказала Сафо.

Диана перевела взгляд с неё на Яго и обратно. Она сидела рядом с двумя настоящими убийцами, но оба были встревожены до глубины души перспективой человеческих смертей. Она же, ни разу за всю жизнь никого не убившая, ощущала в душе пустоту, размышляя об этом.

— Я себя чувствую,— произнесла она, с трудом подбирая слова,— старой.

Яго мрачно кивнул.

— Может быть, это неизбежно,— осторожно проговорила Диана.— Этот Мак-Оли совершил открытие. И те, те — как бы их назвать,— те неизвестные инопланетные учёные сделали то же самое. Даже если мы не найдём тот инфочип, что остался от исследований Мак-Оли, ту штуку, которую все ищут,— что ж, даже в этом случае рано или поздно кто-нибудь из многотриллионной популяции смысленных обезьян сумеет воспроизвести то, что сделал Мак-Оли¹. Может, мы просто... обречены.

— Парадокс Ферми²,— сказал Яго.

— Что-что? — спросила Сафо.

— Вообрази,— начала объяснять Диана,— что жизнь во Вселенной — обычное дело и что, когда она достигает некоего уровня развития, кто-то неизбеж-

¹ Теорема о бесконечных обезьянах (в одном из многочисленных вариантов формулировки) утверждает, что абстрактная обезьяна, ударяя случайным образом по клавишам пишущей машинки в течение неограниченно долгого времени, рано или поздно напечатает любой наперёд заданный текст.

² Парадокс Ферми, сформулированный физиком Энрико Ферми, указывает на отсутствие видимых следов деятельности инопланетных цивилизаций, которые должны были бы рассеяться по всей Вселенной за миллиарды лет своего развития.

но изобретает БСС. Но тем самым жизнь неизбежно уничтожает сама себя. Это бы объяснило, почему мы так и не встретили инопланетян.

Сафо медленно покачала головой.

— Храни нас богиня,— сказала она опять.

— Неутешительная мысль,— согласился Яго,— но это не значит, что мы должны просто сдаться. Напротив, я чувствую, что наши усилия не пропадут втуне — они оберегают человечество от этой угрозы.

— Даже если люди по всей Системе считают тебя чудовищем? — спросила Диана.

— Невелика цена,— ответил он,— учитывая, что на кону. Кроме того, есть люди, которые знают, какой я на самом деле.

После того как Сафо убрала со стола и унесла миски на кухню, чтобы вымыть, Яго сказал:

— Мы больше не можем здесь оставаться. Нам надо наверх.

— За нами придут?

— Нелегко следить за тем, что происходит в большом мире, оставаясь при этом невидимым для сподвижников Улановых. Но у меня есть ощущение, что круг сужается. Они ведь прилагают громадные усилия, чтобы отыскать нас. Потому что верят — у нас есть чертежи. Они верят, что ты это знаешь или знаешь, где нахожусь я — то есть Стекланный Джек,— и уж я-то всё знаю.

— А ты знаешь?

— Разумеется, нет. Но это неважно; важно то, что Улановы в это верят. Они сделают всё — без преувеличения, всё,— чтобы схватить нас.

— Перво-наперво им нужно, чтобы никто другой не заполучил искомое,— машинально проговорила Диана.— А ещё они уверены, что перемещение быстрее скорости света открывает потрясающие новые возможности для обогащения и усиления власти. Думаешь, они понимают деструктивный потенциал этого открытия?

— Ты всё поняла почти сразу, как только узнала о технологии,— напомнил Яго.— Думаешь, они не придут к такому же умозаключению? Мы говорим о колоссальном увеличении «це», а ведь $E = mc^2$ никак не назовёшь тайным или малоизвестным уравнением. Я всё понял, едва узнал о такой возможности. Я не связал это с исследованием твоей сестры, хотя теперь-то понимаю, что оно служит ужасным подтверждением.

— Я слишком наивна,— сказала Диана.— Конечно, осознав его разрушительную силу, они лишь захотят его ещё сильнее. Ну да, несомненно. Технологии уничтожения интересуют власть имущих даже больше, чем возможность обогащения. Хорошо быть богатым, но ещё лучше остаться у власти — и, чем больше у тебя оружия, внушающего трепет, тем больше шансов добиться желаемого.

Яго кивнул.

— Поверхность Земли обширна,— добавил он,— и у меня здесь много друзей. Но лучше всего прятаться в Зелёном поясе.

— То есть в Сампе?

— Среди триллионов, да. Завтра.

— Сафо с нами?

— Она может пойти с нами или сама найти путь в верхоземье. Но самое главное — уйти.

— Завтра,— сказала Диана, думая о шампанских сверхновых Евы: каждая звезда — свеча на громадной могиле целой цивилизации... может, нескольких цивилизаций на нескольких планетах, уничтоженных сразу, одним ударом. У неё перехватило дыхание.— Завтра,— повторила она.

Часть III

НЕВОЗМОЖНАЯ ПУШКА

Вверх! Конец
Началу равен.
Победить
Никто не вправе.
*Том Ганн. Качели*¹

1

ЗАГАДКА НЕИСПРАВНОГО ЗИЗДРОИДА

— Нам надо вернуться в то время, когда жизнь человечества определяла *демократия*! Вернуться в Эдем! Один человек, один голос!

Люди, физически присутствовавшие на выступлении оратора, начали негромко скандировать, словно принимали участие в религиозном ритуале, а не в политическом митинге: «ОЧОГ, ОЧОГ». Оратор, конечно, не обращался непосредственно к ним: он использовал технологические средства, позволявшие одновременно говорить с тысячами жителей огромной сферы и с ещё семью пузырями, связанными с ней

¹ Перевод Н. Караева.

шлюзами-ползунками, а также со всеми находившимися поблизости обиталищами, у которых имелись средства связи.

Всё происходило в прямом эфире, на открытом месте. С большой аудиторией, конечно, можно было работать и более эффективным образом, при помощи безопасных миртуалей. Но имитация предвыборного митинга в духе Старой Земли являлась неотъемлемой частью представления.

— Все мы от рождения имеем право на демократию! — Оратор кричал, чтобы его чётко слышал каждый в ропщущей толпе: — Его у нас украли гонгси, МОГсмейства, но прежде всего — Улановы!

В этот момент скандирование перешло в ликующие возгласы. Ругать МОГсмейства не запрещалось, хотя и не было верхом благоразумия; но вот ругать Улановых было, с точки зрения закона, государственной изменой. Толпа только этого и ждала. Здесь, в глубинах Сампа, люди чувствовали себя в достаточной безопасности, чтобы в открытую игнорировать Lex Ulanova.

— Они называют это революцией! — надрывался оратор, перекрикивая гвалт и пение, сквозь которые ещё можно было расслышать мантру ОЧОГ. — Они называют это революцией и говорят, что она противоречит закону! А я говорю, она и есть закон — истинный закон для всего человечества. Я говорю, да будет революция — как планеты и миры, что вращаются вокруг Солнца, вновь и вновь оказываются в начале своих орбит, так и человечество вернется к своему истинному наследию! Древняя Греция! Римский сенат! Британский парламент! Американская революция! Бархатная

и Жасминовая революции! Вернём себе права, данные нам от рождения!

Огромная толпа, отдавшаяся экстазу в невесомости, — удивительное зрелище. Поначалу людское собрание представляло собой узор, повторявший контуры тросовых оттяжек и стенных выступов, поскольку лишь так можно было обеспечить наилучший обзор для большинства. Но, когда уровень праведного гнева стал прибывать, многие покинули свои места и воспарили или поплыли, словно рыбы. Теперь оратора видели не все. Скандирование сделалось громче, кто-то с пылом и страстью начал выкрикивать: «Митра! Митра!» Камеры — преднамеренно или случайно — посбивали набок, и собрание погрузилось в хаос. Или, если пожелаете, эволюционировало от формации с жёсткими контурами к истинно человеческой, демократически текучей структуре.

В дальнем углу сферы, метрах в двухстах от оратора, множество людей наблюдали за происходящим с сочувствием, интересом или отвращением. И среди этого множества трое представляют для нас особый интерес: две молодые темноволосые женщины и мужчина со, скажем так, печатью забот на лице. Приглядевшись, вы бы заметили у корней его волос частички ржавчины — как если бы он в чём-то выпачкался и не успел как следует отмыться. Так уж вышло, что испачкался он не в ржавчине, а в крови.

Это была не его кровь.

Позади них располагался ЗИЗдроид — одно из тех устройств, что свидетельствуют и заверяют договоры. Зачем им понадобилось тащить такой прибор в такое место, вряд ли кто-то смог бы сказать. С первого

взгляда было ясно, что всё вокруг поглотило смахивающее на карнавал революционно-демократическое буйство.

Одна из девушек сказала мужчине:

— Тут все какие-то чокнутые.

А он ей ответил:

— Они истинно верующие.

— Как и ты, Джек,— заметила она. И прибавила: — Называть тебя Джеком? Тебе как-то не подходит.

— Делай как привыкла,— посоветовал он.

— Они ведь в конце концов нашли твой дом,— сказала другая.— Думаешь, и здесь нас найдут?

— Безусловно, задерживаться тут не стоит. Но нам нужно горячее. Надо поскорее отыскать Айшварию, чтобы она осмотрела этого ЗИЗдроида. А потом — снова в путь.

— Чтобы узнать, кто убил Бар-ле-дюка,— прибавила Диана.

— Бар-ле-дюк,— повторила другая девушка.— Самый знаменитый блюститель закона в Системе — и теперь мы расследуем его убийство.

Она присвистнула.

— Меня его смерть не очень-то беспокоит, Сафо,— сказал Яго.— Я больше переживаю из-за ЗИЗдроида.

— Дроид хранит секрет гибели Бар-ле-дюка,— отозвалась Сафо.

— Если он кошерный. Если. Идём.

Они прилетели на маленьком шлюпе, частном корабле: угловатом, размером с грузовой контейнер и лишь самую малость элегантнее последнего. Он назы-

вался «Ред Рум 2020»¹. В причальной зоне струдилась почти сотня кораблей, расположившихся как попало; они постарались протиснуться как можно ближе к грозди сфер, но всё равно были вынуждены раскатать свой шлюзовой рукав на добрых двадцать метров, чтобы добраться до точки входа. К этой стороне своей новой жизни Диана всё никак не могла привыкнуть. Будучи любимой дочерью великого и могущественного дома, она всегда пользовалась преимуществами при стыковке — переход с корабля в дом или обратно был не сложнее перехода через порог. Но здесь, в Сампе, ей то и дело приходилось ползти по какой-нибудь тесной пуповине, и каждый раз в голову приходила одна и та же мысль: лишь несколько миллиметров в высшей степени проницаемого материала отделяют меня от смертоносного вакуума. После того что случилось в Дунронине всего лишь несколько дней назад, этот страх лишь усилился.

Это скопление трущобных пузырей называлось Гарланд 400. Оно пряталось в глубинах Сампа и успело давным-давно прославиться антиулановскими настроями и противозаконной демократической агитацией; только удалённое расположение берегло его от внимания полиции. Оно и ещё скрытность тех, кто планировал революцию. Полицейские взрывали тысячи пузырей каждый год, в назидание всем, кто посягал

¹ В названии корабля Стеклянного Джека скрыта неперево-
димая игра слов: при прочтении наоборот «Red Rum» (красный
ром) превращается в «muR deR» (убийство). Помимо прочего,
это может быть отсылкой к роману Стивена Кинга «Сияние», где
слово «redrum» играет важную роль в сюжете, а главного героя
зовут Джек.

на Lex Ulanova. Но Гарланд 400 был одним из миллиона мятежных общин, которым удалось не попасть под прицел.

Оставалось лишь гадать, как они избегали внимания властей. Продвигаясь вдоль троса вместе с ЗИЗ-дроидом, Яго, Диана и Сафо видели вокруг себя революционеров, впавших в экстаз: опьянённых алкоголем или каннабиноидами, воспаривших на кортикотопических крыльях или одурманенных чем-то ещё. Слева и справа, впереди и сзади, снизу и сверху кричали: «ОЧОГ! ОЧОГ! ОЧОГ!» — или распевали гимн Митры, или орали во всю глотку Марсельезу (в вариациях). Многие были обнажены, некоторые сношались, и их было великое множество. Оглушающая полоса с препятствиями. Возможно, оратор ещё продолжал говорить, но, даже если и так, его уже невозможно было услышать. На редкость морщинистая старуха, голая по пояс, подплыла к ним, выражая настойчивое желание купить дроида. Несколько человек пытались навесить на них метки.

В конце концов они добрались до туннеля и попали во вторую сферу — поменьше и заметно спокойнее. В самом центре шла вечеринка. Люди веселились: длинный бар, соединявший одну изогнутую стену с другой, торговал алкоголем; несколько десятков человек, уцепившись руками за металлическую стойку, выпивали и следили за происходящим по соседству на экранах или через ИДы, оживлённо обсуждали события с друзьями или пели.

— Этот? — спросила Диана, обрадованная тем, что очаг буйства позади.

— Нет, следующий.

— Удивительно, что полиция не прикрыла эту лавочку,— сказала она, повысив голос, чтобы перекричать гомон.

— Если бы они о ней знали,— отозвался Яго,— так бы и сделали.

— Я вся дрожу от ужасных воспоминаний,— встала Сафо.— Я выросла в месте, подобном этому,— в обители непокорных безбожников. Ра'Аллах не благоволит пьяницам. Он порождает сахар в виноградинах, но спирт из них получается только там, где нет Его света.

Они оттолкнулись и полетели прямо к одному из выходов. Яго вёл их по памяти или, возможно, по указаниям загадочного бИта-который-не-был-бИтом. Они пробрались сквозь короткий туннель и очутились посреди зелёных зарослей: растения были повсюду, питаясь напрямую солнечным светом или прильнув к светотрубам. Через минуту глаза Дианы привыкли к «подводному» освещению. Приглядевшись, она увидела среди листвы несколько хижин.

— Айшвария,— сказал Яго, взмахнув рукой. Или, может быть, он так приветствовал называемую этим именем женщину, что плыла к ним.

Звуки праздника из первой, самой большой сферы всё ещё были хорошо слышны, однако каким-то образом они не нарушали покой этого места. В дверях хижин появились лица, а потом снова исчезли. Здешние оттяжки, тянувшиеся от стены к стене, были изукрашены лозами. Помидоры росли на длинных подвесных грядках, словно огромные красные мухи, прилипшие к громадным мушиным ловушкам.

— Стекланный Джек,— произнесла Айшвария, приближаясь. Она, похоже, была не рада встрече.— Ты изменился.

— Мне слегка подправили лицо,— объяснил он.— Но не глаза.

— Верно,— согласилась она, продолжая разглядывать гостя.— Глаза всё те же.

Она была очень пожилой: её коротко остриженные волосы казались россыпью белых точек на тёмно-коричневой коже головы, руки и ноги были тонкими, как соломинки, её кожу украшали переходящие друг в друга узоры морщин, которые кружили и завивались, будто огромные отпечатки пальцев. Определённо, она давным-давно не бывала на дне гравитационного колодца, если вообще бывала. У неё имелся внушительных размеров нос, загибавшийся книзу, отмеченный овальным розовым пятном в том месте, где (обычное дело для верхоземья) когда-то срезали опухоль. Но её глаза приковывали к себе внимание. Глубоко посаженные, окруженные тёмной, неровной кожей, они излучали нечеловечески яркое сияние, как и подобает глазам старого морехода¹.

— Айшвария,— сказал Яго.— Познакомься с Дианой. Из тех, кого я встречал за много десятилетий, она первая, кто может потягаться с тобой умом.

Айшвария изобразила кислую мину:

— Она? Вот эта бабочка-однодневка? Тебе сколько лет, куколка?

¹ Отсылка к поэме С. Т. Кольриджа «Сказание о старом мореходе»: «Вот Старый Мореход. / Из тьмы вонзил он в Гостя взгляд. / «Кто ты? Чего тебе, старик? / Твои глаза горят!»» (Пер. В. Левика).

— Шестнадцать,— призналась Диана.

— Настоящая мудрость приходит с возрастом, моя дорогая, и — ой! Ого! Погоди-ка. Ты что же, Диана Аржан?

Диа сначала посмотрела на Яго, потом ответила:

— Да, это я.

— Господи помилуй! Стеклянный Джек, ты познакомил меня с таким человеком — и за это я прощаю тебе непрошенный визит! А ты? Её служанка?

— Меня зовут Сафо,— сказала Сафо с некоторым раздражением.

— Понятно. Не служанка?

— Сафо не принимала КРФ уже несколько месяцев,— пояснил Яго.— С того самого дня, когда нам всем пришлось, э-э, весьма поспешно покинуть Землю. Но она по-прежнему верна клану Аржан. Не так ли?

— Разумеется,— угрюмо ответила Сафо.

— Абстинентный синдром с комплексными эмоциональными последствиями,— с пониманием сказала старуха.— И всё-таки лучше тебе обходиться без этих препаратов, милочка. Они притупляют инициативность. А нам нужно быть инициативными, правда? Мы ведь живём в интересные времена.

— Они-то уж точно в этом уверены,— проговорил Яго, указывая себе за спину оттопыренным большим пальцем.

Айшварию это только разозлило:

— Вот ведь идиоты. Я вообще-то ничего не имею против идиотов, но у этих просто крышу снесло! Они всех нас погубят. У меня наготове шлюп, чтобы сбежать, как только тут повеет полицией.

— Думаешь, до этого дойдёт?

Старуха хмыкнула:

— Может, и нет. Но они же полные придурки! Теперь вот наладились и решили, что пришел день революции. Завтра протрезвеют и опять начнут жаловаться на жизнь и обворовывать соседей, если у тех ещё осталось что красть. Всё их звериное существование сводится к череде бессмысленных ссор между бандами. В прошлом месяце я неделю провозилась с особым сортом помидоров, а потом шайка подростков всё разнесла! Они даже не попытались их украсть и съесть! Или украсть и снова продать мне, как должны были бы сделать маленькие умные гангстеры! Они их просто раздавили смеха ради.

— Нищета ведёт к деградации, верно,— сказал Яго.— Но нам бы стоило учесть, что кое в чём они могут быть правы.

— И в чём же?

— Момент. Возможно, он для революции всё-таки подходящий.

Она фыркнула:

— Ещё чего! Ты, выходит, надеешься на то, что нынешние политические волнения помогут разжечь восстание во всей Системе? Нет-нет. То, что происходит сейчас — за вычетом твоего появления здесь, дорогая,— представляет собой рядовую схватку за место в иерархии, которая лишь укрепляет существующий порядок. Двуетиный предводитель клана Аржан в бегах, одна из наследниц неизвестно где, другая... здесь, прямо передо мной, господи помилуй! Разумеется, остальные МОГсемейства затеяли... как же это называют? Подковёрную борьбу. И конечно,

Улановы козыряют своим авторитетом. Это не революция. Всего лишь бизнес, как обычно. Но те идиоты вообразили, что вот-вот явится сам Митра и возглавит бунт, который расползется по Системе, как лесной пожар!

Как раз в этот момент вспорхнула стайка уток и, оглашая округу криками и шелестом крыльев, которые забавно трепыхались в невесомости, двинулась от стены к стене. Утки миновали Айшварию, неуклюже пролетели через центральную часть сферы и приземлились на другой стороне.

Скрубберы в этом пузыре изображали деревья и кусты. Несколько секций сферы занимали игрушечные леса. Ясень, дуб, хлопковое дерево, древовидный папоротник — всё неестественно яркое, из зелёного пластика.

— А я-то считал тебя истинным адептом,— сказал Яго.— Когда-то ты точно такой была.

— Адептом Митры? — завопила Айшвария и хлопнула Яго по груди обеими руками, от чего её отбросило на полметра назад. Даже не оборачиваясь, она упёрлась ногами в оттяжку, оттолкнулась и подплыла на прежнее место.— Не оскорбляй меня, Стекланный Джек. Ты же знаешь, что я верую в Инду-Христа.

— Разве это не один и тот же тип? — Тут Диана поняла, что Яго нарочно дразнит свою престарелую подругу.

— Это равносильно самому богохульному богохульству,— прокаркала Айшвария.— Шайка митрополитов даже истории не знает! Они думают, римляне были демократами! Они римский сенат держат

за образец для подражания... как будто римских сенаторов выбирали голосованием! Но им не привыкать к двоемыслию, поскольку, видишь ли, Митра изначально был римским божеством. А Христос — другое дело, он боролся с римлянами, потому что они были Улановыми своего времени. Христос знал, что истинная демократия начинается с демократии духа и превращается в коммунистическое апостольство. Христос объединяет все триста тридцать миллионов богов в настоящий демократический конгресс!

— Отлично сказано,— заметил Яго,— только вот праздник-то у них.

— Им следовало бы соблюдать осторожность,— вступила в разговор Сафо.— Поклоняться Митре запрещено законом.

— О, они в курсе и я в курсе,— сказала Айшвария.— Все в курсе. Они думают, что уже можно не прятаться. ОЧОГ — не противозаконная мантра по той лишь причине, что Улановы не знают её значения, но те, кто вопит «Митра, Митра, Митра», просто вошли в раж. Остаётся лишь надеяться, что полиция слишком занята другими вещами и не заявится на эту ассамблею буйнопомешанных. Ждёте, что я вас приглашу к себе домой?

— Да,— ответил Яго.

— Ну а я не приглашу. Я вас сюда не звала. Вы сами пришли. Чего вам надо, вообще?

Диана снова посмотрела на Яго, но он улыбался.

— Тут у нас ЗИЗдроид,— сказал он.

— Я вижу, что это ЗИЗдроид,— рывкнула Айшвария и опять ударила Яго по плечу с такой силой, что он повернулся на четверть оборота и вынужден был

маневрировать, возвращаясь в прежнее положение.— Ты всадник на коне бледном, Стекланный Джек, и смерть приходит следом за тобой. Зачем ты приволок ко мне ЗИЗдроида? Уж точно не ради того, чтобы заверить договор.

— Он, возможно, неисправен,— вставила Диана.— Печати выглядят нормальными, хотя я не специалист. Но вместо данных он выдаёт абракадабру.

— Мне надо узнать, в порядке ли его печати,— добавил Яго.

— Ого! — сказала Айшвария, отчего-то найдя его просьбу забавной.— И ты не можешь просто взять и показать его официалам! Ого! О-го-го! — Она тихонько рассмеялась.— Ну что ж, я могу взглянуть. Сколько ты заплатишь?

— А сколько ты попросишь?

— Сто кредитов.

— Восемьдесят.

— Девяносто,— сказала старуха.— Вскрытие ЗИЗдроида — серьёзное преступление согласно Кодексу.

— Мне не нужно, чтобы ты его вскрывала — просто проверь печати.

— Не увиливай! Я не уполномоченный агент по ЗИЗдроидам, и ты просишь меня сделать нечто незаконное.

— Только послушай, что там поют,— заметил Яго.— Твои соседи затевают самую натуральную революцию. И ты переживаешь из-за какого-то незаконного осмотра ЗИЗдроида? Восемьдесят кредитов.

— Восемьдесят пять.

— Восемьдесят,— повторил Яго.

На мгновение лицо старой женщины осенил крылом демон ярости.

— Да прольёт Махадева Иисус Христос дождь разрушительный на твою лукавую голову, Стекланный Джек, за то, что ты хитростью лишил старуху пяти кредитов! — Но спустя ещё миг от гнева не осталось и следа, она вновь заулыбалась и весело сказала: — Восемьдесят так восемьдесят. Идите за мной.

Айшвария подвела их вместе с ЗИЗдроидом к хижине. Войдя туда, она появилась вновь через минуту с перчаткой на правой руке. Этой рукой она начала наглаживать устройство. То бесстрастно, с бесконечным машинным терпением, наблюдало за ней.

— Печати вроде в порядке,— сказала она.— Кошерная машина. Рабочая. О! Так это ЗИЗдроид знаменитого Бар-ле-дюка.

— Вы его знаете? — спросила Диана.

— Ну конечно, знаю! Он самый известный из улановских старших блюстителей! А, тебя интересует, знакомы ли мы лично? Вообще-то, хоть это немного странно, он тут побывал несколько дней назад. Так или иначе, расспроси лучше своего спутника. Бар-ле-дюк твой старый друг, не так ли, Стекланный Джек? И у тебя его ЗИЗдроид. Как поживает Бар?

— Умер,— сказал Яго.

Улыбка Айшварии растаяла:

— Правда?

— Да.

— Когда?

— Два дня назад. И поскольку тебе интересно, как именно, то я скажу. Его разрезали пополам.

— Разрезали пополам? — повторила Айшвария. Потом она нахмурилась, приумножив количество морщин на своём лице, отчего глаза почти исчезли в складках кожи.

— Испарили. Распылили на атомы. Его застрелили из невозможной пушки.

Старуха поразмыслила над услышанным.

— Что ты, Стекланный Джек, имеешь в виду под невозможной пушкой?

— Огнестрельное оружие неизвестной разновидности,— пояснила Диана.— Только пуля исчезла. Невозможным образом.

— Как и стрелок,— сказал Яго.— Без преувеличения обстоятельства его смерти можно признать загадочными. Вот одна из причин, по которым нам необходимы сведения, записанные этим ЗИЗдроидом. Он там был. Он свидетель.

— Но... убийство? — выдохнула Айшвария.

— Да, убийство. И это ещё не всё,— сказал Яго.— Перед тем как Бар-ле-дюка убили, мы с ним заключили договор. Имеющий обязательную силу. Потому-то он и взял ЗИЗдроид, чтобы всё заверить. Договор гарантировал моей спутнице, Диане, юридическую неприкосновенность. Я хочу убедиться, что он всё ещё действует.

— У него были полномочия на такую сделку? — спросила потрясенная Айшвария.

— Он выполнял задание, полученное от самих Улановых.

— Господи помилуй. Убереги меня Сарасвати. Он же был здесь! Неделю назад! Парил на том же самом

месте, где ты сейчас! Какое счастье, что эти придурки не распевали своё «Митра-Митра» в тот раз,— теперь-то я понимаю, что он был при исполнении!

— Зачем он приходил? — спросил Яго.

— Тебя искал, Стекланный Джек.

— Ты ему сказала, как меня найти?

— Нет, что ты! Как ты мог подумать? Да я и не знала, где ты! Но он нашел, как я понимаю.

— Из всех мест в Системе, куда можно было заглянуть,— проговорил Яго, нахмурив брови,— из всех забегаловок в мире¹ он выбрал это место. А потом направился напрямик ко мне домой. Дельце-то с душком, согласись.

— Ни за что на свете. Он просто шел по следу, обходил всех твоих старых друзей,— сказала Айшвария, пожимая плечами.

— У меня много старых друзей,— возразил Яго,— и они живут далеко друг от друга.

— А он теперь мёртв,— парировала Айшвария.— Воистину, Стекланный Джек, смерть следует за тобой по пятам.

— Эй, но ведь Джек его не убивал,— сказала Диана.— Он стоял прямо рядом со мной, когда это случилось. ЗИЗдройд тоже там был — поглядите в инфобанке, мы трое стояли рядом. Нас обоих окатило его кровью. Та, что стреляла, могла прикончить всех. Но убила только Бар-ле-дюка.

— Та?

— Или тот, конечно.

¹ Аллюзия на монолог главного героя в знаменитом фильме «Касабланка» (1942, реж. Майкл Кёртиц).

— Для чего?

— Понятия не имею,— ответила Диана.— И мы не знаем, кем был он или она и на кого они работают. Естественно, мы проанализировали открытый инфобанк ЗИЗдроида, надеясь отыскать что-нибудь полезное. Но в итоге только запутались ещё сильнее. Если точнее, его содержимое выглядит повреждённым. Но как данные могут быть повреждены, если печати кошерные? Может, он просто бракованный?

— Если печати действительно кошерные,— сказал Яго,— то его хотя бы примут во внимание на суде. Договор, по крайней мере, сохранит силу. Впрочем, риску предположить, что суду будет нелегко определить его истинный смысл.

— Как именно испорчены его данные? — спросила Айшвария.

— Они... перепутались,— проговорил Яго.

— То есть запись не соответствует тому, что вы помните? — уточнила Айшвария.— В этом случае я бы предположила, что вас подводит память.

— Запись не соответствует законам физики и нарушает причинно-следственную связь,— сказал Яго.— Но это самая незначительная из наших проблем, честное слово. Вся история выглядит не-воз-мож-ной. Бар-ледюк умер внутри запечатанного пузыря, маленькой домосферы,— в общем, у меня дома. Убийца должен был находиться внутри в момент совершения преступления. И не мог выбраться из сферы после совершения. Это маленький пузырь с единственным воздушным шлюзом. Шлюз всё время оставался в поле зрения ЗИЗдроида, и никто через него не проходил. Других выходов из дома нет, и оболочка пузыря цела. Соответ-

ственно, убийца Бар-ле-дюка должен был находиться внутри и после убийства. Но мы обыскали всю сферу и никого не нашли. Он как будто растаял в воздухе.

— Загадка запертой комнаты,— кивнула Айшвария. Она глубоко нахмурилась, затем расплылась в улыбке.— Ох, как мне жаль старину Бар-ле-дюка! Хотя я и помню о том, что он посвятил свою жизнь служению Улановым! И этот факт, слегка ослабляя мою скорбь, слегка усиливает мою радость. Но, конечно, хотелось бы узнать, кто его убил.

— Разумеется,— согласился Яго.— Это очень замысловатая загадка. И она станет ещё замысловатей, если мы узнаем, что данным ЗИЗдроида можно и нужно верить.

— ЗИЗдроид исправен,— сказала Айшвария.— Я всё перепроверю, естественно, однако уже сейчас говорю тебе: это кошерная машина. Можем всё просмотреть ещё раз, если хочешь. Диана Аржан, кто бы мог подумать! Прямо на пороге моего дома. Итак, куколка,— Стекланный Джек однажды назвал меня умнейшей женщиной в Системе, а теперь он говорит, что ты умнее. Неужели ты думаешь, что вдвоём мы не сможем с этим разобраться?

2

КОШМАР НА ГИДЕОНЕ

Чтобы понять, как мы здесь оказались, придётся вернуться. Провести линию от смерти к смерти: от Лерона, Берфезена и Деньо, чьи жизни закончились на

дне гравитационного колодца Земли, к Бар-ле-дюку, которого распылили на атомы посреди космической пустоты. Соединить точки.

Вот что произошло. Будьте внимательны. Диана и Яго посетили сотню островов — от огромных особняков, устроенных внутри астероидов, до нитевидных кластеров трущобных пузырей и даже одиноких сфер, удалившихся от соседей на тысячи километров. Сафо следовала за ними, вознося молитвы Господу своему, Ра'Аллаху, чтобы он уберёг их всех. Какое-то время казалось, что эти молитвы работают.

В большинстве мест у Яго обнаруживался хотя бы один друг. Чем больше времени Диана проводила в его обществе, тем сильнее удивлялась тому, как же плохо на самом деле его знала. В каждой новой среде он становился другим человеком, и ни одна из его личностей не имела ничего общего с обходительным дворецким, который был неотъемлемой частью прошлой жизни Дианы.

Прошлой жизни. Конечно, Диана часто о ней думала. Миновало шесть месяцев с того дня, когда всё, что она знала, перевернулось с ног на голову, но эта прошлая жизнь уже подёрнулась патиной и стала далёкой — почти историей. Неужели она и впрямь когда-то так жила, под защитой от всего? Глядя в зеркало, она сразу же начинала думать о сестре — или, мысленно прибавив отражению несколько морщин, о родителях. Но в то же время Диана ощущала внутри отстранённость. «Я должна сильнее скучать по ним?» — спросила она у Яго как-то раз во время очередного двухдневного перелёта от одного пузыря к другому. «Ты с ними встретишься», — ответил он. Позже, укладываясь

спать, завернувшись в одеяло и пристегнувшись к стене с помощью ремня, она вдруг поняла, что Яго не ответил на вопрос.

Она также размышляла о той вспышке насилия, что случилась на Коркуре. Воспоминания казались нереальными, словно то, что хранила ее память, произошло в виртуальности, а не по-настоящему.

Потом ей приснился первый кошмар.

Это случилось в кластере пузырей под названием Гидеон. Там обитало разношерстное население в несколько тысяч человек; большинство из них поклонялись божеству, называемому Темпоральный Христос. Яго пристыковал корабль, чтобы пополнить припасы, и Диана и Сафо с радостью покинули тесные помещения «Ред Рума 2020».

Теологию гидеонских пузырей им в подробностях объяснила престарелая женщина, на которой выше пояса была надета скромная блуза с длинными рукавами и голубая шаль, а ниже — облегающие шортики и больше ничего. На ногах в нескольких местах виднелись овальные и круглые отметины — следы удалённых опухолей. Звали её, удивительное дело, Живокость, и они с Яго были знакомы давным-давно. Она с радостью болтала с ними за трапезой из переработанного ганка и фруктов, выращенных в пузыре.

— Наша вера, — сказала она, — состоит вовсе не в том, что время есть иллюзия, это всё происки врагов!

— Я и не думала о чём-то подобном, — заверила её Диана с серьёзным видом; на самом-то деле она впервые услышала об этой секте полчаса назад.

— Нет! — настаивала Живокость. — Мы не верим в иллюзорность времени! Мы верим, скорее, что оно

существовало лишь на протяжении тридцати трёх лет, когда сам Господь вошел в темпоральную среду. Когда Он вознёсся на небеса, время закончилось.

— До этого его не существовало?

— Нет. Когда Христос родился в Вифлееме, родился весь мир. Его рождение и было творением. Разумеется, весь космос был сотворён со следами воображаемого прошлого: в тот миг возникли окаменелости в земле, воспоминания о былом, археологические заметки и книги вроде Талмуда. Но ничего из этого на самом деле не было. Это всего лишь вымышленная предыстория, которую создали вместе со всем миром, в один и тот же момент.

Живокость объяснила смысл своей броши: крест, заключенный в круг.

— Круг — воплощение женского начала, посредством коего Христос явился в космос, крест — инструмент, на коем Он был распят и покинул космос. Вместе они образуют циферблат. Во Христе всегда полдень, и три, и шесть, и девять часов, и одновременно всегда четверть, половина или три четверти соответствующего часа. Всё это время, всё без остатка, во Христе.

— Понятно,— сказала Диана. Без бИта ей пришлось как следует покопаться в памяти, чтобы вспомнить устройство старинных часов.

Они пили местное кисло-сладкое вино, и Диана захмелела. Подлетели другие жители Гидеона и присоединились к беседе. Как выяснилось, в их религиозной доктрине существовали разногласия по поводу того, что случилось со временем после распятия и воскресения Христа. Некоторые утверждали, что

время и в самом деле остановилось, но недавно началось опять — заново, с вложенной в него иллюзорной предысторией длиной в два с половиной тысячелетия, — что они считали знаком, свидетельствующим о приближении второго пришествия Христа. Другие настаивали, что время не начиналось, что космос погружен в безвременье, а то, что воспринимается как время, — всего лишь иллюзия, своего рода далёкое эхо подлинного Христова времени с его безмерной полнотой, породившего в среде бытия нечто вроде стоячей волны. Диана обнаружила, что ей нравится перебирать замысловатые подтексты этих противоречивых теологий, проверять на прочность замкнутую, в принципе неопровергаемую, но, конечно, иллюзорную концептуальную структуру. Это напоминало решение проблем. Потом они пели песни и играли в человеческий пинбол среди пружинистых ветвей баобаба. Когда настало время привязать себя к ветке и заснуть, Диана улыбалась.

И потому кошмар оказался полной неожиданностью. Она вновь стояла на мраморном полу дома на Коркуре, ощущая сокрушительное земное тяготение. Рядом была мисс Джоуд и ещё некое едва различимое создание, которое — почему-то Диана в этом была уверена — тоже являлось мисс Джоуд, хотя не имело ничего общего с ней в физическом плане. Яго лежал на полу мёртвый, его кровь ползла по полу — омерзительное, чудовищное подобие жизни. Она была похожа на гигантского плоского червя с блестящим красно-чёрным телом. Потом, ужасное дело, червь повернулся и заполз на тело Яго. Он словно начал пожирать труп. Наблюдать за этим было невыразимо отвратительно.

Диана огляделась по сторонам и поняла, что это всё же не дом на Коркуре. Она испугалась, сообразив, что не знает, где находится. Мисс Джоуд заговорила, и в уголках её рта заиграли искорки и язычки пламени. «Перья или свинец?»¹ — спросила она. — Ты должна выбрать, дорогуша. Перья или свинец?» Диана знала, что любой ответ повлечёт за собой ужасные последствия. «О, прошу вас, — взмолилась она, охваченная ужасным предчувствием, и слёзы хлынули у неё из глаз, — прошу, не заставляйте меня отвечать!» Но Джоуд лишь повторила: «Перья или свинец?» В руке у неё был нож, сработанный из грубого неотполированного стекла, и она поднесла его к лицу Дианы. Где-то у неё за спиной раздался грохот, похожий на звук, с которым тормозит спускающийся лифт; шум становился громче и страшнее, и Диана подумала: я не могу не ответить на этот вопрос, и любой ответ может оказаться как ложным, так и правильным. Выходит, хоть это и чуждо тому, что я есть и что я умею делать, мне придется угадывать. Я должна просто угадать. Она открыла рот, чтобы ответить на невозможный вопрос, и в ту же секунду поняла, что это за грохот. То была её собственная смерть, которую слух воспринял за пределами времени — так, что последствия события обогнали само событие. Кровавый слизень со звуком, подобным удару бича, перепрыгнул с трупа Яго на её лицо и залепил ей рот.

¹ Намёк на старинную загадку, которая требует ответить, что тяжелее — фунт перьев или фунт свинца. Они весят одинаково, то есть прямой ответ на поставленный вопрос невозможен. В той или иной форме загадка нередко встречается в фольклоре и в литературе, в том числе в фантастике (см. роман Роджера Желязны «Этот бессмертный»).

Она проснулась, кашляя и хрипло вскрикивая между приступами кашля и судорожными вдохами. Её лёгкие полыхали. Сафо была рядом.

— Что случилось, мисс? Что такое?

Но ужас достиг глубин души Дианы, и она не владела собой. На некоторое время всё, что она могла сказать, сводилось к выкрикам «Кровь! Кровь! Кровь!», которые перемежались кашлем. Эти повторения так встревожили Сафо, что она разбудила Яго. Тот принёс шарик воды с примесью коки, и это помогло успокоить кашель.

— Что с тобой? — спросил он. — Кошмарный сон?

Она кивнула.

— Всего лишь сон, — сказал он тоном, который, видимо, должен был её успокоить. — Это не по-настоящему.

— Ты не понимаешь, — хрипло произнесла она. — Сны — важнейшая часть того, как я... делаю то, что делаю. Такой сон... это смерть! Это смерть, приближение катастрофы. — Говоря, она плакала, но ее мысли прояснились, превратившись в слова. Воспоминания о жестоком лице Джоуд, о странном бесформенном существе из чёрной крови, об удушье ярко отпечатались в её памяти. — Мне никогда не снятся кошмары. Никогда! Сны — моя рабочая среда.

В сфере было светло, как днём, хотя почти все жители спали.

— Слишком много кисло-сладкого вина, — вынес свой вердикт Яго.

Сафо привязала себя к той же ветке, что и Диана; они обнялись, и Диа в самом деле немного успокоилась. Вскоре Сафо заснула, а Диана нет. Постепенно

близость тела девушки стала её угнетать. Она выпуталась из объятий и сдвинулась чуть дальше вдоль ветки. В конце концов, изрядно помаявшись, она опять уснула.

Утром Яго в течение часа совещался с дюжиной гидеонитов. Диана и Сафо осматривали стены мира в компании Живокости. Диана всё ещё тревожилась из-за того, что ей приснилось минувшей ночью, она была взволнована и раздражена.

— Этот сон предвещает смерть,— заявила она Сафо.— Смерть близка.

— Смерть всегда рядом, мисс,— сказала Сафо.— Ра'Аллах даровал нам это знание. Вот только время не сообщил.

— Время,— слабым голосом выговорила Диана,— наступит скоро.

Когда Яго выбрался из главной юрты, он выглядел слегка обеспокоенным.

— Что случилось? — обратилась к нему Диана.

— Революция,— сказал он.— Они хотят, чтобы всё началось сейчас. И не понимают, что момент неподходящий.

— Так они ждут, чтобы ты её начал? — недоверчиво спросила Сафо.

Они покинули Гидеон во второй половине дня, поторговавшись за блок горячего. Торговаться в Сампе приходилось постоянно. Обычно это происходило в форме обмена устными предложениями, весьма горячего и увлечённого. На Гидеоне, однако, в ответ на предложения Яго звучало хоровое исполнение контрпредложений. Это было очаровательно, хотя музыкальная подача ничуть не ослабила накал переговорных страстей.

Пора в путь. Они устроились в перегруз-койках, пристегнули ремни и понеслись прочь, двигаясь по спирали, напоминавшей раковину улитки. После старта Диана подобралась к иллюминатору и взглянула на пустоту снаружи. Ей казалось, что там должны виднеться следы стартовавших кораблей, грузовиков и шлюпов. И миллиарды пузырей, похожих на разбросанные жемчужины. Но она увидела лишь черноту, которую не мог разогнать звёздный свет.

— Куда мы летим? — поинтересовалась она у Яго.

— К моим хорошим друзьям, — ответил он. Но, когда через полтора дня они прибыли к пункту назначения, тот оказался пустым, и ничто не намекало, куда делись его обитатели.

В цепи из четырех пузырей три оказались пробиты и пусты. Внутри них всё ещё мерцали полосы световых полос, но растительность замёрзла, и только мусор клубился в вакууме.

— Что тут произошло? — спросила Диана, когда «Ред Рум» дрейфовал мимо следов разгрома.

— Полиция, видимо, — ответил Яго.

Четвёртый пузырь был нетронутым, внутри горел свет, но когда они пришвартовались и открыли двери, то выяснилось, что внутри всё заросло буйной зеленью, сквозь которую не просматривались следы человеческого присутствия. Воздух, перенасыщенный кислородом, кружил голову.

— Думаю, полицейские пробили три других пузыря, чтобы загнать жителей сюда, — сказал Яго. — Когда герметичность сферы нарушается, все спешат, точно крысы, к спасательным туннелям, чтобы пробраться в соседний пузырь. Полиции надо всего лишь пробивать

их по очереди, собирая всё население в одном месте, как скот. Потом их можно арестовать, погрузить на корабль и увезти.

— Почему? — спросила Диана, зажимая нос пальцами. У растений был на удивление сильный запах, который к тому же напоминал скорее о фауне, чем о флоре. Какой-то генетически модифицированный клубень или фрукт, решила она, специально разработанный для того, чтобы дополнить омерзительный рацион из ганка. — Точнее, за что?

— Кто его знает? Официальным предлогом, вероятно, было инакомыслие. Хотя нельзя исключать и торговое мошенничество. В Сампе заключают огромное количество бартерных сделок, а поскольку бартер, строго говоря, запрещён, у полиции всегда найдётся повод, если в таковом возникнет потребность.

— Но зачем тратить столько усилий?

— Вероятно, у них была особая причина. Или им просто нужно было выполнить план по заполнению тюрем или кабальной службе. Стоит заговорить с рядовыми полицейскими, они тут же начинают жаловаться, сколько всяких квот им навязывает начальство. Кроме того, конфискация имущества иногда бывает выгодной. Хотя обычно нет. Люди здесь слишком бедны, по-настоящему ценных вещей у них нет.

Яго на четверти обычной скорости вывел их в открытый космос. Некоторое время они просто лежали, пережидая ускорение. В конце концов разгон закончился, и они смогли выбраться из противоперегрузочных коек.

— Я узнал кое-какие новости, — сообщил Яго. — Скорее, слухи. Или это одно и то же?

— Какие новости? — спросила Диана.

— Во-первых, твои родители в порядке. Я сделал такой вывод исходя из того, что власти их ещё не засекли, несмотря на все старания. Во-вторых, мисс Джоуд... помнишь её?

Диана невесело улыбнулась.

— Что ж,— сказал Яго.— Её наказали за провал операции по нашему захвату. Улановы ею сильно недовольны.

Диана мгновенно повеселела.

— Правда? Её казнили?

— Нет-нет. Но сильно понизили в статусе.

Её по-прежнему навещали кошмары. Той же ночью Диана проснулась, увидев во сне картины крови и смерти, в которых главной силой выступал двойник мисс Джоуд, порожденный её подсознанием. Этот сон подействовал на неё слабее предыдущего, но всё-таки был на редкость неприятен.

Через два дня они добрались до следующего пункта назначения, некоего фабра. Законного, как заверил их Яго, хотя и расположившегося в значительном отдалении от обычных маршрутов полицейских шлюпов и, соответственно, находившегося в некоторой тени. Но его команда занималась, большей частью, законными делами.

Фабр представлял собой группу сцепленных герметичных овалоидов, внутри которых выращивались мясные туши, наделённые лишь зачатками сознания. Яго поздоровался с командой — дюжина мужчин, ни одной женщины, у всех на лбу вытатуирована солнечная печать Ра'Аллаха. Сафо поприветствовала их с улыбкой, и они вместе спели гимн Солнцу. Потом они

угостились боврилкоголем, вместе сыграли в маджонг, много смеялись и пели.

— Правило семидесяти процентов больно ударило по нам,— сказал Самм, один из самых общительных фермеров.

— Что за правило?

— В Lex Ulanova заложено, что тридцать процентов всех сделок, совершаемых в Сампе, незаконны,— объяснил мужчина по имени Чили, чья белая как мел кожа была испещрена многочисленными розовыми кругами и овалами шрамов в тех местах, где были удалены опухоли.— Это очень условная цифра, потому что в глубинах Сампа почти вся торговля незаконна, если считать мошенничеством обмен самостоятельно выращенных фиг и помидоров на жареных жуков или толчёную мочевину. Но в Сампе не жизнь, а существование: ганк, солнечный свет, никаких излишков для торговли. А вот здесь, поблизости от земной Луны... ох, если б у нас были эти тридцать процентов на чёрном рынке, мы были бы рады. Но увы. Почти всё мясо, которое мы выращиваем, уходит по оптовым сделкам, и деньги зачисляются на кошерные счета, а тарифы и пошлины высчитываются Иск-Инами автоматически. У нас почти все по закону, к сожалению.

— Так ведь это хорошо, разве нет? — спросила Диана.— По крайней мере полиция вас не трогает?

Самм мрачно ухмыльнулся.

— Правило семидесяти процентов — это священная ко-ро-ва,— сказал он, делая ударение на каждом слове в слове.— В том-то и проблема с Кодексом — он регулирует даже границы беззакония. Поэтому мы платим

налоги не со 100% выручки, а со 143%. Учитывается наше предполагаемое участие в торговле на чёрном рынке. В итоге наше налоговое бремя намного тяжелее, чем могло бы быть.

— Но вы ведь всё равно остаётесь в плюсе, да?

— С трудом,— признал Чили.— Я лишь совладелец этого предприятия; мне бы прохлаждаться в роскошной О с другими успешными промышленниками, попивая алкоголь и принимая сому. Вместо этого я живу на работе, питаюсь ганком и весь заработок отсылаю жене и дочери, которые остались на Марсе. Дочка поступила в Ареанскую Академию, знаете ли. Дороговато... но хватит уже о моих проблемах.

— По правде говоря,— добавил Самм,— если бы блюстители захотели на нас наехать, то так бы и сделали. Просто у них нет особых причин, мы слишком маленькие, чтобы из-за нас дёргаться. Надо просто потерпеть.

— До каких пор?

— До тех пор, пока я не заработаю на собственный дом,— сказал Самм.

— Когда я заработаю достаточно, то всё продам и поселюсь на приличной орбите,— согласился Чили.— Но это будет через много лет.

В конце концов команда фабра дала Яго три блока мясных консервов и кое-что ещё из припасов, а он взамен вручил им квадратную — метр на метр — пластину непонятого происхождения и назначения. Бартер, старейшая форма торговли, а ныне — поскольку все настоящие деньги были помечены, чтобы при переходе с одного счёта на другой или из одной базы данных в другую их можно было обложить налогами,— ещё

более частая, чем раньше. Вернувшись на борт «Ред Рума 2020», Диана обнаружила, что Яго также выторговал, или выпросил, или как-то иначе раздобыл внушительный кусок льда, который теперь был прикручен тросом к корпусу корабля.

— Мы отправляемся куда-то далеко,— сделала вывод Диана.— Потому что... ну кусок-то здоровенный.

— Гений дедукции.— Яго широко улыбнулся.

— Куда же мы летим? — спросила Сафо.— Мы так и будем путешествовать от одного пузыря к другому?

— Я отвезу вас к себе домой,— сказал Яго.— Там ещё никто не бывал. Кроме меня, разумеется. Это по-настоящему сокровенное место. Но сначала я хочу использовать инфофильтр этого фабра, чтобы отправить сообщение.

— Сообщение? — спросила Диана.

— Я обнаружил твою сестру.

Сердце Дианы кувыркнулось:

— С ней все хорошо? Где она?

— Она на Марсе — или, по меньшей мере, по дороге туда. Прошло уже несколько месяцев с того дня, когда она пустилась в путь; скоро её корабль прибудет в пункт назначения. И да, с ней все хорошо. Она старается нигде не задерживаться подолгу, и нам следует поступать так же. Боюсь, пройдёт ещё немало времени, прежде чем я смогу устроить вам настоящее воссоединение. Ваши родители всё должным образом подготовили, и большей части сил Клана удалось проскользнуть сквозь улановскую сеть. Но мы по-прежнему в неудобном положении: другие кланы дерутся за власть, Улановы прилагают немыслимые усилия, что-

бы раздавить семейство Аржан,— в игре потрясающие суммы, следует заметить.

— Я могу с ней поговорить?

Яго почесал в затылке.

— Это рискованно,— осторожно признал он.— Ведь нам придётся открыть линию связи. Если мы попадёмся, блюстители изогнут само пространство, чтобы добраться до нас. Захватив твою сестру, они получают преимущество, но, захватив вас обеих,— победят.

— Это означает «да»? Или «нет»?

— Да. Твой БИТ был взломан, как и её, по всей видимости; но можно воспользоваться моей сетью: она нестандартная, уникальная, и я очень щепетилен в смысле информационной чистоты. Кроме того, мы подключимся к системе фабра, чтобы переадресовать данные. И у нас есть всё необходимое, чтобы разорвать связь и скрыться при первом подозрении, что нас обнаружили.

Диана час провела в онлайнe, получив в итоге несколько минут разговора лицом к лицу, как в старые добрые времена. Интервал задержки сигнала составлял пятнадцать минут в оба конца, что сильно расстраивало — ведь времени было так мало. Это была не встреча в настоящем миртуале, так что она не могла даже обнять свою МОГсестру. Зато могла её видеть, говорить с ней, и этого хватило, чтобы заставить их обеих смеяться и плакать. Ева рассказала о своих приключениях — о том, как она прибыла к Тобрукскому плазматеру и почти сразу же оказалась в центре сражения.

— К счастью, нам удалось сбежать на юг. В конце концов мне пришлось выбираться на орбиту на какой-то древней ракете, стартовавшей из Ивуара.

— Они такие хлипкие, да? — сказала Диана, улыбаясь сквозь слёзы.— Мы с Яго выбрались при помощи гравитационной пушки на горе Абора! Когда на корабле включились двигатели, я подумала, что мы сейчас в прямом смысле развалимся на части!

— Я так рада, что с тобой всё в порядке, любовь моя! — сказала Ева.— Придётся нам спрятаться до тех пор, пока всё не успокоится. МОГмочки в порядке — я их обеих видела во плоти, с ними всё нормально. Но они прячутся, и я буду прятаться, и ты тоже. Я не спрошу, где ты собираешься спрятаться, потому что лучше тебе никому об этом не говорить, даже мне — хотя я люблю тебя больше, чем могу сказать словами.

Диана утерла глаза рукавом.

— Хорошо. Я буду в безопасном месте, пока...

Песчаная буря помех заморозила изображение Евиного лица, процарапала на нём сотни кривых неоновых полос.

— Всё, конец,— сказал Яго.— Связь прервалась.

3

ДУНРОНИН

Итак, они забрались в узкие перегруз-койки в кабине «Ред Рума» (там было четыре места, хотя в присутствии троих человек уже становилось тесно) и полетели. Диана, стиснув зубы под гнѐтом перегрузки, снова заплакала от счастья при мысли о том, что с её сестрой всё хорошо. Потом она задремала,

но на правильный сон ей не хватило сил. Она была в преддверии сна, на закате разума, как вдруг увидела вспышку. И подумала: наверное, это шампанская сверхновая в тысяче световых лет отсюда или, быть может, блуждающий огонёк в метре от меня, и я могу протянуть руку, коснуться его. Но как же понять наверняка? Мышцы её руки напряглись и взбугрились, однако преодолеть давление силы тяжести оказалось невозможно. Потом она услышала грохочущий шум из своих кошмаров, и медленное повышение его громкости очень сильно её испугало. Это был звук большого взрыва, вывернутый наизнанку, так что он нарастал, подбираясь к кульминационной какофонии, а не стихал, удаляясь от неё. В темноте пряталось то, что желало ей зла. Вспышка могла быть светом, отразившимся от лезвия ножа, которым целились ей в глаз. Внезапно шум сделался очень громким, её начало трясти и подбрасывать, и, хотя она изо всех сил старалась закричать, из её рта не вырвалось ни звука. Диана проснулась, всё ещё раздавленная и стиснутая ускорением. Или, может, она всё ещё спала, и это было частью кошмара.

Но потом перегрузка ослабела и в какой-то момент вовсе исчезла. Диана открыла глаза и поняла, что снова и снова шепчет одно и то же слово: «Больно».

Сафо помогла ей выбраться из кресла. «Ред Рум» теперь двигался по инерции, легко и спокойно.

— Наше путешествие продлится три дня,— сказал Яго, свесившись с потолка, будто летучая мышь.— Тебе опять приснился кошмар?

— Я не заснула как следует,— выдохнула Диана. Но она была вся в поту, и, поскольку пот плохо испаряется

в невесомости, ей сделалось очень жарко. Её лицо покраснело.— Я не понимаю. У меня раньше никогда в жизни не было кошмаров.

— А ведь ты прожила так много лет,— сказал Яго с улыбкой.

— Но я видела... нет, не понимаю.

— Что ты видела?

— Смерть. Двойников. Боль.

— Может,— предложила Сафо,— нужно снотворное? Чтобы лучше спать?

— Я не могу принимать снотворные препараты,— рефлекторно ответила Диана.— Сновидения — один из ключевых элементов того, как я обрабатываю информацию и решаю задачи. Я не могу вмешиваться в эти процессы. И не могу подавлять сновидения опиатами.

— В следующие три дня нам не придётся решать никаких задач,— заметил Яго.— Кроме одной — как скоротать время, пока не прибудем ко мне домой.

— Ох, Яго,— сказала она тем покровительственным тоном, на какой способны только подростки, бросающие упреки взрослым.— Всегда найдутся какие-то задачи!

В оставшуюся часть перелета, пока они путешествовали в невесомости, кошмары не возвращались. Когда корабль летел по инерции, она спала спокойно. Но в тех случаях, когда им приходилось забираться в перегруз-койки, чтобы заложить какой-нибудь тщательно просчитанный вираж, ощущение веса в костях и грудной клетке снова напоминало Диане о ее страхах. Последние полчаса, когда корабль сбрасывал скорость, стали настоящей пыткой: клаустрофобия (она

ещё ни разу не испытывала клаустрофобии!), паника, ужас. Иными словами, проблема заключалась в силе тяжести. Или, возможно, в плохих ассоциациях между тяготением на поверхности Земли и внезапным, пугающим насилием.

В остальном путешествие прошло столь же гладко, как и десяток предыдущих. В какой-то момент Яго заподозрил слежку, но потом, сосредоточенно изучив показания приборов, пришел к выводу, что это просто эхо.

— Это не может быть полицейский корабль,— сказал он.— И даже не потому, что им неоткуда знать, где мы,— просто преследователь, если верить показаниям, ничем не отличается от нас. Просто копия. Как дoppelгангер. Это глюк.

Через шесть часов глюк испарился с радара, что подтвердило теорию Яго.

Наконец они прибыли. Они пришвартовались у единственного шлюза маленького пузыря, отсвечивавшего зеленым в чёрном небе.

— Диана, Сафо,— объявил Яго.— Это мой дом. Строго говоря, моё убежище. Вы первые люди, не считая меня, которым довелось сюда попасть. Я надеюсь, здесь мы будем в безопасности, по крайней мере, какое-то время. Разумеется, мощные ИскИны Улановых мониторят миллиарды объектов, вращающихся вокруг Солнца; но я изрядно потрудился и потратил много денег, чтобы Дунронин выглядел в точности как обычное маленькое обиталище, коих в Сампе миллиард. Власти убеждены, что здесь живут совершенно непримечательные люди, такие же, как триллион других обыкновенных людей,— питаются ганком, выращивают

овощи, чтобы дополнить рацион, поклоняются каким-нибудь странным богам. Мы спрячемся в толпе.

— Дунронин? — переспросила Диана.

— Я так его называю. Это своего рода шутка. Да, шутка¹. Ну ладно; дом небольшой, но он куда как просторнее, чем «Ред Рум 2020», так что давайте выберемся из брюха этой беговой лошадки и разомнём ноги.

Сфера и впрямь была маленькая — сто метров в диаметре; стены местами были прозрачными, местами поросли низкорослым кустарником, не нуждавшимся в уходе. Они находились достаточно близко к орбите Венеры, чтобы Солнце казалось заметно больше и ярче, и чёткие чернильные тени двигались внутри пузыря, когда он медленно вращался. Клумбы для овощей имелись, но в них росли сорняки.

— Я здесь не был много лет,— пояснил Яго.— Но на то, чтобы привести поддоны в порядок, вряд ли уйдет много времени. Мы перенесём сюда часть льда. И только поглядите на фруктовое дерево! Я его купил отчасти из-за генетической модификации, замедляющей рост, потому что у меня нет возможности часто его навещать и подрезать ветви. Но даже с учётом этого оно выросло в четыре раза со дня, когда я видел его в последний раз!

¹ Название, которое Джек выбрал для своего дома, отсылает к шутливой английской традиции, по которой человек, променявший странствия по миру на оседлую жизнь (или просто вышедший на пенсию), вешает на доме табличку с надписью «Dun Roamin'» (искаженное «Done Roaming», то есть «Покончил с бродяжничеством»).

Без подсказки Диана ни за что бы не признала в клубке шипастых чёрных ветвей с кожистыми белыми цветами, чьи лепестки напоминали язычки, фруктовое дерево.

— Что-то я не вижу на нём фруктов,— недовольно заметила она.

— Раз уж мы здесь, я могу запустить ген, отвечающий за плодоношение,— сказал Яго.— Нужный флакон в одном из ящиков возле входа. Его содержимое нужно разбрызгать у корней. Свежие фрукты будут через пару недель.

Они разгрузили «Ред Рум», потратив совсем немного времени. Потом Диана принялась изучать новое обиталище. Для поддержания структуры и облегчения перемещения здесь имелись восемь оттяжек, ни одна из которых не проходила через центр сферы. Стометровый диаметр означал, что площадь внутренней поверхности изогнутых стен составляла более 30 000 м². В общем-то, неплохо. Она довольно долго разглядывала все детали, участки растительности и отдельные помещения: спальни, санузлы, кладовки, тренажеры.

— Знаю, ты привыкла к домам побольше,— сказал Яго, подплывая к ней.

— Этот достаточно большой,— отозвалась она.— Ну, в смысле я привыкну и к нему. Честно говоря, Яго, меня куда больше волнует скука, скука, скука.

— Потому что у тебя нет бИта, бИта, бИта,— ответил Яго.— Я понимаю. В хранилище есть книги и несколько старых изолированных ИДов. Но, боюсь, нам и в самом деле придётся изрядно побездельничать. Мне кажется, лучше всего заняться садом. С ним нет

нужды спешить, и три гектара почвы требуют немало-го труда, даже если растения не нуждаются в особом уходе, потому что их такими создали. К примеру, у нас уйдёт неделя, чтобы прибраться, и только потом можно будет подумать о посевах, дёрне, новых растениях и так далее.

— Только не подумай, что я неблагодарная,— проговорила Диана и, развернувшись, обняла его.— Я просто ещё не до конца осознала... ну свою новую роль. Я привыкну.

— Времени достаточно,— сказал Яго.

Он ошибся. Как оказалось, времени было совсем мало. Один день и одна ночь, одинаково яркие, только и всего. Они прибрались, перекусили, поболтали, поиграли в игры. Утром второго дня их обнаружила полиция.

Провести шесть месяцев в бегах, спасаясь от Закона. Наконец-то добраться до безопасного места — и там попасться Закону в лапы.

Это очень неприятно.

Первым, что увидели Диана, Сафо и Яго, была вспышка, явно различимая даже сквозь стены дома. Они как раз пропалывали грядки, и все трое остановились, посмотрели друг на друга.

— Это что ещё такое? — спросила Диана. Её вдруг охватило предчувствие, что всё вот-вот переменится.

Яго сверился с домашним ИскИном.

— Очень близко. От двадцати до тридцати тысяч километров, не больше,— сказал он.— Это плохие новости.

— Что это?

— Не знаю.

— Что-то не так,— заметила Диана.

— Может, это выброс из двигателей разгоняющегося корабля? — спросила Сафо.

— Слишком ярко,— обеспокоенно сказал Яго. Он смотрел на свои ладони, словно там был написан ответ.— И слишком близко, чтобы чувствовать себя в безопасности.

— Может, что-то взорвалось? — предположила Диана.

Яго проверил соответствующий сектор обзора более тщательно. ИскИн был медлительный, но ему не понадобилось много времени, чтобы опознать корабль.

— Шлюп,— сказал Яго. И вздохнул.— Полицейский шлюп, и направляется сюда. Он хорошо замаскирован, но если смотреть прямо на него, то можно разглядеть. И он совершенно точно идёт к нам.

— Как? — пискнула Диана.— Ты же говорил, что это место...

— Говорил! — Уязвлённая гордость заставила его огрызнуться.

— Как же тогда они нас нашли?

— Я не знаю, как. Но они идут. Если бы не вспышка, я бы ни о чём не догадался.

— Почему же они себя выдали?

— Я не знаю.

— Ты сказал, тридцать тысяч километров,— упрямылась Диана.— Мы успеем эвакуироваться? Они смогут догнать «Ред Рум», если мы включим двигатели на полную?

— Они легко нас догонят,— сказал Яго.— И вообще, они почти здесь! Корабль не связан со вспышкой. По крайней мере мне так не кажется — направление не то.— Он выругался.— У нас нет времени даже на попытку побега.

— Но что же это за вспышка? Они должны быть как-то связаны между собой.

— Или это невероятное совпадение,— возразил Яго.— Сложно поверить, что они как-то связаны между собой.

— Может, это... сигнал?

— У полицейских шлюпов не входит в обыкновение предупреждать жертву при помощи сигнальных ракет,— отрезал Яго.

— Ну, значит, какой-нибудь другой шлюп, дружественный нам, пытался нас предупредить... помочь, в общем. Там есть другие корабли?

— Нет,— сообщил Яго, снова проверив данные

ИскИна.— Там больше ничего нет. Только полицейский шлюп.— Он зажмурился и сказал: — Я чувствую себя очень старым. Это ужасный поворот. Мы не можем попасться Улановым в лапы. Если ты попадешься, Диана, это будет катастрофа для твоей семьи. А если попадусь я — что ж, это будет катастрофа для всего человечества.

— Не утрируй,— сухо заметила Диана.

— Нет! — ответил Яго с внезапной горячностью.— Я годами прилагал немыслимые усилия, чтобы не оказаться в руках Улановых. Совершал по-настоящему ужасные вещи. И я это делал не ради спасения собственной шкуры — да что она значит, в конце-то концов? Я это делал, потому что на кону

будущее всего человечества! Это вопрос не личного характера, а выживания вида. Я так и не обнаружил того, что могло бы оказаться превыше выживания вида. По крайней мере,— он огляделся по сторонам,— до этого момента.

— Что мы можем сделать?

— Выбор у нас,— тихо проговорил Яго,— ограничен. Мы не можем сражаться. Мы не можем убежать.

— Мы в ловушке! — воскликнула Сафо.

Яго потянулся и сказал:

— Нам нужно... нужно больше информации.

Но потом он ничего толкового не сделал — только подплыл к крану, помыл руки, растерев в ладонях горсть блестящих водяных капель, и вытер их. Дия и Сафо сделали то же самое. Потом Яго оттолкнулся от оттяжки и, подлетев к выходу, включил защитные системы, установленные в доме.

— Не бог весть что,— сказал он.— У меня есть две электромагнитные пушки, но они не причинят вреда такому большому полицейскому шлюпу.

А потом он вызвал корабль на связь.

Появилось лицо — удлинённое, печальное.

— Глазам своим не верю. Стекланный Джек,— сказало лицо без тени удивления.

— Бар-ле-дюк,— ответил Яго.— Какая встреча!

Он так воодушевился, что Диана на миг поверила, будто вновь прибывший не представляет для них никакой угрозы. Но это ощущение быстро развеялось.

— Я собирался сказать «давно не виделись, Джек»,— проговорил Бар-ле-дюк, растягивая слова.— Но во всём, что касается тебя, на время полагаться нельзя — правда ведь?

— Ты пришел меня арестовать,— сказал Яго.

— Именно так. Ты у нас в руках, друг мой. Тебя будут пытаться и, наверное, убьют, и на этом всё закончится. Но ты уже давно знал, к какому финалу движешься. Я не стану строить из себя Тиресия¹.

— Ты ещё меня не схватил, Бар,— бросил Яго. Но в его голосе не было дерзости — напротив, он звучал устало и обессиленно.

— Верно! Каким-то образом, невзирая на маскировку, ты нас засёк чуть раньше, чем следовало. Мой план заключался в том, чтобы взять тебя на бордаж, используя эффект неожиданности,— прорезать дыру в каком-нибудь запасном люке и обезвредить тебя. Но ты нас заметил! Отличная работа.

— Если ты не хотел быть замеченным, зачем выпустил сигнальную ракету?

— Ракету? — переспросил Бар-ле-дюк.— Мы не выпускали никаких ракет! Мы что, похожи на идиотов? Я думал, это ты её выпустил, чтобы продемонстрировать нам, что мы обнаружены. Меня куда больше интересует, чем мы себя выдали. Я приближался тихо и осторожно. Ещё несколько минут — и ты был бы у нас в руках.

— Кто предупреждён, тот вооружен,— сказал Яго.

— Как бы там ни было, я тебя поздравляю,— продолжил Бар-ле-дюк.— Теперь-то я могу позволить себе быть великодушным! Теперь, когда я наконец-то тебя поймал!

— Твоя карьера не пострадала после прошлого раза, Бар? — поинтересовался Яго с притворной озабоченностью.

¹ *Тиресий* — персонаж греческих мифов, слепой прорицатель.

— Что?

— Я переживал из-за того, что наша предыдущая встреча могла навредить твоему карьерному росту. Возможно, ты слышал про мисс Джоуд? Она была одним из наиболее влиятельных улановских агентов. Потом ей не удалось арестовать меня, и теперь её сослали куда-то во тьму внешнюю¹.

— Слышал, да,— ответил Бар-ле-дюк с подобающей мрачностью.— Какая жалость. Быть кем-то, а потом стать никем — тяжелое испытание для любого человека, а для неё оно вдвойне тяжелей. Что ж, спасибо за заботу, друг! Тот факт, что ты уликнул в тот раз, просочившись сквозь мои пальцы, ничуть не помог мне в продвижении по службе.— Он говорил медленно, обдумывая каждое слово, с такой тоскливой интонацией, словно любой вид общения был для него тягостной обязанностью.— И всё-таки,— прибавил он с лёгкой улыбкой,— теперь ты в моих руках.

— Кто это такой? — спросила Диана.

— Вы не слышали о знаменитом Бар-ле-дюке? — скорбно полюбопытствовало голографическое изображение знаменитого Бар-ле-дюка.

— Он полиция — вот кто он такой,— сказал Яго.

— Позвольте! — возмутилась голограмма.— Куда больше, чем полиция.

— Он работает на Улановых. Специализируется на арестах. На поиске и захвате. Он уже пытался однажды меня арестовать. Почему-то не вышло.

¹ Выражение, трижды упоминаемое в Евангелии от Матфея. В частности, в главе 8: «...а сыны царства извержены будут во тьму внешнюю: там будет плач и скрежет зубов».

— Я пытался не единожды, дружище,— напомнил Бар-ле-дюк.

— И не единожды потерпел фиаско. Может, и сейчас так будет.

— Я так не думаю,— проворчал Бар-ле-дюк.— Не в этот раз. Ты не можешь сбежать. Не можешь драться. Ты ничего не можешь.

— Скажи, сколько тебе заплатили, и я дам больше,— предложил Яго.— Больше... допустим, в три раза?

— Нет,— просто ответил Бар-ле-дюк.

Что-то надломилось в Яго, это было заметно по его лицу.

— Есть ещё один вариант. Я просто не впущу тебя сюда. Дуй сколько душе угодно, нам не страшен серый волк.

— Думаю,пустишь,— с печальным видом возразил Бар-ле-дюк.— Иначе лопнет твой пузырь.

— Лопнет? — переспросил Яго и взглянул в окно, за которым виднелся шлюп.— Валяй, и тогда мы умрём, а, если мы умрём, ты ничего не получишь.

— Думаю, мы сможем выловить тебя из вакуума. Хотя по поводу твоей подруги есть сомнения. А ещё можно вас загарпунить. К слову, на этом шлюпе двигатель с тахионной тягой, и его мощности как раз хватит, чтобы дотащить твою сферу до ближайшей точки Лангранжа.

— Только попробуй, и я сам тут всё взорву,— пригрозил Яго.

— Я верю, что ты на такое способен,— проговорил Бар-ле-дюк медленно и скорбно.— Ты теряешь самообладание, когда в игру вступают превратности судьбы, Джек. В этом отношении ты почти ребёнок. Больше

одной мысли в голове не помещается, да? До чего же ты небрежен с жизнью; хотя о смерти, конечно, знаешь всё. Да, ты убьёшь себя. А как быть... с ней?

Яго обернулся и посмотрел на неё, и Диана почувствовала, как сжимается желудок. До неё вдруг дошло: это происходит на самом деле. Всё началось слишком неожиданно, и, поскольку её жизнь в последнее время превратилась в последовательность странных встреч и внезапных перемен, ей пришлось приложить усилие, чтобы внушить себе — на этот раз всё по-другому. Но всё-таки понимание того, что она может умереть, обрушилось на Диану со всей внезапностью. Они все могут умереть, здесь и прямо сейчас. Тут всё может закончиться. Она попыталась обдумать альтернативы — ведь в этом, собственно, и заключался её талант, — но не смогла найти ни одной. Есть только два выхода из этой ситуации, подумала она: или полиция арестует нас и подвергнет невыносимым ужасам, или мы все умрём, прямо здесь и сейчас.

Ни одна из альтернатив не была хороша.

— Как ты вообще о ней узнал? — резко спросил Яго. — Как ты узнал, где я живу? Как ты это сделал, Бар?

— У меня свои источники, — ответил Бар-ле-дюк. — Тебе не стоит о них переживать. Но тебе придётся пойти со мной, мой маленький Томас-рифмач¹. Ты для

¹ *Томас-рифмач* (Честный Томас, Томас Лермонт) — шотландский бард XII века, непревзойдённый поэт, певец и музыкант. Согласно известной легенде, посетил Волшебную страну и стал возлюбленным Королевы фей, от которой получил дар предвидения. Прозвище «Честный Томас» заслужил в силу того, что не говорил ни слова лжи.

меня споешь и станцуешь. Другого выхода, увы, нет.— Судя по голосу, он и впрямь сожалел о случившемся.

Яго огляделся, развернулся вокруг своей оси. Он как будто что-то искал. Но ничего полезного в доме не нашлось.

— Приходить сюда было глупостью,— пробормотал он себе под нос.— Надо было просто лететь от пузыря к пузырю, двигаться. Если бы я смог повернуть время вспять, сделал бы всё иначе.

— Повернуть время вспять не под силу даже тебе,— заметил Бар-ле-дюк.

Яго опять посмотрел на голограмму.

— Давай всё проясним,— сказал он решительно.— Я пойду с тобой при условии, что ты гарантируешь ей неприкосновенность — она останется живой и свободной.

— Яго! — воскликнула Диана.

— Свободной,— повторил Яго, не глядя на неё.— Моё условие.

— Свободной,— сказал Бар-ле-дюк, как будто не понимая смысла слова.

— Ты знаешь, о чём я. Она сможет идти туда, куда захочет. Беспрепятственно.

— С чего бы мне так поступать?

— Потому что иначе я всех нас убью.

— А если я соглашусь её отпустить?

— Тогда,— произнес Яго,— я пойду с тобой добровольно.

Голограмма задумалась. Потом Бар-ле-дюк изобразил слабую улыбку.

— Да пожалуйста! — сказал он.— Это будет справедливый обмен, если понятие «справедливость» для

тебя — или для неё — что-то значит. Так или иначе, мы все в тюрьме. Как там сказал один старый поэт — вся Солнечная система суть тюрьма, в которой множество камер, и в экзистенциальном смысле мы живём всё равно что в ореховой скорлупе? Кажется, это был Шекспир? Скорее всего, он самый.¹

— Только без уловок,— предостерег Яго.— Охотно соглашусь с тем, что в самом широком смысле Солнечная система — это тюрьма. Но ты должен пообещать, что позволишь Диане отправиться в ту часть означенной тюрьмы, в какую она сама захочет, и оставишь её в покое.

— Очень хорошо. Но знаешь, мой друг...

— Что?

— Если то, что я слышал о тебе, правда — Система перестанет быть тюрьмой! Ты можешь открыть дверь, и человечество хлынет в космос!

— Я бы не стал верить всему, что про меня говорят,— пробормотал Яго. Потом он продолжил, повысив голос: — А с чего мне тебе доверять? У тебя есть ЗИЗдроид на борту?

— Разумеется. Я аккредитованный старший блюститель Lex Ulanova. Дроид может засвидетельство-

¹ *Розенкранц*

Тогда весь мир — тюрьма.

Гамлет

И превосходная: со множеством затворов, темниц и поземелий, причем Дания — одна из худших.

О, боже, я бы мог замкнуться в ореховой скорлупе и считать себя царем бесконечного пространства, если бы мне не снились дурные сны.

Уильям Шекспир. Гамлет, пер. М. Лозинского

вать наш договор. Хотя... сделка, в которую входит свобода преступницы, находящейся в розыске? Сомневаюсь, что это законно.

— Я беспокоюсь не о законности,— сказал Яго,— а о том, чтобы всё записать. Чтобы потом у меня были и другие аргументы, кроме твоего слова.

У Бар-ле-дюка даже смех был печальным: он издал нечто вроде тихого кудахтанья.

— По-твоему, для тебя ещё возможно какое-то «потом»? Ох, бедняга.

— Просто возьми с собой ЗИЗдроида.

— Что ж, решено,— возвестил Бар-ле-дюк.— Я отпущу твою подругу из клана Аржан на все четыре стороны, а взамен отвезу тебя к начальству, которое разберёт тебя по органам и выпустит всю кровь, чтобы получить информацию, хранящуюся в твоей голове. Ты уверен, что готов к этому? Я спрашиваю ради всего, что нас связывает.

Яго глубоко вздохнул:

— Просто приведи ЗИЗдроида. Я разберусь... со всем остальным, когда наступит время. И если наступит.

— Разберусь! — повторил Бар-ле-дюк и горестно рассмеялся.— Мой дорогой друг. Я столько лет своей жизни посвятил охоте на тебя! Даже в какой-то степени жалко, что всё заканчивается.

— Приходи, Бар. Приводи дроида. В мою сферу только один вход, и там уже пришвартован мой шлюп, так что тебе придётся пришвартоваться к заднему люку моего корабля и через него пройти сюда. Я прикажу ИскИну открыть дверь.

— Очень хорошо.

— Приходи один, Бар. Только ты и ЗИЗдроид.

— Нет, мой друг, нет! Одному в львиное логово? Думаешь, я не в курсе, скольких ты убил? Нет. Со мной придут четыре человека, чтобы защитить мою нежную плоть от стеклянного лезвия твоего ножа.

— Приводи двоих,— сказал Яго.

— Четверых.

Голограмма исчезла. Разговор был окончен.

— Яго,— сказала Диана.— То есть Джек... ты же не сдашься ему на самом деле? Ты слышал, что он сказал!

— В данный момент,— проговорил он, глядя мимо неё, на Сафо,— у нас всего два варианта: или я пойду с ними, или все внутри этого пузыря умрут.

— Да поможет нам Ра'Аллах,— сказала Сафо.

— Я должен узнать, как он нас нашел,— добавил Яго.— Я прилагаю все усилия, чтобы скрыться, и нате — они тут как тут.— Он посмотрел на двух своих компаньонов.— Не переживайте за меня, я уже сбежал из тюрьмы однажды. И могу это сделать опять.

4

БАР-ЛЕ-ДЮКУ ПРИХОДИТ КОНЕЦ

Шлюп Бар-ле-дюка был намного больше «Ред Рума». Диана, Яго и Сафо следили за тем, как он неуклюже маневрирует, совмещая один из своих шлюзов с запасным выходом маленького корабля. Получалось неважно. В какой-то момент бок шлюпа врезался в стену обиталища, из-за чего вся конструкция деформировалась, пошла волнами, внутри неё всё завибрировало

от резонанса, а опавшие листья и мусор, дрейфующие в самом центре, закрутились маленьким вихрем.

— Осторожнее! — пробормотал Яго.

Но в конце концов дело было сделано. Полицейский шлюп, похожий на огромный меч, заслонил вид из окон: жирная касательная, нарисованная возле закругления сферы. Звук, с которым открылся спасательный люк «Ред Рума», эхом раскатился по всему дому.

— А вот и они, — произнес Яго.

Первым из воздушного шлюза появился ЗИЗдронд собственной персоной: круглое серебристо-голубое лицо, лишенное какого бы то ни было намёка на эмоции, яйцевидное тело и четыре гибкие гелевые конечности; оказавшись внутри сферы, он уцепился за одну из оттяжек и по ней добрался до центра. Следующим вошел Бар-ле-дюк. Вживую он оказался высоким, весьма привлекательным мужчиной. Его длинные волосы развевались в невесомости ореолом, и, пожалуй, черты его бледно-коричневого лица были слегка крупноваты. Но у него был впечатляющий аристократический нос, а глаза глядели с орлиной прямоотой. Едва выбравшись из шлюза в главное помещение, он безошибочно направил свой пистолет на Яго.

— Джек! — сказал он с улыбкой, но потом посерьёзnel. — Вас трое? Я думал, здесь только ты и мисс Аржан.

— Выходит, твои источники небезупречны, — отозвался Яго. — Меня это радует. Это Сафо. Она не представляет для тебя никакой угрозы.

— Защити нас, Ра'Аллах, — прошептала Сафо.

— Никакой угрозы? — повторил Бар-ле-дюк. — Ну, посмотрим. Тем не менее, мисс Сафо, я должен попросить вас отойти вон к тем кустам с пурпурными листьями. Оставайтесь на виду, пожалуйста, но не приближайтесь ко мне. Если вы сделаете что-то неожиданное, я вас пристрелю — можете не сомневаться.

— Не сомневаюсь, — сказала Сафо и по оттяжке добралась до стены, оказавшись слева от Бар-ле-дюка. Когда она отошла достаточно далеко, полицейский приказал ей остановиться.

Тем временем вошли, один за другим, четверо спутников Бар-ле-дюка (все мужчины). Сердцебиение Дианы ускорилося. Это происходит на самом деле. Это реальность. Она была безоружна и совершенно не представляла, как Яго намерен справиться с пятью вооруженными и опытными командос. Всё шло к тому, что его на самом деле возьмут под арест. И что потом? Всё будет как сказал Бар-ле-дюк? Власти разберут его орган за органом, в водопаде крови, чтобы добраться до того, что хранится у него в голове.

— Яго, — торопливо проговорила она. — Что нам делать?

— Сохранять спокойствие, — ответил он ровным голосом.

— Дельный совет, мисс Аржан, — заметил Бар-ле-дюк. Он аккуратно оттолкнулся от оттяжки и поплыл в их сторону. В десяти метрах слева и чуть-чуть ниже на стене примостился ЗИЗдроид, записывая происходящее.

— Я привёл дроида, как видишь, — добавил Бар-ле-дюк. — Хотя теперь, когда мы здесь, сомневаюсь в его необходимости.

— Таковы условия сделки,— сказал Яго громко и внятно, чтобы дроид все зафиксировал.— Таков наш договор. Ты, Бар-ле-дюк, на основании переданных тебе полномочий, соглашаешься отпустить мисс Диану Аржан. Ты оставишь её здесь вместе с компаньонкой, Сафо, и находящимся в рабочем состоянии шлюпом, в данный момент пришвартованным к сфере,— он называется «Ред Рум 2020». Они обе, а также корабль конкретно обозначены в настоящем договоре. Ты соглашаешься оставить эту сферу и этот корабль в полном порядке, а также соглашаешься не применять силу к мисс Аржан и её подруге и не помечать их каким-либо образом. Взамен я соглашаюсь пойти с тобой без принуждения.

— И без насилия,— многозначительно уточнил Бар-ле-дюк.

— Никакого насилия. Я даю слово не посягать на твою жизнь, жизнь твоих людей, а также на твоё оборудование и проследовать вместе с тобой в пункт назначения, который ты выберешь сам.

— Я бы мог просто забрать тебя, Джек,— сказал Бар-ле-дюк, пригрозив ему пальцем.

— Ты мог бы попытаться,— согласился Яго.— Но ты не можешь себе позволить убить меня, поскольку тебе нужно то, что находится в моей голове. А я изрядно поднаторел в причинении смерти и увечий прочим людям. Это значит, что такой исход может стать весьма... проблематичным для тебя.

Бар-ле-дюк одарил его долгим взглядом. Его яркие фиолетово-голубые глаза смотрели прямо, не мигая.

— А если я соглашусь на твои условия?

— Тогда я пойду с тобой, как обещал, и не причиню никому вреда. Все детали теперь хранит ЗИЗдроид.

— ЗИЗдроид можно уничтожить,— заметил Бар-ле-дюк.

— Если это случится, неприкосновенность мисс Аржан также будет уничтожена. Поверь мне, это последнее, чего я хотел бы добиться. Следовательно, у меня нет поводов вредить тебе или дроиду. Я предлагаю законным способом связать моё хорошее поведение с её неприкосновенностью. Таков наш договор. Ты согласен заключить его?

После короткой паузы Бар-ле-дюк ответил:

— Да.

Потом он произнёс — громко, так чтобы слышал дرويد:

— Я, Андре Бар-ле-дюк, заключаю договор на тех условиях, которые предложил Стекланный Джек.

— Яго,— сказала Диана.— Ты не можешь пойти с ним. Ты идёшь на верную смерть!

— Какой героический жест, не правда ли? — проговорил Бар-ле-дюк без сарказма или издёвки, скорее с печальной уверенностью в собственных словах.— Самопожертвование. Но я знаю Джека дольше, чем вы. Он что-то замышляет — у него карта в рукаве. Верно, Джек?

— Меня волнует лишь одно,— отрезал Джек.— Чтобы у Дианы была юридическая неприкосновенность.

Он по очереди разглядывал людей, которых Бар-ле-дюк привёл с собой, как будто оценивая их возможности. Но что он мог сделать? Все четверо были вооружены, натренированы и верны своему хозяину — верность обеспечивал КРФ.

— Всё готово,— заключил Бар-ле-дюк.— ЗИЗдроид зафиксировал договор. Должен признать, Джек, всё прошло куда проще, чем я рассчитывал.

Диана ощутила, как поднимается волна паники.

— Не оставляй меня,— сказала она.

— Ты свободна, Диана,— произнес Яго. На неё он не взглянул.

Бар-ле-дюк покачал головой:

— Нечестно с твоей стороны, Джек, играть с девичьим сердцем!

— Это ещё что? — рявкнул Яго.— Не говори ерунды. В его голосе звучало искреннее возмущение.

Бар-ле-дюк обратился к Диане:

— Мисс Аржан, моя дорогая,— сказал он.— Поверьте в то, что я говорю: Стекланный Джек смотрит на людей, как художник или архитектор — на краски или камень. Они — вы — ему не интересны, ему интересно лишь то, что можно сделать с ними, с вами. Возможно, сейчас он убежден, будто то, что он собирается сделать с людьми, с триллионами человеческих существ, и вправду целесообразно, достойно, служит высшему благу. Может быть, он действительно так думает! Но мне кажется, что это не повод прощать его поведение. Средства не оправдывают цель. Людей нельзя использовать как инструменты. С ними надо обходиться как с людьми.

— Со мной ты тоже обойдёшься по-человечески? — спросил Яго, заметно раздраженный этой лекцией.

— Ты особый случай. Ты это знаешь, как и я. Я служу справедливости, закону и порядку. Если бы не существовало строгого и справедливого наказания за правонарушение, что бы тогда...

И в этот самый момент Бар-ле-дюк был разрезан пополам — лишен жизни, убит, уничтожен.

Внутри пузыря воцарилось безумие. Взрывная декомпрессия. Весь воздух в сфере конвульсивно содрогнулся.

Болезненный рывок — и Диану потащило в сторону. Она описала тошнотворный полный круг и продолжила вращаться. Из-за резкого ускорения её руки и ноги растопырились, словно конечности морской звезды.

Хаос.

Хаос и древняя ночь.¹

Несмотря на ошеломляющую внезапность происходящего, Диана мгновенно поняла, в чём дело. Мотаясь из стороны в сторону, ударяясь о корпус пузыря так, что дыхание перехватывало, она осознала, что герметичность сферы нарушена. И что торс Бар-ле-дюка превратился в облако красных капель.

Ох!

Было и что-то ещё, сразу же после взрыва, что-то другое. Чьи же это слова?.. Кажется, Шекспир? Перерыв свою память, оставшуюся без БИта, в поисках источника цитаты, она остановилась на Шекспире: «код внезапно изменился»². Эти слова наилучшим образом описывали случившееся. Она почувствовала какую-то странность, что-то мешало ей не только осмысливать, но даже воспринимать реальность. На мгновение реальность обрела безошибочный привкус Миртуаль-

¹ Отсылка к поэме Джона Мильтона «Потерянный рай».

² Диана ошиблась. Первоисточник цитаты вовсе не Шекспир, а фильм «Матрица: Перезагрузка» (2003, реж. Л. и Э. Вачовски).

ности, прежде чем вернуться — с почти различным щелчком — к своему обычному состоянию. Что-то набухло или сжалось; страх въедается в мозг. Возможно, подумала она, всё дело в тех чувствах, так тонко настроенных, так тщательно взращенных в ней. Они подсказали ей, что сейчас произойдёт. И это произошло.

Кто-то выстрелил в Бар-ле-дюка из тяжелого оружия. Его в буквальном смысле и самым ужасным образом разорвало пополам. Выстрел был сделан сквозь стену пузыря, и пришвартованный шлюп тоже развалился на две части. Прицелившись богиня-знает-как, кто-то снаружи навел ствол на Бар-ле-дюка, и сверхбыстрый снаряд, пронзив корпус сферы, угодил прямо в него.

Вопрос «каким образом?» был таким же актуальным, как и «кто это сделал?». Но самым важным был третий — как остановить утечку воздуха?

Диана поняла, что её засасывает в пробоину. Она видела, как трое из людей Бар-ле-дюка, кружась, летят по той же траектории. Четвёртый исчез. Он стоял, как ей вспомнилось, возле места возникновения дыры и, предположительно, был уничтожен.

Вихрь.

ЗИЗдроида волокло в ту же сторону, хотя он и закрепился автоматически на одной из оттяжек.

Сафо, странным образом полуокрашенная — красным её окатило только с одной стороны, — пролетела по касательной мимо Дианы. Наконец она приземлилась среди взбесившихся кустов, раскинув руки, чтобы погасить удар, и вцепилась в них, чтобы удержаться на месте.

Яго волею случая отбросило в противоположном направлении от дыры — Диана видела, как он исчез в миниатюрном лесу. Как и Сафо, он выглядел так, словно кто-то окрасил его из распылителя тонким слоем красной краски.

Несколько секунд назад эта краска была Бар-ледюком.

До Дианы дошло, что Яго засасывает во вторую дыру. Ведь сообразно входному отверстию должно было существовать и выходное. Снаряд, который вошел в сферу и пересек её, должен был выйти с другой стороны — потому Яго и несло в том направлении. На верную смерть. Он исчез из вида: должно быть, уже летел в безвоздушном пространстве. Но это означало смерть и для них — сфера такого размера не могла пережить две большие пробоины. Воздух уйдёт, как вода сквозь сито. У них осталось всего несколько секунд.

Они все умрут. В голове у Дианы проскользнула мысль: об этом выборе и говорил Яго! Уйти с Бар-ледюком или погибнуть.

Она ударилась о стену сферы с такой силой, что из лёгких вышибло весь воздух. Отскочила. Развернулась на триста шестьдесят градусов. Успела заметить, как один из людей Бар-ледюка исчезает во входном отверстии. Мужчина раскинул руки, его лицо застыло в гримасе ужаса, он пытался зацепиться за край дыры, удержаться. Но края были скользкие и изогнутые, а давление воздуха слишком сильным. Он яростно трепыхался секунду-другую, а потом исчез. Пролетев по диагонали мимо дыры, Диана мельком увидела то, что было за ней, — клубящийся хаос металлических обломков корабля, мусор и чернота.

Дыра в ткани мира, и в неё со свистом уходили воздух, тепло и жизнь.

Вокруг неё кричали люди, она видела их разинутые рты. И даже как будто слышала невнятный поток звуков, искаженный жутким шумом воздуха, уходящего из пробоины.

Второй удар, смягчённый растительностью. Диана вцепилась в пружинистые ветви и почувствовала, как весь куст натянулся, словно вот-вот оторвется от стены. Но он выдержал, и она, как могла, усилила хватку. Двое оставшихся людей Бар-ле-дюка тоже нашли за что ухватиться.

Повернув голову, чтобы сориентироваться в окружающем хаосе, она увидела, как летит что-то массивное и угловатое. Этот предмет, чем бы он ни был, ударил одного из двоих по голове. Столкновение лишь слегка изменило траекторию его полёта — вес и в самом деле оказался немалым,— и тот продолжился до самой пробоины.

Если бы он достиг дыры в продольном положении, то проскользнул бы наружу без труда. Но Провидению или богине было угодно, чтобы он развернулся и упёрся выступающими углами в края отверстия. Рёв уходящего воздуха изменил тембр, сделался выше. Стена пошла волнами, но заглушка осталась на месте.

Поток воздуха всё ещё тянул Диану в космос, навстречу смерти, но, поскольку дыра была отчасти заблокирована, его сила уменьшилась.

И неожиданно (постойте-ка! Разве он не умер?) появился Яго собственной персоной. Живой! Его всё-таки не засосало в космос сквозь вторую брешь, он

летел с дальней стороны пузыря, держа в руках лоскут гелевой ткани.

Он достиг пробоины и одним ловким движением накрыл тканью всю повреждённую зону. Гель растёкся во все стороны, заполняя малейшие неровности по краям дыры, и тяжелая штуковина, застрявшая в ней, ничуть этому не мешала.

Через несколько секунд пробоина была запечатана.

В ушах Дианы зазвенело от тишины.

Она судорожно вздохнула — лёгкие повиновались с трудом.

Яго оттолкнулся от стены и подлетел к контейнеру с инструментами, установленному среди стенных зарослей вереска. У него ушла секунда на то, чтобы запустить резервную систему воздухообеспечения, и раздался благословенный шипящий звук — давление внутри пузыря начало расти.

Белый шум. Дышать постепенно становилось легче.

Дыши.

Дыши.

Диана сглотнула. Её внутреннее ухо щёлкнуло — справа, слева, — и звуки пришли в норму. Сердце лихорадочно колотилось в груди.

Она пришла в себя в достаточной степени, чтобы осмотреться. Дунронин был похож на снежный шар, который встряхнули: в густом воздухе ленивыми кругами плавал всевозможный мусор, и листья, и — брр! — кровавые глобулы.

Сафо держалась за куст на дальней стороне сферы. Хоть она жива! Двое из четвёрки Бар-ле-дюка исчезли

в космосе, но двое остались внутри. Один висел на ветке недалеко от Дианы, другой был в движении — карабкался к дальней части их мирка, держа в руке пистолет.

Ну конечно же, они были вооружены. Её сердце кувыркнулось и ускорило ход.

И тут она увидела Яго — его лицо превратилось в маску ярости. Она никогда еще не видела его таким. Он оттолкнулся от контейнера с инструментами и полетел к ней. Схватил за плечи.

— Ты в порядке? — спросил он. — Не ранена?

— Всё хорошо, — выдохнула она. — Как ты запечатал второе отверстие?

— Второе отверстие?

— Выходное... ох, ЙагО, я думала, тебя засосало наружу! Думала, ты с той стороны и уже мёртв!

— Выходного отверстия нет, — проговорил он с лёгким удивлением. А потом, оттолкнувшись от стены, прыгнул к человеку, который висел поблизости. Его он схватил не за плечи, а за горло.

— Как? — заорал он. Диана никогда раньше не видела, чтобы он выходил из себя, — она жила с ним, знала его долгие годы, но никогда не видела, чтобы он выходил из себя. Эффект усиливало то, что он с головы до ног был покрыт блестящей алой липкой плёнкой. — Как? Как он узнал, где меня найти?

— Он знает, что у вас есть БСС, — прохрипел мужчина.

Глаза Яго широко распахнулись. Потом он произнес:

— Что?

— Он нам сказал. Он так сказал! Улановым ничего не известно, иначе они бы прислали сюда армию. Мсье

хотел захватить вас сам, а потом передать своим хозяевам в качестве подарка.

Это был тот самый человек, которого ударило по голове непонятным летящим предметом. У него на лбу виднелся глубокий порез, из которого росли кровавые побеги. С кончиков этого жидкостного образования срывались сферические капли крови, присоединяясь к большому алому облаку. Похоже, удар его оглушил. Он бросил взгляд на своего напарника. Сам он одной рукой держался за куст, а в другой сжимал пистолет — но, похоже, не был уверен в том, что с ним следует делать.

Яго не отпускал его горла.

— Как твоё имя?

— Имя? — с глупым видом повторил мужчина.

— Да, имя! — рявкнул Яго.

— Махьяди Пангабеан.

— Индонезиец?

— Я родился, — слегка невнятно проговорил Махьяди Пангабеан, — в поселении Доступ 17, что на орбите...

— Не притворяйся идиотом, — зарычал Яго. — Ты же меня понимаешь. Твои предки родом из Индонезии?

Мужчина попытался протереть глаза от крови, но лишь сильнее размазал её по лицу. Заморгал, мучительно сморщил лоб. Издал череду всхлипывающих звуков.

— Я понял, о чём вы на самом деле, — сказал он. — Я знаю. На клан Ю работает много индонезийцев, это правда. Но они работают и на все остальные кланы тоже, и на гонгси.

В Яго проснулась воистину звериная свирепость. Диана, хоть и была всего лишь наблюдателем, вздрог-

нула. Он схватил Махьяди Пангабеана за голову и встряхнул его, словно куклу. Парень застонал, порез на лбу стал кровоточить сильнее.

— Так это всё Транспорт? — заорал Яго. — Это клан Ю пытается заполучить БСС? Вы за этим сюда явились?

— Сукарно! — взвыл Махьяди Пангабеан, призывая своего коллегу. Но тот, хотя и был вооружен, лишь зарылся поглубже в заросли, покрывавшие стену.

— Он не выстрелит, — проворчал Яго. — Он в меня не выстрелит, потому что ему сказали — либо меня возьмут живым, либо его самого прикончат. Я прав, Сукарно? — крикнул он, обернувшись. — Я нужен им живым, иначе они разгневаются. Нужен из-за того, что, как им кажется, находится в моей голове. И этот твой Сукарно ни в кого не выстрелит, потому что знает, — тут Яго опять заорал, — он знает, что в этом случае я — в самом буквальном смысле — срежу всё мясо с его костей. Я заживо сдеру с него кожу своим острым стеклянным ножом. — Сукарно вжался в зелёную стену. — Кто оплатил этот рейд?

— Не надо... — закричал мужчина.

— Это был клан Ю? Говори.

— Клан Аржан! — завопил Махьяди Пангабеан, словно эти слова выдрали у него из глотки. — Меня за это казнят! Это был клан Аржан!

Яго отпустил жертву. Парень начал медленно вращаться в невесомости, прижав руки к лицу и даже не пытаясь за что-то схватиться.

— Клан Аржан, — ровным голосом повторил Яго. Всей его ярости как не бывало.

— Всё перевернулось вверх дном. Улановы признали нового главу клана — двое старых предводителей исчезли, по слухам, они мертвы,— бормотал вращающийся мужчина.— Что-то очень опасное, это новое оружие... выживание человечества. Так говорил Мсье! Это изобретение нельзя отменить, сэр. Так где же еще хранить такую ужасную вещь? Новый глава клана поддерживает Улановых, невзирая на все жесткие меры. Лучше так, чем хаос гражданской войны или революция,— и разве можно позволить, чтобы такое оружие пошло в массы? Если Улановых сместят, начнётся война, которая охватит всю Систему. И что, если в этом вихре одна из фракций решит опробовать такую... штуку?

— Штуку,— повторил Яго.

— БСС,— прохрипел парень.

Несколькими отработанными движениями Яго вытер липкую кровь с лица и рук. Он оглядел внутренности своего разрушенного дома.

— Мистер Сукарно! — крикнул он, не поворачивая головы в ту сторону, где среди кустов прятался человек.— Можете выходить. Я не причиню вам вреда.

— У меня есть пистолет, мистер Джек! — дрожащим голосом отозвался Сукарно из зарослей.

— Знаю. Это теперь не имеет никакого значения.

— Я убивал людей, мистер Джек!

— Но сегодня вы никого не убьете,— ответил Яго.— Выбирайтесь из кустов. Я вас не трону. Однако мне придётся вас тут оставить. То есть оставить в моём доме по меньшей мере на несколько недель. Но тут много ганка и в целом удобно, а где-то через неделю появятся фрукты. Обещаю, что сообщу властям, и вас спасут. Хотя, наверное, они и так знают.

— Не думаю,— сказал Сукарно.— Мистер Бар-ледюк хотел захватить вас самостоятельно и получить награду целиком. Сомневаюсь, что он кого-то проинформировал о том, куда направлялся.

— Значит, я сообщу им о том, что вы здесь.

Пауза.

— Они не обрадуются, узнав, что мистер Бар-ледюк мёртв!

— Нет,— согласился Яго.— Нет, не обрадуются.

Сукарно выбрался из кустов и легко оттолкнулся от стены, чтобы подлететь к остальным. В воздухе было так много красного, что не испачкаться ему не удалось.

— Простите, что повредили ваш дом, сэр. Просто мистер Бар-ледюк был уверен в том, что у вас есть БСС, он сам так говорил,— сказал Махьяди Пангабеан. Его раненая голова покачивалась из стороны в сторону.— Совершенно уверен.

— Он вам рассказал о том, что нас связывало? — спросил Яго.

— Да... сэр.

Диану поразила та лёгкость, с которой двое мужчин приняли роли подчинённых по отношению к Яго. Тот факт, что она продолжала думать о нём как о слуге, лишь усиливал странность. Но, конечно, она понимала, в чем тут дело. Бар-ледюк накачал своих людей КРФ. Они стали верны ему, но это ослабило их инициативность и способность к самостоятельным действиям. Теперь, когда их хозяин умер, они ощутили себя потерянными. Своими решительными действиями Яго проложил прямой путь к их алчущим определённости, химически подправленным мозгам.

— Мистер Джек,— проговорил Сукарно, хватая своего коллегу, чтобы остановить его медленный дрейф и вращение.— Позвольте спросить. Вы и в самом деле обладаете БСС?

В Яго сверкнула искра былой ярости:

— Неужели вы думаете, что я бы тут сидел, если бы обладал двигателем, позволяющим перемещаться быстрее скорости света? Думаете, я бы рисковал оказаться в руках Улановых, чтобы меня запытали до смерти? Неужели я бы поступил так, окажись в моём распоряжении корабль, который может обогнать любой тахионный движок? Ни один полицейский шлюп никогда бы не поймал меня. Я бы мог просто уйти. Я бы стряхнул пыль Солнечной системы со своих ног и отправился на просторы Галактики. Разве нет? Вы бы поступили иначе?

Двое мужчин уставились на собственные ноги.

— Ты бы действительно так поступил? — спросила Диана.

— А разве это не решило бы все проблемы сразу? — ответил он.— Предположим, я владел бы работающим БСС-двигателем и сведениями о его устройстве. Улетев к далёкой звезде, я бы отвёл опасность как от человечества, так и от самого себя — одновременно.

— У тебя нет БСС-двигателя,— сказала Диана.— Отчего же этот Бар-ле-дюк думал, что есть?

— Есть другой вопрос,— парировал Яго.— Куда более интересный.

— Какой?

— Кто его убил?

Первым делом следовало оценить ущерб. Яго распаковал огромный фильтрационный веер и запустил

процесс очистки воздуха внутри пузыря. Поначалу медленно, потом быстрее мусор и кровавые капли исчезли. Теперь можно было дышать, не боясь закашляться из-за кусочков листьев или подавиться (вот кошмар) красными комочками с привкусом железа. Вообще-то фильтр забился не единожды, а трижды, стараясь очистить помещение, — до такой степени замусоренной оказалась внутренность сферы. Каждый раз, когда его заедало, Яго снимал насадки и счищал с них комковатую чёрную слизь в пластиковый мешок. Тем временем Сафо обмотала бинтами раненую голову Махьяди Пангабеана, да с такой старательностью, что у него остались видны только глаза, словно он надел белую балаклаву.

Заплата на пробойне держалась хорошо. Они слегка запаниковали, когда дверь воздушного шлюза — метрах в десяти от пробоины — не захотела открываться. Пришлось изрядно помучиться, чтобы сдвинуть её с места.

— Металлические крепления и петли деформировались, — заявил Яго, ухватив лом на манер меча. — Неудивительно, если учесть, какой удар обрушился на сферу.

В конце концов они всё-таки её открыли. Расположившийся по другую сторону шлюза «Ред Рум» был цел. Давление воздуха держалось на нормальном уровне, и вся электрика работала. Но корабль, на котором прибыл Бар-ле-дюк, оказался полностью разрушен. Траектория фатального снаряда — чем бы он ни был — прошла не только через шлюп Бар-ле-дюка, но и его тело, обратив второе в липкое облако, а первый — в металлический каркас с двумя рваны-

ми дырами. Декомпрессия была полной, структурный ущерб — мгновенным и катастрофическим. Никто не смог бы выжить.

Все пятеро забрались в трюм «Рума» и оттуда глазели на обломки. Яго приказал домашнему ИскИну следить за активностью снаружи, но тому не о чем было докладывать.

— Это означает лишь то,— заметил Яго,— что шлюп, который стрелял в нас, хорошо замаскирован. И больше ничего.

— Корабль Бар-ле-дюка был соединён с нашим,— проговорила Диана, не в силах оторвать взгляд от ужасного зрелища.— Какая удача, что «Ред Рум» не оторвало от воздушного шлюза — иначе мы бы застряли здесь.

— Какие-то структурные повреждения на «Руме» неизбежно найдутся. Нам придётся как следует его проверить, прежде чем соберёмся улетать. Но больше всего меня беспокоит не это.

— А что же?

— Погляди-ка на повреждения,— велел Яго.— Что-нибудь видишь?

Сначала Диана не увидела и поглядела опять. Тут-то до неё дошло.

— О, богиня,— прошептала она, поворачиваясь к воздушному шлюзу, за которым располагалась сфера.

Сукарно также был с ними, как и Махьяди Панга-беан с Сафо.

— Надо уходить,— заявил Сукарно.— Тот, кто это сделал, может в любой момент выстрелить опять.

— Дурак,— сказала Сафо.— Летящий космический корабль подстрелить не сложнее, чем трущобный пузырь.

Махьяди Пангабеан медленно проговорил:

— Возможно, корабль, атаковавший вашу сферу, уже улетел? Потому что, в самом деле, если он по-прежнему где-то рядом, то остаётся лишь удивляться, почему не было нового выстрела.

— Подумайте,— произнес Яго.— Посмотрите на улики. Луч этого оружия или траектория полёта снаряда несли в себе достаточно энергии, чтобы разнести ваш шлюп, пробить стену моего дома и превратить вашего нанимателя в красное облако. Такой выстрел без труда пробил бы и противоположную точку в моей сфере. Фактически, он обязан был просверлить её насквозь.

— Но не просверлил,— сказала Сафо с внезапным пониманием.

— Может, у него иссякла кинетическая энергия,— предположил Махьяди Пангабеан.— И он застрял... или... что-то мне... нехорошо. У меня в глазах двоится.

— Нет, вы только вспомните, что произошло с Барледюком,— вставила Диана.— Его не просто застрелили — его распылили. У снаряда было достаточно кинетической энергии в момент удара. И поглядите на ущерб, причинённый пузырю — и вашему кораблю. Видите, края отверстий изогнуты наружу? Это выходные раны.— Она осеклась.— Я сказала «раны»? Кажется, это так называется.

— Вывод,— сказал Яго,— достаточно ясен. Стреляли не снаружи. Наоборот, стреляли изнутри. И это значит...

— Это значит, что стрелявший всё ещё здесь. Он не мог сбежать — выходит, он по-прежнему внутри.

Для пятерых кабина «Ред Рума» была очень тесной, однако все они посмотрели на воздушный шлюз с содроганием.

5

ПОИСКИ

— Со всем уважением, сэр, позвольте сказать,— проговорил Сукарно,— что нам надо сейчас же уходить. Нельзя медлить ни секунды. Закройте люк и отшвартуйтесь, пока тот, кто внутри, не выстрелил опять.

Он выхватил пистолет и держал открытый воздушный шлюз под прицелом.

— Даже не обсуждается,— отрезал Яго.

— Сэр, ещё раз подчеркну своё уважение... но почему нет?

— Во-первых, я не уйду отсюда без ЗИЗдроид. Во-вторых, корабль не готов к перелету. До ближайшего дружественного обиталища три дня на полном ускорении и целая неделя до более или менее крупного кластера, где можно приобрести всё необходимое. Оглянитесь вокруг, Сукарно. Нас пятеро, а противоперегрузочных коек всего четыре. Если бы я отнесся к вашему предложению серьезно, мне пришлось бы ограничить ускорение до какой-то пары «же» — и на то, чтобы добраться хоть куда-нибудь, у нас ушло бы много недель. Нет.

Но Сукарно не сдавался.

— Неудобства, может, и неизбежны,— сказал он.— Но человек, который убил нашего хозяина, всё ещё внутри. Если улетим сейчас, он или она окажется в ловушке. Мы можем уведомить власти, и тогда за злоумышленником вернутся и арестуют его.

— Когда мы сюда попали, то не увидели чужого корабля, пришвартованного к люку, однако злоумышленник — как вы его назвали — уже был внутри. Как же этой персоне такое удалось?

— Кто-то привез её сюда,— предположила Сафо.

— Это единственное логичное объяснение,— согласилась Диана.— Если только она попросту не телепортировалась внутрь. Но если её кто-то сюда доставил, то еще может вернуться, чтобы забрать обратно. Так что идея с ловушкой не работает.

Тирада вынудила Диану закашляться. В ноздри ей бил сильный запах крови, пота и чего-то ещё — горелого, испорченного.

— Как же они доставили чужака? — спросил Яго, подтянувшись к люку и засовывая голову внутрь.— Замки на моих дверях открываются вручную, тщательно зашифрованы и не выглядят взломанными. Если кто-то подбросил сюда убийцу, он умудрился сделать это, не потревожив ни одну из моих охранных систем.

— Кто-то оказался настолько умён, что сумел обмануть твои замки? — сказала Диана.

— Их могу открывать только я,— настаивал Яго.— А я тут не был уже много лет.

— Может, они вошли не через дверь? — предположил Сукарно.

— Как же иначе? Впрочем, когда мы найдём этого человека, кем бы он ни оказался, то спросим его.

— Вы собираетесь обыскивать дом? — со страхом в голосе спросил Махьяди Пангабеан. Он скорее бубнил сквозь повязку, чем говорил.

— Сэр,— начал Сукарно.— При всем уважении, возвращаться в это замкнутое пространство — риск, почти что равносильный самоубийству! Преследовать человека, способного на убийство и вооруженного очень мощным оружием? Вы не можете от нас такого требовать!

— Этот человек, кем бы он ни был, мог бы уже нас убить,— возразил Яго, внимательно изучая внутреннюю часть своего дома через люк.— Он — или она — этого не сделал. Зачем же убивать нас сейчас, раз это не было сделано раньше?

— И всё же, с неизменным уважением, сэр,— сказал Сукарно.— Мы ведь раньше не пытались его найти. Тот, кого разыскивают, ведёт себя по-другому.

— И тем не менее,— проронил Яго.

— Ты прав,— произнесла Диана, пробираясь через кабину поближе к нему.— Кем бы ни была эта неизвестная персона, она уже могла нас убить. Но не убила. Я не думаю, что она действует наобум. Она ждала момента, когда тебя должны были арестовать, Яго. И застрелила твоего тюремщика. Я думаю, она действует в твоих интересах.

— Или в интересах всего человечества,— заметил Яго.

— У тебя появилась дурная привычка,— сказала Диана.— Ты приравниваешь свою личную безопасность к судьбе всей Солнечной системы.

— Я поразмыслю, чем одно отличается от другого,— обещал Яго,— когда выпадет свободная минута.— Диана посмотрела на него. Он выглядел зловеще — на его лице почти не осталось крови и грязи, но их было до ужаса много на одежде. Но потом он улыбнулся: — Кто из нас двоих интуитивно решает загадки? Вот ты мне и скажи, кто там прячется.

Диана не была уверена, откуда пришли эти слова, но внезапное озарение заставило её сказать:

— Мисс Джоуд. Она не хотела, чтобы Бар-ле-дюк забрал тебя... потому что сама хочет тебя арестовать. Чтобы оправдаться в глазах бывших хозяев.

— Как же она могла оказаться здесь? — рассеянно спросил он, заглядывая в люк.

— Не знаю.

— Тогда это всего лишь беспочвенные предположения. Ты способна на большее. Давайте-ка найдём злоумышленника, и тогда у нас появятся кое-какие ответы. Вперёд.

Он оттолкнулся ногой от края люка и поплыл прямо к центру дома. Остальные поспешили к проёму и уставились на него. Яго схватился за оттяжку и повис, обозревая низкорослый кустарник прямо напротив входа.

— Что ж,— сказала Диана.— Наша очередь.

Все согласились, что Махьяди Пангабеан слишком плох, чтобы участвовать в поисках. Его оставили возле люка и приказали не зевать. ЗИЗдроида переместили туда же — он тихо и старательно всё записывал, держа всех в поле зрения. Яго запрограммировал его подать

сигнал тревоги, если где-нибудь в доме появится новая фигура.

— Начнём,— сказал Яго.

Характерное свойство сферы заключается в том, что с любого места на внутренней стене можно получить панорамный обзор всей остальной поверхности. Четверо начали поиски от двери и принялись методично всё осматривать, двигаясь по четырём ортогональным тропинкам.

— Может, нам стоит вооружиться? — довольно нервно спросила Сафо, поглядывая на Сукаро.

— Нет,— отозвался Яго во весь голос, чтобы его было слышно повсюду.— Мы не хотим никому причинять вреда. Мы лишь хотим узнать, с кем делим свой дом,— и, возможно, поговорить.

Никто ему не ответил.

В общем-то, с самого начала было ясно, что единственным местом, где мог расположиться стрелок — в момент выстрела, разумеется,— являлся участок площадью в пару сотен квадратных метров, на котором заросли кустов достигали двух метров в высоту и который находился практически напротив входа. Конечно, с тех пор неизвестный мог переместиться, и они вчетвером быстро пробирались по разным траекториям, тщательно осматривая все места, где можно было спрятаться. Фруктовое дерево предоставляло наилучшее укрытие: Диана вскарабкалась на его самую толстую часть и осмотрела каждую ветку. Потом, проскользнув вдоль пустых овощных поддонов, она присоединилась к остальным.

— Он должен быть там,— заявил Яго, взмахом руки указывая на кусты.

— Если он вообще где-то есть.

— И если не телепортировался отсюда магическим образом,— сказала Диана. Сафо посмотрела на неё.— Телепортации не бывает,— прибавила она, сожалея о сказанной глупости.

— Выходите! — крикнул Сукарно в сторону зарослей.— У меня пистолет!

— Мистер Сукарно,— проронил Яго, не глядя на него.— Уж простите, но вы как-то слишком любите кричать: «У меня пистолет».

— Ну а если там кто-то есть,— проговорила Сафо.— Этот человек, этот убийца, если мы его встретим — что будем делать?

Никто не ответил. Диана крикнула:

— Кто бы ты ни был — мы не причиним тебе вреда. Ты оказал нам услугу, спас Яго от ареста. Мы просто хотим поговорить!

По-прежнему никакого ответа. Сгустки крови, мусор и опавшие листья всё ещё лениво кружились в воздухе.

Все посмотрели на заросли.

— Я вижу, как туда можно было забраться,— заметила Диана.— Но не как выбраться.

— Надо попасть внутрь, чтобы убедиться,— сказал Яго.— Пожалуйста, уберите оружие, мистер Сукарно. А то ещё кого-нибудь из нас подстрелите.

Сукарно, смутившись, спрятал пистолет в кобуру.

— Что ж,— произнес Яго, переведя дух.— Давайте посмотрим.

И они вошли в рощицу.

Снаружи заросли выглядели небольшими, и Диану удивило, какие они просторные изнутри. Она про-

биралась сквозь лабиринт узких дорожек. Ветви и побеги растений были гладкими, но неподатливыми, их покрывал восковой слой, сохранявший влагу. Листья большей частью оказались жесткими и недоразвитыми, а в некоторых местах через густые заросли было вообще не пробиться. Впрочем, хватало и полостей с туннелями, пригодными для прохода. Диа не встретила особых затруднений на пути. Прикасаясь к стволам, она чувствовала вибрацию, которая свидетельствовала о продвижении остальных. Вокруг царили зелёные сумерки.

Движение: кто-то приближался к ней. Она пнула незнакомца в ногу, и удар получился неожиданно громким, а отдача отбросила её глубже в заросли.

— Эй, это я! — крикнул Яго. — Ты чего?

Диана перевела дыхание.

— Я поняла, что это ты, — выговорила она. — Ты и твоя жестяная нога, будь она неладна.

— Она подороже, чем жёсть, — заметил он, пробираясь сквозь L-образную полость.

Из-за деревьев выглянула Сафо — она висела вверх ногами по отношению к Диане.

— Мисс?

— Извини, — сказала Диана. — Яго испугал меня.

Они помолчали. Потом Яго сказал:

— Здесь никого. Эти заросли пусты.

— Я нашла... трубу, — неуверенно проговорила Сафо. — Ну не настоящую. Не вещь. Пустоту в виде трубы.

— Что за бессмыслица! — сердито воскликнул Яго. — Объясни!

— Я имела в виду путь,— сказала Сафо.— Путь, ведущий сквозь растительность. Он хорошо спрятан. Но ведёт к двери.

— Покажи,— велел Яго.

Он поспешил за ней.

Заставляя себя дышать медленнее, Диана также двинулась следом. Она миновала изгиб туннеля и сунула голову в полость, где хватило места и для Сафо, и для Яго. Через секунду появился Сукарно.

Как и говорила Сафо, в густой растительности имелось нечто вроде узкого туннеля.

— Здесь мог пройти снаряд,— сообщил Яго, повернувшись лицом к зелёной стене.— Или, может быть, это естественное образование.

— А края вроде... обгорелые? Или нет?

— Сложно сказать,— проговорил Яго, проведя пальцами по краю выемки.— Не горячие. Скорее, наоборот.

— Если убийца тут и был,— вставил Сукарно,— теперь его нет.

— В этом случае Махьяди Пангабеан должен был его увидеть,— заметил Яго.— Вообще-то я как раз вижу его самого через эту трубу, он сидит у двери. Махьяди Пангабеан! — крикнул он.— Вы видели, чтобы кто-нибудь выходил из зарослей?

Ответа не было. Поспешно выпутавшись из сплетения ветвей и бросившись к нему, они увидели, что мужчина заснул.

— Это из-за ранения,— извиняющимся тоном сказал Сукарно.— Он ослабел.

— Так он спит или потерял сознание? — спросил Яго.

Они принялись трясти его и тормошить, пока не разбудили. Он сердито воззрился на них и сказал:

— Я устал.

Они позволили ему снова заснуть.

— ЗИЗдройд,— вспомнила Сафо,— он же не спит.

— А давайте-ка посмотрим,— поддержал ее Яго.

Запустить воспроизведение визуальной информации было нетрудно. Разумеется, если б они захотели переключить его из режима «только для просмотра» в режим полной функциональности, пришлось бы попотеть. И в случае любого посягательства на сложную систему печатей дроида его данные были бы помечены как испорченные. Но пока что им требовалось лишь нажать на кнопку «старт», и не более того. По ДНК устройство опознало в Сукарно авторизованного пользователя и подчинилось.

Они увидели отличное изображение — как в смысле разрешения, так и хронометража. Дроид был первоклассный и явно дорогостоящий. Сукарно запустил обратное воспроизведение последних файлов. Контрастный узор из света и тени с плавной быстротой двигался по картинке, на которой события прокручивались назад. Они увидели самих себя, исчезающих в зарослях задом наперёд, копошащихся там какое-то время и опять появляющихся.

— Мы никого не спугнули,— заключила Диана.— Там некого было спугивать.— Потом, с внезапным пониманием: — Там никого не было.

— Но кто же стрелял? — удивилась Сафо.— Невидимка?

— Тот, кто стрелял, каким-то образом покинул этот дом,— предположил Сукарно.— Хотя я не знаю, как.

Поблизости нет других кораблей, иначе мы бы их увидели.

— А стены целы? — спросила Диана, обдумывая возможности.

— По данным домашнего ИскИна, — ответил Яго, — если не считать пробоины рядом с воздушным шлюзом, то корпус дома цел и невредим.

— Получается, тут не одна загадка запертой комнаты, а полторы, — сказала Диана, глядя на Яго с кривой усмешкой. — Кто-то пробрался в пузырь, не проходя через единственную дверь, не повредив стен и оставшись незамеченным. Он спрятался в этих кустах, застрелил Бар-ле-дюка и покинул пузырь, опять-таки не используя двери и не повреждая стен. И, как прежде, незаметно для всех нас.

— Это невозможно, — проговорила Сафо.

— Логика подсказывает, что стрелок и не удалялся, — заметил Яго.

— Тогда... где же он?

— Где мы ещё не искали? — спросил Яго.

Они снова обошли дом, открывая все контейнеры, даже такие, куда ни за что бы не поместился человек. Дия сообразила, что они не проверили всё ещё пустовавшие поддоны для овощей. Не стоило исключать, что кто-нибудь — кто-нибудь очень худой — мог втиснуться в один из этих узких резервуаров; но Сукарно, Яго и она открыли каждый и нашли только чёрную псевдопочву.

Через два часа стало ясно, что других людей внутри пузыря нет.

— Пусть ЗИЗдроид покажет, что случилось раньше, — предложила Диана. — Он ведь должен был запи-

сать и само убийство. И вполне мог запечатлеть нашего убийцу.

Сукарно включил просмотр. Изображения проносились перед ними в обратном порядке, создавая странную историю: вот люди — они сами — исчезают во входном люке. В их отсутствие дом тих и пуст. Потом все они опять появляются, задом наперед, и начинают мотаться вверх-вниз, вперёд-назад, влево-вправо с пропитанными кровью губками и сетями, полными кровавых ошмётков, разбрасывая их содержимое по всем направлениям. Потом собираются в одном месте и разделяются, поплыв кто куда. Яго отпрыгивает от Махьяди Пангабеана и хватает Диану. Потом сигает к двери, и внезапно вся сцена погружается в хаос, напоминающий броуновское движение.

— Замедли,— сказал Яго.— Вот тут-то и случился выстрел.

— Сэр? — спросил Сукарно.

— Отмотай до момента непосредственно перед убийством и оттуда запусти в нормальном режиме.

Изображение прокрутилось назад и застыло. Вот они все, без движения: Бар-ле-дюк посередине, самодовольный и печальный. В уголках его рта застыла тень улыбки, словно засечки на букве. Его правая рука чуть выдвинута вперед, левая висит вдоль тела. Он смотрит прямо на Яго. За ним Сафо, дрейфующая у стены, руки ее сложены на груди. Диана рядом с Яго. А сам Яго слегка склонил голову набок, на лице застыло скептическое выражение — он слушает Бар-ле-дюка. Его руки свободно висят по бокам — по меньшей мере в десяти сантиметрах от тела, ладони пусты. И наконец, четверо телохранителей Бар-ле-дюка также видны в четырех

разных точках внутри сферы. Махьяди Пангабеан поблизости от Сафо, Сукарно у стены. И двое других, чьи имена Диа так и не узнала и с кем ей уже не суждено было встретиться, расположились возле входа.

Сукарно запустил воспроизведение. Это был момент смерти. Бар-ле-дюк исчез в красном облаке. Это произошло мгновенно — его не разорвало на части, он моментально перешел из твердого состояния в газообразное. Зрелище было ошеломительное. И всё внутри дома превратилось в хаос: тела летели кувыркком, листья и капли крови со свистом носились повсюду.

— Стоп,— приказал Яго.— Повтори. И помедленней.

Сукарно повиновался. Он вернул первоначальную картинку и запустил воспроизведение заново. Бар-ле-дюк опять исчез, превратившись в красный туман без всяких промежуточных состояний.

— Сильнейший удар,— сказал Яго.— Или точно направленный тепловой луч. Можно ещё замедлить?

— Это самый медленный режим, какой только есть в настройках,— ответил Сукарно.

Было что-то гипнотическое в сцене, которую они пересматривали снова и снова. Превращение живого, цельного органического существа в неорганизованный беспорядок. Смерть, сконцентрированная в промежутке между кадрами.

И всё же третий просмотр занял так много времени, что Диана заскучала. Но кое в чем сомнений уже не было. Кто-то сделал выстрел, унесший жизнь Бар-ле-дюка, причем это не был ни один из семи человек, хорошо видных на записи: четверо телохранителей

Бара, Яго, Диана и Сафо оставались на виду, и они ничего не делали в тот момент, когда всё случилось. В руках у одного из телохранителей было оружие, но он направил его в сторону от Бар-ле-дюка, и не составляло труда заметить, что из этого оружия как раз не стреляли.

Запись пошла дальше, и всё повторилось опять. Пробойна в стене появилась одновременно с тем, как туловище Бар-ле-дюка расплылось в красную дымку. Картинка застыла.

— Высокоскоростной снаряд,— подытожил Яго.

Яго на записи всё ещё смотрел на Бар-ле-дюка с сардонической усмешкой, совершенно не замечая ничего неладного. Вот как молниеносно всё произошло. Даже Бар-ле-дюк, как это ни ужасно, находился в блаженном неведении относительно того, что творилось с его диафрагмой. Его лицо выглядело спокойным в тот миг, когда его живот превратился в месиво и испарился, как будто смерть опередила нервные импульсы.

Воспроизведение продолжалось, и красное облако поглотило Бар-ле-дюка целиком. Через секунду лица Яго и Дианы отразили испуг и отвращение. Диана наблюдала за Яго: подделать это непроизвольное вздрагивание невозможно, он был так же потрясен ужасным событием, как и она сама.

— Проверьте заросли,— предложил Яго.— Может, хоть там увидим вспышку в момент выстрела.

— Я ничего среди кустов не заметила,— сказала Сафо.— Ни движения, ни вспышки — ничего такого.

— Я тоже,— подтвердил Сукарно.

У Дианы зашевелились волосы на затылке. Что-то тут не ладилось.

— Ещё раз,— попросила она Сукарно.

Он прокрутил запись наоборот — медленно, очень медленно,— и красное облако сжалось, открыв сначала голову и ноги Бар-ле-дюка, а потом — руки и бёдра.

— Попробуйте остановить кадр точно в тот момент, когда снаряд попадает в него,— распорядилась она.

Запись немного продвинулась назад, красное облако сжалось еще сильнее и сосредоточилось в точке чуть ниже диафрагмы полицейского. Потом краснота вовсе исчезла, и тогда Сукарно остановил запись.

— Вот,— сказала Диана.

— Но,— проронил Сукарно, приглядевшись,— как же так?

Они смотрели на Бар-ле-дюка, застывшего за долю секунды до того, как его застрелили. В кустах на дальней стороне сферы никого не было. Все семеро присутствовавших просто висели в воздухе, ничего не предпринимая. В Бар-ле-дюка ещё не выстрелили. Он был на волос от смерти, как зеноновский заяц, почти догнавший черепаху. И всё-таки они видели чётко различимую тонкую красную линию, соединявшую его солнечное сплетение со стеной рядом со входом. И в стене уже была пробоина.

— Потому-то мы никого и не нашли в кустах,— проговорила Диана.— Бар-ле-дюка всё же застрелили снарядом. Это траектория пули.

— Похоже на сфокусированный энергетический луч,— сказал Сукарно.

Яго пригляделся к изображению.

— Но как, как? — произнес он.

— За нами кто-то следовал — какой-то корабль. Кому известно расположение этого дома? — спросила Диана.

— Мне,— упрямо ответил Яго.— Только мне одному.

— Значит, ты преследовал сам себя,— сказала Сафо. Диана покачала головой:

— Бар-ле-дюк тебя нашел. Если он это сделал, то и другие могли. Некий корабль ждал своего часа снаружи. Он увидел, что ты в опасности, и принял меры для её устранения, убив Бар-ле-дюка.

Но Яго покачал головой:

— Это не объясняет, почему края входного отверстия загнуты в неправильную сторону. Пробоины в пластметаллическом корпусе корабля также загнуты наружу, а не вовнутрь. И почему пуля не пробила противоположную сторону моего дома? Что с ней случилось?

— Исчезающая пуля,— сказала Диана.— Да, вот это уже задачка так задачка.

6

ИСЧЕЗАЮЩАЯ ПУЛЯ

Яго решил, что им надо поесть.

— На пустой желудок задачи редко решаются,— заявил он, открывая контейнер и разогревая немного овощей, а потом обратился к Сафо: — Тут где-то должно быть вино. И можно воспользоваться душевым мешком, в одежде или голыми,— в первом случае он

очистит и одежду, хотя, конечно, не очень-то хорошо. Но мешок только один, и если он понадобится всем, то, скорее всего, будет перегрузка. Вообще-то дом рассчитан на одного человека.

— То есть ни один из нас не сумеет толком помыться,— сказала Сафо.— Ну и что с того?

Сафо укутала в мешок Махьяди Пангабеана, укрыв его до шеи. Так его удалось помыть, не трогая повязки. Потом мешком по очереди воспользовались четверо остальных. Яго пошел последним, когда устройство уже было сильно грязным и частично забилось, так что у него не получилось как следует отмыться. Но после этой процедуры все выглядели лучше, чем до неё.

Махьяди Пангабеан осушил полный пузырь сока. Остальные выпили вина и съели по упаковке подогретой лапши.

Сафо нарушила молчание:

— Так что всё это означает?

— Это означает, что проще оседлать комету, чем найти кого-то в этих зарослях,— со вздохом сказала Диана.— Стрелка никогда и не было внутри дома. На записи видно, что пуля пролетела между стеной и Бар-ле-дюком до попадания в него — там такая размытая тёмно-оранжевая линия. Выстрел сделали снаружи.

— Я повторю: если это правда,— вступил в разговор Яго,— как тогда объяснить тот факт, что края пробоины в стене загигают наружу? Почему корабль Бар-ле-дюка отбросило прочь от моего дома снарядами, который уничтожил его? И самое главное — что стало с самой пулей? Вы же видели, с какой силой она разнесла старого доброго Бара.

— Может, это было чудо,— тихим голосом произнесла Сафо.— Ра'Аллах иногда вмешивается, чтобы покарать грешников.

— Отбросим пока чудеса,— сказал Яго.— Попробуем всё объяснить. Снаряд, способный превратить целый шлюп в космический металлолом и обратить человеческое тело в красный пар,— такой снаряд, если бы его запустили снаружи, не мог исчезнуть внутри пузыря. Он должен был продолжить полёт, пробить дыру в противоположной части сферы и отправиться дальше. Этого не произошло.

— Я не могу это объяснить,— с расстроенным видом призналась Диана.— Но взгляни на вещи с другой стороны: нам надо выбрать между исчезающей пулей и целым исчезнувшим человеком.

— Человеком?

— Тем, кого мы искали в зарослях! — сказала Диана.— Теория А — исчезающая пуля. Теория Б — незнакомец, который убил Бара и сам растаял в воздухе. Бритва Оккама подсказывает, что первое в меньшей степени противоречит логике, чем последнее.

— Бритва Оккама,¹ — скривился Яго.— Самая смешная метафора с использованием стали за всю историю человеческой мысли.

Диана покачала головой.

¹ *Бритва Оккама* — методологический принцип, согласно которому не следует привлекать для объяснения некоего события избыточные сущности («не стоит множить сущее без необходимости»). Уильям Оккам, францисканский монах и сторонник номинализма, использовал этот принцип в своих трудах, однако наиболее широко известные формулировки «бритвы» ему не принадлежат и возникли намного позднее.

— О, нам нельзя отбрасывать логику. Логика — всё, что у нас осталось. ЗИЗдроид показывает, что ни один из нас не убивал Бар-ле-дюка. Мы все там зависли, ничего не делая, а он взорвался у нас на глазах. Никого, кроме нас, внутри сферы нет. Мы всё тщательно обыскали. Единственное логичное умозаключение состоит в том, что убийцы здесь и не было.

Яго пристально посмотрел на неё.

— Есть ещё одно возможное объяснение, которое ты упустила из виду,— проговорил он.

— Какое?

— А если запись содержит ошибки? Я поверил Бар-ле-дюку, когда он сказал, что дроид кошерный. Что, если нет? Что, если он неисправен? Возможно, его записи полностью сфабрикованы или, что вероятнее, какой-то алгоритм внутри дроида их как-то исказил. В этом случае... что ж, в этом случае договор, который мы с Бар-ле-дюком заключили перед его гибелью, не имеет юридической силы.

Диана пренебрежительно фыркнула.

— Я и забыла про договор,— сказала она.

— Мисс Диана, вам бы не стоило о нём забывать,— строгим тоном произнёс Яго.— Он юридически гарантирует, что вы останетесь на свободе. Нельзя отбрасывать его, словно мусор.

Стало тихо.

— Да ведь не так уж сложно, наверное,— заговорила Сафо, протерев губы прямоугольным кусочком сматкани,— определить, исправен ЗИЗдроид или нет?

— Он выглядит кошерным,— сказал Яго.— Но я в этом не эксперт. С другой стороны, я знаком с экспертом.— Он потянулся, размял руки и ноги. Потёр

лицо.— Нам всё равно придётся покинуть это место. Здесь небезопасно. Нам — Диана, Сафо,— надо будет уйти.

— Я не буду скучать по этому месту,— заявила Диана.— Крепче буду спать, не ощущая запаха крови.

Яго одобрительно хмыкнул.

— Сэр? — со скорбным видом произнёс Сукарно.— Я понимаю, что мой поступок диктует большая доза КРФ в моей крови, но — умоляю, возьмите меня и Махьяди Пангабеана с собой.

— Нет,— ответил Яго.— Мы не можем этого сделать. Вы останетесь здесь, пока вас не найдут. Я сообщу властям о вашем местонахождении. Но если всё обстоит так, как я думаю, то сюда скоро придут и без моего уведомления.

— Я понимаю, сэр,— сказал Сукарно. У него блестяли глаза. Слева от него Махьяди Пангабеан начал тихонько всхлипывать.

Сафо и Яго загрузили «Рум» разнообразными припасами. Диана не помогала. Она развела стебли в одном месте и уставилась наружу сквозь прозрачную стенку. Вся эта чернота, роскошная мешанина звезд... Потом пузырь повернулся, выглянуло Солнце, и звёзды втянули рожки в свои чёрные раковины.

Наблюдая за тем, как Солнце боком движется по небу, она пыталась настроить свой разум на скрытый ритм задачи. Солнечный свет был ярким, желто-белым, не считая центрального пояса, отдававшего бледной зеленью. Вокруг царила чернота. Питающая, пожирающая.

«Сосредоточься», — приказала она себе. Но задача как будто застряла между двумя невозможностями — исчезающим убийцей, с одной стороны, и исчезающей пулей — с другой. Истинное решение обязано было устранить одну из них, однако Диана никак не могла понять, которая из двух больше поддаётся осмыслению. Она отпустила разум в дрейф. Внезапность гибели Бар-ле-дюка. Тонкая, расплывчатая красная линия. Как заставить что-то исчезнуть?

Взорвать. Разобрать на атомы.

Они не искали Бара, потому что уверились, что он превратился в облако капель.

Она почувствовала покалывание в животе. Это было... нечто. Волоски на задней стороне её шеи зашевелились.

Что, если две проблемы — исчезающий человек, исчезающее оружие — аннулировали друг друга? Она не вполне понимала, как такое могло случиться, но чувствовала, что решение задачи лежало где-то в этой плоскости... где-то рядом.

Потом она подумала: взорвались два предмета — Бар-ле-дюк и корпус сферы. Что, если последнее было не побочным эффектом смерти человека, а причиной? Она попыталась представить оружие, встроенное в ткань дома: выстрел с асимметричной силой, внутрь направляется ровно столько, чтобы разнести Бар-ле-дюка на части; и гораздо больше мощи выбрасывается вовне, чтобы разорвать его корабль напополам. Возможно ли такое?

Правдоподобно ли?

Решение почему-то казалось неверным: неполным или даже перпендикулярным более элегантному

ответу. Хотя и не целиком неверным, подумала она. Что-то в нём было правильным. В одном Диана всегда была хороша: она интуитивно ощущала правильность или ошибочность решения ещё до того, как все второстепенные детали оказывались на своих местах.

Разумеется, эта нить размышлений влекла за собой ещё один сопутствующий вопрос. Кто мог заложить такое оружие в стену дома?

Кто же ещё, как не хозяин?

Яго подплыл и завис рядом с ней.

— Мне жаль покидать этот дом,— сказал он.— Ведь я, по всей видимости, уже никогда не смогу вернуться.

— Сочувствую,— проговорила она сквозь зубы.

— Нам придётся,— продолжил он с непривычным сомнением в голосе,— какое-то время попутешествовать по разным местам. Диана, я приношу извинения на тот случай, если ты сердишься на меня из-за этого.

Диана бросила на него взгляд, а потом опять уставилась в свое окошко.

— Не говори ерунды,— сердито сказала она.— С чего бы мне сердиться? И вовсе я не сержусь.

— Ты слышала, что сказал Махьяди Пангабеан чуть раньше?

Этот вопрос вызвал у нее лишь усталость и скуку, и она отвернулась:

— Бар-ле-дюка нанял мой собственный клан. Да, я слышала. Хотя не очень-то удивительно, а? Власть не терпит пустоты. Улановы вряд ли стали бы разрушать всю структуру клана. Они посадили за штурвал какую-то марионетку — или, возможно, какой-то пред-

приимчивый член семьи захватил власть и заключил с Улановыми сделку. До тех пор, пока мои родители и сестра в порядке, мне на это наплевать.

— Диана... — начал он.

— Я хочу побыть в одиночестве, Яго, — резко бросила она.

Он не настаивал — развернулся и отправился готовить «Рум» к отлёту.

Последним они загрузили ЗИЗдроиду, потом коротко попрощались с Махьяди Пангабеаном и Сукарно, а потом он, Сафо и угрюмая Диана взошли на борт корабля и закрыли за собой главный люк.

Отлёт, однако, задержался, потому что пришлось сбрасывать загубленный корабль Бар-ле-дюка. Он пристыковался напрямую к спасательному люку «Рума», но то, что изувечило корабль, деформировало и стыковочный узел, выгнув его где-то на пять градусов от нормы. Полчаса и немало усилий ушло на то, чтобы вернуть неподатливую металлическую конструкцию к первоначальной форме. Сделать всё как было всё-таки не получилось, но они, по крайней мере, добились такого положения, при котором механизм можно было отключить. Яго наложил на проём несколько листов герметика, и вот наконец-то они оторвались от Дунро-нина и на трети «же» ушли в черноту.

7

К ГАРЛАНДУ 400

Им предстоял трехдневный путь до Гарланда 400 — кластера антиномистских пузырей, где жил (по словам

Яго) эксперт по ЗИЗдроидам, который мог однозначно определить, бракованная у них машина или нет. Яго начал с полёта по обманной траектории, продлившегося шесть часов на полной тяге; так что первый этап пути вышел очень некомфортным, и провели они его в перегруз-койках. Потом был час полёта в невесомости, и они успели немного перекусить. И затем, чтобы нагнать время, ещё четыре часа на полной тяге в койках. Диана чувствовала себя отвратительно, она застряла на полдороге между явью и сном, её одолевало неослабевающее беспокойство. Её мысли крутились по одной и той же петле: Бар-ле-дюк умер, Бар-ле-дюк не умер, Бар-ле-дюк умер, Бар-ле-дюк не мог умереть. «Перья или свинец? — думала она. — Перья или свинец? Перья или свинец?» Кто кого подорвал — оружие Бара или Бар оружие? Третьего не дано. Или всё-таки есть и другие варианты? Даже сам вопрос о том, есть ли другие варианты, предполагал другие варианты! Перья или свинец? Перья или свинец?

Ко времени, когда они легли на правильный курс, а перегрузки растаяли, Диана была раздражена и измучена. Она съела лёгкий ужин, в одиночестве просмотрела книгу, старательно игнорируя разговор Яго и Сафо. Сафо хотела научиться управлять кораблями этого типа, Яго показывал ей интерфейс, разъясняя его недочёты и больные места, рекомендуя соотношение горючее-лёд и так далее.

Наконец Диана пристегнула себя к стенке и попыталась заснуть. Яго пригасил внутреннее освещение и тоже отправился спать. Как и Сафо.

Но сон Дианы был беспокойным, она всё время просыпалась и замирала, наблюдая за опустевшей кабиной — панель управления источала бледный свет,

гудели двигатели. Она снова засыпала, просыпалась в тревоге, засыпала опять.

Ей приснился сон. Это была последовательность снов-историй, соединявшихся друг с другом на манер головоломки, готически причудливых и мрачных, но она не запомнила деталей — только то, что сон был замысловатый. Это само по себе внушало беспокойство. Она всегда помнила свои сновидения. Осмысление снов было неотъемлемой частью её способности решать задачи. Но на этот раз после пробуждения она смогла припомнить лишь самую последнюю часть. Их там было трое: Диана, мисс Джоуд и третий человек, позади неё, которого она не видела и не знала. Они стояли на берегу красного моря, ярко-красного, помидорно-красного, неестественно красного. Это была кровь, море крови, бескрайний кровавый простор, скованный силой тяжести. Маленькие волны разбивались о берег у её ног с ужасным, хлюпающим, несуразным звуком. Песок был жесткий, плотно сбитый. «Если добавить немного тепла,— произнесла мисс Джоуд,— знаешь, во что превратится этот песок? Если случится маленький атомный взрыв? А детонацию мы устроим, устроим». «Но мы должны успеть сбежать»,— с тревогой сказала Диана, опасаясь, что если они поступят безрассудно, то случится катастрофа. «Под воду, моя дорогая,— объявила мисс Джоуд.— Туда-то мы и отправимся! Тебе придётся научиться дышать под водой. Ты же это делала, когда была в утробе матери, не правда ли? Тогда ты вдыхала жизненные соки матери — весь вопрос в том, чтобы вернуться назад во времени. Ты. Всё. Вспомнишь». «Нет»,— закричала Диана, но красная жидкость поднялась перед ней красной волной и накрыла с

головой; она начала дёргаться в панике, как эпилептик, и кровь попала ей в рот.

Она проснулась в поту, тяжело дыша. Её сердце колотилось. О сне не могло быть и речи, поэтому она отстегнулась и поплыла через кабину. Выпила немного воды, а потом — решив, что это поможет собрать разбегающиеся мысли и успокоить перепуганное сердце, — немного рисовой водки. Но от этого ей стало нехорошо. Вид через главные окна был зловещим и неподвижным — так всегда кажется космическим путешественникам. Сколько бы километров в секунду ты на самом деле ни пролетал, всегда кажется, что ты неподвижен. Диана подумала: я вдыхала Бар-ле-дюка, превратившегося в пар. Мы все вдыхали. Я поглотила его. Бессознательный каннибализм. Вот что мне приснилось.

Она заплакала.

Казалось, она никогда не сможет остановить рыдания, но в конце концов те прекратились. А как иначе? Диана подплыла обратно к своей койке, пристегнулась опять и замерла. Тянулись часы, двигаясь своим загадочным, не поддающимся измерению способом.

Следующий день прошел как будто в тумане. На следующую ночь она была так утомлена, что проспала одиннадцать часов и, проснувшись, не помнила вообще никаких снов.

8

ГНЕВ ДИАНЫ

Переход от вынужденного спокойствия и негромких разговоров в кабине «Рума» к безумным пьяным

пирушкам в первом из пузырей Гарланда 400 почти шокировал. Им пришлось пробираться через поющую, пьющую и совокупляющуюся толпу; сквозь прилегающий пузырь, а оттуда — в следующий. Там Яго представил Диану Айшварии, и старая леди внимательно осмотрела печати ЗИЗдроида, после чего объявила их целыми, а его — кошерным и вовсе не бракованным.

Это означало, что его записям можно доверять.

Все четверо выпили по сфере холодной тёмной коки; Диана почувствовала, как от стимулятора кровь быстрее побежала по венам.

— Итак, Бар-ле-дюка всё-таки убили выстрелом снаружи, — заключил Яго.

— Вспышка, — напомнила ему Сафо. — Та вспышка, которую мы видели. Она должна быть как-то с этим связана.

— Возможно, — сказал Яго. — Хотя она случилась задолго до удара.

— Не исключено, — вступила в разговор Айшвария, — что вспышка не имеет никакого отношения к смерти мсье Бар-ле-дюка. Квантовая флуктуация. Кусок льда столкнулся с микрометеоритом. Я могу назвать с десятков причин. Мой опыт свидетельствует, что мы слишком часто видим связь там, где присутствует лишь случайное совпадение. Сознание ищет закономерности, как-то так. Обезьяны с великих равнин — ну вы понимаете.

— Но ведь это, это, это... я что хочу сказать: запись ЗИЗдроида — информация. Неоспоримая, — сказал Яго. — С ней не поспоришь. Выстрел сделали снаружи.

— Верно,— согласилась Айшвария.

— И что же случилось с пулей? — не унимался Яго.— Она несла в себе достаточно энергии, чтобы разнести на металлолом целый полицейский шлюп, чтобы пробить полуметровый пластиковый корпус и распылить Бар-ле-дюка на атомы. Но потом, вместо того чтобы пробить другую сторону дома, она... исчезла? Как это объяснить?

Некоторое время они молча глотали и жевали.

— Сказать, что мне кажется интересным? — проговорила Диана.— Слаженность. Шлюп Бар-ле-дюка проскользнул незамеченным мимо охранных систем и уже собрался брать нас на бордаж, прожигая стены и пользуясь эффектом неожиданности. И тут загадочная вспышка — квантовая пена, ну да, ну да: случайно сгоревший астероид или что-то там ещё,— но она просто загорелась, как Вифлеемская звезда, чтобы нас предупредить.

— Счастливая случайность,— предположил Яго.— Она моя добрая подруга, и...

Диана не слушала его:

— И уже после этого Бар-ле-дюк прибывает в наш дом со своими громилами, а ты только и можешь предпринять, что выторговать мне законную амнистию.

— Что бы я ни говорил, Бар бы от меня не отвялся,— возразил Яго.— Он преследовал меня много лет. Я был его вожаком, наградой, венцом его карьеры.

— Разве ты не мог с ним сразиться? — спросила Айшвария.— Ты ведь не забыл, что это такое — драться?

— Если бы мы начали драться, все бы погибли,— сказал Яго.— Уж в этом я точно уверен. Когда он

явился в сферу, с ним было четыре наемника. И кроме того, наша с ним сделка, предметом которой была юридическая неприкосновенность для мисс Аржан, зависела от моего непротивления аресту. Сделка была важна. Соответственно, я не сопротивлялся.

— Вот об этом я и говорю,— настаивала Диана.— Выбор момента имел значение, не мог не иметь! Только ты собрался уйти с ним, и в ту же секунду неизвестный выстрелил сквозь стену и превратил его в облако крови и материи. Мисс Айшвария верит в совпадения, и я уважаю её внушительный жизненный опыт. Но мне кажется, что все эти события слишком уж своевременны, чтобы быть совпадениями.

— Они совпали,— ровным голосом произнёс Яго.

— Ты что-то скрываешь, Джек,— сказала Диана.

— Неужели? Да, эта стратегия обычно работает.

— Ох, ну я же знаю, что ты его не убивал,— признала она.— Я парила прямо рядом с тобой — ЗИЗдроид это подтверждает. Но, даже если ты в него и не стрелял, я всё равно задаюсь вопросом, не твоих ли рук это дело.

— Мисс Диана! — с неожиданным возмущением воскликнула Сафо.— Как вы можете такое говорить?

Но Яго лишь рассмеялся ещё раз:

— Ты там была, Диана. Ты моё алиби! Если уж моё алиби думает, что я виновен, каковы шансы...

— ЗИЗдроид тоже,— встряла Айшвария.

— Что?

— Тоже твоё алиби.

— И он тоже, да. Неопровержимое, вообще-то. Ах, это ведь невероятно ценная машина,— сказал Яго и, протянув руку, похлопал дроида по металли-

ческому корпусу.— Видишь ли, даже без учета всего прочего — если бы я убил Бара, это означало бы сопротивление аресту, и таким образом договор стал бы недействительным. Твоя неприкосновенность тогда исчезла бы.

— Моя неприкосновенность! — пренебрежительно повторила Диана.

— Поверь мне,— с нажимом произнес он,— я сделаю что угодно, лишь бы сохранить твою юридическую неприкосновенность.

До сих пор она могла сдерживать своё раздражение, но это было уже чересчур. Это была последняя соломинка. Диана решила, что хватит с неё пустой болтовни, с силой оттолкнулась обеими ногами и уплыла прочь, не прощаясь. Невежливо, конечно. Однако ей уже было всё равно.

Яго хватило мудрости на некоторое время предоставить Диану самой себе. Она исследовала изогнутые стены озелененной сферы. Потом полчаса пялилась на космос. Местные глазели на неё с ветвей, из дверей и окон, расположенных под разными углами, и это её пугало. Никто к ней не приближался и уж тем более не угрожал, но их молчаливая слежка угнетала Диану.

— Мисс Диана?

Это была Сафо.

— Он меня бесит,— сказала Диана.— Он меня просто бесит.

— Джек? Он ведь хочет всё сделать как можно лучше для вас.

— Как ты можешь его защищать? Он всё подстроил там, на Коркюре. Он загнал тебя в запертую комнату с человеком, который тебя насиловал. Для него это была игра!

— Это было правосудие,— с достоинством парировала Сафо.

В другое время эти слова и то, как Сафо их произнесла, охладили бы пыл Дианы. Но сейчас она всецело отдалась своему гневу:

— Правосудие? Это было ужасно — мне потом кошмары снились! Кровь, смерть, уродство. Ужас.

— Думаете, я не натерпелась ужаса? — спросила Сафо, краснея.— Ведь это я сбросила молот ему на голову. Я тоже была в ужасе. Но там, откуда я родом, люди не живут в изоляции от ужасных вещей, как богачи.

— Сафо! — потрясённо воскликнула Диана.— Ты мне грубишь!

Тёмное лицо Сафо потемнело ещё сильнее, её руки задрожали.

— Он понимает, что такое справедливость,— сказала она.— А вы нет. Вы его совсем не понимаете.

— Богиня милостивая, Сафо... это что, последствия отказа от КРФ?

— Ваша богиня — фальшивка,— огрызнулась Сафо.— Ра'Аллах испепелит её светом своего великолепия.— И потом, поскольку препарат ещё не до конца вывелся из её организма, а подобное поведение в присутствии одного из Аржанов шло вразрез со всем, чему её учили, Сафо разрыдалась: — Мисс! Простите... мне жаль. Мне жаль!

— В самом деле, Сафо,— произнесла изумлённая Диана.— Ты сама не своя!

— Это правда. Это чистая правда. Мне жаль, мисс... мне жаль. Я пойду назад на «Рум». Я буду сидеть на борту «Рума», пока не приду в себя. Пока не вспомню, как надо себя вести, мисс.

И, с силой оттолкнувшись обеими ногами, Сафо метнулась в туннель между пузырями.

Диану взбудоражил этот разговор — слуги не должны так вести себя с хозяйками. Конечно же, все пичкали лакеев КРФ, но никому не нравилась мысль о том, что препарат — единственная причина их верности.

Подплыл Яго.

— Что случилось, почему Сафо покинула пузырь? — спросил он. — Куда она ушла?

— Хочешь знать, почему я зла на тебя? — резко бросила Диана.

Он удивился её реакции, но кивнул.

— Дело не в твоём ангеле-хранителе, — сказала она. — Ангел-хранитель, который бережет от тюрьмы, расправляется с врагами, — это ведь жутко полезная штука, дураку ясно. Но дело не в нём.

— Диа... что случилось?

— Дело в том, что ты смотришь на вещи с ангельской точки зрения, с высоты. А это бесчеловечно.

— Тебе придётся, э-э, объяснить немного подробнее, — осторожно проговорил Яго.

— Да ладно? Ну тогда слушай: на Коркуре ты подарил мне на день рождения всамделишную загадку с убийством. Ты знал, что я люблю детективные квесты. Более того. Ты знал, что я обожаю расследовать убийства. И ты подарил мне смерть человека.

Её бесцеремонность постепенно начала злить Яго:

— И что такого я сделал? Я устроил так, что насильника наказала одна из его жертв. Я всё организовал, чтобы она смогла отомстить. И ты мне говоришь, будто это было неправильно.

— Я не утверждаю, что...— Она машинально потянулась к бИту, чтобы вспомнить забытое имя, но, разумеется, бИта у неё больше не было. Она замерла, теряя накал злости, копаясь в памяти в поисках.— Лерон. Да, Лерон,— я не утверждаю, что он был невинным мучеником. Но ты не должен был подстраивать его смерть! Какое, вообще, тебе дело? Есть Lex Ulanova, и изнасилование там обозначено как одно из преступлений. Ты должен был уведомить компетентные власти.

— В самом деле, Диана? — ответил он.— Ты считаешь, улановский закон интересуют мелкие происшествия в недрах Сампа?

— Изнасилование — не мелкое происшествие!

— Вернись в реальную жизнь, Диана! Ты знаешь, за что чаще всего наказывают по Кодексу? За торговое мошенничество. Мелкие корпорации, банды и иногда торговцев-одиночек, которые уклоняются от пошлин и сборов. В Сампе, где бартер — обычное дело, а полицейских вечно не хватает, они беспокоятся только в тех случаях, когда речь идёт о серьёзном нарушении правила семидесяти процентов. Они то и дело устраивают большие рейды и арестовывают тех, у кого обнаруживается различие между материальным достатком и средствами, которые были задекларированы и прошли через законные счета. За другие преступления наказывают, в основном, только если они были совершены в респектабельных районах. Ты действительно думаешь,

что полицию заинтересовали бы проблемы такой, как Сафо?

— Ты мне подарил чужую смерть! На шестнадцатилетие! Ты думал, это нормально?

Яго терял самообладание:

— Не притворяйся, что ты не любишь истории с убийствами! Ты же прошла их целые тысячи. Убийства — твоя страсть.

— Из-за интриги, — сказала она, сильно повысив голос. — Не из-за смертей. Я не психопатка, Яго, я люблю разгадывать загадки! Разгадывать загадки — для этого меня и создали.

— Будь это правдой, — прорычал он, — ты бы посвящала время делу украденного Императорского бриллианта и тайне похищенной наследницы престола. Ты была бы как Ева, занималась бы чисто интеллектуальными загадками вроде шампанских сверхновых. Но ты не такая. Ты снова и снова возвращаешься к загадкам одного определенного типа. Конечно, тебе нравится элемент интриги — но дело не только в нём, и ты это знаешь. Тебя зачаровывает смерть. Разгадывая тайны чужих смертей, ты пытаешься проникнуть в самую главную тайну — узнать природу смерти.

Она посмотрела на него, внезапно растеряв весь свой гнев, и тихим неуверенным голосом произнесла:

— Нет.

— Да хватит уже, Диана! Вот ты можешь мне поклясться, что получила бы то же самое удовлетворение, решая криминальную загадку, связанную с какой-нибудь кражей? Когда ты услышала, что Лерона убили, о чём ты подумала? Плакала ли ты, потому что нет женщины, которая была бы как остров, и всякая

смерть умаляет и тебя?¹ Или ты испытала возбуждение?

— Ни в коем-коем случае! Ты подарил мне на шестнадцатилетие смерть,— повторила Диана.— Разве ты не видишь, насколько это гротескно?

— Твой гнев — всего лишь интеллектуальная реакция,— сказал Яго.— Настоящего отторжения ты не чувствуешь. Бар-ле-дюк говорил, что моя стихия — смерть. Я таким стал не по доброй воле, но, вероятно, он не ошибался. И вот что я тебе скажу: это и твоя стихия тоже.

— Нет,— ответила она.— Ни в коем. Коем. Случае.

— Мы одинаковые. Это не превращает тебя в психопатку. Ты не стремишься убивать других людей. Но ты наследница богатого и могущественного клана, а смерть — валюта власти. Если ты для такого слишком щепетильна и не можешь справиться с эмоциями, тогда...

— Тогда что? Мне не стоит вставать во главе МОГ-клана? — Диана покачала головой.— А разве у меня, вообще, когда-то был выбор?

Гнев Яго тоже растаял. Он положил левую руку на затылок, а правой взял себя за подбородок. Это был

¹ Отсылка к известному изречению Джона Донна (Медитация XVII, «Обращения к Господу в час нужды и бедствий»): «Нет человека, который был бы как остров, сам по себе, каждый человек есть часть материка, часть суши; и если волной снесёт в море береговой утес, меньше станет Европа, и также, если смоем край мыса или разрушит замок твой или друга твоего; смерть каждого человека умаляет и меня, ибо я един со всем человечеством, а потому не спрашивай никогда, по ком звонит колокол: он звонит по тебе» (цит. по пер. Е. Калашниковой и Н. Волжиной в эпиграфе к роману Эрнеста Хемингуэя «По ком звонит колокол»).

странный жест, наводивший на мысли о призадумавшейся обезьяне.

— В Системе немало укромных местечек, думается мне,— сказал он.— Но это означает ссылку. Бегство. По отношению к индивиду смерть всегда представляет собой разрыв, насилие. Но в общем масштабе смерть есть гауссова кривая, которая уравнивает космос. Без неё ничто бы не работало, всё бы рухнуло, погрязло в мусоре и застое. Смерть — это поток. Это необходимая смазка вселенской машины. Сама по себе она не заслуживает ни восхваления, ни порицания.

— Но ведь смерть всегда индивидуальна,— тихонько возразила Диана.— Для того, кто умирает.

— Ты права,— согласился он. Теперь он соединил руки перед собой, сплёл пальцы в замок.— Нам и вправду следует оценивать её с двух сторон, ты права. Если воспринимать смерть только в общей перспективе, станешь чудовищем. С другой стороны, если будешь видеть во всём только личное, то политика, которая определяет жизнь триллионов людей в этой системе, станет вещью совершенно непонятной.

— Ты безжалостен,— сказала Диана.

— Нельзя свергнуть фашистского диктатора, оставаясь лучше, чем он сам. А всё потому, что каждый из нас, по определению, лучше, чем фашистский диктатор.

— Я слишком молода, чтобы возглавить революцию.

— Ха! — с улыбкой воскликнул Яго.— Дело не в возрасте. Дело в состоянии души. Это вопрос... стойкости, только и всего. Итак, у меня для тебя есть новости, и я думаю, что ты их воспримешь хорошо. Но я не уверен.

— Какие новости?

Яго ответил не сразу. Сначала он огляделся по сторонам. Айшвария — или, возможно, какие-то другие обитатели пузыря — развесила множество призм и прозрачных шаров возле стен, целыми гирляндами и созвездиями. Когда конструкция поворачивалась и солнечный свет проникал в окна, кристаллы отбрасывали полосы радуг и разноцветные яркие пятна, от кроваво-красного до желтого, от зелёного до индиго, который в более концентрированном виде был бы одного цвета с космическим вакуумом. Цветовые блики и решетки непредсказуемым образом играли на листве разнообразной внутренней растительности.

— Бар-ле-дюк прибыл прямо ко мне домой, — начал Яго. — Он появился почти сразу же после того, как мы причалили и разгрузились. Он знал, что мы там. Как он мог узнать? Я ему не говорил, Сафо тоже. У неё не было возможности с ним связаться, даже если бы она и захотела.

— Ну так ведь и я ему ничего не говорила! — возразила Диана.

— Нет, говорила, — сказал Яго. — Не нарочно. Но ты говорила с Евой. Она воспользовалась этим разговором, чтобы подсадить жучка к корабельному Иск-Ину. Должен признать, невероятно хитрая оказалась штуковина. Чего-то в этом духе я ожидал и потому внедрил в игру цифровую ищейку, одну из лучших. Вирус разлетелся на что-то около восьми миллионов самостоятельных прионов, и они разбежались по всем направлениям. Неимоверно трудно было вычистить весь этот код. Я решил, что отыскал все кусочки, но, как теперь ясно, ошибся.

Диана пристально глядела на него:

— Это какой-то бред, или шутка, или еще какая-то... да ведь?

— Это самая правдивая правда.

— Мы говорим о моей сестре.

— Мне...— Яго окинул взглядом разнообразные постройки, распорки, верёвки, сотню оттенков зелёного и яркое трапециевидное пятно света от главного окна, а конструкция тем временем медленно поворачивалась.— Мне жаль,— закончил он.

— Жучок всё ещё активен?

— Нет. То есть я надеюсь, что нет. В смысле искренне уверен, что нет. Он пристроился на штифте стандартного инфофильтра «Ред Рума». Я его обычно не выключаю, потому что... ну, корабль, изолированный от общего инфопотока, выглядит подозрительно на фоне остальных. Но теперь я вычистил код отовсюду и отключил «Рум», так что не думаю, что сейчас за нами следят.

— Ева,— медленно и чётко начала Диана, словно Яго мог по какой-то причине не понять смысла ее слов,— моя сестра, и даже больше, чем сестра. Зачем ей такое делать? Если это она сделала?

— Условное предложение,— заметил Яго.— Видишь ли, я как раз это и пытаюсь тебе объяснить. Система жестока и не прощает ошибок. Если ты откажешься играть по её правилам, она тебя уничтожит. Весь вопрос в том, как быстро твой разум сможет адаптироваться к жестокости. Такова истинная суть моего дара на твой последний день рождения. Ты должна была увидеть, что произойдёт с твоими способностями накапливать данные и решать задачи, когда «что

если» превратится в «так и есть». Когда фикция в виде одного вероятного убийства в одном из триллиона вероятных миров обратится в настоящий труп на твоём пороге.

— Но зачем Еве это делать? — повторила Диана ровным голосом. — Она же моя сестра. Моя сестра.

— Зачем? Ради власти, я думаю. И вообще. Сам факт, что Улановы подорвали Тобрукский плазмазер только ради того, чтобы не дать Еве попасть в космос, с самого начала не вписывался в общую картинку. Почему бы просто не арестовать её? Это была дымовая завеса. Завесы вызывают у меня подозрения.

— Ты всё это время её подозревал?

Он кивнул:

— Думаю, что и ты тоже, хотя вряд ли позволяла себе это осознать.

Диана сказала:

— Но ведь она моя сестра.

— А ты была её сестрой. И перед ней маячила перспектива стать номером два в тот момент, когда ваши родители отойдут от дел.

— Еву вполне устраивают её научные исследования, — проговорила Диана. — Её просто не интересует власть. Вот я сказала это сейчас, — прибавила она, подтянув колени к груди, — и поняла, что ошибаюсь. Правда ведь? Ну конечно, её интересует власть.

— Она человек, — согласился Яго.

— Конечно, ей не нравится ограничивать себя одними исследованиями, — сказала Диана. — Ну ладно. И что же она сделала?

— Я предполагаю, она заключила сделку с Улановыми. Мне кажется, их бы такой вариант вполне устро-

ил, потому что они тогда смогли бы сохранить клан Аржан на прежнем ярусе, в подчиненном положении. Но твоим родителям они больше не доверяют, как и тебе. Ева, разумеется, лучший вариант, чем какой-нибудь чужак или предатель. Я думаю, Улановы считают её более прямолинейной и потому более предсказуемой в политическом смысле, чем твои родители или ты. Вероятно, она согласилась выдать им тебя и ваших родителей — это самое меньшее, что должны были потребовать от неё Улановы. Скорее всего, она согласилась и на более жесткую дань, расширив им доступ к инфохранилищам клана Аржан. Взамен они позволили ей руководить.

Диана почувствовала, как в солнечном сплетении зарождается некое подобие вихря. Его нельзя было назвать приятным, хотя и сил оно тоже не отнимало.

— Я не верю,— произнесла она. Но, конечно, поверила. Она грокнула¹ истинность сказанного почти сразу. И, не изменяя своей педантичности в таких вопросах, прибавила: — Или, наверное, верю. Просто не думаю, что...

Она замолчала. На самом деле — думала. Она видела всё игровое поле, целиком.

Яго закончил её предложение:

— Ты не думаешь, что она способна тебе навредить? Уверен, она не стала бы, если б позволяли обстоятельства. Но я не вижу для неё возможности оставить тебя на свободе.

¹ *Грокинг* — слово, изобретённое Робертом Хайнлайном и использованное в его романе «Чужак в чужой стране» для обозначения всеобъемлющего, глубокого понимания чего бы то ни было.

Гнев Дианы рассеялся, превратился в поток слез, неудержимо рвущийся из груди. Усилием воли она запретила себе плакать. Вместо плача она открыла рот и сказала:

— Всю мою жизнь перевернули вверх дном и выпотрошили.— Она едва сдерживала слезы, но боролась с собой.— И ради чего? Ради того, чтобы передвинулись тектонические плиты власти? Клан Онбекенд на подъёме, клан Аржан в упадке? Случайность происходящего бесит меня больше всего.

— БСС стало катализатором, точнее — слухи о БСС,— заметил Яго.— Перспектива заполучить оружие, способное уничтожить Солнце. Мысль о возможности улизнуть к звёздам. Как же такое могло не пошатнуть статус-кво?

— Но ведь это нереально! — воскликнула Диана, и её гнев разгорелся с новой силой, а желание заплакать сменилось острой потребностью ударить кого-нибудь.— Это даже теоретически невозможно, что уж говорить о реальном воплощении! Они преследуют тебя, потому что думают, будто разработки Мак-Оли у тебя в памяти... но их ведь там нет? Правда?

— Правда,— признал он.— Их нет.

— Улановы так привыкли подстраивать Lex Ulanova под свои незаконные дела, что им теперь кажется, будто законы физики такие же рыхлые. Это ведь так... дерзко!

Она краем глаза поймала его взгляд и внезапно рассмеялась.

— Я знаю! — сказала она, прикрывая рот ладонью.— Они в это верят — вот в чем всё дело. А не в правде. Но

оказаться в бегах и потерять всё из-за слуха — это же такой абсурд.

Диана снова рассмеялась, и он улыбнулся; в этот момент она вовсе не чувствовала гнева. Они с Яго обнялись.

— Естественно, дело в том, что стоит на кону, — проронил Яго. — Не в том, существует ли оно, а в том, можно ли поверить в его существование. Можно ли с уверенностью строить на его основе реальную политику¹. — Он потянулся и зевнул. — Я ненадолго вернусь на «Рум». Проверю, как там Сафо, завершила ли она свои молитвы Ра'Аллаху. И не пристают ли к ней пьянчуги в том пузыре. Ты со мной?

Диана призадумалась. Ей и в самом деле стало чуть легче, хотя она понятия не имела, почему. Но по крайней мере, гнев и слёзы спрятались внутри неё, как рожки улитки.

— Позже, — ответила она. — Я чуть задержусь.

— Очень хорошо, мисс, — отчеканил Яго, подражая своей прежней манере.

— А вообще, — сказала она, — кто-то убил Бар-ледюка. Я не понимаю, как это сделали, не говоря уже о том, кто. И это меня раздражает.

— Ах, мисс Диана из клана Аржан, созданная для решения проблем, — если вы не разберётесь с этой задачей, то она никому не по силам. ЗИЗдроиды оставить?

— Да. Я хочу ещё раз просмотреть запись.

¹ Реальная политика (нем. полит. жарг. Realpolitik) не опирается на идеологические основы и исходит, прежде всего, из критерия практичности и целесообразности: это политика с позиции силы.

— Приведи его обратно на «Рум», когда закончишь, хорошо? Я хотел бы держать его под замком в надежном месте. Если верить Айшварии, весьма велика вероятность того, что гуляки по соседству захотят его украсть, как только протрезвеют и сообразят, что он представляет ценность.

И он ушел, оставив её одну.

9

РЕШАЯ ЗАГАДКУ

Остроугольный лоскут солнечного света медленно полз по листьям и мшистой земле. Утки, невидимые среди зарослей, издавали такие звуки, словно кто-то играл на казу¹. Диана вдыхала кислород. Ситуация неважная, но до тех пор, пока она в состоянии решать проблемы, всё будет в порядке. Что же такое будущее, как не последовательность ещё не решённых проблем?

С другой стороны, бывают загадки без ответов.

Картинка у неё в голове никак не складывалась. Что-то мешало. Её приподнятое настроение вновь начало портиться.

Она заново просмотрела записи ЗИЗдроида. Судя по всему, в зарослях действительно никто не прятался. Выстрел, которым убили Бар-ле-дюка, не мог быть сделан оттуда. Ни один из подручных Бара также не

¹ *Казу* — духовой музыкальный инструмент африканского происхождения, полая труба с мембраной на одном конце.

стрелял, и тем более не стреляли Яго, Сафо или сама Диана. Это было ясно. Но, продолжая крутить данные так и этак, она никак не могла понять, был ли роковой выстрел сделан из-за стены или при помощи самой стены.

Подплыла Айшвария — узнать, что она делает.

— А-а, ты просматриваешь последние секунды жизни Бар-ле-дюка.

— Я пытаюсь понять, что произошло,— отозвалась Диана.— Тот, кто его убил, не мог находиться внутри дома. Это был выстрел снаружи, и никак иначе. Ему хватило силы, чтобы разломить целый космический корабль, проделать дыру в корпусе дома и превратить Бар-ле-дюка в красный туман. Так почему же он не пробил и противоположную стену?

Айшвария пожала плечами:

— И этот вопрос кажется тебе самым интересным?

— Это,— осторожно ответила Диана,— без сомнения, один из интересных вопросов. Куда делся снаряд?

— Может, его рикошетом отбросило по точно той же траектории, по какой он вошел,— предположила Айшвария.— Или это какой-то особый снаряд, запрограммированный на растворение после контакта с плотью.

— А такие существуют? — спросила Диана, изумлённо распахнув глаза.

— Ох, ну откуда же мне знать! — сказала Айшвария.— Я же не спец по оружию! Вся эта техническая болтовня вгоняет меня в тоску. Вещи далеко не так увлекательны, как люди.

— Ну ладно,— произнесла Диана.— Я попробую думать так же, как вы. Вот выбор момента для убий-

ства и вправду интересен. Бар-ле-дюк как раз собирался взять Яго — то есть Джека — под арест. И так, либо мы имеем дело с идеальным совпадением, либо убийца выбрал именно это мгновение, чтобы не допустить дальнейшего.

— Но кому бы пришло в голову спасти Стекло-ного Джека от тюрьмы? — спросила Айшвария. — Ему в тюрьме самое место.

— В самом деле, кому? — Диана чувствовала знакомое покалывание в коже головы и шеи, означавшее, что она близка к чему-то важному. — Его друзьям? Сора-тникам-революционерам?

— Зачем же им держать свой поступок в секрете? Предположим, шлюп антиномистов по чистой случайности проходил мимо и увидел — Инду-Христос знает как, но все же предположим, — что Джека вот-вот арестует самый знаменитый улановский полицей-ский. И вот они выстрелили волшебной пулей из не-возможной пушки и убили блюстителя. Отчего бы им потом не показаться? «Привет, Джек, мы тебе жизнь спасли...»

— Этот сценарий, — сказала Диана, чувствуя, как покалывание проходит, — кажется мне неправильным. Недостоверным.

Айшвария пожала плечами:

— Безусловно. Это ведь всего лишь гипотеза. Вер-но? Бар-ле-дюк и Джек были друзьями, между прочим. Давным-давно. Но Бар уже довольно долгое время ра-ботал на Улановых.

Что-то скрывалось на самой границе подсознания, за пределами досягаемости её рационального ума. Она почти уловила это. Почти! Но теперь оно ушло. Невоз-

можная пушка, подумала она. Невозможная пуля. Она что-то упустила. Бар-ле-дюк умер. Она это знала, потому что... почему?

А с чего она вообще взяла, что он умер?

— В волосах Яго ещё осталось немного его крови, — сказала она вслух.

— Немного чего? — переспросила Айшвария.

— Я исходила из того, что Бар-ле-дюк мёртв. Это и впрямь похоже на правду. Но только дурак верит допущениям. Скажите, мисс Айшвария, вы смогли бы выделить ДНК из высохшей крови?

— Могла бы, найдись только оборудование, — ответила Айшвария. — Но проклятые хулиганы из этих трущобных пузырей давным-давно украли мой набор. Знаешь, кого тебе надо бы навестить? Северянку. Она моя подруга. Поговори с ней — тут два дня пути при одном «же», недалеко. Её пузырь называется «Пенни Лейн». Только будь с ней поосторожнее, Джека она недолюбливает. Но ДНК-тест сделает. По разумной цене.

— Спасибо, — кивнула Диана.

Она схватилась за ЗИЗдроида и, маневрируя, вывела его через люк в соседний пузырь, а оттуда — в главную сферу, где всё ещё продолжалась пирушка. Гуляки уже преодолели тот этап, когда хочется упражняться в красноречии. Многие были мертвецки пьяны и парили, раскинув руки и ноги, с глупыми бессознательными лицами. Несколько пар занимались сексом, хотя их было меньше, чем в прошлый раз. Также уменьшилось количество людских скоплений, напоминавших лягушек на нерестилище. Диана вместе с дроидом проплыли мимо них к стыковочному холлу.

Люк, ведущий к «Руму», был закрыт — видимо, Сафо соблюдала разумную осторожность. Диана ладонью постучала по металлическому корпусу корабля и услышала эхо своего удара внутри.

Что-то щёлкнуло. Люк открылся.

Там была Сафо. Она плакала, её лицо сморщилось и покраснело. Это, конечно, должно было сразу же насторожить Диану, но эмоции в тот день так и кипели, и потому увиденное не показалось ей чем-то необычным.

— Сафо,— сказала она,— убери ЗИЗдроида в хранилище, пожалуйста.

Диана протолкнула дроида первым и последовала за ним. Внутри «Рума» ждал Яго, он как будто потягивался. А может, он показался ей выше ростом из-за какой-то странности восприятия. Иллюзия продержалась всего секунду — она поняла, что это вовсе не Яго, и тут Сафо захлопнула люк у неё за спиной и прижалась к ней всем телом.

— Ох, госпожа...— закричала она, крепко её схватив.

Фигурой в кабине была мисс Джоуд.

— Привет, моя милая,— проговорила она.

— Вы-то как здесь оказались? — спросила Диана.

— В каком-то смысле всё дело в верности,— сказала мисс Джоуд.— Я ведь сейчас работаю на твою сестру. А наша Сафо — она скорее умрёт, чем предаст клан! Но Стекланный Джек ведь не член семьи — правда?

— Вы работаете на Еву,— произнесла Диана, обрабатывая новую информацию.— Что вы сделали с Яго?

— С Джеком? Надо же, как ты за него переживаешь. Что ж, так или иначе, я его не убила. Пока не

убила. Нет. Я сделала ему инъекцию из шприца-пистолетика, который ношу с собой: мышечный паралич. Он избирательный: не припомню, на какую часть спинного мозга он действует, но дышать можно — и говорить. Я уложила Джека в одну из коек. Сохранности ради.

Диана повернулась, держась за поручень на стене, и действительно увидела Яго — он лежал на перегрузкойке, словно труп в гробу.

— Я скажу тебе здесь и сейчас, что мне претит впустую тратить время, — продолжила мисс Джоуд. — Все висело на волоске: юная Сафо — да будет благословенна её верность — рассказала мне, что этот ужасный Бар-ле-дюк едва не схватил Джека. Он работал на Еву, как тебе известно. На твою собственную МОГсестру! Собственно, я тоже на неё работаю. Я просто иду по его следам. Учитываю его ошибки.

— Не верю, что Ева могла нанять вас!

— Ты меня обижаешь, дорогая моя девочка! Разумеется, после той истории на Коркуре меня понизили. По правде говоря, меня собирались послать в Пояс в качестве какого-нибудь третьестепенного дипломата. Нет уж, благодарю покорно! Но я занимала достаточно высокое положение, чтобы понять, к чему все идет. Я сыграла на опережение — обратилась к твоей сестре, и она наняла меня. Она умная женщина, эта Ева Аржан. Она понимает, к примеру, насколько неустойчиво её нынешнее положение. Но — ах, если она сумеет заполучить рецепт БСС... это неимоверно усилит её позиции.

— Яго не знает секрета БСС.

— Конечно, знает! Ведь они с Мак-Оли были лично знакомы. Он тебе не рассказал? Нет? Видимо, не

доверял тебе. Люди, не заслуживающие доверия, чаше всего не доверяют окружающим.

Диана чувствовала, как сквозь ее сознание проносятся сгустки всевозможных данных.

— Если бы Бар-ле-дюк схватил Джека, он бы расстроил ваши планы,— бросила она мисс Джоуд.— Ведь так? Вы хотели сами привести Яго к моей сестре. Что бы укрепить своё положение.

— Тебе стоит меня поблагодарить, дорогая,— заметила мисс Джоуд, одарив Диану безупречно ледяной улыбкой.— Пусть уж лучше твоя семья получит БСС, чем Улановы, как считаешь? Даже если тебе не придется управлять кланом. И всё же я уверена, что ссылка не будет для тебя таким уж неудобством. Есть весьма комфортабельные тюрьмы.

Диана сказала:

— Вы убили Бар-ле-дюка. Бар-ле-дюк пришел за нами, а вы за ним следили. Та вспышка недалеко от дома — это были вы! Вы воспользовались... чем же? Вы выстрелили, и его разорвало на части. А потом вы проследовали за нашим шлюпом сюда. Но ведь это был риск, правда? Что, если бы снаряд разорвал весь дом напополам? Что, если бы мы не сумели справиться с декомпрессией? Мы могли бы умереть — и вы остались бы без своего козыря — Яго. Но, наверное, игра стоила свеч?

— Моя дорогая,— со скучающим видом проронила Джоуд.— Честное слово, я не имею ни малейшего представления, о чём ты болтаешь. Итак, ты пойдёшь со мной добровольно? Или и тебе сделать укольчик? Как бы там ни было, ты отправляешься в койку, а мы полетим так быстро, как только сможем. Я пристыкую

свой корабль к кораблю Джека, и для начала мы используем его горячее. Нам предстоит долгий путь — до самого Марса! — и надо спешить. Ты выглядишь испуганной, дорогая моя! Надеюсь, сестра проявит к тебе милосердие. Конечно, она будет держать тебя взаперти. По крайней мере первые годы, пока её власть не укрепитя. Но убивать тебя, скорее всего, не в её интересах.

— Не надо недооценивать связь между МОГсёстрами,— хриплым голосом проговорил Яго у неё за спиной.

Через секунду Диана была возле койки. Внутри лежал Стекланный Джек с болезненным, посиневшим лицом, грудь его перехватывали ремни. Она видела, что он парализован, загнан в угол, запутался, как жук в паутине,— у него не осталось никакой надежды на спасение. Даже если она снимет ремни, его мышцы сведены судорогой и нервы отказали, и он не сможет сдвинуться с места.

— Я всё ещё жив,— сказал Яго, с трудом шевеля губами. Его шею и лоб тоже удерживали ремни.

— Я не верю, что всё так закончится! — закричала Диана.

Мисс Джоуд холодно рассмеялась.

— Полезай в койку, дорогая моя,— велела она.— Вы тоже, мисс Сафо.

— Делай, как она говорит,— прохрипел Яго.

— Да. Послушайся его совета и делай, как я говорю.

— Будешь сопротивляться, она тебя парализует,— выдохнул Яго.— Поверь мне, это неприятно. Всё тело... горит и не слушается. Мне нужно, чтобы ты была в койке. А она — за штурвалом.

— Тебе нужно? — переспросила мисс Джоуд, подплывая к койке с предметом в форме ручки в правой руке. — Ну-ну, давайте-ка прислушаемся к его нуждам! До тех пор, пока они в точности совпадают с моими, я уверена, мы можем их удовлетворить.

Ничего нельзя было изменить. Диана подплыла к свободной койке. Устраиваясь внутри, она мысленно перебирала блоки информации, пытаясь соединить их в одно целое. Но все упиралось в невозможность. Яго не мог выпутаться из этой ситуации. Его парализовал нейротоксин, сковавший мышцы на несколько дней. Он привязан к перегруз-койке. Они летят в неизвестном направлении, где поджидают агенты, нанятые её собственной семьёй.

Она вытянулась на койке. Мисс Джоуд нависла над ней возле крышки. Несколькими быстрыми, ловкими движениями она закрепила ремни на теле Дианы, связала её руки. Зафиксировала её левую ногу, потом правую. Наконец она накинула петлю на шею Дианы и ещё одну — на лоб.

— Теперь лежи тихо, — приказала мисс Джоуд. На мгновение их взгляды встретились, и у Дианы произошел странный сдвиг в мыслительных процессах. Сколько лет было этой женщине? Как давно она жила?

Диану посетило головокружительное видение будущего. Она увидела Джоуд, которая похвалялась: «Он заставлял нас прыгать от одного мира к другому, через мириады пузырей, — но мы его поймали. Я его поймала. Обездвижила его, заперла и увезла с собой, и мы сумели вытащить из него формулу БСС, прежде чем он умер. И теперь у клана есть бомба, при

помощи которой можно шантажировать Улановых и всё человечество!» Это могло привести только к катастрофе.

— Славы вы себе не добудете, мисс Джоуд,— сказала она.

— Слава — это воспламенение,— ответила женщина.— Быстрая реакция между схожим и несхожим, взаимное уничтожение в огне.

На её губах появилась убийственная улыбка, и потом она исчезла из поля зрения привязанной Дианы. Видимо, отправилась пристегивать к койке Сафо. Со своего места Диана видела только один иллюминатор, сквозь который можно было разглядеть зелёный бок главного пузыря Гарланда 400. На него падал яркий солнечный свет.

Делать было нечего.

Вскоре Диана почувствовала дребезжание и давление, свидетельствовавшее о том, что корабль отчаливает. Зелёная дуга по ту сторону иллюминатора скользнула прочь. Ощущая движение ушами и желудком, она наблюдала, как корпус другого корабля заслонил обзор, а потом исчез из вида. По-видимому, это был собственный корабль мисс Джоуд. Шипение маневровых двигателей. С отчётливым тяжелым ударом нос «Рума» соприкоснулся с носом одноместного шлюпа.

— Мисс Джоуд? — просипел Яго из своей койки.

— Моё терпение лопнет,— сказала та где-то за пределами поля зрения Дианы,— если ты будешь все время меня прерывать.— Ворчание разгоняющегося главного двигателя; тени переползли в ту часть кабины, которую Диана еще видела. Всеохватное чувство

текущего момента. Острое осознание того, что ты ещё жива. — Надеюсь, молодой человек, вы хотели сказать мне что-то важное.

— Да, — прохрипел Яго.

— Что?

— Я хотел сказать... — проговорил Яго. Потом он вздохнул и продолжил: — Теперь я могу заняться вами.

Потом всё смешалось. Крышки противоперегрузочных коек мгновенно захлопнулись с дребезжащим стуком. Диана почувствовала, что её очень сильно трясёт, хотя она и связана по рукам и ногам, пристегнута ремнями и не может шелохнуться. Но она ощущала, как от тряски её руки и ноги вот-вот оторвутся от тела, как глазные яблоки вдавливают в череп — так сильно всё тряслось. Длилось это долго. В конце концов тряска стихла и полностью прекратилась. Диане оставалось только лежать. Свет внутри камеры погас, и собственное дыхание громко отдавалось в её ушах, а по стенке койки то и дело ударяли какие-то обломки, от чего по тесному пространству разносился неприятный шум. И всё, ничего больше.

Долгое время было совершенно темно и очень тихо. Только звуки её дыхания и (её слух делался всё более чутким) сердцебиения. Постепенно они приобрели более спокойный ритм. Она вдруг без всякого страха поняла, что могла уже умереть. Возможно, её тело мертво, а сознание продолжает жить в ящике, потому что — странная мысль, но Диане она почему-то нравилось — душа не сумела выбраться. Когда-нибудь ящик

откроют, думала она, и, быть может, всё закончится. Её дух улетит в какую-нибудь иную реальность. Ева предала её и родителей. Мир перевернулся вверх тормашками. Но было глупо так говорить, поскольку в космосе нет ни верха, ни низа.

Её разум продолжал работать даже в ящике. В конце концов, она была рождена, чтобы решать проблемы.

Проблемы бестолковым образом объединялись в противостоящие друг другу пары невозможностей. Смерть Бар-ле-дюка была делом рук невозможного убийцы или же наступила от невозможной пушки. БСС было невозможным по законам физики, но шампанские сверхновые, которые изучала сама Ева, оказались свечами, горящими в невозможной дали как свидетельство того, что такая технология не только возможна, но уже изобреталась и применялась — безумным, опасным образом — десятком инопланетных цивилизаций.

Она считала, что отлично решает проблемы. И вот куда это её завело.

Во тьме она стала космосом. Космос целиком уместился в её мыслях.

Тьма успокаивала. Диана уснула. Она сновидела, что находится вовсе не в койке, а в стволе гигантского пистолета. Яго был рядом с ней. «Это самая большая пушка,— сказала она.— Больше всех остальных пушек». «Размер — понятие относительное,— отозвался он.— Мы всегда должны спрашивать: больше по отношению к чему?»

Диаметр ствола был даже больше, чем ей показалось сначала: сто метров в поперечнике. Она встала, и Яго встал рядом. В конце ствола виднелся яркий свет.

Их тени вытянулись перед ними далеко-далеко, как тотемные столбы, и Диана повернулась, чтобы посмотреть на Солнце через идеально круглый срез дула. «А разве разумно,— спросила она,— нацеливать пушку на такую мишень?» «Как странно,— сказал Яго в ответ,— что у Луны есть фазы, а у Солнца нет!» У него был чужой голос. Голос мисс Джоуд. Диана подумала: до чего же похоже он изображает мисс Джоуд! А потом подумала: но как я могу быть уверена в том, что это Яго изображает мисс Джоуд, а не мисс Джоуд изображает Яго? «Близко к истине»,— произнес голос во тьме. Свет закончился. Пришла тьма. Она просыпалась. Но всё равно слышала голос: «Человек, изображающий другого человека, находится в точности на полпути между двумя людьми. Невозможная асимптота!»

Она снова бодрствовала.

— Эй? — крикнула она и изумилась тому, как громко прозвучал её собственный голос в замкнутом пространстве.

Выхода не было.

Вообще-то, оказалось непросто определить, бодрствует она или спит. Ей почудилось, будто Сафо говорит: «У тебя есть всё необходимое, чтобы решить эту загадку». Но вряд ли Сафо могла сказать что-то подобное.

Наверное, она всё же спала, потому что тьма вокруг неё превратилась в болезненно-яркую совокупность точек: зеленых и голубых, белых и желтых — огромных масштабов взвесь из частиц, каждая из которых была человеческой жизнью — множеством человеческих жизней, сбившихся в кучку.

Но потом она услышала голос Айшварии:

— Неужто тебе хватило глупости недооценить моего Стеклянного Джека?

— Нет,— сказала она.— Нет-нет.

Но голос продолжил:

— Люди здесь верят в призраков или, по крайней мере, в духов, которых называют бхутами¹. Нельзя увеличивать их число, не посоветовавшись с ними!

— Я не увеличивала,— ответила Диана с лёгкой паникой.

— Нет,— сказал голос.— Уж ты-то не убийца, правда...

«Правда?»

«Правда?»

«Пра...»

«Пр...»

Огни собрались в блистающий меч, и Диана, моргая и щурясь, поняла, что это настоящий свет. Противоперегрузочную камеру открыли. Кто-то расстёгивал ремни, стягивавшие её, и это была Айшвария, в натуральную величину и реальнее самой реальности.

— Что поставлено на карту? — сказала Диана — точнее, попыталась сказать, но у неё пересохло в горле, и слова прозвучали невнятно.— Что поставлено на карту?

— Ну все, моя милая,— произнесла Айшвария с грубоватой теплотой.— Вылезай. Тебе очень повезло, и не будет никакой кары.

¹ *Бхуты* — демонические существа из свиты Шивы; иногда этим термином обозначаются духи умерших насильственной смертью или оставленных без погребения.

10

НА БОРТУ «BIBLIOTEKA 4»

Жители Гарланда 400, отходившие после вчерашних возлияний, задавали меньше вопросов, чем ожидала Диана. Некоторые собственными глазами видели, как носовая часть «Рума» взорвалась, превратив несколько кораблей поменьше, расположенных поблизости, в вихрь металлического конфетти. Но взрыв вписался в рамки общего дебоша: по крайней мере, одурманенные и опьянённые люди не посчитали его чем-то из ряда вон выходящим. Тем, кто спрашивал, Айшвария и Диана отвечали, что возникла проблема в стыковочном узле и случилась катастрофическая декомпрессия, — не очень толковое объяснение, конечно, однако его хватило, чтобы успокоить любопытных. Разумеется, никто в Гарланде 400 не хотел вмешательства полиции. По счастливой случайности, в момент взрыва нос «Рума» указывал в противоположную от пузыря сторону, так что обиталище не понесло никакого ущерба.

— Хотя случай, — заметил Яго, — тут совершенно ни при чем.

Сафо не пострадала, хотя сделалась дёрганой и плаксивой. А вот про Яго, знаменитого Стеклянного Джека, сказать то же самое было нельзя. Его искусственные ноги от колена вниз были уничтожены, а от колена вверх — разворочены. Имело смысл снять протезы совсем, но они подключались к его нервной системе таким замысловатым образом, что Айшварии не

хватило бы ни опыта, ни оборудования для подобной операции. В невесомости, конечно, ноги были ему не очень-то нужны, однако смотрелось всё это весьма некрасиво.

Куда большую опасность представляли обморожения и вакуумные травмы на нижней части тела, и Айшвария беспокоилась, не пострадали ли его почки. Понять было сложно, поскольку действие нейротоксина мисс Джоуд ещё продолжалось и мышцы оставались неподвижны.

Айшвария разместила его в своём доме — обстановка была скучная, но удобная — и лично кормила кусочками фруктов. Только через два дня паралич прошёл, а к концу третьего он уже двигался с неким подобием былой живости.

ЗИЗдройд был в целости и сохранности. Яго обрадовался, узнав об этом.

Поскольку «Рум» окончательно вышел из строя, они не могли покинуть Гарланд 400. На собственный корабль Айшварии — тот, на котором она подобрала их и вернула на Гарланд, — им лучше было, как свирепо заявила она, не рассчитывать. По словам Яго, это не имело значения.

В конце концов они договорились со странствующим доктором, женщиной по имени Лидия Зиновьева. Она путешествовала от одного обиталища к другому, от кластера к кластеру, предлагая свои услуги. «В основном занимаюсь опухолями, — сообщила она. — Те, кто побогаче, могут позволить себе имплантаты и застраховаться от серьёзных проблем. Но в Сампе всё по-другому. От высокой радиации возникает рак кожи и другие виды рака, и зачастую единственное, что людям

по карману, это удаление. Вы видели у многих овальные и круглые пятна на коже — и это лёгкие случаи! Сложнее всего с внутренними опухолями. Конечно, всем хотелось бы медицинского обслуживания высшего класса, но платить им нечем».

Её корабль назывался «Biblioteca 4». Противоперегрузочных коек на борту не оказалось, потому что доктор Зиновьева, по её словам, никогда не путешествовала с большими перегрузками, чем одно-два «же». И в самом деле, путь от Гарланда 400 до большого кластера из двенадцати пузырей под названием Солнечный Полюс, с остановками в двух одиночных обиталищах, занял почти две недели. Но шлюп оказался просторнее внутри, чем «Рум», и, поскольку их добрая хозяйка большую часть времени проводила в ИД-гнезде, подключённом к Кортикотопии, Сафо, Диана и Яго были предоставлены сами себе.

ЗИЗдроида они захватили с собой.

Пока они летели, Яго позаимствовал набор инструментов и подровнял или вовсе срезал торчащие из сломанных протезов куски деталей: исключительно, как он выразился, ради удобства.

— Значит, ты прятал пистолет там? — спросила Диана.

— Вообще-то это был не совсем пистолет, — ответил он. — Ну или да, пистолет, только совсем не похожий на обычный. Маленькая сфера, размером с каштан. И она стреляла очень маленькой пулей — просто сгустком атомов. Не пуля причинила весь этот ущерб. Всё дело в скорости, с которой она летела.

— Невозможная пушка, — сказала Диана. — Ха! Мои родители знают, что она у тебя есть?

— У меня её больше нет,— поправил он.— Она разлетелась на кусочки. Но ответ на твой вопрос — нет. Они знали о моей дружбе с Мак-Оли и верили, что он передал мне свой секрет. В каком-то смысле так оно и было. Но они не знали, что я владею настоящей действующей машиной.

— Ты всё время носил её с собой! — потрясённо проговорила Диана.— Всё это время я думала, что Улановы гонятся за призраком, за чепухой. За БСС-химерой. Но у тебя всё время был при себе действующий БСС-пистолет.

— Когда выходишь за пределы «це»,— начал Яго, приложив автоматический напильник размером с палец к правому протезу, от чего по всей каюте полетели злые белые искры,— с физикой начинают происходить, хм, странные вещи. С чем большей скоростью движется предмет, тем сильнее — с точки зрения предмета, относительной для стороннего наблюдателя,— начинает замедляться время. Чем плотнее приближаешься к асимптоте абсолютной скорости, тем медленней идёт время. Для фотона, который перемещается со скоростью света, время вообще стоит на месте — нам кажется, что свет из галактики Андромеды идёт к Земле миллионы лет, но для самого света всё обстоит так, словно он одновременно там и тут. Что же произойдет, если перемещаться быстрее света? При двух «це» время движется со скоростью одна секунда в секунду назад, если можно так выразиться. Так должно быть в том числе и для того, чтобы сохранялись общие причинно-следственные связи. Но из-за этого возникают некоторые... необычные эффекты.

— Пуля, которая перемещается быстрее скорости света, летит назад во времени,— вставила Диана.— Ну конечно — детсадовская физика.

— Что касается того, могут ли с такой быстротой путешествовать люди... если честно, я не знаю. Мак-Оли думал, что могут. Но сумеет ли человек сохранить рассудок, перемещаясь назад во времени,— вот в чем вопрос. Ведь, как ни крути, вся наша эволюция происходила в среде, где время двигалось только вперёд.

— То есть бежать таким образом из Солнечной системы мы не смогли бы,— заключила Диана.— Но вот превратить Солнце в шампанскую сверхновую — вполне.

— До зарезу опасная штукавина, да,— согласился Яго, загибая торчащий обломок вовнутрь.— Можно сказать, она работает за счет искажения с. Сбрось её на Солнце — и произойдёт катастрофическая цепная реакция. Можно ли с её помощью перевезти куда-нибудь человечество — наверное, да. Я не знаю.

— От кого ты получил эту невозможную пушку?

— От кого же ещё, как не от Мак-Оли собственной персоной?

— Он её и сделал?

— Сам бы я не смог,— сказал Яго. Он подплыл к контейнеру для хранения и сложил в него инструменты.— Знаешь, что смешнее всего? Убийство Бар-ледюка случилось не по моей воле. То есть это я так думаю, что не по моей. То есть я не знаю, в какой момент я принял это решение.— Он почесал затылок.— Я был удивлён не меньше твоего, когда он превратился в кровавое облако прямо у нас на глазах. Стена пузы-

ря оказалась пробита, и меня отбросило в заросли на дальней стороне. И пистолет оказался у меня в руках. Я даже не понял, как это произошло. Разве у меня был какой-то выбор в тот миг? Не знаю. Невозможная пуля уже полетела. Я нажал на спуск, когда всё уже случилось.

— Это означало, что тебе удалось избежать ареста,— заметила Диана.— Поступить так, а не иначе было в твоих интересах. Это ли не выбор?

По его лицу пробежала тень:

— Мне кажется, в данном случае важнее сам поступок. Ведь Бар мёртв.

— Как и мисс Джоуд.

— Хм.— Он бросил на неё безучастный взгляд.— С ней вышло более... преднамеренно. Собственно, я не был уверен, как всё сложится. Я чудовищно рисковал. Она обездвижила меня почти полностью. Думаю, она решила, что моими ногами управляют нервы, вживлённые в позвоночник, а не напрямую в головной мозг. Вероятно, мисс Джоуд мало что смыслила в современных протезах. И всё-таки пришлось изловчиться, чтобы одной ногой нажать на полость в другой ноге. Ирония судьбы в том, что сама же Джоуд и отстрелила мне перед этим правую ступню,— в противном случае я бы не смог добраться до оружия.

— Выстрел из пистолета, спрятанного в твоей ноге, мог разнести и тебя, и нас, и весь корабль на кусочки,— сказала Диана.

— Мог. Но я был жив, когда прижал к устройству левый большой палец. Конечно, нас изрядно потрясло и помотало. Но я был жив. И потому знал, что мы выживем. Ведь нажатие на спуск — это последнее, что

надо сделать, когда стреляешь из БСС-пистолета, а не первое.

— Странно,— произнесла она.

— Именно так. Когда я убил Бар-ле-дюка, то первым, что мы увидели — за много минут до того, как он появился,— была вспышка.

— Точно! — воскликнула Диана.— Вспышка.

— В тот момент невозможная пуля вернулась к субсветовой скорости. Этаким фотонный отголосок. Она была уже безобидна — просто очень маленький снаряд, летящий с очень большой скоростью. Если восстанавливать ход событий, то, с нашей точки зрения, всё происходило наоборот. Сначала мы увидели вспышку. Потом, в очень быстрой последовательности, разрушение корабля Бара, пробоину в стене моего дома, самого Бара, который разлетелся на атомы. И только после этого я нажал на спуск, сидя в кустах.

Тут им пришлось прерваться, потому что доктор Зиновьева вышла из миртуалья и занялась приготовлением чая. Она угостила и пассажиров, и они немного поболтали. Женщина отметила, что Яго хорошо обработал остатки протезов. «Замысловатые штуковины,— заметила она.— Стоили, наверное, кучу денег». «Да, пришлось раскошелиться»,— согласился Яго.

Вскоре хозяйка корабля вернулась в свой виртуальный мир.

— Джек, я не хочу выглядеть нахальной,— проронила Диана через некоторое время.— Или обидчивой, как маленькая девочка. Но почему ты мне ничего не сказал?

Он глубоко вздохнул.

— Ты должна понять, Диана,— проговорил он.— ЗИЗдроид, которого мы везём с собой, обладает неимоверной ценностью. Это мощный козырь, гарантирующий твою свободу. Но он работает лишь в случае, если заверенный им договор действителен. Если условия соглашения нарушены, договор теряет силу и смысл.

— И,— сказала Диана, кивая,— на самом-то деле ты их нарушил. Ты сопротивлялся аресту.

— Но об этом знаем только мы с тобой,— возразил Яго, понизив голос.— Не буду и говорить о том, как важно, чтобы никто другой не узнал правду. До тех пор, пока никто не подозревает, что я убил Бара, договор продолжает действовать.

Диана почувствовала себя столетней старухой.

— Яго. Ну или Джек. Джек, кажется, я совсем тебя не понимаю,— сказала она.

— Меня не так уж трудно понять,— произнес он.

— Правда?

Некоторое время он молчал. А когда снова заговорил, голос его был тихим, монотонным, но каким-то взволнованным:

— Я посвятил свою жизнь служению единственной цели. Революции. Мириады людей в Сампе избавятся от нищеты, только когда у них появится право сообща выбирать собственное будущее. Человечество сможет осуществить свой потенциал, только когда падут тюремные оковы, навешанные Улановыми, и когда рухнет сама темница. Вот тогда мы будем готовы отправиться к звёздам — не раньше! Если изобретение Мак-Оли распространить сейчас, одна из фракций, поглощенных бесконечной войной, применит его и погубит всех

нас. Но, когда мы будем свободны... когда мы перерастем средневековые властные структуры и средневековые междоусобицы, порождаемые ими, тогда-то мы и сможем использовать эту технологию ответственно. От этого зависит всё. Убивал ли я людей? Убивал. Но только ради общего блага.

— Мне всё ещё сложно поверить, что МОГмочки наняли тебя, зная о твоей революционной деятельности.

— Твои родители способны на бóльшую гибкость, чем ты считаешь,— сказал Яго.— Они знают, что клану Аржан не удастся удержать абсолютную власть при ныне действующей системе, если действовать в одиночку,— а другим МОГсемействам они не доверяют и на альянс с ними не пойдут. Нет, всё изменится, когда уйдут Улановы. Твои родители видят в этом выигрыш, как и опасность. И они догадываются — или, точнее, предвидели,— что Улановы рано или поздно сделают ход против них.

Он немного помолчал, потом добавил:

— Много лет назад, до того как твои МОГродители дали мне работу и новую личность, задолго до того, я жил в Сампе.

— Как Стекланный Джек?

— Нет, у меня был совсем другой псевдоним. Естественно. В общем, я работал над созданием сетей, перемещался из кластера в кластер, закладывал основу для долгосрочных революционных планов, готовил с дюжину мятежей. Я тщательно берёг своё инкогнито. И всё-таки меня кто-то выдал... я так и не узнал, кто. Полицейские прибыли на семи крейсерах. Я оказался в местечке под названием «Господень

препущий»¹ — одиночном пузыре антиномистов, религиозном сообществе, где поклонялись Шиве Христу Ужасному. Разумеется, все они были отчаянными антиулановцами, но жили не так уж глубоко в Сампе, чтобы этим бравировать. Тем не менее прибыли блюстители и арестовали всё население обиталища — восемьсот девяносто человек. Они явились, потому что кто-то настучал, дескать, Стекланный Джек где-то среди этих восьмисот девяноста. И я там был. Знаешь, кто командовал отрядом?

— Бар-ле-дюк?

— Он самый. Их было очень много, они проткнули пузырь трубками и закачали внутрь газ. Нас застали врасплох. Мы не смогли дать им бой. Они прорезали в стенах абордажные люки и залетели целым роем, все в масках. Арестовали всех до единого и пригрозили казнить, если прославленный Стекланный Джек не покажется и не сдастся под стражу. Человек по имени Хаг Самеах поднял руку. Я не подговаривал на это ни его, ни других. Но все они знали, что я не должен попасть в тюрьму, с моими-то познаниями. И я позволил ему разыграть спектакль в духе «Я Спартак!», и Бар-ле-дюк увез его на своем личном шлюпе.

— Они проверили его ДНК?

— Да, как и всех нас, само собой, но ДНК Стекланного Джека не было ни в одной базе. По крайней мере тогда. И у Хага не было ног — в верхоземье это не редкость, как известно. Они поверили. Что касается всех остальных, то нас на месте приговорили к одиннадцати

¹ *Священный препущий* — крайняя плоть Иисуса Христа, одна из священных реликвий.

годам тюремного заключения — за политическую агитацию и бунт. Всех до единого. Нас погрузили в трюмы. Гонгси под названием «344 Даюрен» выкупила наши арестантские права и повезла на окраину Системы — нам предстояло сверлить астероиды, приводя их в товарный вид. Три тяжёлых месяца в койке, на пути к поясу астероидов; потом нас держали на объекте под названием 8 Флора. Разумеется, пленников перемешали случайным образом, чтобы минимизировать риск сговора между ними. И я в конце концов оказался вместе с ещё шестью мужчинами в пещере на маленьком астероиде Лами 306 — пара сотен метров в поперечнике и я с шестерыми преступниками внутри.

— Но ведь они должны были быстро сообразить, что упустили Стеклянного Джека? — удивилась Диана. — Разве они не поняли свою ошибку, когда этот Хаг Самеах ничего не смог им рассказать?

— Ясное дело. Но я тогда уже был в тюрьме, долбил породу в Лами 306. И всё время думал именно об этом: скоро они поймут, что Хаг — самозванец. Их следующим шагом должна была стать проверка остальных 889 пленников, захваченных в «Господнем п.». Их ничто не торопило — ведь мы никуда не подевались бы. Но и отказываться от своей идеи они бы тоже не стали. У гонгси имелись все данные по каждой каменюке, куда отправили ту или иную партию узников, так что в конце концов очередь дошла бы и до моей. Если б они схватили меня, всё бы закончилось. Я был бы у них в руках, и они бы так поработали над моим мозгом, что я не смог бы сопротивляться, и история человечества направилась бы прямиком к своему завершению. Я должен был бежать.

— Джоуд говорила об этом на Коркюре,— тихо проговорила Диана.— О побеге, который сбил полицию с толку.

— Именно об этом и речь. Я работал быстро, как мог, но мне понадобилось время. И в конечном итоге мне пришлось убивать своих сокамерников, иначе я не смог бы сбежать. Мне это не доставило удовольствия.

— Шесть человек. Ты их всех убил?

— Нет,— ответил он с легкой поспешностью. Затем прибавил: — Кое-кто уже был мёртв. Они... передрались между собой. Были жертвы. Но потом я убил тех, кто выжил. Мне это не доставило удовольствия. Я так поступил, потому что не нашел иного выхода. Если б я остался, если бы решил просто отбыть свой срок, то Улановы схватили бы меня. И потом всё обернулось бы очень плохо для человечества.

— Потому что у тебя была пушка?

— Тогда у меня не было её при себе. Но я знал, где она спрятана. И они бы выудили эту информацию из меня.

— Погоди-ка,— сказала она. Её разум выстраивал все части истории в ряд, цепляясь за те, что не подходили.— Когда Бар-ле-дюк тебя опять поймал, в твоей собственной сфере, ты согласился с ним пойти. Опасность не изменилась: даже хуже, у тебя при себе был действующий пистолет. Угроза для выживания вида. Ты ведь мог уничтожить себя, лишь бы не попасть ему в руки, правда?

За все годы, что Диана знала Яго, ей ни разу не приходилось видеть то, что произошло с ним дальше. Он смутился. Его щёки потемнели от прилившей крови, и он отвёл глаза.

— Это совсем другое дело,— произнес он.

— Другое?

— Как я и объяснил Айшварии, дать ему бой означало убить не только себя, но и тебя.

— И что? Что же здесь «другого»? Чем этот случай отличается от того? Тех людей в тюрьме ты убил довольно быстро. На кону судьба человечества, ты же сам сказал! И почему же ставки вдруг изменились, когда Бар-ле-дюк появился к тебе домой? Как может твоя жизнь, или моя, или Сафо вдруг оказаться ценней, чем все остальные жизни?

— Соглашение, которое я заключил с Бар-ле-дюком,— договор, записанный ЗИЗдроидом. Это было превыше всего.

— Ради богини, почему? Зачем ты собрался пожертвовать собой? — не отступала Диана.— По-твоему, этот глупый договор стоил того, чтобы рисковать всей Системой? Жизнями триллионов?

Он открыл рот, но не смог выдать из себя ни звука. Провёл ладонью по коротким жестким волосам и закрыл глаза. Потом наконец ответил:

— Да.

— Ты сошел с ума? Всё человечество — всё население Системы? Триллионы жизней в обмен на мою безопасность?

Яго сказал:

— Потому что я тебя люблю.

Она разозлилась, услышав это. И хотела тотчас же возразить, сказать: «Не мели ерунды!», или «Идиот!», или что-то в этом духе. Но, взглянув на него, поняла, что не может просто взять и отчитать его. Меч в её сердце отправился в ножны, однако причиной тому была

жалость, а не любовь. Ох, до чего же это было неприятное, острое и, хуже всего, несвоевременное чувство. Она подумала: «Мне всего шестнадцать. Он на целое поколение старше. Он должен был следить за своими чувствами — не я». И, пытаясь переместить разговор на территорию, не столь опасную в плане эмоций, но заранее зная, что ничего не выйдет, Диана проговорила:

— Твоя верность моей семье похвальна, Яго. И тем не менее...

— Это никак не связано с верностью.

— Чушь какая-то,— неопределенно бросила она.

— Это связано с тобой,— сказал он.— Я тебя люблю.

— Ты же говорил, что никогда не принимал КРФ. Что МОГмочки тебе его не давали, потому что им нужна была твоя инициативность и они верили в твою преданность и всё такое прочее.

— Это правда. Когда я говорю, что люблю тебя, я... понимаешь, это говорит моё внутреннее «я».

Она посмотрела на него. Вежливость, вне всяких сомнений, требовала сохранять нейтральное выражение лица, но она вдруг самым жутким образом содрогнулась от отвращения, и её черты исказились. Она с трудом взяла себя в руки.

— Не стоило бы,— проронила она после короткой паузы.

Его губы изогнулись в грустном подобии улыбки:

— Боюсь, это не зависит от моей воли.

— Ну вот,— упрекнула она его,— ты же знаешь, что я никогда не смогу ответить тебе взаимностью — ведь знаешь же? Такого не будет. Дело не в том, что ты мужчина. И не в разнице возрастов — хотя, если честно, обе эти вещи играют роль. Я просто не хочу, чтобы ты

думал, будто нашим, э-э, отношениям препятствуют такие вот, э-э, пустяки. Ты мне нравишься, но истинного единения душ у нас с тобой никогда не будет.

— Я знаю,— просто ответил он.— Это безнадёжная любовь. Но любовь — не пламя, которому нужен кислород надежды, чтобы гореть. Это совсем иной род огня. Я не могу его погасить, не чувствовать этого к тебе.

Диана открыла и закрыла рот. Это всё-таки была проблема совсем иного рода. Она попыталась разобраться в своих чувствах, но поняла, что не знает, в чём они заключаются. Тут ей в голову пришла мысль:

— Всё дело в сексе?

— Нет,— сказал он.— О, нет-нет.

— Ты просто не признаёшься,— заявила она.

Но хватило взгляда, чтобы понять — он говорит искренне. И поскольку секс пока что занимал в её жизни минимальное место, Диана вполне готова была поверить, что его значение не столь велико, как можно счесть, опираясь на искусство и слухи. Против всех ожиданий, теперь его чувства к ней вызывали ещё более сильное беспокойство. Она повторила:

— Ты просто не признаёшься, правда ведь?

Он на неё не смотрел. Только краснел. Она уже видела, как он краснеет.

— Почему? Дело в положении, которое я занимаю?

— Ты есть ты,— сказал он.— В этом всё дело. Не в том, что ты умна и красива, хотя это правда,— просто таких людей много. Но ты это ты, и ты единственная.

— Тебе надо бы почитать что-нибудь про модулированные овариальные гаптиды,— проговорила Диана, зная, что это не ответ.— Джек,— продолжила она, потому что ей показалось правильным использовать его

настоящее имя в такой момент (хотя ей тут же пришло в голову: а с чего я взяла, что это и есть его настоящее имя?).— Ты выразился очень сжато, и, кажется, я поняла. Ты ведь позволишь и мне быть краткой, да?

— Твой краткий ответ, как я догадываюсь,— произнес он,— будет «нет».

— Да,— согласилась она.— В смысле нет.— Его рукавец усилился и через секунду начал спадать.— Богиня, я сама себя не понимаю.

— А я понимаю,— сказал он.

Потом Стекланный Джек спал. Он всё ещё не пришел в себя после нешуточных травм, а остаточное действие нейротоксина вызывало постоянную усталость.

Диана думала о том, что он сказал. Конечно, думала. Покинув его, она отправилась играть в го с корабельным ИскИном. Четыре партии продемонстрировали, что с преимуществом в восемь камней она неизменно выигрывала у машины, но с семьёю или меньше машина побеждала.

В конце концов «Biblioteca 4» прибыла к длинной цепи пузырей, называвшейся Иудосалим, где у Яго, по его словам, имелись надёжные друзья. Они попрощались с Зиновьевой. Сафо изучила окрестности и сняла для них троих домик — скромную пристройку у стены третьего пузыря. Яго, рассчитавшийся с докторшей за услуги, также вложил деньги в аренду.

Вечером они поужинали в ресторане: рыба, как похвастался хозяин, выращивалась в аквариуме Иудосалима. Сафо долго не просидела, её всё ещё мучила ломка после отказа от КРФ, и потому она отправи-

лась домой, чтобы поспать. Но Диана ощущала, как её настроение делается всё лучше. Она уже так давно не видела столь явных признаков цивилизации, не ощущала даже этих крупниц законности и порядка, что ностальгия по прошлой жизни сделалась болезненной.

А вот Яго был печален. Она знала, что их отношения изменились, и уже ничего нельзя исправить.

Они ели, поджав колени под стойку. Рыбу подавали завернутой в листья и со сферами гашишного вина. Они лицезрели широкую изогнутую стену пузыря, испещренную тут и там зеленью растительных посадок и синими обиталищами.

Она заговорила:

— На что это похоже, — спросила она, — убивать людей?

— Ну и вопрос! — отозвался он, не скрывая изумления.

— Мне действительно интересно. Я чувствую себя белой вороной. Сафо убила, и ты убивал. Многих.

Яго поразмыслил, прежде чем ответить.

— Это неприятно, — сказал он. — Во мне, как и во многих людях, есть часть, которая на такое способна. Но я держу её под замком внутри себя. Это похоже на... ящик. Ящик внутри меня.

— А в ящике?

Он посмотрел на неё.

— Взрыв, — произнес он. — Ты хочешь сообщить, что нам пора расстаться.

Его прямота ошеломила Диану, но она сумела сохранить лицо. Ведь вопрос, который задала она, как раз и должен был ошеломить его.

— Зачем? — с заминкой спросила она. — Зачем ты так говоришь? — И тут же решила, что нет нужды в словесном фехтовании. — Нет, ты прав. Я думала об этом. Я долго об этом думала.

— Почему?

— Ох, Яго, — сказала она, чувствуя, как где-то внутри собираются слёзы, готовые вот-вот пролиться. Она сдержала их. — После всего, что ты сказал мне на борту корабля доктора Зиновьевой? Ты мне очень нравишься...

— Это шаг в сторону любви, — заметил он.

— Возможно! Наверное, да. Между нами и впрямь есть... видимо, это можно назвать привязанностью. Я перед тобой в большом долгу. Но мы с тобой никогда бы... никогда бы не смогли... ох, дорогой Яго! Даже если б мы оба были молоды, что бы из этого вышло?

— Даже если б мы оба были молоды, что бы из этого вышло, — повторил он невыразительным голосом. — Опять условное наклонение. Ты так его любишь. — Он вздохнул. — Ну что ж, моя дорогая, — сказал он, поднимая сферу с гашишным вином. — Я поступлю так, как тебе угодно.

Когда он назвал её «дорогой», Диана испытала подобие слабого электрического шока. Было невозможно понять, приятное это чувство или нет.

— Куда же ты отправишься? — спросил он.

— Я не знаю. Сафо, конечно, пойдёт со мной. И ведь мне, — сказала она, впервые об этом подумав, — понадобятся деньги.

— С этим я помогу.

— Наверное, буду искать родителей, — проговорила Диана, уставившись мимо Яго на зелёное лоскутное

одеяло дальней стены сферы. — Они где-то спрятались, и найти их будет нелегко. Но ведь это просто задача, которую надо решить! А на что ещё я гожусь, как не на решение задач? Я также могу навестить Анну Тонкс Ю во плоти. Почему бы и нет?

Яго отвернулся. С того места, где сидела Диана, было никак не увидеть, блестят у него глаза или нет.

— Это могло бы разбить мне сердце, — произнес он ровным голосом, — если б оно у меня было.

— Не надо так, Яго. Мы говорим «никогда», потому что так нам диктует рациональный ум. Но сердце не знает слова «никогда».

Он чуть просветлел, услышав это, кивнул и даже улыбнулся. Но в глаза по-прежнему не смотрел.

— Как мне кажется, есть проблема серьезней, чем местонахождение твоих родителей, — проронил он через некоторое время. — Это проблема всей Системы как таковой. Революция. В историческом смысле, я думаю, движущей силой всех революций было отчаяние людей, которым некуда больше падать и нечего терять. Но с ганком и жильем для всех так низко уже не упадешь. Вопрос в том, как сделать так, чтобы люди захотели что-то изменить к лучшему?

— Надежда, — ответила она.

— Именно, — кивнул Яго. — Разумеется, я осознаю весь риск. Не стоит и говорить о том, что ставки высоки. Если бы БСС-пистолет попал в руки Улановых — или твоей МОГсестры, или какой-нибудь другой фракции, — то всё легко могло бы обернуться катастрофой невиданных масштабов. Вероятно, благоразумней было бы просто уничтожить устройство. Но я этого не сделал. Не сделал, потому что оно несет в себе зерно

надежды — надежды на то, что люди смогут когда-нибудь покинуть Систему и отправиться куда пожелают.

— Свободу,— сказала Диана. Они выпили немного вина, и Диана почувствовала одновременно возбуждение и печаль, некую болезненную дрожь перед лицом неопределённого будущего. Она стала взрослой. Со-
всем взрослой.— А если уж мы будем сеять надежду по всей Солнечной системе,— продолжила она,— то и тебе перепадёт немного. Ты так не думаешь?

Он снова улыбнулся и снова не посмотрел ей в глаза:

— Было бы неплохо.

— Ты говоришь, что у тебя нет сердца,— прибавила она, осторожно подбирая слова.— Но я тебе не верю. У тебя огромное сердце. Ты находчивый и умный, и ты подарил мне жизнь. Это ли не повод для надежды? Ты так не сказал бы?

— Не сказал бы? — повторил Джек.— Такие условные фразочки мне больше по душе.

Некоторое время они сидели в молчании.

— Ты понимаешь,— спросила она,— почему я должна уйти?

— Я принимаю твой уход,— ответил Яго, не взглянув на неё.— Так будет лучше.

КОДА

Сафо, однако, отказалась сопровождать Диану Аржан. Диана была этим удивлена, хотя удивляться и не следовало бы. Сафо — или, стоит уточнить, я (поскольку именно я была докторватсоном, как вы могли уже догадаться) — предпочла остаться со Стеклянным Джеком как его компаньонка и личный секретарь. У нас с ним много общего, и, чем меньше КРФ в моей крови, тем реже меня одолевают приступы собачьей верности ей и её семейству. Это не значит, что я желала ей зла. Совсем наоборот. Я помогла Джеку в меру возможностей подготовить её к путешествиям: мы наняли охрану — как же без неё — и забронировали место на торговом шлюпе. В конце концов она покинула нас, забрав с собой ЗИЗдроиду (спокойствия ради, как сказал Джек); и я всплакнула перед расставанием, как и она, и только Джек не заплакал, хотя мне кажется, что он бы этого хотел. Но я сделала свой выбор, я осталась с ним. Чтобы он поведал мне о своей жизни, о своих разнообразных приключениях. Чтобы я могла рассказать его историю.

Рассказать её вам.

ГЛОССАРИЙ

Lex Ulanova. После Трёх Войн Улановы взяли контроль над всей Солнечной системой и усилили свою власть, утвердив обладающий наивысшим приоритетом свод законов, Кодекс Улановых, или *Lex Ulanova*. Он заменил собой около сотни местных кодексов и отличается заметной строгостью по сравнению с большинством из них. Исполнение Кодекса и наказание правонарушителей превратились в индустрию, которой обязаны своим процветанием многие организации третьего яруса.

*Антиномисты*¹. Собирательное название различных группировок, не подчиняющихся *Lex Ulanova*, то есть Кодексу Улановых.

БИт. Биолинк Инфо-терминал — точка доступа к обширным банкам данных, которыми заведуют Иск-Ины.

¹ *Антиномия* — противоречие в законе или противоречие закона самому себе.

Боврилкоголь. Вкусный алкогольный напиток на основе мяса.

*Гонгси*¹. Любая коммерческая организация, корпорация или компания достаточно большого размера и достатка, часто монополистическая по сути. Любую торговую или производящую компанию можно называть «гонгси», в зависимости от масштабов её деятельности. См. также: *Торговые дома*.

ЗИЗдроид. Роботизированное устройство типа «Записал-и-Заверил». Разработано для того, чтобы фиксировать и хранить информацию, имеющую юридическую, личную или коммерческую важность. ЗИЗ-дроиды подключены к зашифрованным банкам данных. Их целостность играет решающую роль в их деятельности; если есть основания предполагать, что в функционирование ЗИЗдроида кто-то вмешивался, значимость сохранённой им информации аннулируется.

ИД. Идеальный Дворец — цифровая симуляция или миртуаль, внутри которой пользователь может моделировать уравнения, эксперименты, дискуссии, игры или то, что ему захочется. ИД отличается от других миртуалей тем, что это изолированная и защищённая среда, доступная только одному пользователю.

Кортикотопия. Широко распространенное содружество «мыслесограждан», основанное на medica-

¹ *Gongsi* — компания (кит.).

ментозной обработке. Члены этого идеалистического сообщества не придают большого значения своему физическому местоположению, считая, что истинная социальная гармония между людьми может возникнуть лишь благодаря особому вмешательству в функционирование мозга. Конкретные формы такого вмешательства представляют собой повод для споров между различными кортикотопическими сектами.

КРФ. Кортикотропиновый релизинг-фактор. Модифицированный препарат, применяемый в некоторых организациях для обеспечения верности персонала. Наиболее эффективен в тех случаях, когда верность направлена на конкретную семью или (наилучший вариант) индивида; однако даже в малых дозах подавляет инициативность и самостоятельность.

Миртуаль. Он же Миртуальная реальность: цифровая среда, симулякр мира в целом, генерируемый при помощи компьютерных и иных технологий обработки данных. Миртуали могут существовать в форме Консенсуса (облачной среды, объединяющей множество подсистем, связанных с различными пользователями) или как самостоятельные, герметичные Идеальные Дворцы (см. *ИД*).

МОГ. Технология генетической инженерии на основе модулированных овариальных (яйцеклеточных) гаптидов.

Плазмазерные лифты. Система общественного транспорта, связывающая земную поверхность с око-

лоземным пространством. Кабины лифтов спускаются, поддерживаемые полукогерентными колоннами плазмы, сфокусированной при помощи лазеров, и направленная вниз сила их движения используется наземной станцией для поднятия кабины-противовеса на орбиту. Технология эффективнее и дешевле обычных космических лифтов, не говоря уже об орбитальных аппаратах баллистического типа.

Полиция. Правоохранительная деятельность в Системе устроена сложным образом: полицейские функции имеются у военных и наёмников, а также у нескольких больших частных армий; хотя в теории все они следят за соблюдением *Lex Ulanova*, на практике существует конкуренция. Термин «полицейские» в широком смысле обозначает силы, действующие, в основном, в космическом пространстве; «полисье»¹ (изначально употреблялся в пренебрежительном контексте) — те, кто действует на поверхности; «милиция» — термин, включающий в себя различные виды вооружённых должностных лиц.

*Поллой*². Народ.

Пузыри. Орбитальные жилища разных размеров и степени комфортности. Производятся из силикатно-карбоцепного полотна (сырьё добывается в ходе разработки астероидов и лун, после чего обогащается длинными молекулами, происходящими из генетически

¹ *Policier* — полицейский (франц.).

² *Hoi polloi* — простонародье, массы (греч.).

модифицированных водорослей, которые выращиваются множеством орбитальных фабров) в очень больших количествах, в Солнечной системе присутствуют сотни миллионов этих простых прозрачных или полупрозрачных сфер.

*Самп, самполлой.*¹ Люмпен-пролетариат, низший слой простонародья. Вне всяких сомнений, наиболее многочисленная категория населения Солнечной системы, большей частью проживающая в дешевых и ненадёжных трущобных пузырях.

Торговые дома. Стратегический альянс управляющих МОГ-индивидов и торговых гонгси. Изначально Улановы также были торговым домом, но после Торговых войн и прихода к власти они разделили старую иерархию на отдельные составляющие.

Ярусы. Неофициальная властная иерархия Системы. Улановы находятся на самом верху как «руководители» Системы. Под ними располагаются пять МОГ-семейств, иногда называемых кланами (Клан Аржан, Клан Ю, Клан Куан, Клан Апарасейдо и Клан Онбекенд). Каждый из них представляет собой большую функциональную организацию с разнообразными интересами, хотя, по негласному сговору, они также специализируются в какой-либо определенной области (соответственно: информация, транспорт, налоги, военное дело и полиция), важной для поддержания Lex

¹ *Sumpolloi* — «сумма простонародья», объединенные массы (греч.).

Ulanova и обеспечения статус-кво. Третий ярус занимают разнообразные большие коммерческие структуры и торговые компании, известные как гонгси. Под третьим ярусом находится четвёртый, который занимают многочисленные культы, кланы и группировки, большей частью связанные с правоохранением: полицейские формирования, мафия, культисты, милицеские группы, банды, семьи и так далее. Ещё ниже располагаются поллой — люди разной степени достатка и независимости, зачастую подчинённые организациям четвертого или третьего яруса или даже связанные с ними кабальными договорами. Самп завершает иерархию, формально не являясь её частью.

БЛАГОДАРНОСТИ

Шампанские сверхновые — реальный феномен, вызывающий растерянность у реальных астрофизиков и в самом деле названный, вынужден признаться, в честь песни группы «Оазис». Заинтересованные читатели могут узнать больше из соответствующей статьи в Википедии. Передвижение быстрее скорости света, как неоднократно упоминалось в этом романе, невозможно с точки зрения физики; то же самое можно сказать и о телепортации.

Я хотел бы поблагодарить Стивена Бакстера за практические советы касательно первой части повествования, а также Пола Мак-Оли¹, который одолжил свою фамилию для самого блистательного учёного Солнечной системы (фамилия Мак-Эндрю из киплинговского оригинала — на основе которого, так уж вышло, и был задуман этот персонаж, — содержала слишком мало гласных, чтобы удовлетворить мою жажду

¹ В русскоязычной традиции этого писателя принято называть Полом Макоули, что не вполне корректно.

благозвучия). Электронная версия книги включает два произведения: «Мэри Анна» и «Псалом Мак-Оли», — ранее напечатанных в других изданиях; я хотел бы поблагодарить редакторов этих ранних изданий, и в особенности Йэна Уэйтса. Моя жена Рэйчел — жемчужина неимоверной ценности, и ей я приношу свою благодарность. Ещё я хотел бы выразить признательность моему гениальному редактору Саймону Спэнто-ну, а также электронному редактору со сверхспособностями Трона Даррену Нэшу (оба из «Голланц»).

Побудительным импульсом к написанию этого романа послужило желание свести воедино некоторые клише фантастики «Золотого века» и детективов «Золотого века», уделяя большее внимание второму, нежели первому. Своим знакомством со вторым массивом литературы, а в особенности с творчеством авторов, чьё влияние на эту книгу представляется наиболее заметным (Марджери Аллингем, Найо Марш, Дороти Ли Сэйерс, Майкл Иннес), я обязан матери, Меррил Уинн Робертс, которая прочитала больше таких книг, чем я съел горячих обедов. Ей и посвящается этот роман, со всей моей любовью.

БАЙКИ СТЕКЛЯННОГО ДЖЕКА

ТЮРЕМНЫЕ БАЛЛАДЫ

Когда в мир приходит новая жизнь, за нее надо платить жизнью.¹

Киплинг

Тюряга

Попался я в Тюрягу —
Достал такой постой:
Почти полгода, ей-же-ей,
В поганой сфере без дверей,
И дни бредут унылой чередой.

Попался я в Тюрягу,
Как шершень под стекло;
Вот меха-вертухай снует
То вверх, то вниз, а то вразлет,
И копы кажут звездное хайло.

Попался я в Тюрягу,
Нас тут таких миллион;
К извечной смене ночи-дня
Бечевкой приковал меня
Старинный и незыблемый Закон.

¹ Из рассказа «Благословение церкви» (пер. И. Комаровой).

«Мэри Анна»

Я оплачивал твой стиль жизни, знаю цену каждому кутежу...
Теперь твой отец умирает, так слушай, что я тебе скажу!
КОМА спасет меня, думаешь ты? Это доктор талдычит? Он врет.
Завтра я стану трупом, и вся их наука мне жизнь не вернет.
КриОперативная как-бишь-ее лишь острее точит стилет,
Но лучше сдохнуть в кровати, чем в заморозке гнить десять лет.
Безносой в черном плаще и шлем-черепе нечем меня пугать;
Смерть — часть мира живых, сынок, ее гравитации не избежать.
Жизнь запускает нас в дальний полет, но вечен парабола гнет.
Я счастлив был тем, что жил, и теперь я счастлив,
что жизнь умрет.

Полвека по всей Системе: Меркурий, Марс, — но полет конечен:
На счету моем миллиарды — лицо прикрыть оказалось нечем.
Два кредита, по одному на глаз, — вот ныне моя отрада,
И еще этот чип в кулаке — тайная, сын, для тебя награда.
Да, это не сома и это не Ра, но, Хэйвел, прошу тебя что есть сил:
Выполни просьбу, уважь старика.

Знаю, ты жизнь Зип-толпе посвятил,
Жизнь свою на деньги мои — ты тратил их будто бы по праву,
А сам полкредита не раздобыл на еду, жилье, мозгоправа.
Жил беззаботно за счет отца, жадно глотал кредитов струю —
И я тебя ими не попрекну, если ты исполнишь просьбу мою.
Строя суда, верфи и фабры, свои орбитали в небе столбя,
Я сделал дважды миллиард — и себя, но, черт возьми, не тебя.
Пилот уже в двадцать пять, в тридцать женат — вот я был каков!
Десять тысяч работников! Сорок космических грузовиков!

Теперь я почетный сенатор с Белой Звездой на пиджаке,
С генералами от индустрии, с президентами на короткой ноге.
Полвека бесконечной борьбы, пятьдесят тяжелейших лет,
Инвестиции в нептунианскую тьму и венерианский свет.
Я не начинал иждивенцем. Нашел работу, пахал тяжело,
Трудился как вол, до седьмого пота; теперь говорят, мол, свезло.
На каких колымагах служил я, боже, — древних, дыра на дыре;

Вокруг пустота и стынь, а ты летишь, как в картонном ведре,
Перегруз-койки для великанов норовят тебе дать по мурлу,
В другие, для карликов, хоть не ложись —

проснешься опять на полу.

Сутками — не часами, четыре «же». Топливо — или комки,
Еле горящие, или взрывчатка, растертая до муки.

Пища — свиньи не стали бы жрать, экипаж — оторви да брось,
И страховка груза такая, что пилоту жить не сдалось.

Сложи и помножь: твой отец отлетал световой без малого год.

Я звался Отладчик, Пожарник и Бесстрашный Как Черт Пилот.

Хватался за всякую работенку, был согласен на всякий куш —

И либо сразу спускал все в карты, либо тратил на чушь.

Пока я не встретил твою мать и не женился, я был баклан.

На десять лет старше, мудра, как ИскИн,

она сказала: нам нужен план.

Я стал отцом в тридцать три, кружил по Системе, судьбу дразня,

И пока твоя мать сэкономила деньги, я мужал день ото дня.

Летал бы себе, но она мне сказала: ты давно уже не юнец.

Она шла на риск, и я верил ей и брел за ней, как слепец.

Твою мать тормозил Закон, Метки держали ее в узде:

Она попалась на контрабанде, налогах и всяческой ерунде.

Ей обнулили кредитный рейтинг и запретили космополет —

Всё из-за иглы, пробившей случайно какому-то дурню рот.

В общем, я занял ей денег, она помогала платить по счетам,

На паях мы купили кораблик, намалевали свой знак по бортам.

Поймай они нас, ей светила промывка, а мне Сатурн и тюрьма,

Но мы все равно летали вдвоем и работали задарма,

И на долгих унылых орбитах нас вместе держали

не только гроши —

Твоя мать не любила твердь и жила в пустоте по зову души.

Починка с горючкой в кредит, но Господь милосерден,

без дураков:

Я основал «Красный Бык» — ныне в нем

тридцать восемь грузовиков.

В реестр внесли меня одного, но только я был не одинок:

Почти что всем заправляла Мэри — никто лучше бы и не смог.

О, то были дни скорых грузов, и повсюду торговля цвела;
Меркурий нас должен был обогатить,

только там твоя мать умерла...

Мы были хозяева сами себе и назвали корабль в честь нее,
И она умерла на борту «Мэри Анны». Сердце, о, сердце мое!
В меркурианском гравиколодце полным-полно чугуна.
Старателю, коль он добудет металл,

за старанье воздастся сполна.

А у нас — ни бывалых шахтеров,
ни машин, ни долот буровых,
Только разум да ветхий кораблик
с продовольствием на двоих.

Наш метод добычи был вне закона —
и небезопасен: впотьмах

Подлететь, прицелиться, скинуть бомбу,
устроить шарах-бабах.

Ядерный взрыв был чудовищной силы,
цветок — пугающей красоты,

Чугунные слитки огромных размеров влетели
в объятия пустоты

На эллиптические орбиты — лови сетями, хватай рукой;
Для нас, придумавших смелый план,

поток их был золотой рекой.

Подладиться под их дельты скорости —
это был непростой сюжет:

Я вел корабль, а мама твоя метала
в чугунные чушки дарт-джет.

Ах, был бы с нами кто-нибудь третий —
может, она бы и не умерла,

Предупреди нас кто-то о залпе,
который полиция с борта дала,

Вынырнув из белой тени солнца,
паля без сигнала и без суда,

Вынудив нас затаить дыханье,—
и мать затаила его навсегда;

В корпусе дырка, вакуум тушит пожар, тлеет огонь едва,
Я спешу залатать пробойну, Мэри мою ищу —
но она мертва.

Обгорела от бедер до пят — красавица даже после
такого конца;
Декомпрессия ей зачернила глаза,
но огонь не коснулся лица.
Мне не стыдно признаться: я рыдал,
ощущая вечную пустоту,
Но вот-вот появились бы копы; я не мог оставить
тело жены на борту.
Смерть не спасала ее от закона, я бы и сам
в тюрьму тогда загремел.
Даже продав «Мэри Анну», я б оплатить
тюремные пошлины не сумел.
Обнял ее, отпустил и отправил вечно скитаться
на эфирном ветру;
Видел только ее лицо, но взял себя в руки
и залатывать стал дыру,
Потом пришли полицейские, а я скормил ИскИну
свое вранье:
Будто наткнулся я на чугун, пролетая мимо —
мол, у меня чутье,—
Стал помечать обломки, мало ли кто чего,
врежутся да сгорят.
Копы мне не поверили, только мне все их рожи
были до фонаря.
Отделался штрафом и улетел — один, без жены,
горем вконец убит,
Не ведая, где, на какой могильной орбите
Мэри моя вечно парит.

Я вернулся на Землю кутить,
мне забыться помог сома-жук,
Но во сне твоя мать сказала мне:
этот жук тебе вовсе не друг.
То ли сон, то ли галлюцинация, то ли дух —
поди теперь знай...
Велела: займись своим делом, а про остальных
и не вспоминай,
Деньги копи (сказала настойчиво),
ну а кайф пусть ловит глупец:
У тебя есть сын — то есть ты, Хэв,— и этому сыну нужен отец.

На Луне я встретил Мак-Каллоу в лавке там,
где Коперников вал,
Мы с ним решили в точке Лагранжа открыть
ремонтный причал —
Задешево для небогатых. И, представь,
не попали впросак.
Крепкий барыш мне зашибал новый лазерный
корпус-резак!
«Строить дешевле», — я говорил, но партнер мой
только ломался,
Грезя о звездах. Потратив без толку год,
мы полетели к Марсу,
Ближе к поясу астероидов, дальше от Солнца —
для причала
Самое место там, где бы нас земная полиция не достала.
Близилась эра Торговых домов, в то время все мы
были равны,
Строили корабли, как дома, чинили
космические двигуны.
Не то чтобы все были бандюками, хотя кое-кто
закон преступал,
А я ремонтировал, я торговал — и я иногда
про тебя забывал.
Платил гувернерам и виртуалам, общался лично
иль через экран,
Но только отец, не любящий сына, —
не отец, а просто болван.
Я говорил то, что должен был, смотрел тебе
прямо в глаза,
Но видел лишь деньги, и космос, и корабли —
и ты это знал.
Мак-Каллоу мечтал о межзвездных полетах,
о великих рывках,
Он тратил барыш на космоходы, в которых можно
лететь века,
И строил громоздкие двигуны, чтоб добиться
хоть полсветовой.
Мак-Каллоу убит в девяностых, а ночью
и я отойду на покой...

Я знал, конечно, я знал, что Дома начнут
воевать меж собой:
Когда латаешь прорехи, видишь,
что где-то недавно был бой.
Пластметалл, боевые штучки...
Платили нам щедро — нет слов.
Мы пришли к межпланетной коммерции
и «ремонту за девять часов».
Мак-Каллоу вел оружейный бизнес,
тут он был и мастак, и спец,
Ему всегда удавался дизайн — но лучше всего ему удался конец!
Я глядел в его личные записи — почерк был ясней, чем печать,—
И понимал, что смогу завершить то, что он исхитрился начать.
Его дети злились — так что с того? Уравнения — ценный товар.
«Тахионная тяга» дала мне в шестьдесят процентов навар.
Шестьдесят, считая провалы,—
сам бы столько я сделать не смог.
Четверть от миллиарда кредитов я тебе заработал, сынок!
Стало ясно: война на пороге, но только недолгой будет она,
И поддержка Дома Улановых после окупит себя сполна...
Мир стал жестче, Закон — суровее,
чем когда был Солнечный Пакт,
Я начал с нуля, потому что имел то,
чего раньше не было,— факт.
И хоть ты не ценишь этого, Хэйвел,
важней не иметь — получать,
И это, сынок, не в поло играть
и на гидравлической кляче скакать.
Тебе уж седьмой десяток пойдет, но ты мне словно и не родня,
Я купил тебе лучшее образование, что же сделал ты для меня?
Женился на этой оглобле — тверда, как кость,
и столь же бела,—
Она забила твой мозг искусством, да только ребенка не родила.
Гнушаешься всем, что я ценю, берешь, но не даешь взамен,
А тем, что мне видится гнилью,
живешь исправно и без перемен.
Или тратишь жизнь в виртуалье, или глушишь сознание сомой;

Восемь домов в четырех мирах, но ни в одном из них
ты не дома.

У меня было полмиллиарда, но я богачом ходить не привык,
Вспомнил наш логотип — и создал космоходство
«Красный Бык».

Для меня деньги были как антиграв, топливо
для корабельных дюз,

Ты же швыряешься ими так, будто они — непосильный груз.
Слабак, бездельник, брехун и дрянь, точно кабыздох на борту,
Ползущий к обедкам слепой щенок,
забывший великую пустоту.

Мне тошно от всей этой гадости.

Я хочу наконец вернуться домой.

Хэв, ты мой сын — или сын Мэри; ты всяко
фамилии с нами одной.

Я хочу упокоиться рядышком с твоей матерью
в холодной тьме —

И ты нарушишь Закон ради денег и всего, чем обязан мне.

Я тебе завещал миллион в год — один миллион,
вот и вся недолга.

Ни тебе, ни жене миллиона не хватит —
я знаю, эта любовь дорога.

Ты в курсе, что есть миллиард у меня, а то и, поверь,
без малого два,

И, если ты хочешь их получить, придется тебе попотеть сперва:

Орбиту Венеры Lex Ulanova пересекать запретил навсегда,

Но за этой орбитой парит моя женщина:

ты доставишь меня туда.

Я заправил тебе «Мэри Анну» — на всех парах за Венеру дуй

И позволь нам с женой парить во тьме,
пока нас не сведет поцелуй.

Никто мне не скажет, где тело Мэри, на каких орбитах блажных,

Но Судьба нас соединит — пусть даже мертвых,
холодных, слепых.

Траектории в космосе непредсказуемы — мне ли,
пилоту, того не знать! —
Но у нас будет вечность, чтобы доплыть,
докружиться и доблуждать.
Улановы берегут монополию — удачи им в нелегком бою, —
Но мне ни к чему красть их чугуны: я только ищу могилу свою.
Космической тьмы простыня мне милей надгробий,
саванов, колоколов,
Лишь бы жена обняла, как раньше, —
все остальное не стоит слов.
Она умерла мгновенно, сынок, душу ее не тронула зла печать,
А Судьба не настолько жестока, чтобы навеки нас разлучать.
Ее красота всё пережила — огонь, декомпрессию, пустоту.
Ты не видел смерти, мой Хэйвел?.. Привыкай:
Смерть всегда на посту!

Песня астероидных поселенцев

Три поколения пройдут,
Захнычут правнуки толпой —
И лишь затем я припаду
К Земле святой.

О, крепость древней синевы,
Седого мрамора краса,
О, цитадель, откуда мы
Взлетели в небеса!

Откуда, словно кровь из ран,
Пролился ввысь народ ракет,
Дерзанием старинным зван
И светом звезд согрет!

Облекшись в сталь, сильнее стократ,
Мы небосвод превозмогли:

С тех пор орбиты все кружат
Сквозь дочерей Земли.

Земного притяженья дар
Утрачен нами, оттого
Не в силах мы принять удар
Иль отразить его.

Но в нас хранит маяк Земли
Земную веру до конца:
Лишиться сил тела могли —
Но не сердца.

Лунные рудокопы

Под кратером Коперника долбили косой
и наклонный штрек,
Дробили грунт по десять часов, как требовал этот проект;
Нашим костюмам повиновались буры,
туннельный лазер, рештак;
Рядом с гигантской механикой шесть футов роста —
суший пустыяк;
Мы лунные рудокопы, сквозь реголит мы ведем туннель;
Дыхание в шлемах и черный мир — такая,
брат-шахтер, канитель!
Каверна такая, что тут затерялся бы витрувианский мужик;
Утром мы видим мерзлые скалы, к ночи от них остается пшик.
А дни на Луне — по две недели и жарче кипящего свинца;
А ночи — такие же долгие и стылые, как башка мертвеца;
А пыль — ну точно песочек на пляже, куда накатывает волна;
Но берег здесь безводен и выжжен, одни камнепады. Это Луна!
Галька, булыжники, метеоры с плоского неба падают — бух!
Между приливами — тысячи лет, и этот прибой
покойницы сух.
Грунт вспаши, скалу сокруши, плющи, морщи и скрежещи:

Луна — наковальня, молотов — тыщи;
 эй, топография, трепещи!
 Ни хрена не слышать, не видеть, что вдали и вблизи,
 что явь, что сон,—
 Шахтер ишачит в клетке своей, зная: «Здесь будет
 град заложен!»
 Танцуют штанцевальные тени, сварка искрит,
 горбатимся мы —
 Есть двадцать видов реголита и тысячи видов лунной тьмы,
 Тысяча видов темноты и в ботинки льющийся хлад ледяной;
 Лунный пейзаж уныл, но только под ним уныло так,
 что хоть вой!

Мы выдолбили штольню, укрепили своды
«пальмактом» и «глю»,
Обтесали лазером плиты для пола, свели зазоры
меж ними к нулю.
Глухая каверна страшна и пустынна, вздымается
арочный потолок,
Гибкие тени на стенах гнутся и выются то вверх,
то вниз, то вбок.
От ботинок до кончиков шлемов костюмы у нас
антрацита черней,
А лунная пыль, чтоб ты знал, браток, смердит,
как тысяча чертей.
Да-да, воняет как будто бы серой, порохом,
сделанным Сатаной,
И, как ни скреби свою кожу, шахтер, теперь этот запах
всегда с тобой.
Мы едим и спим, чистим перья — и обратно в черный проем,
Работа капец, платят гроши, опасно, но только Луна —
наш дом.
Наши ваторы жрали скалы будто голодные грызуны;
На Земле был бы лязг и грохот, а тут —
ничего, кроме тишины.
Не торопясь, провели три штрека, нацелив буры на ядро...
И напоролись на хрень, которая лунное раздолбала нутро.

Эй, владыки Марса, от пыли красного, не от стыда,
Вы умерли, и воскресли, и стали бессмертными навсегда!
Боги спят в разреженном воздухе, слабое «же» им дарит сны;
Митра, господин планет, верни богов войны!

Пастух и владыка астероида, житель отважный гиблых сфер,
Где миллиарды зябнут в юдоли гранитно-пепельных пещер;
Сердце горит, но ты под пятой Улановых словно вошел в транс;
Митра, господин планет, дай Революции шанс!

Эй, владыки Юпитера, холодной псевдозвезды,
Боги полночного космоса, верой своей по праву горды,
Поклянитесь, что поведете нас обратно в вечный Свет!
Митра, именем твоим восстанем, господин планет!

Начертано на борту космического корабля

Создан инженерами,
Чтоб предать пилота
В самой первой битве.

Собирать железо
Вблизи от Солнца
Я был послан.

Железо, что Улановы
Добывают со дна
Колодца гравитации.

Угольною рыбой
Оно на дно осядет
Колодца гравитации.

Из него сотворят
Не товары, не приборы,
Но сам Закон.

Собирать железо
Властители жаждут
С целью неблагою.

Сотворен мечом я,
В белом закален огне,
Охлажден пустотой.

Собирать железо
Послан я со дна
Колодца гравитации.

Угольною рыбой
Оно на дно осядет
Колодца гравитации.

Из него сотворят
Не товары, не приборы,
Но сам Закон.

Поэма Луны (Лукиан, 1969)

Трое мужчин на вершине башни —
Белой и в милю высотой:
Речи странны, и отсчет разлажен;
Небо им стало безумной мечтой.
Фундамент башни треснул мгновенно
Кровавым огнем и ревом «жги!».
Они падали вверх, в объятия Селены,
Земли тяготению вопреки.

*Титанов любовь всегда живет во мне,
Когда я вижу Звезду Земли в окне;
Неужемная пчелка бросить улей должна,
Коль хочет счастья она.*

Двое мужчин добрались до цели
За шесть ночей без единого дня:
Мерзлая плоскость, черные щели,
Безвоздушная западня.
Пыль растолок невидимый пестик,
Сутки длиною как две недели,
В броне и шлемах ютились вместе
В кораблике утлом в форме скудели.

*Титанов любовь всегда живет во мне,
Когда я вижу Звезду Земли в окне;
Нечестивая пчелка бросить улей должна,
Коль хочет счастья она.*

Остались следы на песчаной глади.
О лунная ночь, в черноту одета!
Ты равнодушна к теплу и хладу,
Ты нечувствительна к тьме и свету.
Измерили горы до самых пиков,
Пепельный грунт для сева вспахали,
Смотрела Земля, помрачившись ликом,
Как дети серебряный плод вкушали.

*Титанов любовь всегда живет во мне,
Когда я вижу Звезду Земли в окне;
Бессердечная пчелка бросить улей должна,
Коль хочет счастья она.*

Один же из них отправился прямо
За море, за холм и за все рубежи,
Туда, где небо — тюремная яма,
Где мрак никогда не будет обжит;
Взглянул на безбрежную гладь пустыни,
Куда не ступал человека сапог,—
Одни лишь кратеры в лунной стыни,
Один бездыханный лунный песок.

*Титанов любовь всегда живет во мне,
Когда я вижу Звезду Земли в окне;
Но пчелка без улья будет страдать и умрет,
Как бы ни был высок полет.*

Он был одинок. Он смотрел кругом
На пустошь, бесцветную, словно ил,
И думал: «А стань весь песок стеклом,
Громадную линзу я б заполучил!
Какой бы открылся мне дивный вид
На мир и на весь человеческий род!
Ах, я б увеличил атом любви,
Открыл бы духовный кислород!»

*Титанов любовь всегда живет во мне,
Когда я вижу Звезду Земли в окне;
Но пчелка без улья будет страдать и умрет,
Как бы ни был высок полет.*

Тот, кто безоблачный взгляд обрел,
Знает: видна сквозь вакуум суть.
Тот, кто дальше других забрел,
Прочь от родных устремив свой путь,
В линзе, белеющей, словно иней,
Видит Луны перевернутой пасть.
Радость — парабола: на вершине
Жаждет вернуться, то есть упасть.

*Титанов любовь всегда живет во мне,
Когда я вижу Звезду Земли в окне;
Но пчелка без улья будет страдать и умрет,
Как бы ни был высок полет.*

Кодекс Улановых

Есть люди, которым неизбежный Кодекс Улановых
не по нутру.
Они говорят, мол, наши вожди нас тиранят и нам же врут,
Но я скажу: бедняка с богачом вместе свести —
благородный труд,
Поскольку богач нуждается в лучшей защите!

Нас триллионы, мы здесь повсюду от Юпитера до Венеры;
Трений не избежать, потому нужно принять заранее меры;
Само собой, одни из нас в жизни не перейдут барьеры,
Ну а кто перейдет — вы не взыщите!

Я рос в пузыре в четыре тысячи метров в ширину
В компании всевозможной флоры в вечную квазивесну,
Я вырос с фермерской гордостью, суровой, как в старину
(Потом эта гордость смылась моей кровью).

С хрупкими костями, но длинноног и длиннорук,
Я знал все о садах до того, как издал осмысленный звук.
Светило бы солнце да стена не протекла бы вдруг,
И я бы трудился тяжко, но с любовью.

Наши безногие коровы умели парить и жевать траву,
Все было предельно четко и ясно — кто я и зачем я живу.
«Жить», «любить», «трудиться» одним глаголом я назову,
Он превращает в народ бестолковую свору.

Потом пришли Чужаки. Они хотели наш лед загрести,
Пили наши сливки и виски, ели фрукты до сытости.
Надравшись, отправили всех коров «попасться
на Млечном Пути»
И стали насиловать и убивать нас без разбора.

Вскоре они пресытились, притомились и стали скучать —
Нажрались, напились, натрахались, но главное ведь начать,
И вот они режут наших детей, а дети уже не могут кричать,
И кровь возбуждает лучше любого вина.

Они кайфуют от бойни, глаза горят греховным огнем,
Капли крови в невесомости на лице оседают моим;
А Чужаки пытаются нас: боль — и спорт, и награда в нем;
И чашу агонии пьет мой народ до дна.

Они ушли внезапно — и столь же неистово, как пришли;
Нас было пять тысяч, мы свой мир от чужих не уберегли;
Из сотен выживших каждого либо резали, либо жгли,
И, кроме меня, никто из семьи не спасся.

Одни говорили, нужно бежать, другие —
 что нужно возделывать сад:
Да превратится в святой компост всякий мертвец,
 сестра или брат,—
Один я твердил: предайте Закону тех, кто в убийстве виноват,
Один я ушел в итоге на космоторассу.

Помимо прочих злодейств Чужаки разрушили порт и док,
Лишь полтора года спустя торговец залетел в наш мирок;
Я ждал, я пел общинные песни, я исправлял что только мог —
Но сердцем уже летел в далекие сферы.

Упросил довести меня до Хаага; там нанялся на грузовик, Работал полгода, пошел по новой — работать-то я привык; Чего бы ни требовал владелец, мы находили общий язык, Так я стал одним из племени Инженеров.

Откладывал сколько мог, хотя платили мне с гулькин нос,
Кого бы я ни встречал, всем задавал один лишь вопрос
И понял, куда нужно идти, чтобы желанье мое сбылось
И понесли преступники наказание.

Я был на Луне в тот день, когда последний контракт истек,
Сел в капсулу, вздохнул и Солнцу помолился чуток,
Погнал туда, где по Сети СисАдмины гонят Закона ток,
Чтоб рассказать о Чужаков группировке,

Меня мурыжат десять дней, сдирают сбор — сплошной расход,
Но слушают как на исповеди, буквально заглядывают в рот,
А после вручают заверенный ЗИЗдроидом юридический код
«Для иска о компенсации страховки».

Я говорю, мы были бедны, чтобы страховкой себя покрыть,
А я надеюсь на правосудие — так к чему о деньгах говорить?
Это не дело, коль справедливость всякий богач может купить.
Преступность — это бич всей нашей Системы.

Они не глумятся и не ржут, лишь грустно качают головой,
Мол, мы не враги идеализма, какими нас выставляют порой.
Но только закон практичен, а мертвец не вернется домой —
И я уйду, так и не решив проблемы.

Тучи мрачнее, капсулу я в купол Кеплера снова гоню,
Смотрю на слепые звезды и вспоминаю дом и родню,
Думаю, то ли сомой, то ли вином себя вконец опьяню,
Но, благодаренье Ра, трезвею мгновенно.

Как уследишь за триллионами, если ресурсов нет как нет?
Но должен быть выход получше, чем «раскаянья» пустоцвет;
Кто-то обязан знать — и вряд ли это большой секрет —
Как иголку найти в стогу звездного сена.

Смотри: те, кто разорил твой мир, оставили образцы ДНК
(Причем немало), и информация о налете не так уж жалка,
И ты бы призвал их к ответу, если б не... пустота кошелька.
Тут-то мое прозрение и приключилось:

Конечно, были злодеями те, кто сжигал наши дома,
Но они ведь нас наказали! Эта истина пала, как тьма:

Мы заслужили кару, ведь наша вина — пустая сума,
А беднякам не светит справедливость.

Правда в том, что человечество живо только войной.
Кодекс Улановых гласит, и в мире истины нет иной,
Что бедность — худшее злодеянье, то, которое стороной
Обойти нельзя: тут надобно запрещенье.

Улановы бдят за здоровьем Системы множеством зорких глаз,
В семидесяти процентах случаев суд вершится не напоказ,
А лучший способ воздать врагу — отнять его денежный запас.
Так я придумал план великого мщенья.

Десять лет я работал усердней конкурентов и деньги копил,
Создал картель — пусть скромный, но прибыль он приносил;
Тот, кто вставал на моем пути, либо шел в ад, либо мне служил,
И мало кто доводил до открытой схватки.

Я помогал финансово копам, и те на меня не бывали сердиты,
Не возражали, когда я сказал, как хочу наказать бандитов;
Праведность-то от Бога, а вот правосудие — от кредитов,
И их у меня как раз было в достатке.

Одни жаждут богатства, чтоб позабыть про бережливость,
Другие спешат удовлетворить бескрайнюю похотливость,
Я же хотел восстановить попорченную справедливость —
И деньги мне помогли исполнить желанье.

Десять лет я работал и ждал, и, наконец, звезды в небе сошлись.
Из Чужаков только восемь десятков от смерти убереглись,
Полсотни из них подсели на сому, съехали с глузду и перепились;
Я малò чем мог усугубить их страданья.

Но тех, кто остался в своем уме, я всех до единого изловил;
Каждому лично напомнил, что он с миром моим сотворил
(Злодейств они учинили столько, что каждый второй забыл,
Что за бойню устроил во время оно).

Они скулили, вопили, рыдали, пытаюсь сердце мое смягчить,
Они молили о милосердии, зная, что вправе я их казнить.
Я им сказал: за милосердие надо, конечно же, заплатить —
Деньги лежат в основе основ Закона.

Цена такова: миллион кредитов с носа за каждый прошедший год
В рассрочку, но до последней выплаты —

или пока Чужак не умрет;

Если он вздумает уклониться — гибель быстрее света придет.
Это ярмо судьбы, и его не скинуть.

Они в слезах просили прощенья, но приняли сделку, само собой.
Жизнь научила их самому главному: с сильным

всякий напрасен бой.

Так я обрел рабочую силу, которой мог бы гордиться любой:
Кто не работает — может копыта двинуть.

Улановы с помпой сошли с небес и даже воздали мне похвалу:
Мол, я открыл способ внушить принцип Закона отпетому злу
И превратить злодеев в трудяг, привычных к мирному ремеслу.
Я же доволен солидной прибавкой в бюджете.

Мне дали Серебряную Звезду — есть чем гордиться
в расцвете лет:

С элитой я на короткой ноге, меня как равного принял свет.
Из всех советов я дам лишь один, но это самый мудрый совет:
Не будьте бедными, бедные сукины дети.

Псалом Мак-Оли

Боже, я знаю, космос — лишь тень, что отброшена светом Твоим;
Человеку должно утешиться межпланетным полетом одним.

Некогда в сердце моем был раздор, признаюсь как на духу,
Однако до звезд нас не допустить решено на Самом Верху.

Стяжные крюки, шейки валов и тяга — Господи, благослови;
Вращают сердечник из антиматерии милость и гнев Твои.

Библия — сложный механизм: деталей миллионы в машине той,
И едва ли поймет человек, как они сочетаются меж собой.

Каждый стих и каждое слово взаимодействуют: весь расчет
На то, чтоб в итоге духовный мотор душу отправил в полет.

Параболическая скорость да победит тяготенье греха,
И нас с благодатью состыкует любовь Господня, так сладка!

И как инженер выбирать не волен компоненты корабля —
Пока наладишь одни, другие ржавеют, ломаются и сбоят,—

Так и душа не выбирает из заповедей библейских одну:
Или ты принимаешь всю Книгу, или идешь к духовному дну.

*

Сон не идет — старые кости ломит в теле, от жизни усталом;
Стану на вахту наедине с Господом и корабельным металлом.

Гудят двигуны: сто дней в корабле, тягой
и скоростью напряженном,
Мы рассекаем континуум где-то меж Солнцем Твоим и домом.

Плачется вал: «Не выдержу больше!»; расшатались ангелы-дюзы;
Двадцать миллиардов миль пути любому
покажутся тяжким грузом.

Вокруг совершенный Божий мрак, чернее черного, глаз морочит;
Мистическое ничто, бесконечность Самого Древнего Дня —
ночи.

Меня сменит Фергюсон. Он три года отдал
на милость космопутей.
На Марсе, в доме за куполом его ждут жена и двое детей.

Он истосковался по дому — и кто из нас может его упрекнуть?
Слишком долго длится контракт, и каждому хочется отдохнуть.

Меня же никто и нигде не ждет, хоть медленно,
хоть быстрее лети,
С тех пор как тридцать лет назад Мия Чун ушла к Тебе, Господи.

С той поры я вижу: посредник Твой — не вакуум и не пустота,
Но благоговейная беспредельность вселенского черного цветка.

Чаше других вспоминаю Мкоко, познавшего космоса благодать:
Если тело его найдут, межзвездная гонка начнется опять.

Но Бог не даст свершиться такому, и будет мой не напрасен труд!
Пусть кругами летает вовеки в космической тьме
его хладный труп.

Он там не один: на космопутях мало ли мрачных
мертвецких орбит,
Жалких и неприкаянных грузов, которых никто уж
не вознаградит?

Когда горел «Новый Аполлон» — что толку было в нашем пути?
От Венеры к Нептуну по эллипсу — и обратно к Земле мы летим,

Но толку? Причалили к Орбитали, ждали команды выходить,
И вспыхнул пожар, и многих из нас успело пламя испепелить.

А Торговцы вежливы. Вот Иванов — подойдет, бывало, и скажет:
«Инженер Мак-Оли! Как там у нас тахионная тяга — пашет?»

Ему не дается технарский жаргон — но что мне все их манеры,
Коль можно пахать в полную мощь? Я в Доме —
глава Инженеров.

«Нянчишься с тягой? — мне твердят. —

Ты был в Кейпе звезда физтеха!
Синяя ленточка, „наша надежда“ — что, это лишь для смеха?

Всепланетно известный уже в универе,
топ-спец по тахионной тяге, —
Как ты променял такую карьеру на жизнь инженера-бродяги?»

Да, у меня была куча грантов, я мог оставаться лучшим донине,
Но разглядел, что дьявол хочет меня подцепить
на крючок гордыни.

Я бросил космошколу Кейпа, ушел прямо с лекции, налегке,
И подписал контракт на полвека на космическом грузовике.

Начинал как помощник заправщика, отвечал за топливопровод
На старых дырявых ведрах, ведомых пилотами старой школы.

Десять в секунду — максимум, на котором жестянки
могли ползти:
Подумать только — сегодня тягач мчит на пятидесяти пяти!

А скоро будем летать быстрее — вот путь мы прошли какой!
Нет, в машинах я не сомневаюсь: только как же быть с душой?

Космической скорости предел положили континуум и Господь:
Лишь дураки лезут вон из кожи, чтобы этот предел обороть.

Я забирался далеко, мой путь тоже можно измерить в «це» —
Два световых года... Повсюду я видел свет на Твоем лице.

Ты был со мной днем и ночью. Той сшибки мне не забыть вовек,
Когда нераспознанный космомусор расколол
наш главный отсек

И рой осколков быстрее пуль весь корабль насквозь прошел:
Двадцать пробоин в корпусе и декомпрессия — вой баныши;

Пламя, тревога, паника; Энсон, бездыханная и без ног,—
Грамм космического льда мгновенно ей подписал некролог.

Кровь ее вытекла и клубится, кабину застлала красная мгла,
И я ощущаю дьявольский дух Гога-Магога, дыхание зла.

И я молюсь, опять и опять — словом и делом; слово — одно,
Но лучшая из молитв Тебе — работа: деяние истинно.

Латаю дыры, ровняю курс, двигатели запускаю вновь;
Не отвлекаюсь, чтобы стереть с костюма моих товарищей кровь.

В жизни не видел, чтоб корабли оживали после аварий таких:
Это было бы невозможно, если б не воля чудес Твоих.

Чем я Тебе воздал, мой Боже? До Орбитали домолотил,
Принял душ, выжрал ящик виски, шлюху нашел и ей заплатил.

Шрамами от тогдашних ожогов руки покрыты мои и спина,
Но хуже шрамов то, что внутри душа моя неизбывно черна.

Грех мой в ядерном пламени Солнца не сгорит до скончанья дней;
Всей и надежды, что затеряться в звездной безмерности Твоей.

Пятьдесят пять лет прегрешений: «Аполлон», и «Геспер», и «Пак».
Хватит ли Божьей милости, чтоб искупить мой внутренний мрак?

Рейсы, в которых я дрович месяц подряд, не зная стыда,
Годы, когда в каждом доке меня поджидала грехов гряда.

Ночи, когда я смотрел на друзей, гневом и завистью исходя,
Ненавидел всю их любовь и в ярости, слеп, забывал Тебя.

Вычеркни, Боже, часы порока, когда на суше чернела душа —
Под сомой, в «Лунарии» в Патавейо, мысль притупляя и греша.

Хуже всего, что я сделал, Боже, — гордыни и богохульства грех.
Десять лет механиком в трюме: внутри и снаружи чернее всех.

Я видел, как строились города на Сатурне под великим кольцом,
И был очарован тем, как сияют игрушки рождественским венцом.

Отвергая темную сторону, ты растворяешься в чудесах:
Звезды сверкают — искры от сварки в черных нефтяных небесах.

Я проглядел весь иллюминатор, ища созвездия в пустоте,
Ища те звезды, к которым (я думал) мы обязаны полететь.

Гордыня, чистая гордыня! Весь космос славит лишь волю Твою.
Ты устанавливаешь пределы человеку и муравью!

Ослушание и кошунство — скорость света превозмогать!
Ты сделал ее такой, не иной, и человеку ль Тебя упрекать?

Яснее ясного твой завет: у Солнца жить — вот людей удел.
Но на орбите Сатурна вкрадчивый голос беса мне спел,

Обманный, ласковый: «Эй, Мак-Оли! Видишь звезду? Она твоя! Ты инженер, сделай же так, чтоб к ней устремилась твоя ладья!»

Тихо, без спешки и похвальбы, голос тек в уши, как цемент, И застывали холодные факты, собой подкрепляя аргумент:

«Пусть дело займет два поколения —
должно решиться наверняка!
Господа почитай Многомерного, плюнь на Медленного Божжа.

Новых Элевсинских мистерий познай стремительный хоровод!
Сверхсветовая скорость ждет тебя —
так сорви этот сладкий плод!»

*

В корабле миллион деталей, ведущих слаженный диалог;
Библия столь же сложна, как машина, и не зря ее создал Бог.

Начало ясно: «Да будет свет». Благая Книга дает сигнал:
Бог сотворил Вселенную — и скоростью света ее сдержал.

Свет! То же самое, что и Бог: общепризнанная святыня:
Глас, что нашептывает иное,— это греховная наша гордыня.

Но мне едва ли стукнуло двадцать, я от грез вконец отупел
И кайфовал при мысли о том, что «це» — это вовсе не предел.

Та мысль лучилась во мне авророй, меня пронизывала собой:
Меня искушали уже не речью, но неименуемой новизной...

Тебе мои ведомы ум и сердце, Ты знал, как низко я паду...
Второй инженер на «Геспере», но первый, увы, в аду!

Меня озарило как молнией, ударившей ниотколе:
Надо перекрутить сингулярность внутри бергсонова поля —

И создать вторую грав-струнную оболочку с обратным спином
(Субквантовая инерция ей станет отличным трамплином).

Когда оба порога Хокинга к «це» приблизятся микротрением,
Перекрестная гравитация пузырю придаст ускоренье!

А внутри конверта — корабль! Он тяжелой броней одет,
Замер в точке, где сил скрещенье обе силы сводит на нет.

А внутри корабля — экипаж, людские души обоих полов,
Адамы и Евы, блазнимые змеем моих премерзких грехов:

Они б долетели до звезд за недели — не за века, вернее,
Они преступили бы Божий Закон — деяния нет дурнее.

Я был молод, я был порочен, я не видел второго дна,
Потому я решил заработать, чтоб проект оплатить сполна.

Лишь недавно свершились битвы великих Торговых домов.
Lex Ulanova был в новинку: справедлив, но жесток и суров.

По-любому в бюро патентов я заявку подать не рискнул;
Проработал втайне все схемы, никому ничего не сболтнул.

О богатстве грезя, не думал человекам секрет подарить.
Тогда я считал, что алчен; на деле вела меня Божья нить.

Ты меня направлял десницей, о бедных ногах заботясь моих,—
От хлада Сатурна до зноя Венеры дорогой печалей немых

Прибыл «Геспер» в сельхозуголья: сотни тысяч зеленых сфер
Парят вокруг Солнца, купаясь в свете,
лишенном бесовских скверн.

Десять миллионов тонн белка с фермерских мы увезли равнин
По незримой дуге к лунно-земной станции
в точке Лагранж-А1.

До тахионной тяги все грузы перевозили тихо-спокойно,
И я в пути размышлял, может ли умное быть достойным,—

И первые строки Библии передо мною предстали зримо:
«Я создал космос из света, и да будет он нерушимым».

Дремал в каюте, пьян, изможден и сомнениям сопричастен:
«Лучше себя ослепить, чем глядеть на звезды
с греховной страстью!»

Но возражает другой голос: «Эти дороги в космос ведут,
Чтоб был человек парящим орлом — не жабой,
застрявшей в пруду!»

Бог и дьявол бьются во мне за душу, и я понимаю, что влип,
И правой рукой сжимаю работу всей моей жизни —
один инфочип.

Один лишь чип: только на нем — схема сверхсветового скачка;
Ересь и грех под маской нейтрального математического языка.

Уничтожить ли чип — или открыть людям тайну, и пусть летят?
Убьют мои действия Дух Святой — или же мертвых воскресят?

Вдруг я слышу сигнал тревоги, кто-то бежит, потом — шарах!
Взрыв стоп-поля мгновенно разносит двигатель в пух и прах.

Управляющие программы мерцают и гаснут; корабль плох;
Электроэнергия исчезает; тьма застает меня врасплох.

Мкоко мертв — он погиб при взрыве; Вэй Ху-чо накрыло волной;
Воздух уходит, тепло вместе с ним, скорость близится к нулевой.

Повсюду — тьма, она чернее души, лишенной Божьих огней;
Космос вовне черен как смерть, но все же внутри душа темней.

Мы как раз проходили мимо Луны с бессолнечной стороны:
Ни один фотон не нарушил пространства необоримой тьмы,

Пока мы не вылетели навстречу ясной солнечной белизне,
И я Твоей милостью при свете не осознал, что делать мне.

Светил один лишь иллюминатор, и я, о чуде Тебя моля,
Понял: нельзя терять ни секунды ради спасения корабля.

Сдвинул ручную переборки (пизомоторы взрыв погубил)
И вместе с мейнфреймами В и С корневую сеть перезагрузил.

Спас корабль и все наши жизни (только Мкоко погиб в огне) —
Все потому, что Солнце Господне живительный свет явило мне!

После, готовя тело Мкоко для космических похорон,
Я запрятал свой инфочип в его «покойнический балахон»:

Обрызгал труп особым составом и запечатал чип внутри,
Поскольку не мог его уничтожить — Боже, гордыню мою смири!

Но я хоть знал, что обязан сдаться, что мне нельзя идти до конца:
Твой свет осветил мой грех — спасибо,
что не отвратил от меня лица.

Начни с нуля, одолей матчасть! За воспоминания уцепись!
Скинь с небес старика Эйнштейна, хотя бы теорией поделись!»

Снедаем гордыней, я похвалялся тем, сколь планы мои велики.
Лучше б я вырвал язык ради Бога, себе отрезал обе руки!

«Поведай, как покорить континуум,
дай человеку межзвездный рай;
Не совершай такого злодейства, наше грядущее не отнимай!»

Я мог бы сказать им: есть инфочип — он витает незнамо где,
Спрятан в саване трупа, могилу обретшего в пустоте;

Хотите — ищите, но только знайте: вам вовек не сыскать ничего;
Всякая тварь в нашем Солнечном царстве подчиняется воле Его.

Да, с точки зрения физики способ есть — но он не благ.
А Бог ревнив и потому нуждается в братстве верных служак.

Инженеры — вот Его присные! Кто знает Закон так, как они?
Нам введом Божья заповедь: здесь летай — а дальше ни-ни.

Содержание

Часть I. В ЯЩИКЕ	8
Часть II. БСС-ПРЕСТУПЛЕНИЯ	133
Dramatis Personae	133
1. Загадочное убийство лакея	135
2. Полиция	151
3. О пользе сновидений	158
4. Загадка шампанской сверхновой	166
5. Мисс Джоуд	178
6. Врата из рога и врата из слоновой кости	200
7. Расследование начинается	216
8. Глубокое синее море «почему»	250
9. Ева действует	266
10. Гравитация или вина?	281
11. Снова мисс Джоуд	296
12. Бегство	307
13. О множествах	321
14. Третья буква алфавита	333
Часть III. НЕВОЗМОЖНАЯ ПУШКА	358
1. Загадка неисправного ЗИЗдроида	358
2. Кошмар на Гидеоне	375
3. Дунронин	390
4. Бар-ле-дюку приходит конец	407
5. Поиски	427
6. Исчезающая пуля	441
7. К Гарланду 400	448
8. Гнев Дианы	451
9. Решая загадку	468
10. На борту «Biblioteka 4»	482
Кода	502
Глоссарий	503
Благодарности	509
Байки Стеклянного Джека	511

Робертс, Адам

Р58 **Стеклянный Джек (История в духе Золотого века /Адам Робертс.— Москва: Издательство АСТ, 2018.— 540, [1] с.— (Мастера научной фантастики).**

ISBN 978-5-17-106576-8

Что бы ни случилось, читатель, запомни: убийца — Стеклянный Джек, даже если преступление невозможно, даже если все улики указывают на другого. И в аристократических орбитальных особняках, и в трущобных пузырях пояса астероидов знают, что для Стеклянного Джека нет ничего невозможного. Его не остановят ни стражи порядка, ни вакуум, ни абсолютный холод, ни правительство, ни всемогущие, генетически модифицированные, корпоративные семейства, ни Закон, регулирующий каждый вздох любого гражданина.

И потому не стоит удивляться, что, когда Солнечную систему потрясли слухи о технологии, позволяющей перемещаться быстрее скорости света, в них тоже оказался замешан Стеклянный Джек. Разве мог самый опасный, жестокий и умный преступник XXVI века пройти мимо того, чего по законам физики просто не может быть?

Литературно-художественное издание

16+

**А Д А М
Р О Б Е Р Т С**

С Т Е К Л Я Н Н Ы Й Д Ж Е К

Ведущий редактор *Николай Кудрявцев*
Художественный редактор *Юлия Межова*
Технический редактор *Валентина Беляева*
Компьютерная верстка *Ольги Савельевой*
Корректор *Валентина Леснова*

Подписано в печать 20.10.17.
Формат 84 х 108 ¹/₃₂. Услеч. л. 28,56.
Тираж 2000 экз. Заказ № 10122.

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 1; 953000 — книги, брошюры

ООО «Издательство АСТ»
129085, г. Москва, Звездный бульвар,
д. 21, строение 1, комната 39

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в АО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

Что бы ни случилось, читатель, запомни: убийца — Стекланный Джек, даже если преступление невозможно, даже если все улики указывают на другого. И в аристократических орбитальных особняках, и в трущобных пузырях пояса астероидов знают, что для Стекланного Джека нет ничего невозможного. Его не остановят ни стражи порядка, ни вакуум, ни абсолютный холод, ни правительство, ни всемогущие, генетически модифицированные, корпоративные семейства, ни Закон, регулирующий каждый вздох любого гражданина. И потому не стоит удивляться, что, когда Солнечную систему потрясли слухи о технологии, позволяющей перемещаться быстрее скорости света, в них тоже оказался замешан Стекланный Джек. Разве мог самый опасный, жестокий и умный преступник XXVI века пройти мимо того, чего по законам физики просто не может быть?

ISBN 978-5-17-106576-8

9 785171 065768

www.astrel-spb.ru